

ISSN 2218-5119

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЦЕНТР СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И КРИМИНАЛИСТИКИ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

2/32

ВОПРОСЫ

КРИМИНОЛОГИИ, КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

сборник научных трудов

Минск “Право и экономика” 2012

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

Сборник научных трудов

№ 2 (32), 2012

Редакционная коллегия:

Председатель редколлегии,
главный редактор –

*Дулов А.В., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь*

Зам. председателя редколлегии,
зам. главного редактора –

Пономаренко Ю.В., кандидат юридических наук

*Басецкий И.И., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь*

*Ермолович В.Ф., доктор юридических наук,
член-корреспондент Академии военных наук РФ*

Зорин Г.А., доктор юридических наук, профессор

Мухин Г.Н., доктор юридических наук, профессор

*Порубов Н.И., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь*

Хомич В.М., доктор юридических наук, профессор

Шабанов В.Б., доктор юридических наук, профессор

*Ревинский В.В., доктор технических наук, доцент,
лауреат Государственной премии СССР*

Рылова Т.Б., доктор геолого-минералогических наук

Цыбовский И.С., кандидат биологических наук

Михайленко Г.В., кандидат юридических наук

Шукан Л.А., кандидат биологических наук

Кривицкий А.М., кандидат технических наук

Дода И.Г., кандидат филологических наук

Бочарова О.С., кандидат юридических наук

Шумак Г.А., кандидат юридических наук

Куприянова А.А., кандидат юридических наук

Мороз И.А., кандидат юридических наук

Ответственный за выпуск **Силивончик И.А.**

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 26 на основании пункта 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим специальностям: 12.00.08 (уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право); 12.00.09 (уголовный процесс); 12.00.12 (криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность).

5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

23

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

61

КРИМИНОЛОГИЯ

79

КРИМИНАЛИСТИКА

129

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

187

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

205

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ И КОМПЛЕКСОВ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ермолинский П.М.

канд. юрид. наук, доцент

Международный университет «МИТСО»

Субъективная сторона преступления – это совокупность признаков, характеризующих внутреннюю сторону общественно опасного деяния, т.е. психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям. К признакам, образующим субъективную сторону преступления, относятся вина, мотив и цель совершения преступления.

Законодатель и судебная практика всегда исходили из принципа возможности уголовной ответственности лишь при наличии вины лица, его совершившего. В статье 26 Конституции Республики Беларусь указано, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Соблюдение этого принципа требует тщательного

исследования содержания субъективной стороны преступления, четкого определения формы и вида вины. Это касается и преступлений, связанных с загрязнением земель, вод, атмосферного воздуха и леса.

Однако исследования прошлых лет свидетельствуют, что субъективная сторона экологических преступлений не подвергалась глубокому изучению. По данным Э. Н. Жевлакова, из 250

выборочно исследованных уголовных дел об экологических преступлениях, субъективная сторона преступления анализировалась лишь при рассмотрении 62 (25 %) [1]. Это объяснялось следующими причинами:

- процесс установления и доказывания признаков субъективной стороны, как правило, более сложен, чем процесс доказывания объективных обстоятельств;
- со стороны ряда практических работников правоохранительных органов наблюдалась недооценка значения субъективных признаков преступления как факторов, оказывающих существенное влияние на его квалификацию и на назначение наказания;
- определения умысла и неосторожности не охватывали всех возможных вариантов

Аннотация

Определение субъективных признаков преступного загрязнения окружающей среды имеет большое значение как для квалификации рассматриваемых преступлений, так и для решения вопросов о применении мер уголовной ответственности к лицам, совершившим такие преступления. Полное и всестороннее установление признаков, характеризующих субъективную сторону преступления, – необходимое условие правильной квалификации преступления, определения степени общественной опасности деяния и лица, совершившего его, и, следовательно, индивидуализации ответственности.

интеллектуально-волевых процессов, связанных с совершением преступления, что не всегда позволяло провести четкие границы между различными модификациями умышленной и неосторожной вины [2].

Введение в действующий Уголовный кодекс (далее УК) Республики Беларусь достаточно полных дефиниций, касающихся вины, способствует и тому, что в практике применения его норм, в том числе предусматривающих ответственность за экологические преступления, субъективная сторона преступлений установилась достаточно четко.

Вина – основной и обязательный признак субъективной стороны любого преступления. Она имеет определенное социально-психологическое содержание. Социальный аспект вины – лицо осознает или имеет возможность осознавать социальную значимость своих действий, т.е. обладает способностью правильно оценивать свое поведение как социально опасное или как социально полезное. Психологический аспект вины – лицо признает фактическую сторону своего поведения, т.е. обладает способностью адекватно реагировать на ее изменения, управлять своим поведением сообразно обстоятельствам.

Анализ принципов уголовного закона и уголовной ответственности, закрепленных в ст. 3 УК Республики Беларусь, позволяет сделать вывод, что принцип личной виновной ответственности является одним из основополагающих. При этом лицо подлежит уголовной ответственности только за те, предусмотренные Уголовным кодексом, совершенные им общественно опасные деяния (действие или бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установленна его вина, т.е. умысел или неосторожность.

При анализе субъективной стороны рассматриваемых преступлений необходимо не только основываться на общепринятых и усовершенствованных в действующем УК понятиях умышленной и неосторожной вины, но также исходить из своеобразной конструкции объективной стороны этих преступлений.

Прежде всего необходимо определить форму вины при совершении преступлений, предусмотренных первыми частями ст.ст. 269, 272, 274 и 275 УК, которые содержат административную преюдицию.

Объективная сторона этих преступлений сконструирована посредством указания на наступившие последствия. Сами деяния находятся за рамками составов преступлений и на квалификацию не влияют. Однако по характеру этих деяний можно установить, умышленно или по неосторожности действовало виновное

лицо. Возникает также вопрос, влияет ли на форму вины содеянного тот факт, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за такие же нарушения.

На наш взгляд, если бы указанные преступления формулировались посредством указания на сами деяния, то вина лица, вновь совершающего подобные деяния после наложения на него административного взыскания, безусловно, была умышленной в виде прямого умысла. Однако в данном случае полагаем, что и неосторожная вина возможна при порче земли, загрязнении либо засорении вод, либо загрязнении атмосферы.

Несмотря на то, что лицо уже привлекалось за такое же нарушение, однако оно вновь могло проявить либо преступное легкомыслие, рассчитывая на определенные обстоятельства, якобы могущие предотвратить возможные последствия, либо преступную небрежность, не предвидя, но обязанное и могущее предвидеть возможные последствия своих деяний.

По нашему мнению, могут быть иные варианты форм вины. Вначале лицо действовало по неосторожности, а после наложения на него административного взыскания – умышленно (с косвенным умыслом).

Анализ 87 уголовных дел Белорусской природоохранной прокуратуры о преступном загрязнении вод, земель и атмосферного воздуха за предыдущие годы, проведенный автором, показывает, что в 90,8 % случаев (79 дел) преступления на территории Республики Беларусь совершены по неосторожности и лишь в 8 случаях (9,2 %) – умышленно. При этом, умышленно все преступления совершались с косвенным умыслом.

В качестве примера умышленного загрязнения вод можно привести дело, расследованное Белорусской природоохранной прокуратурой, о многократном сбросе навозной жижи свиноводческим комплексом колхоза им. Калинина Несвижского района в реки Сновка и Уша.

Д., работая начальником, и Б. – инженером-механиком свиноводческого комплекса колхоза им. Калинина Несвижского района и являясь должностными лицами, ответственными за хозяйственную деятельность и ее результат на комплексе, систематически не выполняли свои обязанности в части организации нормальной работы системы навозоудаления и дальнейшей переработки навоза. На протяжении более года в результате неучтенного водопотребления и применения большого количества воды при навозоудалении методом гидрослива, систематически образовывалось намного большее количество навозосодержащих стоков, чем было предусмотрено проектом. В силу этих причин

чеки-отстойники для навозной жижи переполнялись и происходили аварийные сбросы жижи в реку Сновка. Однако, вместо организации рационального водопотребления, совершенствования и расширения возможностей комплекса по утилизации, обеззараживанию и переработке навозосодержащих стоков, Д. и Б. организовывали и давали прямые указания подчиненным им слесарям на сбросы навозной жижи при угрозе переполнения чеков-отстойников в ливневую канализацию комплекса путем ее перекачки от насосной станции по специально проложенному для этих целей трубопроводу. При этом выпуск ливневой канализации был устроен в начале канала, попадавшего в реку Сновка и специально выкопанного с целью облегчения вытекания навозной жижи в реку. В результате постоянно загрязнялись близлежащие водоемы – реки Сновка и Уша, что привело к причинению существенного вреда всему биогеоценозу, в том числе растительному и животному миру [3].

Анализ субъективной стороны рассматриваемого преступления свидетельствует, что Д. и Б. сознательно загрязняли природные объекты в районе рек Сновка и Уша навозной жижей, предвидели нанесение существенного вреда здоровью людей, народному хозяйству, растительному и животному миру. Не желая этого, они либо допускали негативные последствия, либо относились к ним безразлично.

В качестве примера преступного легкомыслия может служить дело Белорусской природоохранной прокуратуры по факту загрязнения реки Березина в г. Борисове. Материалы данного дела подтверждают, что Ярославским специализированным управлением треста «Гидромеханизация» в черте г. Борисова Минской области производились работы по инженерной подготовке территории микрорайона № 5 путем перемещения песчаного грунта методом гидронамыва. Руководители работ, прорабы К. и Л., неоднократно нарушали технологию намыва, в результате чего во время производства работ произошло разрушение оболочки карты, в которой отстаивалась от взвешенных частиц пульпа и загрязненные воды беспрепятственно стали поступать в р. Березина, что привело к загрязнению вод [4].

В действиях прорабов К. и Л. усматривается неосторожная вина, при которой они, организуя работы по перемещению песчаного грунта методом гидронамыва, сознательно нарушая технологию производства, предвидели возможность наступления общественно опасных последствий по загрязнению вод р. Березина, но без достаточных оснований рассчитывали на их предотвращение.

С преступной небрежностью действовали товарные операторы Д. и Ж. линейной перекачивающей диспетчерской станции (ЛПДС) «Дисна» нефтепродуктопровода Полоцк – Минск, которые, являясь ответственными на трубопроводе за соблюдение заданного технологического режима перекачки и Правил технической эксплуатации магистральных продуктопроводов, не выполнили возложенных на них обязанностей. Получив сообщение об аварийной остановке перекачивающих насосов и их самовольном повторном пуске, в нарушение пункта 3.75 вышеуказанных Правил, они не потребовали немедленной остановки насосов, в результате чего в месте разрыва продуктопровода в районе деревни Неверы Мядельского района Минской области вылилось 798 м³ дизельного топлива, что повлекло за собой порчу и загрязнение земель сельхозугодий и загрязнение вод реки Сервечь и причинило существенный вред народному хозяйству, растительному и животному миру [5].

В действиях товарных операторов ЛПДС «Дисна» нефтепродуктопровода Полоцк – Минск Д. и Ж. усматривается неосторожная вина, при которой они не предвидели возможного наступления общественно опасных последствий по загрязнению природных объектов нефтепродуктами, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должны были и могли их предвидеть.

Анализ субъективной стороны рассматриваемых преступлений требует уяснения вопроса о сложной вине. Понятие сложной вины впервые законодательно закреплено в ст. 25 УК Республики Беларусь, хотя в теории уголовного права оно существовало при неоднозначном отношении ученых к его пониманию. В качестве иллюстрации сложной (двойной) вины в учебной и иной литературе нередко приводился состав умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. Однако в литературе высказывалось мнение, что сложная вина может быть и в других преступлениях, например, умышленное нарушение каких-либо правил, повлекших по неосторожности указанные в законе последствия.

В статье 25 УК наличие сложной вины законодатель связал лишь теми случаями, когда умышленно совершается преступление, но по отношению к его последствиям, которые повышают уголовную ответственность, лицо действует по неосторожности.

По нашему мнению, законодатель односторонне подошел к пониманию сложной вины, оставив без правовой оценки те преступления, когда имеются разные формы вины к деянию

и последствиям, с которыми не связана повышенная ответственность.

Согласимся с авторами, которые признают наличие двух моделей преступлений с двойной формой вины:

– умысел по отношению к деянию (или первичному последствию) и неосторожность по отношению к последствию, с которым закон связывает повышенную ответственность;

– умысел по отношению к деянию (нарушению правил) и неосторожность по отношению к последствию, не влекущему повышенной ответственности (основной состав). В данном случае, как правильно подчеркивается в литературе, отношение к последствию может быть только в форме преступного легкомыслия, поскольку, если лицо умышленно нарушает какие-либо правила, оно не может предвидеть возможные общественно опасные последствия. Оно лишь легкомысленно рассчитывает на предотвращение таких последствий [6].

Концепция, заложенная в ст. 25 УК Республики Беларусь, не охватывающая другие варианты сложной вины, затрудняет решение вопроса, каким по субъективной стороне является то или иное преступление: умышленным или неосторожным. От этого зависят многие правовые последствия его совершения, в частности, отнесение преступления к той или иной категории в соответствии со ст. 12 УК, назначение наказания за содеянное, решение

вопросов об освобождении от уголовной ответственности и наказания, определение вида исправительного учреждения при назначении наказания в виде лишения свободы, о погашении судимости и т.п.

Рассматривая субъективную сторону преступлений, предусмотренных ст.ст. 269, 272, 274 и 275 УК, мы учитываем и второй вариант сложной вины, что непосредственно влияет на определение характера преступления по субъективной стороне в целом.

Подводя итог рассмотрению субъективной стороны преступного загрязнения земель, вод, атмосферного воздуха или леса, следует сделать вывод, что вина за рассматриваемые преступления может быть выражена в форме как умысла, так и неосторожности. В ряде случаев имеются варианты. В первом варианте неосторожность (легкомыслие или небрежность) направлена к первичному последствию и неосторожность (легкомыслие или небрежность) – ко вторичному последствию; во втором варианте умысел (прямой или косвенный) направлен к первичному последствию, а неосторожность (легкомыслие или небрежность) – ко вторичному последствию, т.е. имеет место сложная форма вины. Сложная форма вины возможна в тех случаях, если отношение виновного характеризуется неосторожностью и к последствиям, с которыми закон не связывает повышенную ответственность.

Список использованных источников

1. Жевлаков, Э.Н. Экологические преступления: понятия, виды, проблемы ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Э.Н. Жевлаков; Моск. юрид. ин-т. – М., 1991. – С. 27.
2. Рарог, А.И. Вина в советском уголовном праве / А.И. Рарог. – Саратов, 1987. – С. 6–7.
3. Архив Белорусской природоохранной прокуратуры. – Д. 1П-90/16719. – Т. 2. – С. 47–49.
4. Архив Белорусской природоохранной прокуратуры. – Д. № 12-ПР 91. – Т. 1. – С. 37–38.
5. Архив Белорусской природоохранной прокуратуры. – Д. № 2П-92/16215. – Т. 2. – С. 63–65.

6. Пудовочкин, Ю.Е. Содержание субъективной стороны в преступлениях с двойной формой вины / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2000. – № 4. – С. 80–83.

Дата поступления: 30.10.2012

Annotation

Determination of subjective signs of criminal environmental pollution plays an important role as for the crime qualification so for the solution of questions about taking appropriate criminal-law measures to the criminals. Detailed establishment of features which characterize the mens rea of the crime is a necessary condition for the appropriate qualification of crime and degree of social danger, it means its individualization.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕР
ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ*****Шевелева С.В.**

канд. юрид. наук, доцент

Юго-Западный государственный
университет г. Курск**Аннотация**

В правовой литературе подвергается критике признак принудительности воспитательных мер, изложенных в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Являясь по содержанию воспитательными, не все эти меры по характеру принудительные. Российское уголовное законодательство закрепляет пять видов принудительных мер воспитательного воздействия. Детальный анализ каждой в отдельности позволил выдвинуть тезис о необходимости исключения из уголовного закона отдельных воспитательных мер, предусмотренных ч.2 ст.92 УК РФ.

Одним из спорных в теории вопросов является вопрос о правовой природе принудительных мер воспитательного воздействия. Полагаем, споры вызваны тем, что эти меры законодательно не отнесены ни к наказанию, ни к иным мерам уголовно-правового характера. Этому также способствует отсутствие законодательного определения понятия и целей принудительных мер воспитательного воздействия. Мнения авторов в решении данного вопроса расходятся. Одни рассматривают их как особую форму реализации уголовной ответственности [1, с. 23], другие – как альтернативу уголовному преследованию и альтернативу уголовной ответственности [2, с. 256 – 258], как альтернативу уголовной ответственности и наказанию [3, с. 32 – 34], как меры безопасности, располагающиеся за пределами уголовной ответственности [4, с. 14], как вид наказания [5, с. 113 – 115] и др.

Интересно мнение И.А. Клепицкого о том, что принудительные воспитательные меры «...не входят в содержание уголовной ответственности, когда применяются в связи с освобождением от уголовной ответственности, и входят – когда применяются в связи с освобождением от наказания. Причем в последнем случае в силу ст. 86 УК несовершеннолетний одновременно освобождается и от судимости. Поэтому в содержание уголовной ответственности входит лишь акт применения их судом, но не их исполнение» [6, с. 26].

По мнению В.С. Егорова, особым средством предупредительного характера являются меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, основанием реализации которых является девиантное поведение подростков, нередко связанное с нарушением законодательных предписаний [7, с. 16 – 17]. Автор считает, что меры воспитательного характера не являются юридической ответственностью, так как являются альтернативой наказанию, либо применяются к подросткам, совершившим общественно опасные деяния, но не достигшим возраста уголовной ответственности.

По мнению В.С. Егорова, особым средством предупредительного характера являются меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, основанием реализации которых является девиантное поведение подростков, нередко связанное с нарушением законодательных предписаний [7, с. 16 – 17]. Автор считает, что меры воспитательного характера не являются юридической ответственностью, так как являются альтернативой наказанию, либо применяются к подросткам, совершившим общественно опасные деяния, но не достигшим возраста уголовной ответственности.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (шифр проекта №6.4488.2011)

Частично соглашаясь с указанной точкой зрения, хотелось бы отметить, что превентивные меры применяются тогда, когда субъект не преступал законодательный запрет, а только может нарушить закон, тогда как юридическая ответственность действует только регрессивно, т.е. после нарушения какой-либо нормы. Следовательно, принудительные воспитательные меры для несовершеннолетних к превентивным отнести нельзя, однако, юридической ответственностью они тоже не являются, так как действительно применяются вместо наказания и направлены на обеспечение надлежащего поведения лиц подросткового возраста с отклоняющимся поведением и на предотвращение возможности совершения новых преступлений. По нашему мнению, их следует отнести к *пресечению, как форме государственного принуждения*.

Особого внимания заслуживает мнение авторов, утверждающих о педагогической природе этих мер, а не правовой. Так, Н.П. Мелешко пишет: «применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему за деяния, запрещенные УК РФ, не рассматривается как уголовное наказание (ст. 87 УК РФ), поэтому эти лица не являются преступниками, а их деяния – преступными» [8, с. 130 – 142]. Следовательно, автор предполагает, что данные меры являются чисто педагогическими.

Представляется, что меры воспитательного воздействия имеют бинарную основу: в них сочетаются и юридические и педагогические элементы воздействия. Но опора их, все же, правовая. Во-первых, они применяются за совершение преступления. Во-вторых, эти меры предусмотрены уголовным законом, а механизм их применения регламентируется уголовно-процессуальным законом. В-третьих, решение о применении данных мер в отношении несовершеннолетнего принимается юридическим государственным органом – судом. Такая позиция в правовой литературе является господствующей [3, с. 32; 6, с. 526].

В правовой литературе подвергается критике признак принудительности воспитательных мер, изложенных в ч.2 ст. 90 УК РФ [9, с. 164 – 165]. Полагаем, что эти все эти меры по своему содержанию являются воспитательными, а по характеру исполнения далеко не каждая является принудительной.

Как мы знаем, в УК РФ закреплены пять видов принудительных мер воспитательного воздействия. Содержание четырех из них (предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; воз-

ложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего) раскрывается в ст. 91 УК РФ. Пятый, наиболее строгий, вид принудительных мер воспитательного воздействия – помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – описывается в ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Предупреждение как принудительная воспитательная мера состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений. Очевидно, что подобное разъяснение не имеет признаков принуждения, так как не предполагает возложение на несовершеннолетнего никаких обязанностей. К тому же, в силу своего одномоментного характера при самостоятельном применении этой меры исключается возможность ее отмены (ч. 4 ст. 90 УК РФ) [10, с. 130 – 135]. В ст. 5 федерального Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [11] говорится, что индивидуальная профилактическая работа осуществляется не только с подростками, совершившими общественно опасное деяние, но и с безнадзорными, беспризорными, занимающимися бродяжничеством или попрошайничеством, употребляющими наркотические средства или психотропные вещества либо употребляющими одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, совершившими правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания. Это означает, что предупреждение не должно являться само по себе принудительной воспитательной мерой, применяемой в рамках ст. 91 УК РФ, т.к. она чаще всего реализуется в отношении подростка с девиантным поведением и до совершения им преступления. В связи с этим полагаем, что рассмотренная мера в уголовном законе является излишней.

Другой принудительной мерой воспитательного воздействия в соответствии с ч. 2 ст. 90 УК РФ является передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Ее суть состоит в возложении на указанных субъектов обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Применение этой меры, так же как и предыдущей, не предполагает возложение на несовершеннолетнего каких-либо обязанностей, т.е. не предполагает принуждения.

На первый взгляд, принудительной она является для его родителей или лиц, их заме-

няющих, либо специализированного государственного органа. Однако, СК РФ указывает на право и одновременно обязанность родителей заботиться и воспитывать своего ребенка. Лица, заменяющие родителей, абсолютно добровольно берут на себя подобные обязательства. Для специализированных государственных органов воспитание подростков с девиантным поведением является базой профессиональной деятельности. Так где же здесь элемент принудительности?

Суд фактически возлагает на родителей (и иных лиц и органы, указанные в законе) те обязанности, которые закреплены семейным законодательством, несколько не увеличивая их или как-либо изменяя. Следовательно, УК РФ дублирует нормы семейного права, придавая им уголовно-правовое значение. При этом ответственности за неисполнение этой принудительной меры воспитательного воздействия указанных лиц не предполагается, видимо, в силу отсутствия механизма контроля за родителями, опекунами или попечителями при ее исполнении.

Прав А.А. Горшенин, указывая, что если несовершеннолетний совершил преступление, значит его воспитание было неэффективным. Тогда какой смысл передавать это лицо под надзор тех же субъектов, с набором тех же прав и обязанностей? Гарантии, что исправление несовершеннолетнего в этом случае будет достигнуто, на наш взгляд, очень невелики [12, с. 54 – 58].

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости декриминализации рассмотренной принудительной воспитательной меры.

Возложение на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред как принудительная воспитательная мера заключается в обязательном возмещении вреда как материального, так и морального.

Признавая в целом воспитательное значение и принудительный характер этой меры, необходимо отметить, что она применима к узкому кругу несовершеннолетних. Во-первых, несовершеннолетний должен иметь самостоятельный доход (стипендия, пенсия, заработанная плата или доход от предпринимательской деятельности – для эмансипированных несовершеннолетних); либо соответствующее имущество; либо обладать необходимыми трудовыми навыками, позволяющими собственноручно устранить причиненный вред (отремонтировать поврежденные вещи, привести в надлежащий вид помещение и др.) [6, с. 600]. Во-вторых, на практике работодатели стремятся не привлекать к трудовой функции лиц с криминальным прошлым. Кроме того, труд не-

совершеннолетних предполагает ряд ограничений по сравнению со взрослыми (например, более короткий рабочий день, запрет на производство ночных работ), «что, естественно, невыгодно работодателю, поскольку выступает для него дополнительным, в том числе и в материальном плане, обременением» [13, с. 14].

Последняя из предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ принудительная мера воспитательного воздействия заключается в ограничении досуга и установлении особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Следует констатировать, что данная мера, по сравнению с рассмотренными, в наибольшей степени соответствует критериям уголовно-правового принуждения. Однако, как отмечает Е. В. Медведев, законодатель в данном случае, так же как и в предыдущем, не называет конкретную меру уголовно-правового характера, а лишь перечисляет некоторые формы ограничения досуга и способы коррекции поведения несовершеннолетнего. Содержание ч.ч. 3, 4 ст. 91 УК РФ больше подходит для описания полномочий, предоставляемых соответствующим органам по надзору за несовершеннолетними, но не подходит для обозначения самих этих мер [13, с. 15 – 16].

Самая строгая принудительная мера воспитательного воздействия также отвечает критериям уголовно-правового принуждения и состоит в помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Следует отметить, что вопрос о юридической природе помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа остается открытым. Т.Ф. Миняева, А.Е. Якубов, Н.А. Ныркова относят ее к самой строгой принудительной мере воспитательного воздействия [14, с. 195]. Ю.Е. Пудовочкин считает рассматриваемую меру самостоятельной формой ответственности несовершеннолетних [15, с. 178]. Не признает помещение в спецучреждение для несовершеннолетних в качестве одной из принудительных мер воспитательного воздействия Н.И. Ветров, который предлагает рассматривать ее как основание и условие освобождения несовершеннолетнего от наказания [16, с. 523]. Ряд авторов полагают, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является одним из видов уголовного наказания [13, с. 14 – 18].

Представляется, что относить исследуемую меру к наказанию вряд ли целесообразно, поскольку она применяется вместо самого строгого вида государственного принуждения.

Не вполне убедительны разговоры и об отнесении помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа к самостоятельным мерам ответственности. В частности, свой вывод Ю.Е. Пудовочкин обосновывает тем, что эта мера не содержится в перечне, указанном в ч. 2 ст. 90 УК РФ, а заложенный в ней объем кары и правоограничений значительно выше по сравнению с другими принудительными мерами воспитательного воздействия. Первый из аргументов не может быть принят потому, что в ч. 2 ст. 90 УК РФ перечислены принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые при освобождении от уголовной ответственности, а смешивать их с таковыми, назначаемыми исключительно при освобождении от наказания, не рационально с точки зрения логической структуры УК РФ. Повышенный же объем правоограничений этой меры связан с более широким кругом категорий преступлений, при совершении которых допускается освобождение. Если при освобождении от уголовной ответственности это исключительно преступления небольшой и средней тяжести, то при помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – в том числе и тяжкие преступления.

14

Поддерживая позицию профессора А.И. Рарога, определяющего помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как самостоятельное основание освобождения от наказания, в то же время являющуюся «особой принудительной мерой воспитательного воздействия» [17], следует сказать, что подобное определение рассматриваемой меры дает возможность подтвердить правильность ее местоположения в УК РФ, обособленность в ряду прочих воспитательных мер в силу того, что она может назначаться только при освобождении от наказания. Другие же меры воспитательного характера могут быть назначены и при освобождении от уголовной ответственности. Исходя из различной социальной функции, предназначения указанных институтов, а следовательно, и объема карательно-воспитательного воздействия, заложенного в каждый из видов освобождения от уголовной ответственности либо наказания, думается, что и принудительные меры воспитательного воздействия, назначаемые при их применении, должны отличаться друг от друга.

Подобную позицию занимает А.С. Автономов, рассматривая помещение несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в разделе «Принудительные меры воспитательного воз-

действия», где указывает: «Согласно части второй статьи 87 УК РФ принудительной мерой воспитательного воздействия является также (помимо перечисленных в части 2 статьи 90 УК РФ) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием» [18].

Автор при этом отмечает, что «данная принудительная мера воспитательного воздействия «является специфической, выделяющейся из общего перечня принудительных мер воспитательного воздействия» [18].

Еще один вопрос, требующий своего уточнения, – это вопрос о сроках нахождения несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении. Уголовный закон определил, что несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на три года (ч. 2 ст. 92 УК РФ). При этом суд может досрочно прекратить либо, наоборот, продлить срок пребывания в специальном учебно-воспитательном учреждении. Пребывание несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа прекращается до истечения срока, если судом будет признано, что несовершеннолетний не нуждается более в применении этой меры, либо если у него выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в указанном учреждении (ч. 3 ст. 92 УК РФ).

Продление срока пребывания в данном учреждении после истечения срока допускается только по ходатайству несовершеннолетнего в случае необходимости завершения им общеобразовательной или профессиональной подготовки (ч. 4 ст. 92 УК РФ).

Таким образом, закон оговаривает лишь максимальный срок пребывания несовершеннолетнего в закрытом учебном заведении. Минимальный срок пребывания в данном учреждении на законодательном уровне не урегулирован. Полагаем, что он не может быть менее 6 месяцев, т.к. в соответствии с п. 31 Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением (далее – Положение) [19] психолого-медико-педагогическая комиссия каждые 6 месяцев рассматривает динамику реабилитационного процесса и вносит коррективы в индивидуальный план работы с воспитанником. При позитивных результатах администрация учреждения вносит в комиссию по делам несовершеннолетних по месту нахождения этого учреждения предложение о досрочном выпуске воспитанника из учреждения. Выпуск воспи-

танника из учреждения закрытого типа производится по решению суда по месту нахождения этого учреждения на основании заключения администрации учреждения. Это обусловлено тем, что в соответствии с нормами Положения специальное учебно-воспитательное учреждение призвано обеспечить коррекцию поведения несовершеннолетнего и адаптацию его в обществе, а также создание условий для получения им начального общего, среднего (полного) общего и начального профессионального образования.

Но возможен и иной вариант развития событий, когда проводимые реабилитационные мероприятия не привели к позитивным изменениям личности несовершеннолетнего. К сожалению, законодатель не предусмотрел в случае нарушения несовершеннолетним правил пребывания в специальном учебно-воспитательном учреждении возможности замены другой, более жесткой, формой ответственности. За совершение противоправных действий, грубые и неоднократные нарушения устава учреждения к воспитанникам могут применяться только следующие меры взыскания: предупреждение, объявление выговора в устной форме или в приказе директора, обсуждение на собрании воспитанников, педагогическом совете учреждения, лишение права выходить за пределы учреждения в воскресные и праздничные дни, каникулярное время, сообщение родителям (законным представителям). Далекое не всегда они могут оказать ожидаемый эффект. На наш взгляд, в случаях систематического нарушения правил пребывания в подобном учреждении, а равно в случае побега из него следует предусмотреть в уголовном законе возможность отмены судом данной меры и применения к несовершеннолетнему наказания.

Наконец, нельзя не затронуть вопрос о порядке назначения рассматриваемой принудительной меры воспитательного воздействия. Напомним, что уголовный закон рассматривает помещение несовершеннолетних в закрытое учебное заведение как альтернативу не любому наказанию, а именно лишению свободы. Таким образом, следуя логике уголовного закона, в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести или тяжкое, суд выносит обвинительный приговор с назначением ему наказания в виде лишения свободы на определенный срок, но, полагая, что имеются основания для применения ч. 2 ст. 92

УК РФ, освобождает несовершеннолетнего от отбывания данного вида наказания с помещением его в указанное учреждение. Если обратиться к нормам уголовно-процессуального закона, то речь в данном случае должна идти именно о постановлении обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Однако Пленум Верховного Суда РФ несколько иначе ориентирует суды и таким образом формирует судебную практику. В п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» говорится, что решение о направлении несовершеннолетнего в специальное закрытое учебное заведение «принимается судом в порядке замены наказания, назначения которого в этом случае не требуется» (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Очевидно, что это разъяснение высшей судебной инстанции противоречит положениям уголовного закона (ч. 2 ст. 92 УК РФ) и должно быть исключено (либо соответствующим образом изменено).

Изложенное позволяет сделать следующий вывод.

Такие принудительные меры воспитательного воздействия, как *предупреждение и передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа* в силу отсутствия дополнительных обязательств, возложенных на нарушителя, *не обладают признаком принудительности*, а потому являются юридической фикцией. При этом, если передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа в принципе, по существу, не решает задач, стоящих перед уголовным законодательством, то предупреждение, как мера воспитательного воздействия, при наличии существующих уголовно-правовых средств, позволяющих в случае необходимости освободить несовершеннолетнего не только от наказания, но и от уголовной ответственности, является излишней. В связи с чем указанные меры воспитательного воздействия необходимо исключить из УК РФ.

Учитывая сказанное, представляется целесообразным внесение в уголовное законодательство некоторых изменений. Необходимо также привести в соответствие с законом и соответствующие рекомендательные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Список использованных источников

1. *Быданцев, Н.А.* Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: моногр. / Н.А. Быданцев. – М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2008. – 159 с.
2. *Головки, Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головки. – СПб., 2002. – 544 с.
3. *Иванов, В.* Понятие и правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия / В. Иванов, П. Иванов // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 32 – 34.
4. *Моисеенко, Я.В.* Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Я.В. Моисеенко; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2006. – 20 с.
5. *Волков, В.В.* Проблемы эффективности наказания в отношении несовершеннолетних в современной России / В.В. Волков // Юристъ-правоведъ. – 2009. – № 4. – С. 113 – 115.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: Инфра-М: КОНТРАКТ, 2004. – VI. – 742 с.
7. *Егоров, В.С.* Понятие, признаки и цели уголовного принуждения: учеб. пособие / В.С. Егоров; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 99 с.
8. *Мелешко, Н.П.* Проблемы совершенствования уголовного законодательства России с учетом международного опыта / Н.П. Мелешко // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. Ломоносова, 29-30 мая 2003 г. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 130 – 142.
9. *Масалитина, И.В.* Особенности уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: учеб. пособие / И.В. Масалитина; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
10. *Щепельков, В.Ф.* Конструирование и применение норм об уголовной ответственности несовершеннолетних / В.Ф. Щепельков // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 128 – 135.
11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. Закон 24 июня 1999 г., № 120-ФЗ в ред. от 03.12.2011 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – М., 2012.
12. *Горшенин, А.А.* Законодательная регламентация принудительных мер воспитательного воздействия / А.А. Горшенин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 – 2. – С. 54 – 58.
13. *Медведев, Е.В.* Понятие и виды принудительных мер воспитательного действия / Е.В. Медведев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 4. – С. 14 – 18.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1996.
15. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / под ред. В.А. Андриенко, Ю.Е. Пудовочкина, И.П. Лесниченко, П.В. Разумова. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 384 с.
16. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999. – 544 с.
17. Комментарий к Уголовному кодексу (постатейный) / (7-е изд., перераб. и доп.) / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2011. – 824 с.
18. *Автономов, А.С.* Ювенальная юстиция / А.С. Автономов. – М., 2009. – 186 с.
19. Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением: постановление Правительства РФ от 25.04.1995 № 420 в ред. от 10.03.2009. // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – М., 2012.

Дата поступления: 10.10.2012

Annotation

Legal literature criticizes the attribute of compulsion of educative measures, contained in the Criminal Code of the Russian Federation. All of these measures are educational, but not all of them are compulsory in fact. The Russian criminal legislation provides five types of compulsory measures of educational effect. The detailed analysis of each type of these measures allows to make the conclusion of the necessity to except some of the educational measures from the p.2 art. 92 of the Criminal Code of the Russian Federation.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ****Житный А.А.**

канд. юрид. наук, доцент

Харьковский национальный университет
внутренних дел МВД Украины**Аннотация**

Анализируются основные теоретические и практические проблемы влияния международно-правовых актов на уголовное право Украины. Определены факторы, определяющие такое влияние и его пределы. Рассмотрены способы и результаты имплементации норм международного права в уголовное законодательство Украины.

Одним из негативных и неизбежных последствий мировой интеграции стала глобализация преступности, которая в новых условиях приобретает новые формы, выходит на международный уровень, продуцирует транснациональные виды незаконной деятельности [1, с. 16]. Поэтому для мирового сообщества сегодня значительно возросла актуальность проблем разработки оптимальной модели глобального правового воздействия на преступность и создания сбалансированной системы международного сотрудничества в «антикриминальной» деятельности. А законодатели многих стран сталкиваются с необходимостью формирования национальной нормативной базы, обеспечивающей эффективное противодействие преступлениям транснационального и международного характера, посягательствам, угрожающим не только национальным, но и международным интересам. Кроме того, государствам, претендующим на признание их правовыми, приходится выверять внутренние нормативные предписания на предмет соответствия содержащихся в них форм и методов правового воздействия международным стандартам соблюдения прав и свобод человека. В первую очередь это касается норм уголовного права, поскольку оно обоснованно считается наиболее репрессивной по характеру и остроте применяемых санкций отраслью, и поэтому находится под особым контролем демократического международного сообщества.

Указанные обстоятельства в науке уголовного права обусловили развитие новых направлений междисциплинарных исследований («на стыке» с международным правом), а в сфере уголовно-правового законодательства – поиск новых подходов к решению вопросов, ранее относившихся к внутренней компетенции государства, но в современных условиях решаемых с учетом требований международно-правовых актов (таких, в частности, как криминализация и декриминализация общественно опасных деяний, допустимые меры уголовно-правового воздействия, приоритеты уголовно-правовой охраны, пределы уголовно-правовой юрисдикции). Можно прогнозировать, что со временем процессы взаимодействия национального уголовного и международного права будут усиливаться, поскольку мировое сообщество в лице универсальных и региональных

международных организаций и объединений активно формирует соответствующую нормативную базу и организационную структуру. На уровне ООН, Совета Европы, Европейского Союза, СНГ и т. п. принимаются многочисленные международно-правовые акты относительно новой отрасли «международное уголовное право», для формирования международных стандартов борьбы с преступностью организуются наивысшего уровня международные форумы (в первую очередь следует отметить проводимые каждые пять лет Конгрессы ООН по вопросам предупреждения преступности и обращения с правонарушителями), создаются международные судебные учреждения с универсальной юрисдикцией (Международный уголовный Суд и др.). По одним лишь вопросам борьбы с международным терроризмом, начиная с 1963 г., мировым сообществом разработано под эгидой ООН 13 международных документов [2, с. 14].

Исследователи считают, что первичной предпосылкой к международным контактам в уголовно-правовой сфере были дефицит в отдельных государствах информационной базы для развития собственной системы права и правосудия, а также интересы ускорения процесса рецепции права и использования уже имеющейся юридической практики других стран [3, с. 12]. Сегодня существует гораздо большее количество поводов для восприятия внутренним уголовным правом предписаний, содержащихся в международно-правовых документах. К примеру, О.М. Броневицкая отмечает необходимость реализации в уголовном праве Украины международных договоров уголовно-правового характера и приведения в соответствии с ними национальных правовых норм связывает с такими факторами, как их взаимосвязь и взаимозависимость; долг государства обеспечивать выполнение в своей правовой системе принятые обязанности по международным соглашениям; цель Украины стать членом Европейского Союза и ратификация государством основных европейских договоров, принятых в рамках этого содружества [4, с. 8]. В исследовании Т.А. Родионовой представлен более подробный перечень обстоятельств, предопределяющих влияние международного права на национальное: тенденции правовой глобализации, ориентирующие государство унифицировать национальное уголовное законодательство; принадлежность государства к международным организациям и его участие в международных конференциях и совещаниях; необходимость сотрудничества государств в оказании противодействия международным преступлениям и преступлениям международ-

ного характера, заключение международных соглашений в целях предупреждения указанных преступлений; невозможность уголовно-правового регулирования общественных отношений только с помощью национального уголовного законодательства; необходимость добросовестного выполнения государством международных обязательств в сфере противодействия преступности; развитие международного уголовного правосудия; необходимость согласования норм внутригосударственного уголовного законодательства с нормами международного права [5, с. 26 – 27].

Кажущийся иногда формальным следованием принципу добросовестности выполнения договоров (он закреплен в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года [6]) учет во внутреннем законодательстве «международно-правовой компонент» зачастую становится впоследствии социально необходимым в силу внутренних общественно-политических причин. Так, в уголовно-правовой науке уже достаточно давно необходимость выполнения обязательств по международным соглашениям признана одним из оснований криминализации общественно опасных деяний [7, с. 206]. Однако его следует связывать не только с формальными соображениями, вытекающими из долга соблюдать международно-правовое соглашение. Практика уголовно-правового правотворчества свидетельствует, что нередко в международных документах определенные формы общественно опасного поведения были идентифицированы как угроза для внутригосударственных общественных отношений ранее, чем осознание необходимости защиты последних произошло на уровне законодательной власти государства. Это можно проиллюстрировать на примере криминализации в Украине торговли людьми. Соответствующие международно-правовые обязательства государства существовали давно (в частности, Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. вступила для СССР в силу еще в 1955 г.), однако реальное их выполнение и имплементация соответствующих положений в национальное законодательство Украины произошло лишь в 1998 г., когда Уголовный кодекс (далее – УК) Украины был дополнен ст. 124-1. Причина этой задержки видится в том, что украинский законодатель длительное время не рассматривал торговлю людьми как реальную опасность для охраняемых уголовным правом государства общественных отношений (хотя, как показывают криминологические исследования, в Украине подобные посягатель-

ства на личную свободу человека начали распространяться уже в первой половине 90-х гг. XX в.). В результате правоохранительные и судебные органы Украины несколько лет не имели возможности противодействовать указанным посягательствам уголовно-правовыми средствами.

Признание авторитета международного права является одним из фундаментальных принципов правовой системы Украины. В соответствии со ст. 9 Конституции Украины и ст. 19 Закона Украины «О международных договорах Украины», действующие международные соглашения, согласие на обязательность которых дано парламентом государства, признаются частью его законодательства и применяются в порядке, предусмотренном для норм национального законодательства [8; 9]. Среди концептуальных основ современного уголовного права Украины содержится требование, в соответствии с которым отраслевое законодательство (УК Украины) основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права (ч. 1 ст. 3 УК) и должно соответствовать положениям, содержащимся в действующих международных договорах, согласие на которые дано Верховной Радой Украины (ч. 5 ст. 3 УК). Однако при этом УК не позволяет решить ряд проблем реализации в уголовной политике и правоприменительной практике международно-правовых обязательств государства (в частности, вопросы оценки целесообразности имплементации подобных положений, способы и пределы такой имплементации, вопросы преодоления конкуренции положений международного права и внутреннего уголовного законодательства). Не созданы и какие-либо формальные критерии отнесения международных норм и принципов к общеобязательным [10, с. 74 – 76] (хотя к таковым, бесспорно, можно отнести положения, которые содержат Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, провозглашенная резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.48 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.66 г., Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.66 г. [11]. Если прямое действие общепризнанных международно-правовых норм и принципов в правоотношениях, регулируемых отраслями национального права (в том числе правом уголовным) вполне возможно [12, с. 327], то возможность непосредственного применения прочих положений между-

народного права во внутригосударственных уголовно-правовых отношениях минимальна. Это объясняется отраслевой спецификой уголовного права, необходимостью жесткого соблюдения в нем требований законности, четкости и формальной определенности запретов (международно-правовые акты не обладают необходимой точностью формулировок), ответственности государства за ограничения прав и свобод, которые применяются в процессе уголовно-правового воздействия (международные документы уголовно-правового характера, как правило, вообще не имеют санкций). Поэтому в данной отрасли настолько значительна роль уголовного закона как источника права. Этот «законоцентризм» отражен и в Основном законе Украины, и в УК, которые формально закрепили сферы приоритета норм национального уголовного права в отношении международного: 1) согласно п. 22 ч. 1 ст. 92 Конституции Украины деяния, являющиеся преступлениями и ответственность за них определяются исключительно законами Украины; 2) в соответствии с ч.ч. 1, 3 ст. 3 УК законодательство Украины об уголовной ответственности составляет только этот Кодекс, и лишь он определяет преступность, наказуемость деяния и иные его уголовно-правовые последствия; 3) в ч. 1 ст. 2 УК основанием уголовной ответственности признано совершение лицом общественно опасного деяния, которое содержит состав преступления, предусмотренного этим Кодексом (а не каким-либо иным актом, в т.ч. международно-правовым). Поэтому в пределах уголовно-правовой юрисдикции Украины вопросы квалификации преступлений, применения наказания и других форм реализации уголовной ответственности не могут решаться непосредственно на основании норм международного права. В подобных случаях процесс реализации (осуществления) норм международного права возможен лишь при помощи национально-правовой имплементации [13, с. 74].

Для уголовного права Украины более характерен способ национально-правовой имплементации, который предполагает изменение действующего уголовного законодательства во исполнение международных обязательств (в специальной литературе он именуется трансформацией или преобразованием). Преимущество именно этого способа заключается в том, что он позволяет учесть особенности национальной уголовно-правовой системы, структуры внутреннего уголовного законодательства, традиции законодательной техники [14, с. 68 – 69]. С их учетом положения международно-правовых актов адаптируются

для того, чтобы имплементированное в отечественный уголовный закон предписание не оказалось чужеродным («мертвой нормой»). Путем преобразования положений международных конвенций в законодательство Украины были введены нормы об уголовной ответственности за пытки (ст. 127 УК), торговлю людьми (ст. 149 УК), легализацию средств, полученных преступным путем (ст. 209 УК), создание преступной организации (ст. 255 УК) и некоторые другие уголовно-правовые запреты.

В уголовном законодательстве Украины известен и такой способ национально-правовой имплементации, как рецепция, при которой норма национального уголовного законодательства текстуально воспроизводит норму международного права (случаи применения рецепции известны лишь при создании норм Особенной части). К примеру, так сформулирована диспозиция ст. 442 УК «Геноцид», которая практически дословно повторяет описание преступления, содержащееся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.

Сравнительно редко способом исполнения норм международного права в уголовном законодательстве Украины выступает отсылка. При этом используется лишь одна из ее форм – отсылка к определенной группе норм международного права [13, с. 60]. Таким образом, были созданы некоторые бланкетные предписания Общей и Особенной частей уголовного права Украины. Это относится к установлению в ч. 4 ст. 6 УК иммунитета от уголовно-правовой юрисдикции дипломатических представителей и других граждан, описанию в ст. 438 УК нарушения законов и обычаев войны и некоторым другим нормам. Следует подчеркнуть, что государство вправе самостоятельно определять способ, объем и пределы имплементации в свое право международно-правовых норм. Это вытекает из принципов государственного суверенитета, защиты национальных интересов, а также из приоритета Основного закона государства над прочими источниками права. В соответствии с ч. 2 ст. Конституции Украины, подписание международных договоров, противоречащих Конституции Украины, возможно лишь после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины. Поэтому некоторые международно-правовые предписания в уголовном праве Украины не позволят реализовать ни один способ национально-правовой имплементации. Так, в ч. 2 ст. 25 Конституции Украины установлено, что гражданин Украины не может быть изгнан за пределы Украины либо выдан другому государству (это предписание повторяется и в ч. 1 ст. 10 УК

Украины). Поэтому даже в тех случаях, когда ратифицированные Украиной международные договоры о правовой помощи признают гражданство запрашиваемого государства факultatивным основанием отказа им в выдаче правонарушителя (как это предусмотрено, к примеру, в ст. 6 Европейской конвенции о выдаче правонарушителей 1957 г., ст. 4 Договора между Украиной и Федеративной Республикой Бразилия о выдаче правонарушителей 2004 г.), для органов власти Украины дискреционный подход к решению этого вопроса невозможен: в выдаче гражданина Украины иностранному государству должно быть отказано в обязательном порядке.

При дальнейшей имплементации в уголовное законодательство Украины международно-правовых норм о борьбе с преступностью следует учитывать сложившиеся традиции правотворчества и особенности национальной правовой системы. Так, для уголовного права Украины характерен принцип персональной уголовной ответственности, в силу которого субъектом преступления и субъектом уголовной ответственности выступает только физическое вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста. С учетом этого принципа сконструировано большинство норм и институтов Общей части уголовного законодательства Украины (о преступлении, наказании, иных мерах уголовно-правового характера, действии уголовного закона, вине и ее формах, соучастии в преступлении, обстоятельствах, исключающих преступность деяния и пр.) и его Особенной части (в ее диспозициях описаны деяния, совершить которые может лишь физическое лицо, а в санкциях – виды и размеры ограничений прав и свобод такого лица).

В этой же связи следует остановиться на вопросе о целесообразности внедрения в уголовное право Украины «альтернативных» мер правового воздействия, в частности, технологий восстановительного (реституционного) правосудия, распространенных во многих странах мира в качестве средств решения уголовно-правовых конфликтов. Соответствующие идеи получают обширную поддержку на международном уровне. Они одобрены многими решениями ООН, в документах которой закреплены базовые принципы осуществления восстановительного правосудия (это Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г., Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г. и др.),

а во многих из них предложены специальные нормы и конкретные рекомендации законодателю (Резолюции Экономического и Социального Совета ООН «Основные принципы применения программ восстановительного правосудия по уголовным делам», «Об основных принципах использования программ восстановительного правосудия по уголовным делам»). Кроме того, стремление Украины к интеграции в Европейский Союз предполагает модернизацию отечественной правовой системы и ее отдельных отраслей в направлении адаптации национального законодательства к законодательству Евросоюза, и в этой связи авторитетным ориентиром для внедрения в правовую систему Украины «альтернативных» мер считаются общеевропейские документы, касающиеся вопросов создания моделей восстановительного правосудия (Решение Совета Европейского Союза от 15.03.01 г. «О месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве» (2001/220/JHA), Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № R (99) 19 от 15.09.99 г. «Медиация по уголовным делам», № R(81)7 от 14.05.81 г. «О путях облегчения доступа к правосудию», № R (85) 11 от 28.06.85 г. «О положении потерпевшего в границах уголовного права и уголовного процесса», № R (2003) 20 от 24.09.03 г. «О новых способах борьбы с преступностью несовершеннолетних и роль правосудия по делам несовершеннолетних») [15, с. 51 – 61]. При этом «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века», принятая на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителя-

ми (Вена, 10 – 17 апреля 2000 г.), призывает к разработке политики, процедур и программ реституционного правосудия, строящихся на уважении прав, потребностей и интересов потерпевших, правонарушителей, общин и всех других сторон [16]. Однако, прежде чем внедрять указанные уголовно-правовые технологии в национальное законодательство, следует прислушаться к замечанию известного специалиста в области уголовного права А. И. Бойко о том, что реституционное правосудие не должно стать «абсолютом» в системе мер уголовно-правового воздействия и превращаться в альтернативу традиционной модели процессуальных разбирательств. Как справедливо указывает исследователь, «карательное, реабилитационное и реституционное начала сегодня должны стать равнозначными и взаимодополняющими компонентами скорого, справедливого и милостивого суда» [17, с. 52 – 53].

Изложенное дает основание для выводов, что, поскольку правоохранительная уголовно-правовая деятельность в большей степени относится к внутренней компетенции государства, реализация международных обязательств Украины в уголовно-правовой сфере в основном может осуществляться путем изменений действующего уголовного законодательства. Поэтому процесс создания в Украине эффективных и действенных национальных мер обеспечения соблюдения международных договоров о борьбе с преступностью невозможен без синтеза положений общей теории права и правотворчества, уголовного права и международного права.

Список использованных источников

1. Голик, Ю.В. Преступность – планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. – СПб. : «Юридический центр Пресс», 2006. – 215 с.
2. Нигматуллин, Р.В. Борьба с международной преступностью в глобализирующемся мире / Р.В. Нигматуллин // Российская юстиция. – 2009. – № 11. – С. 14 – 16.
3. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект: моногр. – М. : Издательство БЕК, 1994. – 296 с.
4. Броневицька, О.М. Відповідність кримінального законодавства України чинним міжнародним договорам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.М. Броневицька. – Львів, 2011. – 18 с.
5. Родионова, Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития: моногр. / Т.А. Родионова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 184 с.
6. Венская конвенция о праве международных договоров // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. – 1986. – № 17. – Ст. 343.
7. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / В.Н. Кудрявцев [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 303 с.
8. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
9. Про міжнародні договори України: Закон України від 29 червня 2004 р. № 1906-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 50. – Ст. 540.

10. Ромашов, Ю.С. Об условиях общепризнанности норм международного права / Ю.С. Ромашов // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всерос. совещания (г. Москва, 24 декабря 2002 г.). – М.: Международные отношения, 2004. – С. 74 – 76.
11. Международные акты о правах человека: сб. документов. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 784 с.
12. Безверхов, А.Г. О принципах взаимодействия международного и национального уголовного законодательства / А.Г. Безверхов // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (29 – 30 мая 2003 г.) / редкол.: В.С. Комиссаров [и др.]. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 323 – 329.
13. Мюллерсон, Р.А. Соотношение международного и национального права / Р.А. Мюллерсон. – М.: Международные отношения, 1982. – 136 с.
14. Субботина, Е.Н. Механизм имплементации международного уголовного права в зарубежных странах и в России: моногр. / Е.Н. Субботина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 216 с.
15. Микитин, Ю. Закріплення основ відновного правосуддя у міжнародно-правових актах ООН та Ради Європи / Ю. Микитин // Відновне правосуддя в Україні. – 2010 – № 1 – 4 (15). – С. 51 – 62.
16. Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/topics/crime/10thcong.htm>. – Дата доступа: 31.08.2012.
17. Бойко, А.И. Базовые проблемы уголовно-правового регулирования в XXI в. / А.И. Бойко // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы науч. конф., посвященной памяти проф. М.Д. Шаргородского: К столетию со дня рождения (1 – 2 июля 2004 г., г. Санкт-Петербург) / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. – СПб.: Изд. дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2005. – С. 44 – 53.

Дата поступления: 05.09.2012

Annotation

The main theoretical and practical problems of influence of international legal acts on the criminal law of the Ukraine are analyzed. The factors, determining such an influence and its limits, are defined. The methods and results of the implementation of international law in the criminal legislation of Ukraine are examined.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ
СЛЕДСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****Зорин Р.Г.**

канд. юрид. наук, доцент

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Смолькова И.В.

д-р юрид. наук, профессор

засл. юрист Российской Федерации

Байкальский государственный университет экономики и права РФ

Реализация процессуально-следственной деятельности на досудебных стадиях осуществляется при условии соблюдения принципа гласности, носящего в данном случае усеченный характер. Оперирование информацией, содержащей следственную тайну, рассматривается в качестве средства и способа управления уголовно-процессуальной ситуацией, используемой органом уголовного преследования. При этом выявление, установление, накопление информации, носящей конфиденциальный характер, еще не определяет достижение целей управленческого характера. Управление процессуально-следственной ситуацией достигается путем эффективного использования механизма формирования следственной тайны.

Проблемы соотношения гласного и конфиденциального в данных досудебного следствия рассматриваются в научных трудах В.А. Азарова, Р.С. Белкина, Ю.П. Гармаева, А.В. Дулова, А.П. Гуськовой, М.С. Дунаевой, З.З. Зинатуллина, О.У. Калабаева, К.Б. Калиновского, А. Кибальника, И.М. Комарова, А.Е. Маслова, М.А. Михайлова, М.П. Полякова, Н.И. Порубова, О.А. Сегал, А.В. Смирнова, И. Соколоменко, И.Б. Ткачука, В.Т. Томина, О.В. Харченко и др.

В соответствии со ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь: «Данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Они могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя (органа уголовного расследования) и только в том объеме, в каком ими будет признано это возможным, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Следователь вправе предупредить присутствующих при производстве следственных и других процессуальных действий участников о недопустимости разглашения без их разрешения имеющихся в деле сведений. У этих лиц берется подписка с предупреждением об ответственности

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты механизма формирования следственной тайны в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь. Анализируется состояние действующего национального уголовного-процессуального законодательства в аспекте исследования степени эффективности правового регулирования содержания следственной тайны. Рассматриваются проблемные вопросы механизма формирования и использования процессуальной формы и содержания следственной тайны в условиях состязательности и противодействия сторон защиты и обвинения. Предлагается определение следственной тайны в качестве нормы уголовно-процессуального права.

в соответствии со ст. 407 УК Республики Беларусь» [1].

Однако не определен механизм формирования содержания и объема следственной тайны на досудебных стадиях. Правовое регулирование механизма закрепления содержания следственной тайны нуждается в совершенствовании. Криминалистическому исследованию подлежат закономерности формирования содержания следственной тайны.

Представляется необходимым выделить классификацию субъектов уголовного процесса в зависимости от степени их доступа к содержанию следственной тайны:

- субъекты, располагающие доказательственной информацией (содержанием следственной тайны) и использующие данную информацию в процессе доказывания;

- субъекты, располагающие доказательственной информацией (содержанием следственной тайны), но не использующие ее в силу запрета, установленного органом уголовного преследования, непротиворечащего нормам УПК Республики Беларусь, либо установленного запрета в силу прямого указания закона;

- субъекты, не располагающие содержанием следственной тайны.

26

Стоит отметить, что УПК Республики Беларусь регламентирует целый ряд случаев придания конфиденциального характера той или иной информации. К ним относятся, например, такие как:

- меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса (ст.ст. 65 – 73 УПК);

- материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности (ст. 101 УПК);

- материалы уголовных дел, которые закон относит к рассмотрению в закрытом заседании (ч. 4 ст. 23 УПК).

Уголовному закону известны такие виды тайн, как государственная, военная, тайна голосования, переписки, телефонных переговоров, коммерческая, телефонных и иных сообщений, служебная, судебная, следственная, врачебная, тайна усыновления, разглашение которых находится под запретом уголовного закона. Распространение сведений, составляющих вышеуказанные разновидности тайн, влечет за собой уголовную ответственность в соответствии со ст.ст. 177, 178, 179, 255, 356, 358, 373, 375, 407, 408, 457, 458 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Например, незаконное собиранье либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшее причинение

вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего влечет за собой уголовную ответственность в соответствии со ст. 79 УК Республики Беларусь.

«Уголовный закон содержит запрет на разглашение сведений, могущих привести к унижению чести и достоинства человека. Это различные виды информации, к которым можно отнести информацию частного или интимного характера, данные, составляющие личную (семейную) тайну, и др. Подобную информацию могут составлять такие, например, сведения, как: сведения об аморальных и неэтичных поступках, прежние судимости, алкогольная или наркотическая зависимость, перенесенные или хронические заболевания, травмы, операции, интимная жизнь, усыновление (удочерение) детей, доходы. Определенный круг сведений, которые человек старается уберечь от огласки в силу различных причин, информации, могущей повредить его репутации, причинить ему моральный вред, будут полезны не только для решения тактических задач расследования, но и для соблюдения этики расследования» [2, с. 92].

«Нередко следователю приходится лавировать между двумя крайностями: реализацией принципа гласности расследования и обеспечением тайны досудебного следствия, поступать одним ради другого. Своевременное избрание следователем тактики обращения с имеющейся в его распоряжении уголовно-процессуальной (доказательственной) информацией во многом может определить ход дальнейшего расследования. В научной литературе используется понятие «профессиональная тайна». Сведения, составляющие данную тайну, разделяют на два вида: профессиональную тайну, обусловленную самой спецификой профессиональной деятельности, например, служебной, и профессиональную тайну, основную составляющей которой является доверенная личная тайна» [3, с. 86].

По мнению Л.В. Тихомировой и М.Ю. Тихомирова, «Конфиденциальная информация, в самом широком смысле этого слова, может быть определена как любая информация, находящаяся в распоряжении отдельного субъекта – носителя данной информации, раскрытие которой иными субъектами может привести к неблагоприятным для ее владельца последствиям. Конфиденциальная информация в узком смысле слова нередко определяется как «документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством» [4, с. 212]. И.М. Комаров справедливо утверждает, что конфиденциальность информации, т.е. ее свойство быть известной только допущенным и прошедшим проверку

субъектам системы (следователь, прокурор, руководитель следственного подразделения), достигается за счет лишения возможности лиц противодействующих досудебному производству извлечь информацию из канала связи. Целостность информации сохраняется за счет лишения этих лиц возможности изменить смысл сообщения или добавить в него информацию в своих интересах или интересах третьих лиц [5, с. 103]. «Как юридически значимая категория конфиденциальная информация может быть определена как организованная совокупность – система документированной информации (включая базы данных и знаний, другие массивы информации в информационных системах), носящая характер преднамеренно скрываемых сведений, имеющих действительную и потенциальную ценность для их собственника (владельца), доступ к которым в соответствии с законом и другими нормативными актами ограничивается и утрата которых может причинить вред собственнику или владельцу этих сведений [6, с. 14]. М.А. Михайлов констатирует: «В определении конфиденциальной информации необходимо выделить следующие отличительные ее признаки: системность, документированность, преднамеренная закрытость (с использованием различных методов), ограниченность доступа, регламентированная законодательством, действительная или потенциальная ценность для собственника; возможность причинения вреда собственнику (владельцу) вследствие ее утраты. Каждый из указанных отличительных признаков находится в тесной связи с другими. Наличие вышеуказанных признаков в совокупности характеризует ту или иную информацию как конфиденциальную. Отсутствие любого из них свидетельствует о невозможности придания соответствующим сведениям статуса конфиденциальных...»

Данные, используемые для противодействия расследованию, можно классифицировать следующим образом:

- по целям использования – информация, необходимая преступникам для оказания неправомерного воздействия на участников уголовного процесса, в частности, путем подкупа, уничтожения улик, уклонения от следствия и суда, сокрытия имущества, использования компрометирующей информации;

- по содержанию – сведения об участниках расследования, данные о методах работы по раскрытию и расследованию преступлений, отдельных тактических приемах и комбинациях» [7, с. 144].

Следственную тайну уместно рассматривать как информационную блокаду доказа-

тельственной информации и ее источников, созданную органом уголовного преследования в порядке, непротиворечащем действующему законодательству, исключающую доступ к ее содержанию со стороны заинтересованных лиц, в целях реализации тактических, стратегических и уголовно-процессуальных задач расследования. Следует отметить, что *предметом следственной тайны может служить любая информация, обращенная в установленном законом порядке органом уголовного преследования в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, имеющая доказательственное (уголовно-процессуальное) значение для принятия решений по уголовному делу, достижения задач уголовного процесса и установления объективной истины.*

Предметом следственной тайны может выступать как информация о ходе оперативно-розыскных мероприятий, процессуально-следственных и неследственных действий, об их участниках, так и любая иная, распоряжение которой зависит от усмотрения органа уголовного преследования. Объем и содержание следственной тайны носит динамический характер в зависимости от складывающейся процессуально-следственной ситуации; от расстановки сил и средств противоборствующих сторон; от полноты установленных исходных данных по расследуемому уголовному делу.

Обладая содержанием следственной тайны, орган уголовного преследования управляет процессуально-следственной ситуацией на определенном этапе, при условии выявления, установления, сохранности и эффективного использования доказательственной информации в качестве содержания следственной тайны, а в отдельных случаях и всем ходом расследования (на организационном, тактическом, методическом уровнях). Так, сторона защиты, остается в неведении относительно имеющихся по уголовному делу доказательств обвинительного характера до предъявления обвинения. Тем самым орган уголовного преследования создает условия, при которых предстоит действовать стороне защиты, находящейся в условиях состязательности и информационного дефицита. Сторона защиты также вправе ходатайствовать об отнесении той или иной информации к предмету следственной тайны, если она служит интересам защиты, а также обеспечению реализации законных прав и интересов подзащитного.

Следственная тайна является одним из правовых способов обеспечения сохранности криминалистически значимой информации до окончания предварительного расследования. Вместе с тем сроки сохранности

содержания следственной тайны носят либо абсолютно-определенный, либо относительно-определенный, либо неопределенный характер.

Действительно, орган уголовного преследования по своему усмотрению определяет тот или иной объем и содержание информации, относящейся к содержанию следственной тайны (в ее количественных и качественных характеристиках), в том числе определяя объем и содержание информации, допустимой для ее использования процессуальным оппонентом, и закрепленной в предусмотренном законом процессуальном акте (мотивированном постановлении). Орган уголовного преследования принимает меры правового характера по расширению либо ограничению исследуемого информационного пространства.

С целью получения тактических преимуществ каждая из противоборствующих сторон стремится сохранить в тайне информацию о результатах уже осуществленных действий, планах дальнейшего поведения, сведениях, полученных из других источников, тем самым укрепляя свои позиции. Заинтересованные и недобросовестные субъекты на досудебных стадиях часто создают условия, всячески препятствующие привлечению их (в частности, подозреваемого, обвиняемого) к уголовной ответственности и решению иных задач уголовного процесса.

К формам противодействия, оказываемого со стороны недобросовестных участников, следует отнести:

- шантаж и угрозы в отношении иных участников уголовного судопроизводства;
- допущение процессуальных нарушений, в том числе существенных;
- формирование и отстаивание ложного алиби;
- дачу ложных объяснений либо показаний;
- фальсификацию доказательств;
- оговор – самооговор и др.

В целях предотвращения подобных ситуаций и их устранения орган уголовного преследования в пределах своей компетенции вправе, а в отдельных случаях и обязан установить абсолютно-определенный объем информации, не подлежащей разглашению лицами, ею располагающими. В настоящее время уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок использования механизма формирования следственной тайны и правовой процедуры использования ее содержания. И здесь наблюдается существенный пробел в праве. Формирование содержательной стороны следственной тайны нередко происходит еще до вынесения постановления о возбуждении

уголовного дела органом уголовного преследования. А именно, в момент начала проверки законности поводов и оснований, ведущих к возбуждению уголовного дела. К сожалению, о процедуре (доследственной проверки) рассмотрения проверочных материалов о порядке формирования и обеспечения следственной тайны говорить не приходится. Данный вопрос остается открытым. Например, по результатам осмотра места происшествия орган уголовного преследования должен принимать меры, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Однако законодатель не устанавливает подобной обязанности органа уголовного преследования.

Столкновение частных и публичных интересов участвующих субъектов (добросовестных – недобросовестных) вызывает вполне объяснимое противодействие сторон защиты и обвинения, а также иных лиц с противоположными интересами. В процессе доказывания происходит конкуренция (сопоставительность) сторон обвинения и защиты в завладении инициативы по получению и использованию процессуальной, а также криминалистически значимой информации. Из этого следует, что, как правило, тот управляет процессом расследования, кто распоряжается доказательственной информацией с точки зрения ее полезности, существенности для обеспечения реализации уголовно-процессуальных функций, достижения целей и задач уголовного процесса. О существовании состязательности высказывается Е.А. Зайцева: «Участники уголовного судопроизводства, формально являясь носителями одной процессуальной функции, могут иметь диаметрально противоположные интересы. Следовательно, для реализации подлинной состязательности (противостояния интересов различных участников процесса) необходимо установить реальный паритет в правах этих участников при доказывании значимых по делу обстоятельств, чтобы они могли в равных условиях отстаивать свои процессуальные интересы» [8, с. 36].

Противоречия в интересах субъектов уголовно-процессуальных правоотношений возникают на стадии предварительного расследования. Несколько сложнее дело обстоит с установлением и разрешением противоречий на стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, становится совершенно ясно, что лица, вовлекаемые в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, еще не приобрели соответствующий с требованиями УПК процессуальный статус. С другой, – затронуты законные интересы данных лиц в связи с со-

вершением деяния, в котором органом уголовного преследования усматриваются признаки преступления. На стадии возбуждения уголовного дела и в связи с вынесением одноименного постановления органом уголовного преследования формируется совокупность доказательств оправдательного, обвинительного характера, предмет и пределы доказывания, позволяющие принять одно из итоговых решений либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо передаче дела по подследственности. Поэтому значимость процесса формирования предмета и пределов доказывания на этой стадии более чем высока. Представляется необходимым на законодательном уровне разрешить вопросы, связанные с правовой возможностью реализации механизмов формирования следственной тайны на стадии возбуждения уголовного дела. Содержание следственной тайны может быть использовано органом уголовного преследования в качестве средства и способа противодействия стороне защиты. Так, например, одной из целей тактической комбинации в механизме противодействия может выступать искусственное создание преувеличенного (преуменьшенного) представления об имеющихся по уголовному делу доказательствах.

Следует заключить, что механизм формирования следственной тайны представляет собой *временное ограничение доступа к ее содержанию со стороны заинтересованных лиц органом уголовного преследования и установление абсолютно-определенного объема (доказательственной) уголовно-процессуальной и иной криминалистически значимой информации в порядке, предусмотренном действующим национальным законодательством в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса, а также достижения его целей и задач.*

Следственная тайна выступает уголовно-процессуальной гарантией обеспечения личности и государства, законным средством и способом ограничения доступа к ней на стадии предварительного расследования со стороны (добросовестных – недобросовестных) субъектов.

В большинстве случаев орган уголовного преследования по своему усмотрению принимает решение о том, относить информацию к следственной тайне или нет. Данная проблема тесно связана с проблемой определения понятия и границ усмотрения органа уголовного преследования. Достаточно глубоко данная тема исследована в научных трудах Ю.П. Соловья, А. Барака, и П.Г. Марфицина. Например, Ю.П. Соловей в этой связи справедливо

утверждает: «Под реализацией усмотрения подразумевается выбор органом (должностным лицом) одного из допускаемых нормативными актами вариантов решения, являющегося, по его мнению, оптимальным в данной ситуации. Реализация усмотрения протекает в двух формах – реактивной и инициативной. Первая форма предполагает такие ситуации, в которых законодательство заранее обязывает действовать, требует немедленной правовой реакции, но решение вопроса о способе действия оставляет за правоприменителем. Инициативная же форма характеризуется тем, что необходимость применения соответствующих норм окончательно определяется не законодателем, а субъектом правоприменения» [8, с. 15].

Так, например, причинами отнесения информации к следственной тайне по усмотрению органа уголовного преследования могут служить:

- использование данной информации посредством тактических приемов, комбинаций при раскрытии и расследовании преступлений;
- временное исключение в определенном объеме информации из оборота среди иных субъектов (заинтересованных в исходе дела, процессуальных оппонентов);
- недопустимость разглашения ранее данных показаний субъектами уголовно-процессуальных правоотношений;
- искусственное искажение представления процессуального оппонента об объеме доказательственной информации (ее количественных и качественных характеристиках) и др.

Орган уголовного преследования (следователь, прокурор) по своему усмотрению компетентен отнести к содержанию следственной тайны следующие разновидности источников сведений, имеющих криминалистическое, уголовно-процессуальное, доказательственное значение:

- *объяснения и показания участников уголовного судопроизводства в полном объеме либо в их части;*
- *факт наличия в деле вещественных доказательств обвинительного характера;*
- *результаты протоколов следственных и иных уголовно-процессуальных действий;*
- *реализацию тактических приемов;*
- *установленные обстоятельства, входящие в предмет и в пределы доказывания;*
- *сведения об участниках уголовного процесса, а также иные сведения, способствующие установлению истины и достижению задач уголовного процесса;*
- *результаты оперативно-розыскных мероприятий и др.*

«Объем и содержание следственной тайны представляют собой контролируемое и строго ограниченное информационное пространство, устанавливаемое по усмотрению органа уголовного преследования либо в силу прямого указания закона. Стоит отметить, что данное информационное пространство (содержание) далеко не во всех случаях приобретает процессуальную форму» [10, с. 73]. Намерения органа уголовного преследования, безусловно, могут стать содержанием следственной тайны (например, намерения о производстве следственных и иных уголовно-процессуальных действий, о целях и задачах планируемых следственных действий, о привлечении к уголовной ответственности, о принятии итоговых и промежуточных решений и др.). С одной стороны, сами намерения являют собой мыслительную деятельность исследователей. С другой стороны, умолчание о намерениях достижения ряда поставленных целей и задач запланированных следственных действий представляет собой форму допустимого противодействия. В свою очередь оглашение намерений органом уголовного преследования в отдельных случаях позволяет ввести в заблуждение процессуального оппонента относительно истинных целей и задач органа уголовного преследования.

При этом, неоднократное системное облачение установленной информации в содержание следственной тайны, как и оглашение данных предварительного расследования органом уголовного преследования, может выступать в качестве тактических приема и комбинации, целями которых является:

- изменение баланса расстановки сил и средств противоборствующих сторон обвинения и защиты;

- провокация, допускаемая со стороны субъекта доказывания, не противоречащая уголовно-процессуальному закону, ведущая процессуального оппонента к процессуальным, тактическим действиям ошибочного характера;

- введение в заблуждение процессуального оппонента относительно имеющейся по делу доказательственной информации обвинительного характера, ее объема и содержания (создание преувеличенного – преуменьшенного представления стороны защиты об имеющихся в деле доказательствах обвинительного характера).

Особенностью следственной тайны является то, что уголовно-процессуальный закон предоставляет право (полномочие) органу уголовного преследования в определенных случаях и в определенном объеме оглашать информацию, ставшую ранее ее содержи-

см. Орган уголовного преследования определяет, когда и в каком объеме оглашать информацию, содержащую следственную тайну, процессуальному оппоненту. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предоставляет право органу, ведущему уголовный процесс, оглашать показания участников уголовного процесса:

- в случае отказа от дачи показаний;
- в случае установления существенных противоречий между настоящими показаниями и данными ранее (ст. 333 УПК).

Закон не запрещает органу уголовного преследования оглашать результаты следственных действий и иных уголовно-процессуальных действий, если это способствует эффективному раскрытию и расследованию преступлений, а также, если это не препятствует реализации законных прав и интересов участников процесса, принципов и норм национального и международного законодательства. Решение о разглашении данных предварительного расследования является исключительным правом (полномочием) органа уголовного преследования. Например, оглашение данных предварительного расследования в СМИ в связи с установлением личности субъекта, совершившего преступление, иных обстоятельств по раскрытию и расследованию преступлений, дача интервью компетентными должностными лицами в СМИ в связи с расследованием уголовного дела, и с необходимостью применения профилактических мер борьбы с преступностью или в связи с возникшим резонансом в обществе либо в связи с необходимостью нормализации обстановки в обществе в различных сферах общественных отношений (экономических, социальных, политических, других). Безусловно, оглашение данных органом уголовного преследования в СМИ никак не должно негативно повлиять на механизм реализации прав и законных интересов личности, общества и государства; не должно негативно влиять на процесс достижения целей и задач уголовного процесса.

Содержание следственной тайны и момент ее разглашения определяет орган, ведущий уголовный процесс. Право разглашения следственной тайны иными лицами (участниками уголовного процесса) разъясняется органом уголовного преследования и, соответственно, предоставляется субъектам, выступающим носителями данной информации. Данное право разъясняется в письменном виде, и в части оглашения данных предварительного расследования установленной законом процессуальной форме. Пределы компетенции органа уголовного преследования в этой части лишь фрагмен-

тарно установлены уголовно-процессуальным законом, к которым относятся:

- право ознакомления участника уголовного процесса с протоколом следственного действия, в ходе которого он участвовал;
- ознакомление потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении судебных экспертиз и с экспертным заключением;
- обязанность органа уголовного преследования ознакомить с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования участников уголовного судопроизводства.

В установленном законом порядке к содержанию следственной тайны могут иметь доступ начальник следственного отдела, прокурор в силу их компетенции. Данные должностные лица вправе истребовать материалы уголовного дела для ознакомления в целях проверки законности и своевременности принятых решений, дачи указаний о производстве следственных действий, принятии основных и факультативных уголовно-процессуальных решений.

К средствам и способам противодействия (мерам правового характера) со стороны обвинения, обеспечивающим процедуру формирования и использования содержания следственной тайны, следует отнести:

- производство по поручению органа уголовного преследования оперативно-розыскных мероприятий;
- принятие мер, предусмотренных УПК, по обеспечению безопасности участников уголовного процесса;
- собрание, проверку, оценку и использование доказательств обвинительного характера в условиях соблюдения следственной тайны, что обеспечивается путем производства отдельных следственных действий без участия подозреваемого, обвиняемого;
- предупреждение об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования;
- приобщение к материалам уголовного дела предметов в качестве вещественных доказательств обвинительного характера;
- действия тактического характера, выступающие в качестве демонстрации ложных намерений, ложных задач органа уголовного преследования, ставящие перед собой цель введения в заблуждение процессуального оппонента (подозреваемого, обвиняемого, защитника) относительно избранных средств и способов доказывания стороной обвинения, используемых ею тактических приемов и комбинаций.

Управляя процессуально-следственной ситуацией посредством использования содержания следственной тайны, орган уголовного преследования преследует следующие задачи:

- исключение органом уголовного преследования в установленном законом порядке из оборота в сфере уголовно-процессуальных правоотношений абсолютно-определенного объема информации, имеющей существенное значение для уголовного дела;
 - обеспечение сохранности и целостности доказательственной информации обвинительного характера ведет к созданию ситуации неопределенности в выборе позиции противодействующей стороны защиты, неопределенность в выборе занимаемой позиции процессуальным оппонентом;
 - демонстрация прогнозной линии поведения органа уголовного преследования;
 - демонстрация преимуществ (тактических, процессуальных) либо проигрышной позиции органа уголовного преследования, либо стороны защиты;
 - создание ситуации неопределенности в позиции стороны защиты, неопределенности в избрании эффективных средств и способов защиты;
 - реализация тактических приемов и комбинаций, выполнение в надлежащих условиях процессуально-следственных действий, предупреждение противодействия со стороны недобросовестных подозреваемого, обвиняемого;
 - обеспечение безопасности участников уголовного процесса, др.
- Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что к элементам содержания следственной тайны относятся:
- комплекс сведений (процессуально значимая и криминалистически значимая информация);
 - результаты и содержание протоколов следственных и иных уголовно-процессуальных действий;
 - результаты оперативно-розыскных мероприятий;
 - принятие решений о производстве следственных действий;
 - объяснения и показания участников уголовного процесса;
 - цели и задачи следственных действий;
 - реализация тактических приемов и комбинаций;
 - установленные обстоятельства по уголовным делам, входящие в предмет и пределы доказывания;
 - сведения об участниках уголовного процесса, др.

Представляется необходимым дополнить нормы УПК Республики Беларусь, регулирующие общие условия предварительного расследования, статьей в следующей редакции: *Следственная тайна — это получившая процессуальную форму абсолютно-определенная совокупность фактических данных либо сведений о них (доказательств и их источников),*

не подлежащих разглашению в силу прямого указания закона либо по усмотрению органа уголовного преследования в целях достижения задач уголовного процесса, тактических и стратегических задач, установления объективной истины по уголовным делам, а также обеспечения эффективного хода уголовного процесса и безопасности его участников.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 янв. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Михайлов, М.А. Соотношение гласного и конфиденциального в данных досудебного следствия / М.А. Михайлов // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр.; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Н. Мухин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – Вып. 3. – С. 90 – 96.
3. Смолькова, И.В. Тайна и уголовно-процессуальный закон / И.В. Смолькова. – М.: Луч, 1997. – 99 с.
4. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М., 1997. – 526 с.
5. Комаров, И.М. Криминалистические аспекты информационной безопасности досудебного производства / И.М. Комаров // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства: Материалы межвуз. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. – М.: Акад. упр. МВД России, 2007. – Ч. 2. – С. 95 – 104.
6. Лукашов, А.И. Конфиденциальная информация и коммерческая тайна: правовое регулирование и организация защиты / А.И. Лукашов, Г.Н. Мухин; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск: Тесей, 1998. – С. 14 – 15.
7. Михайлов, М.А. Тайна данных досудебного следствия как средство тактического противостояния преступнику / М.А. Михайлов // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр.; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Н. Мухин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – Вып. 4. – С. 143 – 145.
8. Зайцева, Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: моногр. / Е.А. Зайцева. – Волгоград: ВА МВД России, 2006. – 192 с.
9. Соловей, Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис... канд. юрид. наук / Ю.П. Соловей. – М., 1982. – 22 с.
10. Зорин, Р.Г. Следственная тайна как средство и способ противодействия и управления процессуально-следственной ситуацией стороной обвинения / Р.Г. Зорин // Вестн. Гроднен. гос. ун-та. – Сер. 4. – 2010. – № 2. – С. 70 – 74.

Дата поступления: 18.10.2012

Annotation

This article discusses the forensic and criminal-procedural aspects of the mechanism of formation of investigative secrecy in the criminal proceedings of Belarus. The state of the present criminal procedural law is analyzed from the viewpoint of the grade of effectiveness of legal provision of the content of investigative secrets. Problematic issues of the mechanism of formation and use of procedural form and content of investigative secrecy in the conditions of adversarial and counteractive work of the defense and the prosecution are considered. The definition of investigative secrecy as a provision of the criminal-procedural law is proposed.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александров А.С.

д-р юрид. наук, профессор

Хмельницкая Т.В.

Нижегородская академия МВД России

Аннотация

Авторы обосновывают состязательную концепцию формирования судебных доказательств. В статье критикуется следственная модель формирования уголовно-процессуальных доказательств. Обсуждается природа и генезис следственных фактов. Показывается значение следственных действий и перекрестного допроса для образования судебных фактов. Делается ряд выводов по совершенствованию доказательственного права.

Причины многих хронических болезней нашего уголовного процесса лежат на концептуальном, идеологическом уровне, а значит – они коренятся в теории доказательств. Невозможно реформировать досудебную часть процесса и повысить эффективность правосудия, не подвергнув пересмотру ключевые положения теории доказательств – в свете состязательности. В настоящей статье мы подвергнем критическому анализу одно из таких положений.

В отечественной уголовно-процессуальной науке принято считать, что полный цикл формирования доказательства происходит во время предварительного расследования [1, с. 12]. Следственная модель уголовно-процессуального доказывания априори считается единственно возможной (действительной). Поэтому большинство авторов формирование доказательства исследовали в контексте деятельности органов предварительного расследования. Некоторые аспекты доказывания, такие как изменение содержания доказательства, утрата доказательством своей силы в ходе процесса, проблемы повышения эффективности передачи доказательственной информации из досудебного производства суду, представление и исследование доказательств в суде находились и находятся на периферии научного внимания.

Полагаем, что игнорирование проблем формирования доказательств в условиях состязательности напрямую связано с пониманием процесса как односторонней процессуальной деятельности публичной (судебно-следственной) власти, озабоченной раскрытием «объективной» истины. Сторонники традиционного подхода к пониманию генезиса уголовно-процессуального доказательства представляют себе следователя (субъекта доказывания) в качестве своего рода устройства, которое путем производства следственных действий «снимает» со следа информацию. Предполагается способность следователя самостоятельно отфильтровать нужную информацию и придать ей правовую – следственную форму (протокол). Именно с протоколированием связывают формирование доказательства.

Однако сколько бы ни был «объективен» следователь, он не должен давать суду готовый факт в форме

следственного протокола или иного процессуального документа. В отсутствие реального оппонента орган предварительного расследования выступает одновременно в двух лицах: как орган уголовного преследования и как орган расследования. При такой постановке дела суд становится придатком к органу предварительного расследования или, как другой вариант: судебные-следственные органы совместно проводят доказывание по уголовному делу. Как писал М.А. Чельцов: «Необходимо, чтобы до начала судебного разбирательства были точно установлены как предмет обвинения и личность обвиняемого, так и основные средства доказывания» [2, с. 227].

Не удивительно, что правовое сознание и даже правовая психология наших правоприменителей таковы, что судьями материалы предварительного расследования презюмируются как истинные, оглашение протоколов следственных действий в судебном заседании составляет основную часть судебного следствия. Наиболее уродливое проявление не критического отношения судей к следственным материалам находит свое в том, что судьи изготавливают свои решения на основе резолютивных следственных документов, которые получают в электронном виде.

34

Доминирование следственного способа получения допустимых уголовно-процессуальных доказательств является пережитком следственной идеологии и подлежит пересмотру в числе прочих канонов советской уголовно-процессуальной доктрины. Мы разделяем мнение о том, что необходимо менять следственную парадигму уголовно-процессуального доказывания. В.А. Лазарева в связи с этим пишет: «Тенденция к сохранению прежних представлений о доказывании основана, как представляется, на неготовности значительной части науки и практики к смене парадигмы. Изменение парадигмы (системы, модели) уголовного судопроизводства не равнозначно его совершенствованию: это изменение его основ, устой» [3, с. 48].

Состязательная идеология включает в себя презумпцию о том, что каждая из сторон заботится о своих интересах, суд независим и беспристрастен, а наличие фактов удостоверяется судьей по результатам состязательного судебного разбирательства. В совокупности с презумпцией невиновности состязательность формирует новую парадигму уголовно-процессуального доказывания и новый стандарт истины (отсутствие разумных сомнений).

Впрочем, может возникнуть вопрос, зачем вообще менять следственную парадигму на состязательную? Не вдаваясь в подробные

объяснения, ответим так. Во-первых, такова логика правового развития: формирование и укоренение демократических институтов в уголовном процессе, конвергенция правовых систем, стимулируемая ЕСПЧ и другими европейскими институтами [4]. Во-вторых, как показывает история, именно правовое государство и состязательная форма судопроизводства позволяют лучше обеспечивать стабильность общества, как открытой системы. Иные формы государственно-правового устройства менее эффективны. Возведенная в закон воля к абсолютной истине подавляет личность и обесценивает (вплоть до отмены) всю драматургию поиска истины, заложенную в структуру состязательного правосудия (выхолащиваются презумпция невиновности, состязательность и пр. не только технические (юридические), но и естественные (для человека) «методы» установления истины, справедливости. В условиях демократии, при открытости и гласности судебной системы результаты доказывания являются предметом критической оценки со стороны всего общества. Эти результаты должны не только быть истинными и справедливыми по сути, но и «казаться» такими обществу. Эффект легитимизации судебного знания достигается тогда, когда есть доверие к способу получения судебного знания. Институты состязательного правосудия, создающие прозрачную, конкурентную среду для выявления смысла происходящих событий в сфере применения закона, позволяют достигать этой цели наиболее эффективно. Потому подлинной гарантией установления фактов по делу будет разделение процессуальных функций, состязательная форма представления и исследования доказательств сторон, наличие независимого суда, оценивающего доказательства по внутреннему убеждению, гласный, непосредственный способ судебного доказывания.

Попытаемся подкрепить положение о преимуществе судебного доказывания в условиях состязательности рассуждениями о том, как происходит формирование судебного факта, становящегося основанием *factum probans*. На наш взгляд, вся проблематика уголовно-процессуального доказывания и формирования доказательства сводится именно к тому, как формируется «доказательственный факт» – *factum probandi*. При том, что подвести под единое понятие факта все состояния доказательств, которые оно претерпевает в ходе своего «формирования», видимо, невозможно.

Современное уголовно-процессуальное доказательство двойственно в нескольких значениях. Во-первых, имеет место «дурная

двойственность», обусловленная конструкцией нашего уголовного процесса. И мы вынуждены говорить о досудебных доказательствах и судебных, хотя уголовное дело может быть разрешено только на основе судебных доказательств. Поэтому встает вопрос о несовершенном статусе тех фактических данных, которыми оперируют субъекты во время досудебной деятельности. Эти данные вполне пригодны, чтобы раскрыть преступление, изобличить преступника, предотвратить совершение нового преступления, но они не составляют полного знания, поскольку не вполне обеспечивают назначение уголовного процесса (адаптацию социальной системы к окружающей среде), т.е. борьба с преступностью не является самоцелью уголовного процесса и доказывания; есть еще защита прав личности. Только когда в полной мере доказыванием охватываются обе эти составляющие (публичное и частное), достигнутое знание допускается как истинное, справедливое.

Тема дуалистичности доказательства имеет продолжение в обсуждении того, что: 1) доказательства есть факты, устанавливающие или опровергающие доказываемые факты и 2) доказательства есть «источники» (возможных фактов), с которыми работают субъекты доказывания: выявляют, собирают, представляют, исследуют. Источники доказательств представляют собой то, в чем могут содержаться доказательства. Из них стороны, суд в установленном законом порядке получают факты – посредством толкования смысла содержащейся в них информации. Если источник доказательства один, то доказательство не является одним и тем же на досудебном и судебном производстве. Содержание доказательства – это тот смысл, который получен в ходе интерпретации данных из источника: документа, показаний свидетеля и пр. Использование источников не исключает возможность ошибок в выводах субъектов доказывания. То, что называют «исходной информацией», т.е. данные чувственных восприятий, эмпирические данные, следует отнести к источнику доказательств. Само же доказательство – это не просто сведение, а «процедурное знание», т.е. уже отобрано, проинтерпретировано, истолковано согласно «партийности» субъекта доказывания, который использует доказательственный факт для выстраивания своей системы аргументации. Сведение, содержащееся в источнике доказательства, существует в контексте позиции субъекта, его довода, а те в свою очередь сильны своими структурными связями, которые задействуются в ходе интерпретации. В состязательном процессе интерпретационный

элемент развивается до партийной пристрастности сторон, достигает острой фазы кризиса столкновения позиций, трактовок предмета спора, каждая из которых подкрепляется своими доказательствами, и снимается тем, что суд отдает предпочтение наиболее правдоподобной, сильной аргументации. Последовательное движение от данных внешнего опыта к его идеологическому освоению в виде определенной системы смыслов составляет суть формирования аргумента субъекта доказывания. Через диалоговые структуры, воспроизводимые уголовно-процессуальным правом, происходит понимание, реконструкция события, ставшего предметом доказывания (а не снимается калька с него).

Проиллюстрируем это на примере формирования доказательства, имеющего в основании заключение судебной экспертизы. Исходя из принципа равенства сторон в судебном заседании, каждая из сторон не может быть лишена возможности представлять лицо, компетентное в той или иной сфере искусства, ремесла, науки (эксперта или специалиста), для дачи заключения и показаний. Если в деле есть эксперт со стороны противника и заключение экспертизы имеет значение для дела, то сторона должна выставить не менее сведующего и решительного специалиста со своей стороны. Государственному обвинителю надо быть готовым к появлению в суде на стороне защиты опасного конкурента для своей научной поддержки, который, вполне вероятно, будет отстаивать альтернативный взгляд на спорный вопрос. Как указывал М.Ф. Громницкий, государственному обвинителю надо быть особо осторожным, «когда обвиняемый, несмотря на вызов достаточного числа экспертов к судебному следствию, вызывает еще от себя одного или нескольких экспертов той же специальности. Значит, эксперт обвиняемого держится других мнений по спорным вопросам. Здесь ... возможен и материальный интерес. А так как всякое мнение эксперта может быть обставлено научной, более или менее остроумной внешностью, то оборвать и обнажить ее ненаучность не всегда легко» [5, с. 43].

Если сторона обвинения использует заключение экспертизы и показания эксперта в качестве доказательств обвинения, суд не может отказать стороне защиты в удовлетворении ходатайства о вызове в суд для дачи показаний лица, компетентного в данной отрасли знаний – специалиста. Этот участник процесса вправе высказать суду, в пределах своей профессиональной компетенции или хотя бы специальности, мнение по тем или иным вопросам, имеющим значение для выяснения обстоятельств дела,

а также проверять и оценивать профессиональные качества и суждения своего визави по профессии, который проводил судебную экспертизу на предварительном расследовании или в суде, или выступал в качестве специалиста при проведении следственных или иных процессуальных действий и был вызван в суд для дачи показаний. «Пока эксперт в зале суда один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника – речения оракула превратятся в самолюбивый спор» [6, с. 191 – 192].

Спор специалистов в суде является весьма эффективным и эффективным средством не только для установления фактических обстоятельств, но и для того, чтобы оказывать влияние на оценку доказательств (судьями, присяжными), влиять на освещение дела в целом. «Сведующие люди редко бывают вполне согласны между собой; если в суд вызывается не тот эксперт, который производил первоначальное заключение, то обыкновенно оказывается, что допущены бесчисленные ошибки, упущения. Их не было бы если бы тот кто стоит перед судьями, производил экспертизу. Но к несчастью его не случилось и теперь наука лишена возможности подтвердить первоначальное заключение. Остались лишь одни сомнения» [6, с. 192].

36 Заключение эксперта становится фактом для суда в ходе проверки его в судебном следствии. Очевидно, что самым радикальным и эффективным способом такой проверки является перекрестный допрос эксперта. В том числе, через другого эксперта или специалиста – при шахматном допросе или на очной ставке. То же самое касается и заключения специалиста. Допрос эксперта и специалиста может быть проведен в форме основного, дополнительного, повторного, перекрестного допросов. Показания эксперта являются разьяснением и дополнением ранее данного им заключения и составляют с ним неразделимое целое – это одно *судебное доказательство*. Заключение специалиста и его показания, представленные и исследованные в суде, также составляют одно судебное доказательство. По своей сути – это есть единое суждение компетентного лица по специальным вопросам, требующим своего разрешения в суде. Заключение (как документ) приобретет дополнительную силу, убедительность, когда будет сопровождаться комментарием проводившего его лица. Допрос эксперта должен внести дополнительную ясность в смысл текста его заключения. Вопросы допрашивающего должны побуждать эксперта (специалиста) к даче авторских объяснений по поводу вопросов, бывших предметом исследования.

В целом показания эксперта призваны, конечно, усилить, а не ослабить убедительность ранее сделанного им заключения. В состязательной системе субъект должен работать на это убеждение. Безусловно, усиливает такое комплексное доказательство, как заключение экспертизы (плюс показания эксперта), согласованность всех его элементов. Напротив, ослабляет его противоречие, рассогласованность. Заметим, что в случае возникновения противоречий между первоначальным заключением эксперта и его показаниями, полученными в суде, в том числе в ходе перекрестного допроса, именно последние должны приниматься за первоначальное доказательство, а заключение становится производным. Мы исходим из того, что приоритет в данной ситуации должен отдаваться личным доказательствам, т.е. устному сообщению, получаемому в ходе судебных допросов. Перекрестный допрос может рассеять сомнения в содержании заключения и показаниях эксперта (специалиста) и потому он должен проводиться всегда, когда заключение в целом или отдельные его части оспариваются оппонентом. Если эксперт, специалист «не устоит» на перекрестном допросе, если у суда возникнут сомнения в его компетентности, надежности, значит, утратит силу и заключение, которое он давал по делу.

Предмет допроса эксперта или специалиста не ограничивается предметом проведенной экспертизы или представленного заключения. Согласно ст. 289 УПК РФ стороны могут задавать вопросы для дополнения данного экспертом (специалистом) заключения. Кроме того, вопросы могут касаться компетенции эксперта (специалиста), его репутации в научном мире и в быту, а также научных оснований данного вида экспертизы (специального исследования), наличия альтернативных методик, вероятности ошибки, предвзятости и пр. Совершенно правильным является вывод, что сомнения в компетентности, добросовестности, профессионализме эксперта (специалиста) подрывают доверие к его заключению и его показаниям. «Авторитет есть нечто цельное, как заговор, – отмечал В.Д. Спасович. – Раз в одном пункте его провалить, он провалится и во всей своей целостности» [7, с. 196].

Обе стороны должны понимать, что судебное доказательство не стоит ничего, если его как следует не представить и не исследовать. Сила судебного доказательства, проявляющаяся в способности оказывать убеждающее воздействие, зависит от искусства юриста. Искусство доказывания состоит в умении превращать суждение (специалиста, эксперта) в до-

вод. На убедительность показаний эксперта (специалиста) влияет не только их достоверность, но и речевая сторона их представления, личность эксперта (специалиста) – иными словами, психолингвистический фактор. Поэтому подготовка к представлению в суде заключения эксперта (специалиста) и его показаний должна быть всесторонней: касаться не только предмета и методики экспертного исследования, но и речевой техники представления этого доказательства, выработки психической устойчивости к перекрестному допросу, умения аргументировать свою позицию и пр.

При доказывании в условиях состязательности содержание одного и того же источника может получать различные версии, интерпретации; доказательства сторон, конкурирующие между собой, могут не только «формироваться» в смысле объективизации, усиления убедительности, но и, наоборот, ослабляться и ликвидироваться. С этим связаны феномены мультипликации доказательства или временной производности (расколотости) доказательства: содержание одного и того же источника может по-разному толковаться, происходит мультипликация доказательства, из одного источника получают а) доказательство защиты и б) доказательство обвинения; одно из них бывает первоначальным, другое – производным (по времени появления в процессе, представления суду). Конкурирующие между собой версии понимания информации могут не только приводить к объективизации доказательства, но и ослаблять, и даже ликвидировать доказательство. Это побуждает суд к поиску первоисточника информации, критическому восприятию первоначально представленных доказательств [8, с. 9].

«Неполнота», несовершенство доказательства, полученного в ходе досудебного производства и представленного суду стороной, в первую очередь объясняются его «партийностью»: оно выступает обвинительным, оправдательным. Любое доказательство, которое представляется и исследуется в суде, лишь предположение в системе разворачиваемой судебной аргументации. Сам по себе первоначальный источник информации, т.е. объект, претерпевший изменения под влиянием события преступления, не может быть ложным. Но интерпретация содержания сведений, получаемых из источника (предмета, человека, документа), не может отвечать инвариантному критерию истинности. Инвариантность судебного факта состоит в том, что он принимается судьей (присяжным заседателем) по результатам проверки и оценки всех возможных версий и интерпретаций факта.

Есть и другая причина субъективной интерпретации фактов, происходящей при приведении и построении доводов: она в самой природе индуктивного доказательства. Форма вывода из уголовно-процессуальных доказательств является преимущественно индуктивной, т.е. на отдельном факте основывается вывод относительно рассматриваемого суждения. Ценность доказательственного факта велика настолько, насколько требуется заключение, основанное на этом факте, является более вероятным выводом, по сравнению с другими выводами, или объяснениями этого факта, а если таковые имеются, то они являются менее вероятными или естественными. Степень требуемой силы будет меняться в зависимости от различных видов доказательственных фактов, завися в чем-то от различающихся представлений человеческого опыта об этих фактах, в чем-то от практической пригодности более сильных фактов. Уязвимость индуктивного выведения состоит в том, что из него могут быть выведены другие выводы, иные, чем предполагаемый *Probandum*. Этим обуславливается важность состязательной процедуры, в которой сравниваются все возможные объяснения (интерпретации) с точки зрения соревнующихся сторон. Пропонент предлагает свое доказательство, оппонент его критикует, объясняет по-своему. Пропонент и оппонент перекрещивают свои толкования факта перед лицом суда. И юрист и суд должны исследовать каждую часть доказательства, во-первых, с точки зрения проponenta, затем, с точки зрения оппонента, и наконец, с точки зрения судьи. И стороны, и суд должны исследовать каждую часть доказательства, во-первых, с точки зрения проponenta, затем, с точки зрения оппонента, и наконец, с точки зрения судьи. Д. Вигмор указывает, что в судебных процессах всегда есть две стороны; пристрастный проponent предлагает свое доказательство, не указывая на его слабости; тогда пристрастный оппонент указывает на эти слабости, то есть, дает иные возможные объяснения. Поэтому важно отметить двойную обработку, которой каждое представленное доказательство может подвергнуться. Везде, где имеет место применение логических принципов к определенным практическим целям, две стороны борются как проponent и оппонент доказательства (как это и имеет место в судебных спорах), разработка вывода распадается на две стадии. Всякий раз, когда на доказательственном факте, предлагаемом его проponentом, представляется возможным вывести хотя бы один альтернативный вывод, представляемое доказательство терпит неудачу, ибо вытекающее из него заключение – просто более

или менее вероятное умозаключение; при этом другие выводы, менее вероятные или одинаково вероятные, остаются возможными. Таким образом, очевидно, что благодаря самой природе доказывания определенная часть остается открытой для противника доказательства. Он может показать путем приведения других фактов, что тот или другой вывод остается возможным, причем это не просто спекуляция, но вполне вероятное и естественное как подлинное объяснение первоначально предлагаемого доказательственного факта [9, с. 20 – 21].

В судебном процессе должно происходить диалектическое снятие субъективности досудебных доказательств, полученных и представляемых сторонами, через его переинтерпретацию и осмысление в максимально широкой системе знания. Объективность, она же – инвариантность судебного факта означает отсутствие разумных сомнений у судьи в доброкачественности представленного ему сведения. Это обеспечивается тем, что, во-первых, сведения и их источники прошли многократную проверку и приняты всеми заинтересованными субъектами; во-вторых, посредством юридической формы гарантируется их формальная правильность; в-третьих, возможным является истолкование в свете этих фактов исследуемого события в общем смысловом поле культуры, оценки его с позиции здравого смысла и совести. Могут быть, конечно, доказательственные факты, допускаемые обеими сторонами как истинные, но если есть спор, сомнение, то сведение, будучи полученным из одного источника, становится доказательством той или иной стороны.

«Факты – это данные судебного следствия» [6, с. 152]. Факты есть производное от следственных действий в суде психическое состояние судьи в виде убежденности. Факт является продуктом формирования внутреннего убеждения судьи. Это ментальное оценочное явление; считать факт копией, а тем более элементом действительности неправильно. Судебный факт является синтетическим продуктом, т.е. оценки сообщаемых сведений с позиции допустимости, достоверности, справедливости. Факты (судебные) – это фактические данные, представленные и исследованные в судебном следствии, и затем, что самое главное, принятые судьей в качестве истинных. Поскольку внутреннее убеждение у судьи складывается по мере исследования доказательств, постольку в ходе представления и исследования фактических данных в судебном заседании, последние оцениваются судьей как достоверные или ложные. Важно, чтобы ко времени судебных прений аргументы были уже в осно-

ве своей усвоены судьями и стали для них «своими».

Доказательство-факт есть не любое, а «достоверное сведение». Это означает, что оно проверено, т.е. его значение, сила удостоверены участниками судопроизводства в разных контекстах. Сила убедительности доказательства для судьи проявляется в ходе сравнения одного доказательства с другим, системы доказательств одной стороны с системой доказательств другой. Состязательный режим судопроизводства позволяет определять сравнительную силу доказательств в контексте как минимум двух позиций: обвинения и защиты. Возможность смены контекстов, борьба различных интерпретаций смысла сообщений дает нам способность воссоздавать инвариант события, достигая тем самым большей объективности в его познании [10, с. 25 – 30].

«Объективное знание» – это не копия в сознании субъекта предмета действительности, а его модель, т.е. данные эмпирики, помноженные на интеллект. Субъект строит объект-гипотезы, тесно связанные с его практической деятельностью, социокультурными предпосылками, традициями, которые не исчерпываются сенсорной информацией и апробированы в прошлой практической деятельности. Из всех возможных интерпретаций, или объект-гипотез, субъект бессознательно выбирает ту, которая в наибольшей степени соответствует его практическому опыту, а также культурно-историческим и ценностно-мировоззренческим представлениям, в конечном счете, складывающимся в систему, которая может быть структурирована в виде сценариев-фреймов [11, с. 473 – 497]. Как пишет А.А. Кухта: «Получается, что субъекты доказывания доказывают истину фактами, но используют при этом источники доказательств, которые могут быть обоюдоострым оружием в борьбе за истину, т.е. они могут выступить как обвинительным, так и оправдательным средством доказывания» [10, с. 122].

Мы приходим к заключению, что судебный факт – это есть «доказательство» плюс состязательность. И доказательство и факт – это эмпирическое данное плюс система (система права, система судопроизводства, система правосознания). Факт – это то, что вначале устанавливается допросами, другими судебными следственными действиями при представлении и исследовании источников доказательств и их содержания, а потом принимается, допускается аудиторией, как «то, что было». Связано ли это допущение с абсолютно достоверным знанием «реальности»? Отнюдь. Истинность судебного факта предполагается (допускается)

членами речевого общения, как некая конвенция. Всякое судебное знание является заключением, основанным на том, что вероятно, что возможно. Как пишет А.А. Кухта: «Факт – вероятно, а не абсолютно достоверное знание» [10, с. 16]. Если суд ставит под сомнение сведение, представленное стороной в качестве доказательства, то оно теряет силу.

Мы полагаем, что должно быть судебное удостоверение доказательств, полученных и представленных той или иной стороной. Судебный способ удостоверения фактов по делу должен быть и на досудебном производстве. Считаем своевременным поставить вопрос об использовании превентивного судебного контроля как формы получения сторонами судебных доказательств в период досудебного производства (концепция «двух корзин»). Именно через форму превентивного судебного контроля доказательства сторон могут получать юридическое значение фактов по делу, которые в стадии судебного разбирательства суд вправе положить в основание приговора. Судебный контроль может служить фильтром, улавливающим привнесенные в доказательства издержки пристрастности сторон.

Уголовно-процессуальное доказывание является лишь одной из форм познания. Познание в уголовном судопроизводстве включает в себя также оперативно-розыскное познание, адвокатское познание, частно-детективное познание. Все указанные формы уголовно-процессуального познания связаны единым предметом – событием преступления. Таким образом, в широком смысле доказывание по уголовному делу включает в себя доказывание, как процессуальную деятельность, так и любую иную правовую деятельность, в результате которой устанавливаются факты по делу. При установлении фактов по делу должно допускаться использование всех средств, которые не запрещены законом, не противоречат данным науки и не идут вопреки требованиям судебной этики и морали.

Поскольку решающим условием превращения досудебных доказательств в факты для суда является открытое судебное состязательное разбирательство, постольку определение доказательства должно быть максимально широким, допускающим свободную интерпретацию по поводу того, каким средствами могут получаться досудебные доказательства, в том числе и посредством ОРД, адвокатской деятельности.

Граница между современными «оперативно-розыскными мероприятиями» и тем, что называется «следственные действия», должна быть стерта. Результаты ОРД, наряду с иными материалами досудебного производства, становятся источниками сведения для участников судебного разбирательства, из которых они формируют судебные доказательства. Только в суде любые данные, представляемые сторонами, должны получать процессуальную форму.

Мы считаем, что досудебное доказывание, т.е. соби́рание источников доказательств, подготовка их к представлению и исследованию в суде – должно быть максимально деформализовано. «Раскрытие преступления» должно происходить в свободной, непроцессуальной форме. Когда, где и поскольку агент обвинительной власти получает сведение, раскрывающее преступление, изобличающее обвиняемого, тогда, там и постольку он может сделать это любым способом, не нарушающим права личности. При этом сведения, лично им полученные, могут быть представлены суду путем дачи показаний либо представлены иным образом (через воспроизведение аудио-, видео-записи и пр.).

При проверке допустимости доказательств обвинения, в том числе, происходящих из результатов ОРД, важнейшей гарантией справедливости является обеспечение права обвиняемого/подсудимого на защиту, доступ к исследованию первоисточников этих обвинительных доказательств. Каждое оспариваемое доказательство должно быть надлежащим образом проверено и оценено в условиях состязательной судебной процедуры, важнейшим элементом которой является перекрестный допрос.

Наличие состязательных гарантий проверки доказательств обвинения, большое количество доказательств, подвергнутых оценке судом, проведение справедливого судебного разбирательства может обезвредить сомнительное доказательство (или его части) путем поглощения. Суд, как арбитр в уголовно-правовом споре, является последней инстанцией в решении вопроса о соблюдении принципа справедливости при получении доказательств обвинения. Судья должен исходить из того, что любой разумный член общества посчитал бы несправедливым в использовании данного обвинительного доказательства.

Список использованных источников

1. Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. – М., 1972.
2. Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. – Изд. 4-е, испр. и перераб. – М., 1962.
3. Лазарева, В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России / В.А. Лазарева. – Самара: Самар. гос. ун-т, 2007.
4. Абшилава, Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис... д-ра юрид. наук / Г.В. Абшилава. – М., 2012.
5. Громницкий, М.Ф. Роль прокурора на суде по делам уголовным / М.Ф. Громницкий // Журнал Министерства юстиции. – 1914. – № 2. – С. 1 – 64.
6. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Тула: Автограф, 1998.
7. Спасович, В.Д. Сочинения: в 7 т. / В.Д. Спасович. – Т. VI. – СПб., 1890.
8. Бостанов, Р.А. Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис... канд. юрид. наук / Р.А. Бостанов. – Н. Новгород, 2012.
9. Wigmore, J.H. The Science of Judicial Proof, As Given by logic, Psychology, and General Experience, and Illustrated in Judicial Trials, 3rd edn / J.H. Wigmore. – Boston: Little Brown & Co., 1937.
10. Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: моногр. / А.А. Кухта. – Н. Новгород, 2009.
11. Александров, А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве / А.С. Александров // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. д-ра юрид. наук А.В. Полякова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 473 – 497.

Дата поступления: 24.09.2012

Annotation

40

The authors prove the controversial concept of formation of the court evidence. In the article the investigative model to form the criminal-procedural evidence is criticized. The authors explain the nature and genesis of the evidentiary facts. As well they show the value of investigation acts and cross-examination for the formation of trial facts and make a number of conclusions on improving the Evidence Law.

СОЧЕТАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ «СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ» И «СЛЕДСТВЕННОСТИ» В ИНСТИТУТАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Александров А. С.

д-р юрид. наук, профессор
Нижегородская академия МВД России

Алаев А. Т.

аспирант
Нижегородской правовой академии
(института)

Аннотация

В статье анализируется правовая природа судебного контроля и доказывания на предварительном расследовании. Объясняется половинчатость и незавершенность реформы институтов досудебного производства. Критикуются предложения, направленные на возврат к прежним инквизиционным порядкам. Авторы предлагают меры по совершенствованию правового регулирования предварительного расследования.

Общеизвестно, идеологический нерв уголовного процесса сплетен из двух противоположных волокон: публичного и частного. Частное и публичное начала находятся в диалектическом единстве и борьбе противоположностей. Все процессуальные институты несут следы идеологической борьбы, более того, они и есть продукт этой борьбы. Таковыми являются институты досудебного производства по уголовному делу.

Отечественное досудебное производство исторически сложилось как составная часть следственного (инквизиционного) процесса. Со временем наиболее одиозные черты инквизиционной формы смягчились, но по сути (а не по названию) она по-прежнему определяет лицо досудебного производства.

Институт судебного контроля в известной мере вносит элементы состязательности (так же как и расширение прав стороны защиты, в том числе в части доказывания), но перестроить предварительное следствие на состязательный лад он, конечно, не может. Хотя осложнить предварительное следствие – может, вместе с другими непродуманными попытками сделать более состязательным досудебное производство, не проводя структурной реформы судопроизводства. Что мы и наблюдаем последние годы. Напрасно строить иллюзии о том, что предварительное следствие (а оно является формообразующим и для дознания, и для планируемых упрощенных его модификаций) может быть реформировано до такой степени, что станет состязательным. Не станет. Организация досудебного уголовного преследования должна быть принципиально иной, если мы желаем действительно состязательного судопроизводства.

Мы считаем, что реформа досудебного производства должна состоять в его депроцессуализации, иными словами, предварительное расследование, как атрибут следственного процесса, должно быть ликвидировано. Досудебных процессуальных стадий вообще не должно быть. Это общее положение не исключает возможности очаговой процессуальности в ходе полицейской деятельности по раскрытию преступления и розыску преступника.

Судебный контроль на досудебном производстве приобретет свое подлинное назначение тогда, когда реально станет инстанцией, где стороны будут решать процессуальные вопросы, спорадически возникающие в ходе досудебного производства: например, по поводу применения мер, ограничивающих права и свободы лиц, вовлеченных

в сферу полицейского расследования, или в связи с целесообразностью придания статуса судебного доказательства сведениям из источника, полученного представителем той или иной стороны.

Пока же так называемый судебный контроль был и остается неэффективным. Ю.А. Костанов пишет: «Судебный контроль неэффективен, во-первых, ввиду громоздкости процедуры и длительности рассмотрения жалоб... Во-вторых, суд рассматривает жалобы далеко не на все решения и действия следователя» [1, с. 17]. На этом институте от рождения лежит проклятие инквизиционной идеологии, она никогда не позволит превратиться ему в нечто большее, чем просто декорацию. На наш взгляд, судебный контроль получит свое настоящее назначение (инструмента защиты прав личности) только вместе с системной реформой досудебного производства по состязательной модели. Такой же вывод можно было сделать и из выступлений, которые прозвучали на Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования» (Н. Новгород, 28-29 мая 2012 г.).

42

В значительной мере упреки в адрес судебной власти (отсутствие самостоятельности, обвинительный уклон и пр.) объективно обусловлены неререформированностью предварительного расследования, слабостью обвинительно-следственной власти. Судьи зачастую вынуждены дорабатывать за следователей и за прокуроров, которые неэффективно выполняют функцию уголовного преследования. Многие судьи считают себя обязанными восстановить социальную справедливость, выяснить истину, вот они и расследуют обстоятельства дела в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ, а фактически выполняют обвинительную функцию.

Значит, обвинительный уклон суда и слабость обвинительно-следственной власти, низкое качество досудебного расследования взаимосвязаны. Мы считаем, что судебный контроль (как и правосудие) приобретет надлежащий вид только в контексте состязательного судопроизводства, которое не включает в себя досудебное производство в качестве структурной части. Как отмечает А.А. Кухта: «Самое главное – реформировать досудебное производство. Именно в этой сфере в последнее время наиболее остро проявили себя такие негативные явления, как нарушения прав граждан со стороны правоохранительных органов, и в

то же время неспособность раскрывать наиболее опасные преступления, расследовать сложные дела. Недостатки следственного досудебного производства сказываются на судебном доказывании, где подвергается эрозии состязательность, объективность, независимость суда в установлении фактов» [2, с. 3].

Есть мнение, что российский уголовный процесс как продукт романо-германской правовой системы всегда будет иметь в качестве своей несотъемлемой части предварительное следствие. Полагаем, что это не так. Германский опыт служит тому подтверждением (хотя сами немцы не считают свой процесс состязательным, но в сравнении с нашим процессом, он, безусловно, является таковым). Реформа досудебного производства в несколько этапов прошла там еще в 70-х гг. прошлого века и завершилась фактически ликвидацией предварительного следствия, но с установлением судебного контроля в лице судебного следователя за деятельностью сторон.

Бесспорно то, что соотношение частного и публичного начал в различных правовых системах различно: в англо-саксонской системе доля частного начала больше, чем в романо-германской системе. Однако в любой развитой уголовно-процессуальной системе права личности имеют приоритетную защиту. Практика ЕСПЧ унифицирует законодательство европейских государств по состязательной модели, это объективно вытекает из потребности обеспечения прав личности.

Профессор Л.В. Головкин увязывает причину сохранения следственной формы с концепцией материальной истины, которая в свою очередь исторически произошла из необходимости давать суду развернутый ответ на вопросы факта и права, якобы континентальный судья, в отличие от присяжных заседателей, ввиду этой необходимости всегда был вынужден быть более активным. Это мнение было высказано им во время выступления на конференции «Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования» (Н. Новгород, 28-29 мая 2012 г.).

Как нам представляется, различие в технологиях доказывания вызвано другой причиной: она состоит в степени последовательности, с которой проводится принцип разделения властей в государстве, его правоприменительной деятельности, или иначе – в степени демократии. Состязательность и соответствующая ей технология доказывания есть проекция данного принципа на процессуальную плоскость. В свое время переход на Континенте от обви-

нительных форм судопроизводства к инквизиционным происходил на фоне формирования абсолютных монархий и религиозного фундаментализма: «Вера и Следователь требуют новых познавательных средств» [3, с. 167]. Именно так конфигурация отношений власти – знания определяет форму судопроизводства. Полагаем, «инквизиционная» модель производства истины соответствует авторитарному устройству государственной власти, где есть институты, пользующиеся непрекаемым авторитетом в деле квалификации истинного знания. М. Фуко пишет: «Когда в X, XI и XII вв. церковь оказалась единственным бесперебойно функционировавшим экономико-политическим телом Европы, церковная инквизиция была одновременно и духовным расследованием деяний грешников, совершенных проступков и преступлений, и административным расследованием методов управления церковным имуществом и методов сбора, накопления и распределения доходов. Такая духовно-административная, религиозно-политическая модель расследования просуществовала до XII в., когда зарождавшееся государство, а вернее особо суверена, ставшая источником всем возможной власти, взяло под контроль судебные процедуры» [4, с. 94]. По словам М. Фуко: «Можно с определенностью сказать, что расследование – это политическая форма, форма управления, осуществления власти, которая при помощи судебных органов стала для западной культуры способом верификации истины, усвоения того, что будет считаться истинным, а также способом передачи истинного. Расследование есть форма знания-истины» [4, с. 101]. Вышесказанное в большей степени касается континентальной Европы. В Англии государство и правосудие развивались по-другому, и суд присяжных стал институтом, который сформировал состязательную модель расследования и верификации истины. Эта модель оказала влияние на модернизацию уголовного процесса государств с романо-германской правовой системой: на кого больше, на кого меньше.

Как показывает история, именно правовое государство и состязательная форма судопроизводства позволяют лучше обеспечивать стабильность общества, как открытой системы. Иные формы государственно-правового устройства менее эффективны. Возведенная в закон воля к абсолютной истине подавляет личность (другую) и обесценивает (вплоть до отмены) всю драматургию поиска истины, заложенную в структуру состязательного правосудия (выхолащиваются презумпция невиновности, состязательность и пр. не только техни-

ческие (юридические), но и естественные (для человека) «методы» установления истины).

Чем отличаются современные сторонники теории объективной (материальной) истины (и в этом плане показательны рассуждения И.Л. Петрухина) [5, с. 245 – 247] от своих идейных предшественников, писавших в классическую пору истории русского уголовного процесса, так это тем, что последние вполне отчетливо понимали, какой идеологический заряд несет этот концепт, не будучи сдерживаем состязательной формой, системой правовых гарантий прав личности и другими искусственными правилами, которые специально выработаны для сдерживания власти в стремлении докопаться до истины.

Для русских процессуалистов связь концепции материальной (объективной) истины с инквизиционной формой уголовного судопроизводства являлась вполне очевидной [6, с. 411; 7, с. 344 – 345]. Так, Н.Н. Розин писал: «Теоретический принцип материальной истины должен быть понимаем в весьма ограниченном смысле. Истокованный широко, он неминуемо должен вернуть судопроизводство к розыскным формам» [7, с. 345]. Напротив, состязательность рассматривается как принцип, связывающий суд в отыскании истины по делу [8, с. 86]. В литературе справедливо указывалось на то, что логическое проведение принципа объективной истины неизбежно заставляет вернуться опять к инквизиторскому процессу в его чистом виде [7, с. 344; 9, с. 87]. Именно поэтому этот принцип внушает «слишком серьезные опасения» [9, с. 87, 89]. Отмечалось, что «стремление к материальной истине не мирится ни с какими ограничениями» [7, с. 303], то есть «суд уголовный не может принимать в уважение пожелание сторон, ни того, что сам подсудимый не хочет оправдать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует виновному» [10, с. 48]. В необходимости установления объективной истины по уголовному делу справедливо усматривается проявление принципа публичности [10, с. 45, 46]. В то же время активность суда в отыскании материальной истины есть ограничение состязательности [10, с. 46 – 48].

Как видим, подобное мнение разделялось не только сторонниками возможно более полного преобразования отечественного процесса в состязательном направлении (как юридического отношения): И.В. Михайловским, Г.С. Фельдштейном [11, с. 14], Л.Я. Таубером, Д.А. Червонецким, но и такими крупнейшими научными авторитетами, придерживавшимися достаточно консервативных позиций, как И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский. Послед-

ние отдавали предпочтение *конструктивному принципу* материальной истины, целиком следуя романо-германской правовой традиции, и соответственно, сдержанно относившиеся к состязательности, допуская приемлемость инквизиционных элементов в русском процессе. Как всегда основное соображение в пользу такой позиции заключалось в нецелесообразности коренной ломки существующего порядка в современных им условиях [10, с. 27, 34, 44; 12, с. 67 – 69]. Полагаем, что именно так обстоит дело и теперь.

Итак, обращение к опыту употребления понятия «материальная истина» в русской дореволюционной литературе показывает, что его считали атрибутом инквизиционного (следственного) процесса. Советская правовая школа попыталась обосновать исключительность советского уголовного процесса как процесса *нового типа, противоположного буржуазному*. Поэтому ею отрицалась возможность применения *квалифицирующего* критерия *инквизиционности/состязательности к советским процессуальным институтам*: их стали рассматривать в свете оппозиции буржуазное/социалистическое. В числе прочих уникальным продуктом развития социалистической правовой идеологии принято было считать концепт «объективной истины» [13, с. 53]. Советские процессуалисты утверждали, что состязательность сторон плюс активное участие в судебном следствии самого суда являются средством установления той материальной истины, стремление к которой характеризует подлинное правосудие и подлинный суд [14, с. 39]. Иначе и быть не могло, так как с первых дней своего основания советская государственно-правовая доктрина отрицала принцип разделения властей, что отражалось соответственно в уголовном процессе. Однако подобное рассуждение о соотношении объективной истины и состязательности демагогично: сами советские авторы не верили в него, зная, как обстоят дела на практике; отсюда двойные стандарты и постоянное вранье, которые не изжиты в отечественной юридической науке.

Как показывает история, не пассивность суда, а активность суда вкупе с прокурором и следователем становится угрозой не только для прав личности, но и для истины. Судебные ошибки были, есть и будут. Человеческое правосудие несовершенно. Причиной их может стать и субъективная сила или слабость одной из сторон. Но лучше пусть десять виновных будут не наказаны, чем наказан один невиновный. Состязательность гарантирует меньшее зло, инквизиционность – большее. В целом же можно сказать, состязательность имеет множе-

ство недостатков, но никто не предложил лучше способа отправления правосудия.

Люди по своей природе порочны, люди, облеченные властью, способны творить зло в больших масштабах, и процессуальные институты должны нейтрализовывать, сдерживать произвол. Состязательность, разделение властей – единственное, что может спасти личность от произвола чиновников. Неограниченная следственная власть (неважно как будет называться должность следователя или ведомство) опасна для общества и отдельного гражданина. Следственная власть не может быть «объективной», так как и прокурор не может быть «нейтральным». В этом плане мы не разделяем мнение Ю.Я. Чайки, утверждающего: «Прокурор – нейтральный человек. Он не заинтересован в результатах. Он мог бы и возбуждать, и расследовать» [15]. Как раз, напротив, надо исходить из наличия обвинительного уклона, как у следователя, так и у прокурора. Так было, есть и будет, потому что такова логика обвинительной власти: выявлять и изобличать. Суд же должен выступать арбитром между обвинительно-следственной властью и индивидуумом.

Красивые рассуждения о недопустимости обвинительного уклона, сохранении объективности (со стороны обвинительно-следственной власти) – демагогия. Надо полагаться не на людей, а выстраивать институты состязательного судопроизводства. Не голословные, бумажные гарантии добросовестности следователя, полицейского, а эффективный судебный контроль, и разумеется итоговое судебное разбирательство по правилам, выработанным веками, – вот, что удержит следователя в рамках закона.

Партийность в освещении обстоятельств дела естественным образом распространяется и на факты, которые использует каждая из сторон для обоснования своей позиции. «Так называемое «извращение перспективы дела», одинаково практикуемое в речах и обвинителя и защитника, есть прием, присущий всякой умственной борьбе интересов и, говоря вообще, состоит в выдвигании на передний план фактов наиболее благоприятных, с сильным освещением, при постоянном затемнении фактов противоположных и отвлечений от них внимания всякими способами» [16, с. 23]. Поэтому при состязательной установке на производство фактов судья презюмирует, что данные, представляемые каждой из сторон, представляют собой их интерпретацию события, их видение дела («обвинительные доказательства», «оправдательные доказательства» – пункты 5, 6 ч. 1 ст. 220, 244, 274 УПК). Следователь может утверждать, что якобы доказал обвинение,

суд же должен презюмировать сомнительность этого утверждения, как и заявления стороны защиты – до тех пор, пока в результате состязания относительно большая вероятность одного из противоположных объяснений проявится.

Как уже отмечалось, досудебное производство у нас тяготеет к розыскному, а не состязательному типу, вследствие чего слабой в процессуальном споре изначально оказывается сторона защиты. Традиционно, в нашем процессе суд активен, однако проявление активности в получении доказательств, принятии решений не должно входить в противоречие с конституционным принципом разделения властей. Суд может быть активен в том, что касается надлежащего исполнения функции правосудия или судебного контроля, в частности, оправданным будет проявление активности при исследовании, проверке уже представленных сторонами доказательств. Но судья не должен подменять своей деятельностью стороны, прежде всего сторону обвинения.

Противоречит конституционному принципу разделения властей (ст. Конституции РФ) и принципу состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) предложение считать, что органы предварительного расследования и суд выполняют одну функцию: функцию по всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу. Суд не может быть союзником органа предварительного расследования, прокурора (представителя исполнительной, обвинительной власти) и выполнять с ними одну функцию; активность суда может носить субсидиарный, факультативный характер, на первом месте должна стоять активность сторон.

Возврат советских инструментов взаимодействия органов и следствия невозможен (если мы хотим оставаться на основе правового государства): в ней судебное следствие превращалось в поединок между председательствующим и подсудимым, первый уличал последнего в преступлении, оставляя государственному обвинителю роль субсидиарного обвинителя. Поэтому следует отвергнуть все попытки прямо или косвенно снизить достигнутый уровень состязательности, в первую очередь недопустимо снятие запрета на поворот к худшему положению обвиняемого после направления уголовного дела в суд.

Надо думать об институциональных преобразованиях в отечественном уголовном судопроизводстве, предлагать изменения в уголовной и уголовно-процессуальной политике, принимать организационные решения по повышению эффективности деятельности орга-

нов обвинительной и судебной власти. В ряде выступлений президента России В.В. Путина звучали такие мысли: «нам, конечно, нужно будет разорвать обвинительную цепочку в работе следственных органов, органов дознания, следствия, предварительного судебного расследования, прокуратуры»¹. «Мы должны изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов. Исключить из уголовного законодательства все рудименты советского правосознания» [17].

На наш взгляд, оптимальным решением проблемы сочетания состязательности с обеспечением публичных интересов в досудебном производстве по уголовному делу стала бы реформа досудебного производства. Поэтому логичным будет завершить статью несколькими замечаниями по поводу желаемой реформы досудебного производства.

Главным пунктом такой реформы должно быть четкое позиционирование сторон, разделение процессуальных функций. «Разделение уголовно-судебных функций (на судебную, защитную и обвинительную) в состязательном уголовном судопроизводстве и потребность в специальном государственном органе, полномочном на реализацию публичного уголовного преследования, делает прокуратуру органом обвинительной власти» [18, с. 4 – 5, 26].

Обвинительную власть можно определить как систему государственных правоохранительных органов (исполнительной власти). Это так называемая «криминальная» или «уголовная полиция», возглавляемая прокуратурой, наделенной соответствующими процессуальными, а также иными властными полномочиями для раскрытия преступлений и изобличения преступников в ходе досудебного уголовного преследования и в форме поддержания государственного обвинения в судебных стадиях. Уголовная полиция – это элемент обвинительной власти [19, с. 17 – 21].

Совершенно уводит в сторону от решения коренного вопроса реформы досудебного производства тезис о разделении власти следственной и обвинительной. Обвинительная власть должна быть единой и неделимой и противостоять суду и защите. Нет уголовного процесса без уголовного иска [20, с. 35 – 47] и прокурор субъект его. Государственные органы, уполномоченные на осуществление уголовного преследования, должны считаться агентами, «про-

¹ <http://premier.gov.ru/events/news/17798/>

цессуальными слугами» прокурора. Агенты обвинительной власти должны быть единым целым, руководимым прокурором – хозяином досудебного уголовного преследования, в рамках которого формируются основания обвинения, предъявляемого в суде.

Главная задача по реформированию досудебного производства – это отказ от следственной формы. Без этого говорить о какой-то качественной модернизации системы уголовной юстиции не приходится. Пришло время сломать советскую традицию, отказаться от следственного формата досудебного производства, как противоестественного сочетания судебной и обвинительной деятельности органов предварительного расследования, включая институт внесудебного обвинения, прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, приостановления производства по делу, отказа в возбуждении уголовного дела и многого другого, что захламляет современное предварительное расследование, а главное – противоречит основной конструктивной идее правового государства (разделения властей).

Необходимо пересмотреть постулат о том, что досудебное производство является составной частью уголовного процесса, включая стадию возбуждения уголовного дела. Мы отстаиваем тезис о депроцессуализации стадии предварительного расследования и об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, а также введения формата полицейского дознания для всего досудебного производства. Мы предлагаем вернуть понятию дознания классическое значение, а именно: это полицейская деятельность, отделяющая получение информации о гипотетическом преступлении от принятия официального решения о возбуждении уголовного преследования или об отказе в его возбуждении. Дознанием охватывается вся деятельность по досудебному расследованию и раскрытию преступления. Все досудебное производство должно проводиться в формате полицейского дознания под руководством прокуратуры, которая выступает посредником между уголовной полицией и судебной властью. Такой формат досудебного производства в полной мере вписывается в состязательную модель, которая принята в любом правовом государстве, а предварительное следствие – нет.

Речь не идет о том, чтобы копировать англо-американскую модель полиции и досудебного производства. Надо вернуть понятию дозна-

ния то значение, которое оно имеет в континентальном уголовном процессе. Необходимо концептуально унифицировать уголовно-полицейскую деятельность: избавиться от псевдопроцессуальной дифференциации органов предварительного расследования. На институциональном уровне нет и не должно быть ни «органов следствия», ни «органов дознания» – есть лишь органы уголовной полиции. Досудебное уголовное преследование есть деятельность по своей природе полицейская независимо от того, каким конкретно ведомством она осуществляется [21].

Полицейское дознание – это такая форма досудебного производства, содержанием которой является деятельность уголовной полиции по выявлению и раскрытию преступлений, изобличению виновных в их совершении путем проведения ОРМ, следственных действий и иных, предусмотренных законом действий. Фактический материал, полученный уголовной полицией в рамках досудебного производства, представляется суду обвинителем для исследования с участием защиты и формирования юридического основания для привлечения к уголовной ответственности виновника преступления. Полицейское дознание – это деятельность, отделяющая получение и проверку информации о признаках гипотетического преступления (административного правонарушения) и расследование от принятия процессуального решения о возбуждении уголовного преследования или об отказе в его возбуждении. Дознанием должна охватываться вся деятельность по досудебному расследованию и раскрытию преступления. В досудебной деятельности уголовной полиции должны быть слиты ОРД, административная и собственно уголовно-процессуальная деятельность. Никакой разницы между полицейским расследованием преступления, особенно в сокращенном (суммарном) виде, и производством по делу об административном правонарушении не должно быть.

В число мер по реформе досудебного производства, на наш взгляд, должны входить: а) депроцессуализация досудебного производства; б) ликвидация стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; в) организация досудебного производства в виде полицейского дознания; г) ликвидация следственных органов; д) деформализация доказывания; е) восстановление руководящей роли прокурора в досудебном производстве.

Список использованных источников

1. *Костанов, Ю.А.* Необходимость возвращения прокурорского надзора за следствием / Ю.А. Костанов // Уголовный процесс. – 2012. – № 5. – С. 12 – 19.
2. *Кухта, А.А.* Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис... д-ра юрид. наук / А.А. Кухта. – Н. Новгород, 2010.
3. *Делез, Ж.* Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; (пер. с фр.). – СПб., 1998.
4. *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – Ч. 2. – М., 2005.
5. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. – 2-е изд. – М., 2007.
6. *Гольмстен, А.Х.* Этюды о современном состоянии науки права / А.Х. Гольмстен // Юридические исследования и статьи. – СПб., 1894. – Т. 1.
7. *Розин, Н.Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – Петроград, 1916.
8. *Полянский, Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М., 1927.
9. *Михайловский, И.В.* Основные принципы организации уголовного суда / И.В. Михайловский. – Томск, 1905.
10. *Случевский, В.К.* Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. – СПб., 1913.
11. *Червонецкий, Д.А.* Предмет и задачи науки уголовно-судебного права / Д.А. Червонецкий // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. – Юрьев. – 1911. – № 2. – С. 11 – 34.
12. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1879. – Т. 1.
13. *Строгович, М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М., 1947.
14. *Вышинский, А.Я.* К положению на фронте правовой теории / А.Я. Вышинский. – М., 1937.
15. *Новиков, К.* Юрий Чайка предложил сенаторам радикально усилить прокуратуру / К. Новиков // РФ. – 2012. – 31 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/31/chaika.html>. – Дата доступа: 19.09.2012.
16. *Владимиров, Л.Е.* Advocatus miles / Л.Е. Владимиров. – М., 1913.
17. *Путин, В.В.* О наших экономических задачах / В.В. Путин // Ведомости. – 2012. – 30 января [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah. – Дата доступа: 20.09.2012.
18. *Муравьев, Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы: в 2-х т. / Н.В. Муравьев. – Т. 1. – М., 1899.
19. *Александров, А.С.* К вопросу о создании единого Следственного комитета / А.С. Александров // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 17 – 21.
20. *Александров, А.С.* Понятие и сущность уголовного иска / А.С. Александров // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 35 – 47.
21. *Головко, Л.В.* Перспективы реформирования органов, осуществляющих обеспечение безопасности и борьбу с преступностью в Республике Казахстан / Л.В. Головко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // www.lprc.kz. – Дата доступа: 20.09.2012.

Дата поступления: 24.09.2012

47

Annotation

This article analyzes the legal nature of the judicial control and the process of evidence gathering at the stage of preliminary investigation. The half and incomplete reform of the institutions of pretrial proceedings is explained. The proposals for a return to the old inquisitorial orders are criticized. Authors propose some measures to improve the legal regulation of the preliminary investigation.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

Якубель М.М.
канд. юрид. наук
Академия МВД Республики Беларусь

Согласно ч. 1 ст. 2 УПК одной из приоритетных задач уголовно-процессуального закона является защита лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом. Особую значимость реализация этой задачи приобретает тогда, когда субъект, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, не может самостоятельно отстаивать свои интересы в силу наличия у него психического расстройства (заболевания). В таких случаях одной из дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов указанных лиц является участие законного представителя [1, с. 57].

По своему происхождению понятие представительства является гражданско-правовым. Содержание его образует правоотношение, «в силу которого одно лицо, представитель, совершает в пределах предоставленных ему полномочий сделки и иные правомерные юридические действия от имени и в интересах другого лица – представляемого» [2, с. 239].

Законное представительство в гражданском праве возникает независимо от волеизъявления представляемого и выступает в качестве одной из процессуальных гарантий соблюдения прав и охраняемых законом интересов недееспособных граждан, граждан, не обладающих полной дееспособностью, и граждан, признанных ограниченно дееспособными [3].

Законное представительство в уголовном процессе имеет схожую природу. Оно служит дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов тех лиц, которые в силу определенных обстоятельств (несовершеннолетие, психическое расстройство) не могут сознавать значение своих действий или руководить ими. Указанные субъекты, имея уголовно-процессуальную правоспособность, в большинстве случаев не обладают уголовно-процессуальной дееспособностью. Для защиты интересов этих лиц независимо от их желания и воли закон предусматривает обязательное участие в производстве законных представителей. Таким образом, «путем участия в уголовном процессе законного представителя

Аннотация

В статье анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), регламентирующие порядок привлечения законного представителя лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием), к участию в производстве по уголовному делу. Отмечается, что действующая редакция рассматриваемого правового института не способствует обеспечению эффективной деятельности законного представителя по защите прав и интересов психически больных субъектов, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер безопасности и лечения. Аргументируется необходимость совершенствования законодательства в указанной области.

Законное представительство в уголовном процессе имеет схожую природу. Оно служит дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов тех лиц, которые в силу определенных обстоятельств (несовершеннолетие, психическое расстройство) не могут сознавать значение своих действий или руководить ими. Указанные субъекты, имея уголовно-процессуальную правоспособность, в большинстве случаев не обладают уголовно-процессуальной дееспособностью. Для защиты интересов этих лиц независимо от их желания и воли закон предусматривает обязательное участие в производстве законных представителей. Таким образом, «путем участия в уголовном процессе законного представителя

происходит как бы восполнение процессуальной дееспособности представляемого лица, которая ограничена в силу тех или иных причин» [4, с. 33].

Пункт 8 ст. 6 УПК относит к числу законных представителей родителей, усыновителей, опекунов, попечителей подозреваемого, обвиняемого, *лица, совершившего общественно опасное деяние*, потерпевшего или гражданского истца; представителей организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, *лицо, совершившее общественно опасное деяние*, потерпевший или гражданский истец [5].

Использование в приведенной норме наименования «лицо, совершившее общественно опасное деяние» однозначно свидетельствует о том, что субъект производства по применению принудительных мер безопасности и лечения обеспечивается помощью законного представителя наравне с подозреваемым и обвиняемым. Вместе с тем редакция упомянутого положения представляется не безупречной. Так, перечислив в рассматриваемой статье категории субъектов, которые могут быть привлечены к производству по делу в качестве законных представителей, законодатель не указал обстоятельства, которые детерминируют необходимость участия законного представителя в процессе расследования (например: несовершеннолетний возраст участника производства, недееспособность подозреваемого, обвиняемого и др.). Вполне очевидно, что имеющееся определение предполагает его последующую детализацию. Однако в нормах УПК положения анализируемой статьи были конкретизированы лишь применительно к несовершеннолетним¹. Что же касается лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, равно как заболевших после совершения преступления психической болезнью, то в отношении них схожего предписания закон не содержит.

Не добавляет ясности в вопрос об участии законного представителя по делам, ведущимся в отношении психически больных лиц, и ч. 1 ст. 56 УПК, согласно которой законными представителями являются лишь те родители, усыновители, опекуны, попечители, которые представляют при производстве по уголовному делу интересы несовершеннолетних или **недееспособных** участников уголовного про-

цесса. Из содержания приведенной нормы не совсем понятно, в каком значении употреблен в данном случае термин «недееспособность»: в общегражданском либо в уголовно-процессуальном. В этой связи следует отметить, что в действующем законодательстве не получило нормативного закрепления ни понятие об уголовно-процессуальной недееспособности, ни процедура установления таковой, поэтому представляется, что термин, использованный законодателем в ч. 1 ст. 56 УПК, следует понимать исключительно в общегражданском смысле. Следовательно, категорию «недееспособные участники уголовного процесса» образуют те подозреваемые, обвиняемые, *лица, совершившие общественно опасные деяния*, потерпевшие и гражданские истцы, которые ранее в соответствии с положениями Гражданского кодекса Республики Беларусь, в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, были признаны недееспособными. Однако в этом случае необеспеченной помощью законного представителя в уголовном процессе остается значительная часть субъектов, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер безопасности и лечения². Изложенное позволяет констатировать, что, закрепив в ряде норм УПК положения о законном представителе лица, совершившего общественно опасное деяние, законодатель, между тем, не предусмотрел требования об обязательности его участия в ходе предварительного расследования по делу о применении принудительных мер безопасности и лечения³,

² Согласно данным проведенного исследования лишь в 3,3 % случаев от общего числа изученных уголовных дел, субъект, в отношении которого осуществлялось производство по применению принудительных мер безопасности и лечения, ранее был признан недееспособным в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом. В иных изученных случаях вопрос о признании лица, страдающего психическим заболеванием, недееспособным не рассматривался. (В ходе исследования подверглись выборочному изучению 120 архивных уголовных дел о применении принудительных мер безопасности и лечения, рассмотренных в период с 2001 по 2011 гг. судом Фрунзенского и Советского районов г. Минска, судом Минского района и г. Заславля, судом Воложинского района Минской области и судом Речицкого района Гомельской области).

³ В 46-й главе УПК, регламентирующей порядок производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, упоминается об участии законного представителя в «особом» производстве уже после окончания предварительного расследования по делу (ч. 1 ст. 445; ст. 449; ч. 3 ст. 450 УПК).

¹ Согласно ч. 1 ст. 436 УПК, «при наличии у несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого родителей или других законных представителей их участие в уголовном деле обязательно».

а также не оговорил конкретный момент, с которого этот участник должен быть привлечен к производству.

В условиях отсутствия четкой законодательной регламентации субъекты правоприменительной деятельности по-разному решают вопрос участия законного представителя в досудебном производстве по применению принудительных мер безопасности и лечения. Проведенное исследование показало, что в 1,6 % изученных случаев законный представитель к участию в деле не привлекался. В иных случаях (98,4 %) он участвовал в производстве, однако предусмотренный ч. 3 ст. 56 УПК процессуальный документ о признании лица законным представителем и допуске его к участию в уголовном деле выносился на разных этапах расследования: в 6,6 % изученных дел – с момента установления у лица психического расстройства (заболевания); в 2,5 % – с момента назначения судебно-психиатрической экспертизы; в 86,8 % случаев – в период после получения заключения эксперта-психиатра.

Результаты изучения уголовных дел позволили выявить и недостаточно четкое соблюдение лицами, осуществляющими предварительное расследование, требований закона о круге субъектов, уполномоченных выступать в качестве законных представителей участников уголовного процесса. Так, в 48,4 % случаев к участию в деле привлекались родители лиц, в отношении которых осуществлялось производство по применению принудительных мер безопасности и лечения, в 3,3 % случаев – опекуны, в 26,2 % – иные субъекты: братья, сестры, мужья, жены, лица, совместно проживающие с психически больными, *которые не являлись ни их опекунами, ни попечителями и не имели каких-либо установленных законом полномочий по представлению интересов указанных субъектов*. Вполне очевидно, что действия должностных лиц, осуществлявших предварительное расследование, в указанных 26,2 % случаев не соответствовали ч. 2 ст. 56 УПК, согласно которой, при отсутствии у лица законного представителя из числа субъектов, указанных в ч. 1 ст. 56 УПК, таковым следовало признать орган опеки и попечительства.

Наряду с изложенными проблемами законодательной регламентации и правоприменительной практики, существенную озабоченность вызывает и неопределенность процессуального пути привлечения законного представителя к производству по уголовному делу. Ранее в литературе уже отмечалась непоследовательность законодателя в этом вопросе: в п. 8 ст. 6 УПК при разъяснении понятия «законные представители» он не требует вы-

несения какого-либо процессуального документа о привлечении законного представителя к участию в производстве⁴, однако в ч. 1 ст. 56 УПК – оговаривает, что законными представителями «являются» не все родители, усыновители, опекуны или попечители, а лишь «представляющие при производстве по уголовному делу интересы» своих подопечных; в ч. 2 ст. 56 УПК – указывает на необходимость «признавать» в определенных случаях законным представителем орган опеки и попечительства, а в ч. 3 ст. 56 УПК – обязывает орган уголовного преследования и суд своим постановлением (определением) «признавать и допускать» к участию в производстве по уголовному делу одного из субъектов, перечисленных в п. 8 ст. 6 УПК [10, с. 51–52].

Описанная содержательная несогласованность ряда норм УПК, как представляется, препятствует формированию однозначной позиции относительно оснований и порядка привлечения законного представителя к производству по делу.

Разделяя мнение С.В. Рыбака, считаем, что имеющая место непоследовательность в регламентации института законного представительства в уголовном процессе вызвана смешением в УПК понятий «законного представителя» как категории гражданского, брачно-семейного права и «законного представителя» как участника уголовного процесса [10, с. 52].

В свою очередь, исходя из содержания соответствующих норм УПК, полагаем, что наличие у субъекта законного представителя (в общегражданском понимании) не влечет автоматического признания последнего законным представителем в уголовном процессе. При установлении в ходе расследования обстоятельств, свидетельствующих о необходимости привлечения к участию в деле законного представителя, должностное лицо, ведущее производство, прежде всего, должно выяснить, имеются ли у субъекта законные представители в общегражданском смысле этого понятия (родители, усыновители, опекуны, попечители и др.). Если «да», то изучить их кандидатуры с целью выявления и недопущения к производству по делу лиц, которые в силу ч. 4 ст. 56 УПК не могут выступать в

⁴ По смыслу упомянутой нормы для наделения лица полномочиями законного представителя в уголовном процессе достаточно лишь наличия юридического факта происхождения детей от конкретных родителей, усыновления, оформления опеки и попечительства, нахождения лица на попечении в соответствующих организациях, что вполне согласуется с положениями гражданского и брачно-семейного права [7; 8; 9, с. 89 – 90].

качестве законных представителей в уголовном процессе. После чего, руководствуясь ч. 3 ст. 56 УПК, одного из субъектов, отвечающих требованиям УПК, допустить к участию в производстве по уголовному делу в качестве законного представителя.

Между тем в ходе анализируемого производства весьма часто встречаются ситуации, когда представителей в силу закона, перечисленных в п. 8 ст. 6 УПК, у лица не имеется. Это связано с тем, что с достижением психически больным субъектом совершеннолетия родители, усыновители, опекуны и попечители (в случае, если опекунство или попечительство назначено в связи с несовершеннолетием) перестают быть его законными представителями [7]. Выступать в качестве такового вправе лишь опекун, если опекунство было назначено в связи с признанием субъекта недееспособным вследствие психического расстройства. Если же вопрос о лишении дееспособности ранее не ставился, то совершеннолетнее лицо, страдающее психическим заболеванием, является дееспособным с позиции гражданского законодательства и вправе представлять свои интересы самостоятельно без помощи законного представителя.

Вполне очевидно, что психическая патология субъекта не позволит ему эффективно осуществлять защиту своих прав. Представляется, что в описанном случае орган уголовного преследования и суд должны (руководствуясь ч. 2 ст. 56 УПК), признать законным представителем лица, совершившего общественно опасное деяние, орган опеки и попечительства и допустить его к производству по уголовному делу.

В силу ч. 3 ст. 56 УПК указанное решение органа уголовного преследования, суда должно быть облечено в форму соответствующего процессуального документа – постановления (определения) о признании субъекта законным представителем подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца. Вынесение этого документа фактически означает, что из числа имеющихся у лица законных представителей (в общегражданском смысле этого понятия) избран один, который допущен к участию в уголовном процессе. Если же законного представителя (в общегражданском понимании) у лица нет, то указанный процессуальный документ свидетельствует о том, что на время проведения процессуальных процедур в качестве такового признается и допускаются к производству по уголовному делу орган опеки и попечительства.

Наряду с вопросом о порядке привлечения законного представителя к участию в произ-

водстве по делу, существенную озабоченность вызывает проблема определения момента его допуска.

На необходимость четкого законодательного разрешения этого вопроса применительно к анализируемому производству указывали в своих трудах многие ученые-процессуалисты [1, с. 58, 65; 11, с. 211; 12, с. 170].

Думается, что вопрос о конкретизации момента привлечения законного представителя к участию в производстве по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения может быть разрешен следующим образом. Учитывая, что согласно действующей регламентации законные представители призваны представлять интересы лишь несовершеннолетних либо недееспособных участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 56 УПК), что не позволяет обеспечить участие законного представителя по всем уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, *видится необходимым предусмотреть в законе требование об участии законного представителя при производстве по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения.* Указанное предписание установит прямую причинно-следственную связь между принятием решения о начале «особого» производства и необходимостью привлечения к участию в деле законного представителя. Таким образом, наличие взаимосвязи между фактом начала «особого» производства и обязанностью следователя привлечь к участию в деле законного представителя будет способствовать повышению эффективности деятельности названного участника уголовного процесса.

Наряду с этим, целесообразно сохранить в законе упомянутое ранее положение о необходимости участия законного представителя для защиты интересов недееспособных лиц. Оно будет обеспечивать привлечение к производству по уголовным делам законного представителя недееспособных подозреваемого и обвиняемого, в отношении которых еще не принято решение о начале «особого» производства⁵, а также законного представителя недееспособных потерпевшего и гражданского истца.

Анализируя момент допуска законного представителя к участию в производстве по уголовному делу, считаем необходимым отметить, что законный представитель лица, страдающего психическим расстройством, может

⁵ Например, в случаях, когда по уголовному делу назначена либо уже проводится судебно-психиатрическая экспертиза подозреваемого, обвиняемого.

быть привлечен к участию в расследовании до начала «особого» производства и в случае несовершеннолетия психически больного подозреваемого либо обвиняемого. Процессуальная дееспособность подозреваемого, обвиняемого в этой ситуации не является полной, прежде всего, в силу его возраста. Поэтому, несмотря на то, что вопрос о целесообразности начала «особого» производства еще не решен, законный представитель должен быть допущен к участию в деле.

Среди «белых пятен» нормативной регламентации участия законного представителя в производстве по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения необходимо указать и отсутствие законодательной возможности отстранить названного субъекта от участия в уголовном деле, если его действия наносят ущерб интересам представляемого. Исходя из того, что данное правомочие послужит дополнительной гарантией добросовестности деятельности законного представителя, видится необходимым закрепить его в УПК. Следует отметить, что по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, такая возможность законом уже предусмотрена (ч. 4 ст. 436 УПК). Вместе с тем, полагаем, что к решению указанного вопроса следует подойти не только на уровне производства, регламентированного главой 45 УПК. Исходя из того, что деятельность в интересах представляемого является одной из основных черт законного представительства, *видится необходимым закрепить возможность отстранения от участия в деле недобросовестного законного представителя в целом, а не только в отношении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.*

Рассмотрение нормативного закрепления института законного представительства в уголовном процессе показывает, что существует

объективная необходимость его оптимизации, как в целом, так и применительно к «особому» производству, регламентированному главой 46 УПК. В этой связи представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование действующего УПК:

1) в целях конкретизации положений анализируемого института, необходимо уточнить содержание понятия «законные представители» (п. 8 ст. 6 УПК), дополнив его указанием на обстоятельства, детерминирующие необходимость законного представительства интересов участников уголовного процесса (несовершеннолетие, недееспособность и др.);

2) в целях повышения уровня правовой защищенности лиц, страдающих психическими расстройствами, видится необходимым конкретизировать момент привлечения законного представителя лица, совершившего общественно опасное деяние, к участию в производстве по уголовному делу. Для этого следует внести в УПК указание на обязательность участия законного представителя при производстве предварительного следствия по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения;

3) для обеспечения унифицированного понимания юридических норм и единообразия правоприменительной практики предусмотреть в законе единый процессуальный порядок привлечения законного представителя к производству по уголовному делу;

4) в качестве дополнительной гарантии добросовестности деятельности законного представителя предусмотреть возможность его отстранения от участия в деле (в случае нанесения им ущерба интересам представляемого лица) не только в случаях представления интересов несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого (ч. 4 ст. 436 УПК), но и иных участников уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Яцкевич, А.Г. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: правовой статус участников / А.Г. Яцкевич. – Минск: Веды, 1999. – 104 с.
2. Колбасин, Д.А. Гражданское право. Общая часть: учеб. пособие: в 2 т. / Д.А. Колбасин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Т. 1. – 263 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.01.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
4. Мелешко, В.В. О понятиях представительства и представителя в уголовном процессе / В.В. Мелешко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 2 (6). – С. 31 – 34.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.; текст по сост. на 25.07.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: принят Межпарламент. ассамблеей государств-участников СНГ 17 февр. 1996 г.: с изм. и доп. от 03.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.07.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
8. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.01.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
9. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / Т.А. Белова [и др.]; под ред. В.Г. Тихини, В.Г. Голованова. – Минск: Светоч, 2000. – 304 с.
10. Рыбак, С.В. О направлениях совершенствования правового положения законного представителя подозреваемого, обвиняемого / С.В. Рыбак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – №1 (19). – С. 51 – 56.
11. Татьяна, Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л.Г. Татьяна. – Ижевск, 2003. – 560 л.
12. Шагеева, Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера / Р.М. Шагеева. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 200 с.

Дата поступления: 30.08.2012

Annotation

The article analyzes the rules of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus (hereinafter – CCP), regulating the request of the legal representative of a person with a mental disorder (illness) to participate in a criminal case. It is noted that the current version of the examined legal institution does not promote the efficient functioning of the legal representative to protect the rights and interests of the mentally ill subjects in respect of whom the proceedings on the application of coercive measures of safety and treatment is held. The need for the improvement of the legislation in this area is discussed.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНТРАБАНДЕ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В СВЕТЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

Фёдоров Г.В.

канд. юрид. наук, доцент

Институт переподготовки
и повышения квалификации
МЧС Республики Беларусь

Боровик П.Л.

Академия МВД Республики Беларусь

Проблемные аспекты таможенного контроля за перемещением через границу Республики Беларусь носителей информации, содержащей сведения порнографического характера, впервые были рассмотрены С.А. Олейниковым на Республиканском научно-практическом семинаре «Актуальные проблемы морального здоровья нации» в 2005 г. Автор проанализировал международные договоры об ответственности за оборот порнографических материалов или предметов, правовые акты национального законодательства, устанавливающие ответственность за их ввоз (вывоз), указал на признаки состава административного таможенного правонарушения, предусмотренного ст. 193⁵ Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) от 6 декабря 1984 г. «Несоблюдение порядка применения мер экономической политики и других ограничений при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу Республики Беларусь» (с изм. и доп. по сост. на 26 июня 2003 г.) при их ввозе из Российской Федерации. В качестве одной из проблем ввоза на территорию нашей страны данной продукции автор отметил отсутствие таможенного контроля и таможенного оформления на границе с Российской Федерацией [1, с. 34]. Несмотря на то, что проведенное им исследование основывается на устаревшем на сегодняшний день законодательстве и не учитывает повышенной степени опасности оборота детской порнографии, представленная проблема не только не потеряла своей актуальности, но на современном этапе приобрела еще большую остроту.

Сказанное обусловлено тем, что с 01 января 2012 г. вступило в действие Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана, означающее, по сути, снятие внутренних границ для перемещений товаров, услуг, капиталов и рабочей силы [2]. Указанное обстоятельство предопределяет необходимость унификации законодательства стран-участниц Таможенного союза, в том числе связанного с

Аннотация

В статье анализируются проблемные аспекты криминализации ввоза (вывоза) через государственную границу Республики Беларусь в рамках Единого экономического пространства Беларуси, России и Казахстана порнографической продукции с изображением сексуальных дисфункций, классифицируемых по МКБ-10, и с изображением несовершеннолетнего. С учетом анализа национального законодательства, законодательной базы стран-участниц Таможенного союза и других зарубежных стран, а также степени общественной опасности данного деяния обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Республики Беларусь.

контролем ввоза продукции рассматриваемой категории.

В настоящее время среди изготавливаемой и распространяемой порнопродукции преобладает информация в электронном виде, оборот которой осуществляется посредством глобальной сети Интернет, локальных сетей общего пользования и средств мобильной связи. Вместе с тем, значительное количество такого материала до сих пор хранится и распространяется также на ошествленных носителях информации. Так, согласно статистическим данным, в 2012 г. правоохранными органами было изъято 72 жестких диска, 1 572 DVD-диска, три мобильных телефона, один фотоаппарат, две флеш-карты, 24 видеокассеты, один журнал, 2 459 обложек для дисков, содержащих изображения порнографического характера [3]. Очевидно, что не исключена возможность ввоза (вывоза) указанной продукции через таможенную границу Республики Беларусь, в связи с чем будут затрагиваться интересы и других стран-участниц Таможенного союза. В этой связи актуализируется вопрос криминализации белорусской стороной этого деяния с целью обеспечения защиты интересов стран-участниц Таможенного союза от ввоза (вывоза) через таможенную границу порнографической продукции, в том числе содержащей изображения несовершеннолетнего.

Следует отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан предусматривает ответственность за «перемещение через Государственную границу в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования <...> материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» [4, ст. 242¹; 5, ст. 273¹]. Аналогичный подход существует и в уголовном законодательстве других стран. Так, уголовная ответственность за ввоз либо вывоз порнографии, в том числе с изображением несовершеннолетних, предусмотрена законодательством Молдовы, Австрии, Норвегии, Польши, Швейцарии, Германии, Ирана, Кореи и других стран [6, с. 113 – 114; 7, с. 100 – 102 и др.].

Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) от 27.11.2009 N 19, а также Решением Комиссии Таможенного союза от 27.11.2009 N 132) (в ред. от 18.10.2011) утвержден Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – участниками Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами (вступил

в силу с 01.01.2010). Согласно п. 1.3 Перечня запрещены для ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза печатные и аудиовизуальные материалы порнографического характера, перевозимые в целях сбыта.

Представляется, что в полной мере суть рассматриваемого деяния, предметом преступного посягательства которого является порнографическая продукция не криминального характера, отражена в диспозиции ч. 1 ст. 228 «Контрабанда» Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, предусматривающей уголовную ответственность за перемещение в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств идентификации, либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием. Для применения указанной нормы существенное значение имеет примечание к этой статье, а именно, что действия, предусмотренные ч. 1 данной статьи, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров и ценностей превышает в 2000 раз размер минимальной заработной платы, установленный на день совершения преступления. В противном случае, это деяние следует квалифицировать по ст. 14.3 «Несоблюдение порядка ввоза в Республику Беларусь товаров, запрещенных и (или) ограниченных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь» КоАП, в которой устанавливается ответственность от пяти до пятисот базовых величин с конфискацией товаров. Вместе с тем, данная статья предусматривает административную ответственность только за *ввоз* рассматриваемой продукции, но не вывоз, а значит – выявлен правовой пробел в административном законодательстве, требующий устранения. Представляется, что введение административной ответственности за *вывоз* материалов или предметов порнографического характера через границу Республики Беларусь наряду с уголовной ответственностью по ч. 1 ст. 228 УК имеет юридическое значение, связанное не только с защитой людей от информации, причиняющей вред их морально-нравственным устоям, но и обеспечением внутренней безопасности нашей страны, обусловленной, прежде всего, экономической составляющей. Последняя проявляется в том, что

вывоз подобной продукции за пределы таможенной границы является одним из факторов, подрывающих престиж нашего государства, поскольку такая противоправная деятельность принижает восприятие его привлекательности со стороны зарубежных стран, а это, в свою очередь, негативным образом отражается и на инвестиционном и туристическом климате Республики Беларусь. В этой связи мы предлагаем дополнить ст. 14.3 КоАП соответствующим указанием на *вывоз* товаров через таможенную границу Республики Беларусь.

Применительно к специфике рассматриваемой проблемы важным представляется уголовно-правовая регламентация деяния, связанного с ввозом (вывозом) через таможенную границу порнографической продукции криминального характера (в том числе с изображением несовершеннолетнего). По нашему мнению, существующая квалификация деяния, связанного с контрабандой порнографической продукции в крупном размере, не позволяет в полной мере выполнять поставленные перед уголовным законом цели и задачи. Представляется, что ни административная ответственность по ст. 14.3 КоАП, ни уголовная – по ч. 1 ст. 228 УК, не соразмерны степени общественной опасности, например, деяния, предмет преступного посягательства которого включен в состав преступления, предусмотренного ст. 343¹ УК, и максимальная ответственность за оборот которого предусмотрена в виде лишения свободы на срок от пяти до тринадцати лет. Это обусловлено тем, что общественная опасность такого деяния заключается не только во влиянии на нормальное психическое и физиологическое развитие человека, особенно несовершеннолетнего, но и стимуляции проявления сексуальной активности лиц с педофильной ориентацией, подталкивания их к поиску все более сильных ощущений, нередко удовлетворяемых путем совершения развратных действий и иных, более тяжких преступлений против половой неприкосновенности детей [8]. К социальным последствиям оборота детской порнографии ученые относят «деформации в культуре, идеологии: непризнание ребенка и его интересов высшей социальной ценностью, девальвация семьи, ослабление семейных и родственных связей, рост безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних» [9, с. 90]. Однако, при ввозе DVD-дисков, видеокассет, журналов и иных материальных носителей, содержащих информацию порнографического характера с изображениями несовершеннолетнего, в относительно небольшом количестве без цели сбыта (например, для «личного пользования»), данное деяние

вообще не подпадает под действие уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 228 УК, сдвигая зону ответственности из уголовно-правовой – в административно-правовую, установленную ст. 14.3 КоАП. Это касается и другой криминальной продукции, содержащей изображения сексуальных дисфункций (некрофилия, зоофилия, геронтофилия, садомазохизм, эксгибиционизм и т.п.), классифицируемых по Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), за исключением педофилии, а также использования беспомощного состояния одного из участников сексуальных сцен.

Для решения обозначенной проблемы мы предлагаем перемещение через таможенную границу Республики Беларусь порнопродукции криминального характера (без изображения несовершеннолетнего) криминализовать по ч. 2 ст. 228 УК, предусматривающей максимальную ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет, приравняв ее к идеологическому оружию массового поражения. Для этого в соответствующую диспозицию данной уголовно-правовой нормы мы рекомендуем включить указание на «порнографическую продукцию с изображением сексуальных дисфункций, классифицируемых по МКБ-10, а также беспомощного состояния партнера». Целесообразность криминализации данного деяния как квалифицирующего признака указанной статьи обусловлена уместной, на наш взгляд, соотносимостью с запретом оборота рассматриваемой продукции, предусмотренным ст. 343 УК, и ее общественной опасностью на современном этапе.

Перемещение через таможенную границу Республики Беларусь порнопродукции, содержащей изображение несовершеннолетнего, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 228 УК, поставив ее в один ряд с особо опасными наркотическими средствами или психотропными веществами. Для этого в соответствующую диспозицию данной уголовно-правовой нормы мы рекомендуем включить указание на «порнографическую продукцию с изображением несовершеннолетнего». Такой подход к криминализации данного деяния соотносим с запретом оборота подобной продукции, предусмотренным ст. 343¹ УК и ее общественной опасностью.

Предвосхищая дискуссию по вопросу разграничения указанных деяний от преступлений, связанных с оборотом порнопродукции (ст.ст. 343, 343¹ УК), необходимо отметить следующее. Уголовно-правовая политика предусматривает уголовную ответственность не только на стадии реализации деяния, но и

на стадии подготовки либо покушения на него. Перемещение через государственную границу Республики Беларусь порнографической продукции является не актом ее распространения, а чаще всего подготовительным этапом к нему, а следовательно – подлежит соответствующей уголовно-правовой оценке. При этом, родовым объектом состава преступления, регламентированного ст. 228 УК, определяющим направленность уголовно наказуемого проступка, его тяжесть и характер причиняемых последствий, является не общественный порядок и общественная нравственность, как в ст.ст. 343, 343¹ УК, а правоотношения в сфере осуществления экономической деятельности, поскольку в данном случае имеет место нарушение *таможенного* законодательства. В этой связи достаточно спорным представляется наличие признака объективной стороны деяния «перемещение через Государственную границу <...> материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» в диспозициях уголовно-правовых норм России (ст. 242¹ УК РФ) и Казахстана (ст. 273¹ УК РК), регламентирующих ответственность за оборот детской порнографии.

Таким образом, предлагаемые новации в виде усиления ответственности за перемещение через таможенную границу Республики Беларусь порнографической продукции криминального характера и с изображением несовершеннолетнего, представляются совершенно логичными и оправданными, поскольку должны способствовать пресечению ее оборота уже на стадии целенаправленной подготовки к нему в виде ввоза (вывоза) через таможенную границу Республики Беларусь.

В случае обнаружения таможенной службой пограничного комитета попытки перемещения через Государственную границу Республики Беларусь порнографической продукции, содержащей изображения сексуальных дисфункций, классифицируемых по МКБ-10, беспомощного состояния партнера или изображения несовершеннолетнего, мы рекомендуем поступать следующим образом. Необходимо составить рапорт о непосредственном обнаружении сведений, указывающих на признаки данного деяния, который в порядке п. 1 ч. 2 ст. 37 и п. 5 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь регистрируется в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Далее сотрудники Государственного таможенного комитета на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК проводят проверку для принятия решения в соответствии со ст. 174 УПК. В рамках указанной проверки в порядке ч. 2 ст. 173 УПК они осуществляют процессуальные действия,

направленные на обнаружение наличия (отсутствия) оснований к возбуждению уголовного дела. В числе названных действий сотрудники проводят осмотр предметов либо документов и составляют протокол, в котором описывают усматриваемые признаки порнографии.

В соответствии со ст. 10.15 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [10], ч. 2 ст. 173 УПК и ч. 2 ст. 226 УПК Республики Беларусь для установления изображений сексуальных дисфункций, классифицируемых по МКБ-10, беспомощного состояния партнера и определения возраста лиц, изображенных на этих объектах, т.е. лиц, не достигших 18-летнего возраста, требуется проведение экспертизы. В соответствии с Инструкцией о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения, утвержденной постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 18, отнесение ввозимых на таможенную территорию Республики Беларусь товаров к категории содержащих элементы порнографии, пропаганды насилия и жестокости осуществляется таможенными органами на основании результатов, полученных в ходе проведения таможенного контроля либо административного процесса по делам об административных правонарушениях [11, п. 6]. В случае возникновения спорных вопросов по отнесению продукции к тому либо иному виду, а также соблюдению установленного законодательством порядка выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения, лицо, производящее дознание, вправе обратиться в Республиканскую экспертную комиссию по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости для дачи соответствующего экспертного заключения [11, п. 7].

При получении фактических сведений, дающих основания полагать о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, начальник органа дознания (подразделения Государственного таможенного комитета) в соответствии с ч. 4 ст. 38, п. 3 ч. 1 ст. 174 и ч. 1 ст. 186 УПК направляет в органы пред-

варительного следствия зарегистрированный рапорт, к которому прилагает материалы проверки. При этом вместе с протоколами следственных действий, заключением эксперта, объяснениями и другими документами передаются также протоколы ОРМ (если они проводились), результаты которых легли в основу поводов к возбуждению уголовного дела и на основании ч. 2 ст. 88 и ст. 99 УПК могут быть признаны источниками доказательств.

Для повышения количественно-качественного содержания доказательственной базы и в случаях, нетерпящих отлагательства, орган дознания в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 и ч. 1 ст. 186 УПК может возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления.

Во всех случаях планирования и осуществления ОРМ и следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела и в порядке ч. 1 ст. 186 УПК, мы рекомендуем сотрудникам Государственного таможенного комитета консультироваться со следователем следственного подразделения, которому будут переданы материалы или уголовное дело для производства следствия.

Результаты исследования проблемных аспектов противодействия контрабанде детской порнографии в свете Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана позволяют сделать следующие выводы:

1. В целях унификации законодательства стран-участниц Таможенного союза в рамках Единого экономического пространства в части, касающейся установления уголовной ответственности за ввоз (вывоз) через Госу-

дарственную границу Республики Беларусь порнографической продукции, предлагаем диспозицию ч. 2 ст. 228 УК Республики Беларусь после слов: «создании оружия массового поражения, » дополнить текстом следующего содержания: «а также порнографическая продукция с изображением сексуальных дисфункций, классифицируемых по МКБ-10 и беспомощного состояния партнера, ». Часть 3 ст. 228 УК Республики Беларусь после слова «веществ» дополнить текстом следующего содержания: «или порнографической продукции с изображением несовершеннолетнего».

2. В целях установления административной ответственности за вывоз порнографической продукции в случае отсутствия состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК Республики Беларусь, предлагаем ст. 14.3 КоАП Республики Беларусь изложить в следующей редакции:

«Статья 14.3. Несоблюдение порядка ввоза (вывоза) через таможенную границу Республики Беларусь товаров, запрещенных и (или) ограниченных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь.

Ввоз (вывоз) товаров, запрещенных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь, несоблюдение порядка ввоза в Республику Беларусь товаров, ограниченных к перемещению через таможенную границу при ввозе по основаниям неэкономического характера, за исключением случаев, когда такие товары после прибытия на таможенную территорию не покидали пункта ввоза и в отношении их таможенным органом выдано разрешение на убытие с таможенной территории Республики Беларусь, –...».

Список использованных источников

1. Олейников, С.А. Таможенный контроль за перемещением через границу Республики Беларусь носителей информации, содержащей сведения, которые могут причинить вред нравственности граждан / С.А. Олейников // Актуальные проблемы морального здоровья нации: Материалы респ. науч.-практ. семинара (22 дек. 2005 г., г. Минск) / Науч. ред. В.Н. Ивченко. – Минск: БелГИПК, 2006. – С. 31 – 34.
2. С 1-го января вступило в действие Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvr.by/rus/economics.asp?id=60174>. – Дата доступа: 20.06.2012.
3. Костюкевич, Н. Спрос на детское порно в Беларуси возрастает / Н. Костюкевич // Информационный портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/300241.html>. – Дата доступа: 19.07.2012.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/211944-ugolovnyj-koodeks-respubliki-kazakhstan.html>. – Дата доступа: 14.06.2012.
6. Донченко, А.Г. Современное уголовное законодательство зарубежных государств об ответственности за оборот порнографии / А.Г. Донченко // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: Изд-во СГАП, 2009. – № 4 (68). – С. 112 – 115.

7. Митрохин, В.А. Сравнительно-правовое исследование феномена порнографии/ В.А. Митрохин // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 3 (66). – С. 99 – 103.
8. Казначеева, Е. Куда уходит детство? / Е.Казначеева // Объединенная редакция МВД России (Щит и меч №46 / 1206) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omvd.ru/pubs/14687/>. – Дата доступа: 14.01.2012.
9. Бесчастнова, О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: уголовно-правовой аспект: 12.00.08 / О.В. Бесчастнова. – Ростов н/Д, 2008. – 210 л.
10. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20.12.2006 №194-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.06.2012 №409-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
11. Об утверждении Инструкции о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения и признании утратившим силу постановления Министерства культуры Республики Беларусь от 13 апреля 2000 г. № 8п: постановление Министерства культуры Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 18 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

Дата поступления: 18.10.2012

Annotation

The authors of the article analyze the problem aspects of the criminalization of the import (export) of pornography depicting sexual dysfunction, classified according to the ICD-10, and with the image of a minor through the state border of the Republic of Belarus in the framework of the Common Economic Space of Belarus, Kazakhstan and Russia. Due to the analysis of the national legislation, the legal provisions of the Customs Union and other foreign countries, as well as the degree of social danger of this criminal act, the necessity of making appropriate amendments to the Code of Administrative Offences and the Criminal Code of the Republic of Belarus is proved.

КРИМИНОЛОГИЯ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Орлов Ю.В.

канд. юрид. наук

Харьковский национальный
университет внутренних дел
МВД Украины

Современный этап развития правовых систем практически всех государств постсоветского пространства, который, выдвигая к законодательному процессу требования научности, системности, криминогенной безопасности, все же характеризуется определенной конфликтностью, непоследовательностью. Результатом этого, в частности, является наличие в правовом поле многочисленных нормативно-правовых актов и отдельных норм, которые имеют криминогенный характер: их практическая реализация в значительной степени обуславливает появление новых или обострение существующих социальных противоречий, способствует расширению возможностей злоупотребления правом в той или иной форме. В связи с этим в криминологической литературе давно отмечается, что законодательская работа тесно связана с программированием противодействия преступности [1]. Причем

Аннотация

Статья посвящена проблеме нормативно-правовой детерминации преступности. Обосновывается целесообразность использования концепции эффективности норм права для исследования нормативно-правовых криминогенных факторов. Приводится авторское определение нормативно-правовых детерминант преступности. На основании пяти базовых критериев дается классификация последних. Отдельно акцентируется внимание на группе коррупциогенных нормативно-правовых факторов преступности.

речь идет не только о совершенствовании законодательства, которое непосредственно нацелено на предотвращение преступлений, в частности – уголовно-правового, но и научно-криминологическом диагностировании, мониторинге законодательства, которое имеет общесоциальную или узкоотраслевую регуляторную направленность.

Указанные факторы ставят на повестку дня вопрос относительно внедрения криминально-превентивной практики (относительно Украины) и усовершенствования (относительно Беларуси) института криминологической экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов. Вместе с этим, выполнению этого задания должно предшествовать исследование нормативно-правовой криминогенной детерминации как таковой. Признавая существенный вклад в разработку проблематики нормативно-правовой детерминации преступности, внесенный такими учеными, как Н.А. Барановский, С.В. Бородин, В.В. Голина, И.М. Даньшин, А.Н. Джужа, А.И. Долгова, С.В. Задиран, А.П. Закалюк, О.Г. Кальман, А.В. Кирилук, А.Н. Костенко, В.В. Лунеев, Э.Ф. Побегайло, В.И. Поклад, В.М. Попович, Д.А. Шестаков и некоторыми другими, следует отметить, что большинство исследований указанных ученых посвящено научно-методическим аспектам организации и осуществления криминологической экс-

пертизы нормативно-правовых актов и/или их проектов. Однако, почти не разработанным остается вопрос относительно особенностей формирования и действия детерминационных связей между позитивным правом и преступностью, что и обуславливает *актуальность* темы настоящей статьи.

Целью статьи является определение понятия и видов нормативно-правовых факторов преступности.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере противодействия преступности средствами правотворчества.

Следует обратить внимание на то, что отечественные исследователи проблематики нормативно-правовой детерминации преступности, говоря о критериях криминогенности нормативно-правового акта (отдельной нормы права), используют аппарат теории эффективности нормы права (из общей теории права), специфицируя ее к потребностям криминологии, и определяют на основе этого понятие и критерии криминологической эффективности [2 – 4]. Такой подход, по нашему мнению, полностью согласуется с логикой понимания проблемы.

Отметим, что относительно понятия эффективности закона (нормы права) в науке не сформировано единого подхода. Так, под эффективностью норм права понимают их способность оказывать влияние на общественные отношения в заданном направлении (А.С. Пашков, Д.М. Чечот), способствовать достижению желаемой цели (М.Д. Шаргородский), обеспечивать достижение социально полезной и объективно обоснованной цели (В.А. Козлов), обеспечивать нормальный ход правосудия (М.Д. Чечот) и так далее [5, с. 23 – 24]. Дифференциация в подходах к пониманию эффективности права обосновывается разными исходными позициями авторов: либо юридико-догматическая позиция (юридический позитивизм), либо социологическая (социологический позитивизм). Яркую выраженную юридико-догматическую позицию избирает С.С. Алексеев, указывая, что эффективность права с сугубо юридической, специальной правовой стороны характеризуется безотказной и четкой работой всех компонентов правовой системы, всех механизмов правового регулирования, слаженностью, действенностью всей взаимосвязанной цепи юридических средств [6, с. 78]. Но эта позиция относительно оценки эффективности нормы права не может полностью удовлетворить потребность нашего исследования. В связи с этим, более плодотворной в отмеченном аспекте считаем социологическую позицию профессора В.В. Лапаевой,

которая указывает, что под эффективностью нормы права следует понимать меру ее вклада в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях [7, с. 33]. То же можно сформулировать и в привычных терминах соотношения цели и результата, поскольку эффективность – это прежде всего мера целенаправленного воздействия. Но речь идет не о внешних по отношению к праву экономических, политических, идеологических и других целях, а об имманентной правовой цели, которая заключается в согласовании социальных интересов на базе правообразующего интереса и в обеспечении, таким образом, максимально возможной общей меры свободы для развития соответствующей сферы общественной жизни. Аналогичную точку зрения высказывает и академик А.П. Закалюк, который отмечает, что эталоном оценки социальной эффективности правовой нормы обычно является соответствие этой норме не самого поведения (в этом видится ее юридическая эффективность), а более отдаленных социальных последствий ее реализации [3, с. 192].

В связи с изложенным пониманием эффективности права в социологическом смысле (то есть социальной эффективности) полностью обоснованно рядом ученых предлагается выделять криминологическую эффективность закона, как разновидность его социальной эффективности. Критериями криминологической эффективности следует признать стимулирование действия антикриминогенных факторов, устранения (нейтрализацию) детерминант преступности, которые действуют в сфере, регулируемой законом, создания для них неблагоприятных условий [3, с. 192]. Это объясняется тем, что ближайшей социальной целью любой нормы права, как составляющей системы права, является утверждение правопорядка. Последний же априори исключает преступность как таковую, или же по крайней мере предусматривает ее состояние в пределах так называемого «порога насыщаемости».

Таким образом, критериями криминологической неэффективности нормативно-правового акта возможно признать: а) непосредственную детерминацию совершения преступлений; б) блокирование действия антикриминальных мероприятий. Учитывая общие положения теории детерминации преступности, считаем, что указанные критерии возможно объединить в едином понятии – нормативно-правовые детерминанты преступности.

Итак, под нормативно-правовыми детерминантами (факторами) преступности сле-

дует понимать такие положения нормативно-правового акта, которые непосредственно детерминируют совершение преступлений или же блокируют действие антикриминальных мер, предпринимаемых обществом и государством.

Анализ научной литературы по проблеме правотворчества дает нам основания осуществить классификацию нормативно-правовых детерминант преступности по следующим критериям.

1. *В зависимости от особенностей закрепления норм в нормативно-правовом акте или его проекте* можно выделить следующие нормативно-правовые детерминанты преступности:

а) фиксированные нормативные положения, которые стимулируют или создают условия для совершения преступления;

б) латентные криминогенно опасные проявления в тексте нормативно-правового акта.

Фиксированные нормативные положения, которые стимулируют или создают обстановку для совершения преступления, являются достаточно распространенным явлением для нашего законодательства. Так, например, под лозунгами гуманизации уголовного законодательства в ст. 69 ныне действующего Уголовного кодекса (далее – УК) Украины введена норма, которая фактически позволяет в завуалированной форме на усмотрение судьи назначить наказание ниже самого низкого предела или вообще более мягкое наказание, чем это предусмотрено законом. На наш взгляд, эта норма несет в себе значительный криминогенный потенциал, поскольку ее реализация может происходить в форме распространения коррупции в системе судебной власти. В данном случае, по нашему убеждению, для нейтрализации этих негативных явлений речь должна идти о реализации принципа гуманизации законодательства с одновременным ограничением дискреционных полномочий судей.

Не менее криминогенно опасной чем фиксированные нормативно-правовые положения является латентность законодательного текста. Латентность являет собой скрытую, завуалированную форму выражения чего-либо, что обусловлено различными факторами. В законодательном тексте латентность традиционно определяется волеизъявлением законодателя, который преследует различные цели, сознательно оставляя место для возможного поиска заложенной в языковой формуле информации [8, с. 19]. Однако в данной ситуации есть и исключения – ошибки законодателя, элементы недоработки субъекта нормотворческой деятельности, которая негативно отра-

жается на криминологической эффективности нормативно-правового акта.

Анализ юридической литературы по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что вопросы, которые касаются особенностей выражения латентной информации в законодательном тексте, на сегодняшний день остаются не до конца разработанными. До настоящего времени практически отсутствуют научно обоснованные рекомендации относительно конструкции латентной части законодательных текстов. Между тем, по нашему мнению, данная проблема является криминологически востребованной.

Одной из немногих аналитических работ в данном аспекте является труд М.Д. Локшиной «Язык закона» [9]. Ученый, касаясь понятийно-терминологического начала латентности нормативных предписаний, напрямую связывает объективное существование данной проблемы с явлением имплицитного в законодательном тексте. Она указывает, что «имплицитное (скрытое, неявное) свойственно любому тексту и является эффективным способом экономии языковых форм. Считается, что среднее значение в тексте явной и неявной информации приближается к единице» [9, с. 180]. Действительно, подобные конструкции используются законодателем достаточно часто. Примером могут служить такие выражения, как «если иное не предусмотрено законом или договором» (например, ч. 5 ст. 23 Гражданского кодекса Украины), «в случаях, предусмотренных законом» (например, ч. 3 ст. 4 Семейного кодекса Украины) и т.п. Частичная неосведомленность «рядового» правоприменителя, а часто и отсутствие такой регламентации, на которую отсылает латентная часть нормы, создает ситуацию, когда принцип экономии языковых форм противоречит принципу целесообразности и эффективности (в том числе и криминологической эффективности) нормы права.

К одному из распространенных видов латентности нормативных предписаний принадлежат явные и неявные дескриптивные предположения, которые проистекают из содержания текста закона, однако не прописаны в нем. Их выявление зависит исключительно от правоприменительного усмотрения. Общепризнанным в теории права является подход, согласно которому основное противоречие правоприменительной деятельности заключается в том, что она сочетает в себе нормативную и индивидуальную стороны правового регулирования [10, с. 28]. На этом же акцентировал внимание и известный криминолог В. Фокс, отмечая, что гибкость в применении и принудительной реализации права предусматривает

такую концепцию справедливости, согласно которой индивид, привлеченный к системе права, склонен приписывать ей то, что, по его мнению, считается желательным, с целью не допустить несправедливость. Поэтому правовое и политическое влияние на индивида в плане осуществления социального контроля не становится ни универсальным, ни фиксированным, ни обеспеченным соответствующей процедурой [11, с. 279].

Дискреционность, свойственная человеку как разумному существу, и ощущение социальных свойств (качеств) норм права во многом индивидуализировано в зависимости от уровня образования, восприятия или невосприятия политического курса действующей власти, т. к. право напрямую связывается с государством, разделяет политическую направленность его аппарата. Посему использование правоприменительного усмотрения, формирование которого происходит преимущественно на неформальных нормах (нормах морали, религиозных или ведомственно-корпоративных нормах и т.п.) благодаря наличию дескриптивных и дискреционных положений, является алгоритмическим по своей сути: постоянно соотносится с устоявшейся в сознании человека нормативной, мировоззренческой системой координат, установками, что в ряде случаев не способствует достижению целей, которые предусматривал законодатель, создает риски девиаций, в том числе криминогенного характера.

II. *В зависимости от особенностей направленности нормы права:*

а) нормативно-правовые криминогенные факторы, которые содержатся в нормах материального права;

б) нормативно-правовые детерминанты преступности, которые содержатся в нормах процессуального права.

Нормы материального права направлены на непосредственное регулирование общественных отношений, поведения их субъектов. В связи с этим сфера проявления нормативно-правовых детерминант преступности, которые содержатся в таких нормах, является широкой и зависит от конкретного содержания и направленности самой нормы права.

Нормы процессуального права устанавливают процедуру реализации норм материального права, чем и обуславливается более суженная сфера проявления нормативно-правовых детерминант преступности, которые содержатся в таких нормах, преимущественной их направленности на специальных субъектов.

III. *В зависимости от особенностей общественных отношений, регулируемых нормативно-правовым актом:*

а) нормативно-правовые криминогенные факторы, содержащиеся в законе об уголовной ответственности;

б) нормативно-правовые криминогенные факторы, которые содержатся в нормах права, направленных на организацию и осуществление правоохранительной деятельности: нормы права, которые регламентируют деятельность ОВД, органов прокуратуры, судебных органов и т. п.;

в) нормативно-правовые криминогенные факторы, которые содержатся в нормах права, преимущественно общесоциальной регулятивной направленности (нормы гражданского, трудового, хозяйственного, финансового и других отраслей права).

Так, например, диспозиция ст. 225 УК Украины преступлением признает «умышленные обмерка, обвес, обсчитывание или иной обман покупателей или заказчиков во время реализации товаров или предоставления услуг, если эти действия совершены в значительных размерах». Из приведенной нормы следует, что согласно действующей редакции ст. 225 УК обман покупателей и заказчиков может быть совершен лишь во время реализации товаров или предоставления услуг. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности лиц, которые вводят в заблуждение потребителей во время выполнения заказанных ими работ, противоречит ч.ч. 3, 4 ст. 3 УК Украины, что создает ситуацию неполной защищенности этой сферы социальной жизни от фактически имеющих общественно опасных посягательств. Подобные нормативные дефекты существенно усложняют возможность выполнения возложенных на уголовное право и законодательство задач.

Достаточно серьезную проблему также представляют нормативно-правовые детерминанты преступности, которые содержатся в нормах законодательства, направленного на организацию и осуществление правоприменительной деятельности. Речь идет, прежде всего, о нормах уголовно-процессуального законодательства, а также нормативно-правовых актах, которые регламентируют организацию функционирования правоохранительных органов. Показательной в этом плане является норма ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Украины: «Суд, прокурор, следователь или лицо, производящее дознание, обязаны разъяснить лицам, которые принимают участие в деле, их права и обеспечить возможность осуществления этих прав». Очевидно, что правовой статус лица, которое участвует в деле, кроме субъективных прав охватывает также и юридические обязанности, объем кото-

рых в некоторых случаях больше объема прав. Однако УПК не обязывает соответствующих субъектов (суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание) разъяснять и производные от прав обязанности. Такая ситуация незнания лицом своих обязанностей может обусловить совершение им преступления. Например, когда лицу не разъяснили его обязанность не разглашать данные досудебного следствия без разрешения прокурора, следователя или лица, производящего дознание, и это привело к совершению им преступления, предусмотренного ст. 387 УК Украины (разглашение данных досудебного следствия или дознания). Конечно, незнание закона не освобождает от ответственности. Однако такой ситуации можно было бы и избежать, если на суд, прокурора, следователя или лицо, производящее дознание, возложить обязанность разъяснять вместе с правами еще и обязанности лиц, которые участвуют в деле.

Наиболее сложный характер имеет связь между преступностью и нормами права общесоциальной регулятивной направленности. Нормы гражданского, трудового, хозяйственного, финансового и других отраслей права устанавливают пределы и формы правомерного поведения или определяют (в том числе и с помощью уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией) круг правонарушений, что не может не влиять на толкование понятия преступного поведения. Кроме того, неадекватное существующим социальным ожиданиям, запросам, тенденциям развития нормативное закрепление правил поведения обуславливает имманентную конфликтогенность, социальную инородность нормативно-правового акта, от которого общество, как самоорганизующаяся система, избавляется или в форме пассивного невыполнения, или же активного нарушения.

IV. *В зависимости от характера нормативно-правового дефекта:*

- а) криминогенный пробел в праве;
- б) криминогенная коллизия права;
- в) криминологически неэффективное содержание нормы права.

Достаточно распространенным явлением в любой системе права является пробел в законодательстве. Его существование усложняет правоприменительную деятельность, поскольку отсутствует юридическая норма, рассчитанная на конкретный жизненный случай. В связи с этим к такой ситуации в системе права возникает непосредственный криминологический интерес, ведь отсутствие нормы права и, одновременно, практическая необходимость урегулирования общественных отношений приводит к:

- а) применению аналогии закона, четкие прави-

ла которой ни в одном нормативно-правовом акте не определены, что с большой степенью вероятности может привести к разному роду злоупотреблениям; б) реализации де-факто действительного (в форме обычаев), но де-юре несуществующего права, соответственно девиантным, в том числе преступным, способом.

Одним из наиболее криминогенных аспектов данной проблемы представляется нам отсутствие нормативного регулирования лоббистской деятельности в нашем государстве. В Украине, в отличие от многих других стран, где «группы давления» могут отстаивать свои интересы на основании законов, которые прямо или косвенно регламентируют их права и обязанности, лобби и до сих пор остаются вне закона. Отсутствие гласности накладывает на эту деятельность особый отпечаток – криминальный, связанный с разнообразными нарушениями и взяточничеством [12, с. 110].

Кроме существующих пробелов в отечественном законодательстве, встречаются и ситуации существования двух и более правовых норм одинаковой юридической силы, которые регулируют одни и те же общественные отношения, однако не отвечают друг другу по содержанию (так называемая коллизия в праве). В таких ситуациях субъект правоприменения сталкивается с необходимостью выбора одной из таких норм, предписания которой будут подлежать реализации. Нередко такой выбор осуществляется из корыстных или иных личных мотивов, что и обуславливает криминогенность норм права такого рода.

V. *В зависимости от структурных элементов норм права:*

- а) криминогенные положения гипотезы;
- б) криминогенные положения диспозиции;
- в) криминогенные положения санкции.

Криминогенность каждой из перечисленных структурных частей нормы права может быть обусловлена различными их качествами, описанными выше.

Весьма дискуссионным вопросом в этом аспекте является научно обоснованное соотношение наказания с совершенным преступлением, то есть соразмерность санкции и экономики криминальной репрессии, в том числе и с целью предотвращения преступлений (в частности, рецидивных). Однако, данная сторона проблемы нуждается в отдельном исследовании на монографическом уровне.

Условно обособленную классификационную категорию представляют коррупциогенные нормативно-правовые детерминанты преступности. В общем виде можно выделить три принципиальные коррупциогенные нормативно-правовые формы: 1) выдвижение

завышенных требований для субъектов получения тех или иных государственных услуг, или закрепление слишком сложной процедуры реализации их прав; 2) неоправданно широкие дискреционные полномочия служебных лиц органов государственной власти; 3) закрепление неоправданно широких прав относительно ведомственного (подведомственного) нормотворчества; 4) нечеткое определение функций органов и учреждений из числа государственного аппарата, или органов местного самоуправления; 5) отсутствие или недостатки конкурсных (кадровых, тендерных) процедур.

Отмеченные нормативно-правовые формы могут детерминировать преступное поведение двумя путями: а) они провоцируют преступные действия коррупционного характера уполномоченных служебных лиц, или же об-

легчают реализацию их корыстных интересов вопреки интересам службы; б) они вынуждают получателей государственных услуг избирать коррупционные модели поведения как наиболее рациональные и эффективные способы достижения своих ситуативных интересов.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что приведенная классификация нормативно-правовых детерминант преступности является достаточно условной, так как один и тот же нормативно-правовой фактор может отвечать нескольким классификационным категориям. Вместе с этим, считаем, что она может быть использована в дальнейших исследованиях проблем нормативно-правовой криминогенной детерминации и криминологической экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов.

Список использованных источников

1. Долгова, А.И. Криминология / А.И. Долгова. – М.: НОРМА, 1999. – 784 с.
2. Закалюк, А.П. Про запровадження в Україні кримінологічної експертизи / А.П. Закалюк // Право України. – 1999. – № 7. – С. 102 – 108.
3. Закалюк, А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн. / А.П. Закалюк. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. – Кн. 3. – 317 с.
4. Джу́жа, О. Кримінологічна експертиза як засіб удосконалення законотворчого процесу / О. Джу́жа, А. Кирилюк // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією. – 2003. – № 8. – С. 125 – 137.
5. Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин [и др.]. – М.: Юридлит., 1980. – 280 с.
6. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юридлит., 1981. – Т. II. – 360 с.
7. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – М.: Норма, 2000. – 456 с.
8. Туранин, В.Ю. Негативные проявления латентности законодательного текста / В.Ю. Туранин // Право и образование. – 2005. – № 3. – С. 19 – 26.
9. Локшина, М.Д. Язык закона / М.Д. Локшина. – М.: Политиздат, 1990. – 248 с.
10. Рісний, М.Б. Правозастосувальний розсуд (загальнотеоретичні аспекти): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Б. Рісний. – Львів, 2006. – 189 с.
11. Фокс, В. Введение в криминологию: пер. с англ. / В. Фокс. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
12. Оді́нцова, О. Цивілізований лобізм як форма боротьби з корупцією / О. Оді́нцова // Право України. – 2006. – № 6. – С. 110 – 113.

Дата поступления: 05.09.2012

Annotation

The article is dedicated to the problem of legal normative determination of criminality. Expediency of the use of the conception of law efficiency for the research of criminogenic factors, mentioned in the laws, is explained. Authorial definition of legal normative determining factors of criminality is presented. On the basis of five main criteria the classification of the last is given. The attention is separately accented on the group of corruption-provoking legal normative factors of criminality.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛИЯ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ
(по материалам ОВД Украины)****Игнатов А.Н.**

канд. юрид. наук

Институт экономики и права

(филиал) ОУП ВПО

«Академия труда

и социальных отношений»

в г. Севастополе

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам насильственных преступлений, совершаемых работниками правоохранительных органов. Предложена комплексная криминологическая характеристика насильственных преступлений, совершаемых работниками ОВД.

Любое цивилизованное демократическое государство главным своим приоритетом, высочайшей социальной ценностью признает человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность. Важная роль в защите человека, его прав и свобод от противоправных и, прежде всего, насильственных посягательств принадлежит правоохранительным органам.

Именно поэтому совершение преступлений лицами, на которых возложены функции обеспечения безопасности и защиты других людей, не только подрывает основы демократического правового государства, препятствует построению гражданского общества, наносит ущерб авторитету государственной власти, препятствует нормальному функционированию органов власти и управления, ухудшает имидж правоохранительных органов, но и содействует деформации правосознания граждан, морально развращает общество, приучая его к мысли, что несправедливость и насилие со стороны власти допустимы и естественны; выступает весомым катализатором правового нигилизма в обществе, что крайне отрицательно сказывается на эффективности деятельности по минимизации уровня преступности. Преступность работников правоохранительных органов не только увеличивает общее количество преступлений, совершенных в стране, но и детерминирует совершение преступлений другими лицами (в том числе и потерпевшими от преступных посягательств, провоцируя активное развитие теневой юстиции). Особенно это касается совершения работниками правоохранительных органов насильственных преступлений, которые посягают на высочайшую социальную ценность – человека, его жизнь и здоровье, а также на другие его неотъемлемые права и свободы.

Про безусловную актуальность проблемы противоправного поведения работников правоохранительных органов, совершения ими преступлений вообще и насильственных, в частности, свидетельствуют многочисленные исследования. Так, многие ученые стран СНГ посвятили свои исследования проблеме преступности работников: правоохранительных органов (А.И. Долгова, С.В. Ванюшкин, О.С. Ильин, А.Г. Романова, 1997 г.; В.Ю. Тычинский, 2000 г.; В.А. Мерзлякова, 2003 г.; В.А. Фесунов, 2003 г.; И.Н. Кабашный, 2005 г.; Мустафаев Мубариз Хасрат оглы, 2009 г.; Л.В. Мед-

ведицкова, 2010 г. и др.); органов внутренних дел (В.И. Динека, 1994 г.; О.Н. Александров, 2000 г.; Е.А. Брайцева, 2002 г.; А.Н. Варыгин, 2003 г.; Ю.А. Аксенов, 2004 г.; Р.В. Скоморохов, 2004 г.; А.Б. Коноплин, 2005 г.; Ю.Л. Бойко, 2007 г.; М.В. Мытарев, 2009 г.; Д.А. Рясов, 2009 г.; А.Ю. Смирнов, 2009 г.; Н.Н. Дьяченко, 2011 г.; А.В. Иванисов, 2011 г.; Е.В. Стебенева, 2011 г. и др.); милиции (А.А. Купленский, 1991 г.; Ю.А. Мерзлов, 1998 г.; Н.В. Тарасов, 2000 г.; С.А. Алтухов, 2001 г.; А.А. Милохин, 2002 г.; К.А. Прохоров, 2004 г.; А.С. Черепашкин, 2004 г. и др.); уголовно-исполнительной системы (О.А. Чистотина, 2000 г.; Ю.В. Андреев, 2002 г.; О.К. Хотькина, 2011 г. и др.); Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (А.П. Клименченко, 2011 г. и др.), а также преступности в вооруженных силах (С.М. Иншаков, 1997 г.; В.А. Жарких, 2004 г. и др.).

Несмотря на немногочисленные исследования (С.А. Шалгунова, 1999 г.; А.С. Новаков, 2003; О.А. Мартыненко, 2007 г.; А.Н. Игнатов, 2007 г. и др.), проблема преступности работников органов внутренних дел не менее актуальна и для Украины. Как показывает практика, наибольшая доля насильственных преступлений работников правоохранительных органов приходится на работников органов внутренних дел. Это связано с тем, что органы внутренних дел (далее – ОВД) – самый большой по численности работников правоохранительный орган, а также с теми демократическими преобразованиями в Украине, которые имеют место последние несколько лет и способствуют открытости органов внутренних дел для внешнего контроля и трансформации их в службу сервисного типа в целом.

Анализ статистических данных за годы существования независимой Украины показал, что преступность работников ОВД является частью преступности как негативного социального явления с присущей ей определенной стабильностью. Пропорциональность преступных деяний, которая постоянно сохраняется, указывает на системный характер преступлений работников ОВД. Сравнительный анализ тенденций развития общей преступности и преступности работников ОВД позволяет сделать вывод, что между уровнем общей преступности и состоянием законности в органах внутренних дел существует зависимость (т.е. динамика изменения их количественных показателей имеет характер системной взаимосвязи как части и целого) [1; 2]. Аналогичная картина наблюдается и в других странах. Так, например, сравнение показателей преступности вообще и преступности работников

ОВД в Российской Федерации также указывает на то, что этим явлениям присущ характер системной взаимосвязи части и целого [3, с. 35; 4, с. 211].

В свою очередь, как показало наше исследование [5], насильственные преступления работников ОВД также являются производными от общей преступности и не противоречат основным тенденциям ее развития, что объясняется единством общих детерминант и взаимообусловленностью.

Относительно небольшой удельный вес насильственных преступлений, совершаемых работниками ОВД (приблизительно 16 – 17 %), в общей структуре преступности работников ОВД Украины не снижает остроту проблемы из-за их огромной общественной опасности и тяжести последствий. Анализ состояния насильственной преступности работников ОВД, их динамики показывает общую тенденцию к снижению их количественных показателей. Однако качественные характеристики структуры насильственной преступности работников ОВД вызывают беспокойство. В структуре насильственной преступности работников ОВД преобладают такие преступления, как умышленное убийство (22,9 %) и телесные повреждения (34 %). Следует учитывать, что преступления, совершенные этой категорией лиц, по уровню латентности в несколько раз превышают преступность вообще. Это связано, прежде всего, с тем, что в силу специфики служебного статуса работники ОВД имеют реальные возможности для осуществления продолжительной безнаказанной преступной деятельности.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что насильственные преступления совершаются работниками правоохранительных органов в различных сферах общественных отношений. Так, в зависимости от сферы общественных отношений, в которой работником ОВД совершается преступление, все насильственные преступления целесообразно рассматривать с учетом их разделения на три относительно самостоятельные криминологические группы, имеющие свои специфические особенности детерминации, что в свою очередь обуславливает соответствующую дифференциацию превентивных мер. Рассмотрим основные качественные характеристики каждого отдельного вида преступлений.

1. Насильственные преступления, совершаемые работниками ОВД в связи со служебной деятельностью. Доля в структуре насильственной преступности работников ОВД – 35 %. Структуру данного вида преступлений преимущественно составляют: умышленные убийства (17,8 %); тяжкие телесные повреж-

дения, повлекшие смерть (25 %); тяжкие телесные повреждения (22 %); легкие и средней тяжести телесные повреждения, непосредственно связанные с превышением власти или служебных полномочий (35,7 %). Большинство преступлений этого вида совершается работниками патрульно-постовой службы милиции (32,1 %). Далее по количеству совершенных насильственных преступлений данного вида идут: работники дежурных частей – 18 %; участковые инспекторы и работники уголовного розыска – 14,3 % на каждую группу; работники ГАИ и дорожной милиции – 10,7 %; работники административной службы милиции – 7 %. *Социально-демографические характеристики преступников. Возраст.* На группу в возрасте 20 – 25 лет приходится 18,7 % совершенных преступлений данного вида; 26 – 30 лет – 56,2 %; 31 – 35 лет – 12,5 %; старше 40 лет также 12,5 %. *Семейное положение.* Указанные преступления в 68,2 % случаев были совершены работниками, находящимися в браке. Неженатые составляют 27,3 %, а 4,5 % – разведенные. *Образование.* Удельный вес лиц со средним образованием среди преступников этой категории составляет 23 %, средне-специальным – 59 %, высшим – 18 %. *Звания.* Как показало наше исследование, 67 % преступлений данного вида было совершено работниками, которые имели звание сержанта (22 %) и старшего сержанта (45 %), старшего лейтенанта – 22 %, и приблизительно каждый десятый работник ОВД совершил преступление в звании рядового. *Внешние обстоятельства совершения преступлений.* 57 % преступлений было совершено в группе, в большинстве случаев состоящей из работников одной службы или подразделения ОВД. В 69 % случаев численность группы составляет два человека, в 31 % случаев – три и более. В *состоянии алкогольного опьянения* работниками ОВД было совершено 28,6 % преступлений данного вида. Характерной особенностью является то, что в 25 % случаев работники ОВД после совершения преступления никак не изменили своего поведения, что свидетельствует об их уверенности в безнаказанности. В 17,8 % случаев работники старались уничтожить следы преступления. *В присутствии свидетелей* было совершено 50 % преступлений данного вида. При этом лишь в 28,6 % случаев свидетели старались остановить преступника; в 43 % – свидетели вели себя нейтрально, а в 21,4 % – одобряли или призывали к продолжению преступных действий. *Время и место совершения преступлений.* Большинство рассматриваемых преступлений (78,6 %) были совершены в служебное время, причем, 58,3 % преступлений –

в служебном помещении ОВД (служебный кабинет, дежурная часть, помещения ИВС, райотделов и т.д.). *Орудия преступления.* Анализ преступлений показал, что 28,6 % из них было совершено с использованием табельного оружия; 46,4 % – с использованием спецсредств (39,3 %) и подручных средств (противогаз, пластиковые бутылки со льдом, пластиковые пакеты, зажигалки и т.д. – 7,1 %). *Другие особенности.* Специфической особенностью данного вида преступлений является и то, что совершению каждого четвертого преступления содействовало провоцирующее поведение пострадавшего.

2. Насильственные преступления, совершаемые работниками ОВД в сфере семейно-бытовых отношений. *Доля* в структуре насильственной преступности работников ОВД – 27 %. *Структуру* этого вида преступлений преимущественно составляют: умышленные убийства (50 %); тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть (10 %); тяжкие телесные повреждения (7,5 %); легкие и средней тяжести телесные повреждения, непосредственно связанные с превышением власти или служебных полномочий (12,5 %); хулиганство (20 %). Большинство преступлений этого вида совершается работниками патрульно-постовой службы милиции (20 %) и участковыми инспекторами (20 %). Далее идут: работники дежурных частей и уголовного розыска – 14 % на каждую группу; работники административной службы милиции и государственной службы охраны – 10 % на каждую группу; работники ГАИ и дорожной милиции – 7 % и работники УГСБЭП – 3,5 %. *Социально-демографические характеристики преступников. Возраст.* На группу в возрасте 20 – 25 лет приходится 20 % совершенных преступлений данного вида; 26 – 30 лет – 25 %; 31 – 35 лет – 20 %; старше 40 лет – 15 %. *Семейное положение.* Указанные преступления в 55,5 % случаев были совершены работниками, находящимися в браке. Каждое третье преступление было совершено неженатым работником. Доля разведенных – 11 %. *Образование.* Удельный вес лиц со средним образованием среди преступников данной категории составляет 27,3 %, средне-специальным – 50 %, высшим – 22,7 %. *Звания.* Установлено, что большинство преступлений было совершено работниками высшего и среднего офицерского звена: каждое десятое преступление было совершено работником в звании подполковника, каждое пятое – майора. Доля работников, которые имели звание капитана, составляет 6 %; старшего лейтенанта – 6 %; лейтенанта – 28 %. *Внешние обстоятельства совершения преступлений.* Лишь 17,2 %

преступлений данного вида были совершены в группе. Группы состояли как из работников ОВД (коллег виновного), так и из других лиц (родственники, друзья). В 40 % случаев численность групп составляет два лица, в других случаях – три лица. Характерно, что в состоянии алкогольного опьянения совершено 75,8 % преступлений данного вида. В 27,6 % случаев работники ОВД после совершения преступления никак не изменили своего поведения. В 14 % случаев – старались уничтожить следы преступления. Характерной особенностью является то, что в 55 % случаев преступления данного вида были совершены в *присутствии свидетелей*. При этом в 62,5 % случаев свидетели старались остановить преступника. Подобное поведение лиц, присутствующих при совершении преступлений, на наш взгляд, можно объяснить тем, что во многих случаях свидетелями преступлений являются не коллеги виновного, а родственники, знакомые, соседи виновного или потерпевшего, посторонние лица. В 31,2 % случаев свидетели вели себя нейтрально, а в 6 % – одобряли или призывали к продолжению преступных действий. *Время и место совершения преступлений*. Большинство рассматриваемых преступлений (65,5 %) были совершены вне служебного времени. В подавляющем большинстве эти преступления (86,2 %) были совершены вне служебных помещений ОВД. *Орудия преступления*. 55 % преступлений совершено работниками ОВД с использованием табельного оружия, а 31 % – спецсредств. *Другие особенности*. Совершению каждого пятого преступления содействовало провоцирующее поведение пострадавшего.

3. Насильственные преступления, совершаемые работниками ОВД вне сферы семейно-бытовых отношений и не связанные со служебной деятельностью. Доля в структуре насильственной преступности работников ОВД – 38 %. *Структуру* данного вида преступлений преимущественно составляют: умышленные убийства (11,3 %); телесные повреждения (20,4 %) (из которых 6,8 % составляют тяжкие телесные повреждения и 13,6 % – легкие и средней тяжести телесные повреждения, непосредственно связанные с превышением власти или служебных полномочий); хулиганство (2,6 %); изнасилования (29,5 %); грабеж (19 %); разбой (38,6 %) и вымогательство (11,3 %). Большинство преступлений данного вида совершается работниками патрульно-постовой службы милиции (45,6 %). Вторую половину насильственных преступлений совершили: работники дежурных частей – 13 %; уголовного розыска –

10,8 %; участковые инспекторы и работники государственной службы охраны – 9 % на каждую группу; работники криминальной милиции по делам детей – 6,5 %; работники УГСБЭП, УБОП и следователи – 2,2 % на каждую группу. *Социально-демографические характеристики преступников. Возраст*. На группу в возрасте 20 – 25 лет приходится 51,5 % преступлений данного вида; 26 – 30 лет – 24,2 %; 31 – 35 лет – 15,1 %; старше 40 лет – 9 %. *Семейное положение*. Указанные преступления в 72,5 % случаев были совершены работниками, находящимися в браке; неженатыми – 22,5 %; разведенными – 5 %. *Образование*. Удельный вес лиц со средним образованием среди преступников данной категории составляет 68,4 %, средне-специальным – 10,5 %, высшим – 21 %. *Звания*. 31,8 % преступлений совершено работниками в звании рядового, сержанта – 27,3 %, старшего сержанта – 13,6 %, лейтенанта – 11,4 %, старшего лейтенанта – 6,8 %, капитана – 4,5 % и звания майора и подполковника – 2,8 %. *Внешние обстоятельства совершения преступлений*. Заслуживает внимания тот факт, что 79,5 % преступлений данного вида были совершены работниками ОВД в группе, в большинстве случаев состоящей из работников одной службы или подразделения. В 48,6 % случаев численность групп составляет два лица, в 31,4 % случаев – три, а в 20 % случаев – четыре и более лиц. *В состоянии алкогольного опьянения* работниками ОВД было совершено 29,5 % преступлений данного вида. Характерно, что в 40,9 % случаев работники ОВД после совершения преступления никак не изменили своего поведения. В 31,8 % случаев – старались уничтожить следы преступления. Лишь 29,5 % преступлений было совершено в присутствии свидетелей. При этом в 40 % случаев свидетели старались остановить преступника. В 38,5 % случаев свидетели вели себя нейтрально, а в 15,4 % – одобряли или призывали к продолжению преступных действий. *Время и место совершения преступлений*. Большинство рассматриваемых преступлений (63,1 %) были совершены в служебное время, причем, 75 % – вне служебных помещений ОВД (на маршрутах патрулирования и вне территории подразделений). *Орудия преступления*. 4,5 % преступлений было совершено с использованием табельного оружия и 18,2 % – с использованием спецсредств. *Другие особенности*. Специфической особенностью данного вида преступлений является и то, что в 16 % случаев пострадавшими от преступлений стали иностранные граждане.

Следует отметить, что сравнительный анализ полученных нами результатов с результата-

ми исследований российских ученых показал, что насильственная преступность работников ОВД в Российской Федерации и Украине имеет много общих характеристик. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с тем, что правоохранительные органы стран постсоветского пространства являются «наследием» системы соответствующих, общих для всех, правоохранительных органов советского периода. Кроме того, существует много общего в ментальности населения обеих стран и в условиях их социально-экономического развития.

Таким образом, установленные особенности отдельных видов насильственных престу-

плений, совершаемых работниками ОВД, на наш взгляд, будут способствовать выявлению специфики их детерминации и, соответственно, необходимой дифференциации мер по их предупреждению, обеспечению эффективности и своевременности их реализации. Конечной же целью исследования преступности (прежде всего, насильственной) работников правоохранительных органов и реализации соответствующих превентивных мер должно стать недопущение нарушения прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов и противодействие дальнейшей криминализации нашего общества.

Список использованных источников

1. *Мартыненко, О.А.* Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины: моногр. / О.А. Мартыненко. – Харьков: Изд-во ХНУВС, 2005. – 468 с.
2. Моніторинг незаконного насильства в органах внутрішніх справ України (2004-2011 рр.) / О.А. Мартыненко [и др.]. – Харьков: Харьков. ін-т соціальних досліджень: Права людини, 2011. – 180 с.
3. *Варыгин, А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее / А.Н. Варыгин; под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 221 с.

4. *Лунеев, В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные, российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

5. *Ігнатів, О.М.* Насильницькі злочини, що вчиняються працівниками органів внутрішніх справ України: кримінологічна характеристика, детермінація та попередження: моногр. / О.М. Ігнатів. – Харьков: ТОВ «Вид-во «Формат Плюс», 2008. – 296 с.

Дата поступления: 27.09.2012

Annotation

The article is devoted to the actual problems of violent crimes committed by the. Complex criminological characteristic of violent crimes committed by officers of law-enforcement departments is proposed. As well the integrity of factors of determination of violent crimes committed by police officers is established and analyzed.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРОВ ДЕТЕРМИНАЦИИ ВООРУЖЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

Робак В.А.

канд. юрид. наук, доцент

Национальный университет

«Одесская юридическая академия»

Экономико-правовой факультет

в г. Симферополе

74

Аннотация

В статье анализируются детерминанты вооруженной преступности в Украине и определяются пути относительно их устранения.

Безусловным является то, что использование оружия при совершении какого-либо преступления крайне повышает его общественную опасность и облегчает его совершение. Кроме того, данный факт повышает опасность и самого виновного, так как применение оружия, при совершении преступных действий, свидетельствует о том, что он, во-первых, преодолел определенные психологические барьеры относительно использования огнестрельного либо холодного оружия для причинения вреда жизни и здоровью иных лиц и, во-вторых, в большинстве случаев, данное лицо будет использовать оружие и в дальнейшем, при совершении иных посягательств.

На территории Украины уровень вооруженной преступности, к сожалению, является довольно высоким. Так, например, на территории Украины было зарегистрировано следующее количество умышленных убийств с применением огнестрельного оружия: 2006 г. – 97 [1]; 2008 г. – 84 [2]; 2010 г. – 104 [3].

Несмотря на значительное распространение в Украине преступлений, которые совершаются с использованием оружия, они остаются практически неизученными со стороны ученых-юристов. Отдельные вопросы криминологической характеристики вооруженной преступности рассматривались в работах А.И. Долговой, В.В. Голины, В.П. Емельянова, В.В. Лунеева, Н.И. Мельника, В.А. Навроцкого, В.П. Тихого, Н.И. Хавронюка, Н.Н. Ярмыш и др. Однако самостоятельных исследований относительно изучения детерминант вооруженной преступности не проводилось, что и обусловило актуальность и выбор темы данной работы.

Целью является анализ причин и условий вооруженной преступности в Украине.

При написании данной работы использовались следующие методы:

- диалектический – при исследовании вооруженной преступности в контексте общих категорий уголовного права;
- формально-логический – при исследовании особенностей детерминации анализируемого вида преступности.

В качестве одного из факторов названного вида преступности можно указать то, что в настоящее время наблюдается падение духовности, нравственной культуры, что усугубляется отсутствием конструктивной идеологии, в связи с чем усиливаются потреби-

тельские отношения, желание к накоплению вещей и т.п. [4, с. 140].

Государственная монополия в сфере идеологии, которая существовала ранее, была разрушена, вследствие чего ослаб социальный контроль за поведением граждан, в особенности тех, которые не придерживались требований нравственных предписаний. Общечеловеческие ценности претерпели пересмотр. Государство отстранилось от определения главных нравственных ценностей и, соответственно, от надлежащей их защиты со стороны уполномоченных органов. Произошел переход от тотального запрещения к вседозволенности. В результате в обществе не сформировались и не формируются основы духовного и нравственного воспитания населения, особенно молодежи. Средства массовой информации нередко пропагандируют (отсутствует цензура) насилие, низменные проявления человеческой сущности, которые разрушают семью и брак, что стало одним из источников формирования представлений о моральных ценностях, становления приоритета ценностей в обществе [5, с. 109].

На основании сказанного можно сделать вывод, что значительная негативная роль в формировании общественного сознания, представлений и стереотипов вседозволенности, власти денег, романтизма уголовного образа жизни и т. п., особенно у подростков и молодежи, принадлежит средствам массовой информации. На сегодня их успешное функционирование, независимо от аудитории, статуса и направленности вещания, содержания и формы сообщений, основано на удовлетворении потребительского спроса в виде продукции насильственно-уголовного характера. В результате успешной реализации стремления средств массовой информации удовлетворить такой спрос, с целью получения прибыли, у населения формируется пренебрежительное отношение к законопослушному, правомерному поведению, упрочняется мысль о «нормальности» уголовного образа жизни, «неприкосновенности» преступных авторитетов, девальвируются понятия о справедливости и чести.

Рассматривая детерминанты вооруженной преступности, которые доминируют относительно ее существования и развития в Украине, целесообразно проанализировать детерминанты насильственной преступности против жизни и здоровья лица, поскольку, на наш взгляд, криминогенные факторы отмеченной категории преступлений являются подобными факторам преступности, исследованию которой посвящена данная работа.

Криминогенные факторы, которые детерминируют насильственные преступления против жизни и здоровья лица, как правило, объединяют в четыре группы: семейно-бытовые; ситуационные; заблаговременно планируемые; патологические.

К первой группе относят криминогенные явления и процессы, объективно рождающиеся субъективными межличностными отношениями, которые порождают криминогенные ситуации. Извне конфликт может проявляться в виде ненависти, неприязни, подозрения, ревности, мести, ссор, из-за аморального поведения одного из участников, материальных, жилищных и других бытовых или семейно-бытовых проблем. Совершению этой группы преступлений может предшествовать применение физической силы в семье, а нередко того или иного вида оружия.

Криминогенными процессами и явлениями второй группы считают недостаточную материальную базу заведений культуры и досуга, невысокий социальный статус преступников, усиление в современных условиях психической нагрузки и напряжения, негативную роль уголовной субкультуры, противоречия между статусом лица и его завышенными ориентациями, снижение социального и превентивного контроля государственных органов, трудовых коллективов, общественности за теми областями жизни, которые способствуют распространению в обществе пьянства, агрессивности, насилия и зла, фрустрации, страха перед преступностью и т.п.

К третьей группе относят криминогенные явления и процессы, детерминирующие умышленные убийства и тяжкие телесные повреждения, которые заблаговременно планируются: неблагоприятная социально-экономическая и морально-психологическая обстановка в стране и ближнем зарубежье; люмпенизация, маргинализация, алкоголизация, наркотизация значительных групп населения; криминогенная корыстность, которая вызывается социально-экономической психологией людей и в основе которой лежит стремление к накоплению, захвату чужих вещей, неправомерному обогащению и т.п.; разные формы виктимного поведения потерпевших; слабое криминологическое информирование населения о насильственной преступности, в том числе преступлениях, которые совершаются с применением огнестрельного оружия; ухудшение социально-психологического климата на производстве, в семье и т.п.; небывалая пропаганда в средствах массовой информации, в кино, на телевидении культа силы и «кулачного» права, насилия, сексуальной распущенности,

разврата, глумления над личностью, власти денег, которая снижает неприкосновенность человеческой личности, оправдывает «крутое» поведение; ослабление социального контроля над преступностью; недостаточная психологическая, физическая, правовая, техническая защита личности.

Факторы патологических умышленных убийств и тяжких телесных повреждений прямо связаны с явлениями социально-психологического, психиатрического, медико-педагогического, медико-реабилитационного, организационно-управленческого, правового и другого характера [6, с. 20 – 27].

На основании анализа факторов насильственной преступности можно выделить и другие детерминанты вооруженной преступности: негативное влияние микросреды; конфликтные ситуации между преступником и потерпевшим; криминализация личности (увеличение доли ранее судимых, таких, которые не работают и не учатся; рост количества условно осужденных, освобожденных от уголовной ответственности или от отбывания наказания, условно-досрочных освобожденных и признанных судами невменяемыми и т. п.); недостаточный контроль за осужденными в местах лишения свободы; недостатки в осуществлении профилактики насильственных преступлений; недостатки в сфере раскрытия насильственных преступлений [7, с. 261 – 264].

В качестве непосредственных детерминант вооруженной преступности можно выделить психологические аспекты «вооруженного преступника»: преодоление лицом определенных психологических барьеров относительно ценности жизни и здоровья иных лиц, что обуславливает использование и применение оружия при совершении противоправных деяний.

С целью минимизации указанных детерминант, по нашему мнению, необходимо увеличить количество профилактических мероприятий (рейдов, бесед, негласных мероприятий и т.п.), проводимых правоохранительными органами, с целью выявления лиц, склонных к совершению таких деяний. Особое внимание необходимо уделять ранее судимым лицам (в первую очередь лицам, которые имеют судимость за совершение преступлений с применением оружия, насильственных преступлений либо преступлений в сфере его незаконного оборота); лицам, которые злоупотребляют спиртными напитками или наркотическими средствами; лицам, которые увлекаются азартными играми; лицам, страдающим психическими заболеваниями и не изолированным от общества и т.п.

Высокий уровень вооруженной преступности в значительной степени обуславливается политическими и экономическими кризисными явлениями, которые существуют на современном этапе в нашей стране. Прежде всего, эти кризисы негативно влияют на уровень безработицы и качество жизни населения. Эти факторы стимулируют объединение лиц для совершения преступлений и использования различных предметов для «облегчения» реализации преступного замысла, в том числе применения того или иного оружия. Необходимо отметить, что росту указанных преступлений также содействует увеличение количества лиц, потерявших работу и имеющих высокую профессиональную подготовку (проходили службу в вооруженных силах либо правоохранительных органах, работали в охранных организациях и т.п.).

Для ликвидации перечисленных причин и условий вооруженной преступности необходима реализация комплекса мероприятий высшими органами государства (усовершенствование действующего законодательства, либерализация власти, усиление контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и т.п.), направленных на устранение кризисных явлений, политической и экономической нестабильности, безработицы, социального и правового неравенства граждан и т.п.

Следующим фактором, также оказывающим значительное влияние на негативную тенденцию развития вооруженной преступности, по нашему мнению, является коррупция, вследствие которой происходит незаконный отток оружия, в первую очередь огнестрельного, и боеприпасов из силовых ведомств и учреждений, имеющих право на хранение, изготовление и совершение иных действий с оружием.

Для устранения данных детерминант вооруженной преступности необходимо формирование системы мероприятий со стороны высших органов государства, направленных на усиление ответственности за коррупционные деяния, исключение возможности занятия должностей в сфере оборота огнестрельного оружия лицами, имеющими судимость за указанные деяния. Представляется необходимым повышение уровня контрольных мероприятий (проверок, ревизий и т.п.) на предприятиях, в учреждениях и организациях, которые имеют право совершать те или иные действия с огнестрельным оружием, а именно, исключение формализма, объективность и повышение ответственности лиц, которые проводят указанные контрольные мероприятия, на законодательном уровне.

Одним из условий, способствующих существованию и развитию вооруженной преступности, по нашему мнению, является слабый контроль со стороны государства за обращением с огнестрельным оружием. Государство, в лице соответствующих государственных органов, должно вести систематический учет и контроль огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему. Мы считаем, что необходимо способствовать надлежащему регулированию оборота огнестрельного оружия и боеприпасов, усовершенствованию действующего законодательства в этой сфере и деятельности соответствующих государственных и правоохранительных органов (усиление контроля, ответственности должностных лиц и т.п.). Данное обстоятельство также позволяет развиваться кустарному производству оружия и боеприпасов.

Также, в качестве детерминант указанного вида преступности, необходимо назвать халатность, безответственность относительно выполнения своих должностных или функциональных обязанностей уполномоченными лицами, что приводит к совершению хищений оружия, боеприпасов и их составных частей, а также нападений с целью завладения данными предметами на предприятия, где они находятся на хранении. Для устранения указанных детерминант, по нашему мнению, необходимо, усиление ответственности, вплоть до уголовной, за халатность лиц, в должностные или функциональные обязанности которых входит сохранность указанных предметов либо охрана указанных объектов.

В качестве следующего фактора вооруженной преступности можно выделить значительное увеличение предприятий, учреждений и организаций, преимущественно частной собственности, в которых накапливаются довольно большие объемы материальных или финансовых средств (филиалы банков, ломбарды, магазины по продаже изделий из драгоценных металлов и т.п.), при одновременной ненадлежащей организации охраны указанных объектов.

В последнее время наблюдается стойкая тенденция относительно увеличения случаев нападения на указанные предприятия, учреждения и организации (в качестве примера можно упомянуть г. Харьков, где в течение одного дня было совершено пять разбойных нападений на такие объекты). Для устранения названных обстоятельств, которые выступают, в определенной мере, провоцирующими факторами совершения нападений, необходимо посредством соответствующих нормативно-правовых актов узаконить нормы, обязываю-

щие владельцев указанных объектов заключать договора на обеспечение охранных услуг с соответствующими государственными учреждениями.

Фактором существования и развития вооруженной преступности также является развитие транснациональной преступности, что, в том числе, обуславливает развитие контрабанды огнестрельного и холодного оружия, а также боеприпасов, как с территории Украины, так и на ее территорию. Для устранения этого фактора необходимо усовершенствование деятельности таможенных органов по части выявления и предупреждения фактов перемещения видов оружия через государственную границу. По нашему мнению, усовершенствование деятельности данных органов, в первую очередь, должно касаться их технического обеспечения, укомплектования высококвалифицированными кадрами, обеспечения повышения квалификации и переподготовки действующих кадров.

В качестве следующего условия, детерминирующего существование вооруженной преступности, можно выделить пропаганду культа насилия и жестокости в средствах массовой информации [8, с. 167 – 176], в том числе путем демонстрации соответствующих художественных фильмов. Художественные фильмы вызывают массовый интерес [9, с. 8]; их воздействие налагает отпечаток на психически неуравновешенных людей, а особенно на еще несформировавшуюся психику несовершеннолетних, поскольку совершение преступлений с оружием в руках, даже без его фактического применения, является проявлением насилия, демонстрацией силы и доказательством ее, что особенно важно в подростковом возрасте. Целесообразно отметить, что на современном этапе насилия и жестокость демонстрируются не только в художественных лентах, а все чаще в новостях, различных программах и т.п.

Контроль над фактором детерминации вооруженной преступности могла бы обеспечить разумная цензура должного ранга, что возможно осуществить путем внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты относительно объективности осуществления данной процедуры и усиления ответственности лиц, которые отвечают за ее проведение.

Еще одним фактором детерминации совершения преступлений с использованием оружия являются реализованные государством шаги относительно упрощения процедуры оформления и продолжения действия разрешений граждан на хранение охотничьего и другого подобного оружия, а также упрощение процедуры регистрации предметов и приспособлений, которые имеют травматический характер

действия, хотя и предназначенные для защиты, но представляющие прямую угрозу, в первую очередь для здоровья человека. Целесообразно указать, что в последнее время увеличивается количество противоправных посягательств именно с применением указанных предметов. Особую опасность представляет невозможность предупреждения таких посягательств, в связи с наличием законных оснований у лиц на владение такими предметами. Необходимо также отметить, что со стороны государства наблюдается тенденция к либерализации политики относительно лицензирования и контроля негосударственных организаций, которые имеют право владеть теми или иными типами оружия (охранные организации и т.п.).

По нашему мнению, реальная ситуация в стране определяет необходимость усиления требований и ответственности лиц, которые изъявляют желание получить разрешение либо уже имеют его. Усиление требований, в первую очередь, должно проявляться в ужесточении процедуры проверки лица, которое желает получить указанное разрешение, уменьшения периода перерегистрации разрешений, лишения возможности получить разрешение в случае нарушения требований, которые предъявляются к данным лицам, лишения лицензии юридических лиц на владение теми или иными типами оружия в случае нарушения последними требований, которые к ним предъявляются.

Таким образом, можно сделать вывод, что существование вооруженной преступности в Украине определяется как общими детерминантами, характерными для существования преступности в целом, а именно: экономическая и политическая нестабильность, повышение уровня безработицы, увеличение коррупционных проявлений, так и специфическими для данного вида преступлений, а именно: слабый контроль со стороны государства за обращением с огнестрельным оружием, халатность и безответственность относительно выполнения своих должностных или функциональных обязанностей уполномоченными лицами предприятий, учреждений и организаций, которые имеют право совершать те или иные действия с холодным или огнестрельным оружием, ненадлежащая охрана предприятий, учреждений и организаций, где хранятся в значительных размерах денежные суммы или ценности, пропаганда культа насилия и жестокости в средствах массовой информации, упрощение процедуры оформления и продолжения действия разрешений граждан на хранение охотничьего и другого подобного оружия.

В настоящей работе указываются пути устранения или минимизации специфических детерминант, определяющих развитие преступлений, осуществленных с использованием оружия в Украине.

Список использованных источников

1. Експрес інформація «Про стан злочинності на території України». – Київ: Департамент інформаційних технологій. – 2006.
2. Експрес інформація «Про стан злочинності на території України». – Київ: Департамент інформаційних технологій. – 2008.
3. Експрес інформація «Про стан злочинності на території України». – Київ: Департамент інформаційних технологій. – 2010.
4. Джужа, О.М. Віктимологія на захисті прав і законних інтересів жертви злочину / О.М. Джужа // Право України. – 2002. – № 2. – С. 133 – 138.
5. Вітвіцька, В.В. Кримінологічні проблеми попередження злочинних посягань на моральний і фізичний розвиток неповнолітніх: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Вітвіцька. – Київ, 2002. – 203 с.
6. Кримінологія. Особлива частина: навч. посібник для студентів юридичних спеціальностей вищих закладів освіти / за ред. І. М. Даньшина. – Харків: Право, 1999. – 232 с.
7. Кримінологія: підручник для студентів вищих навч. закладів / О.М. Джужа [та ін.]; за ред. О.М. Джужки. – Київ: Юрінком Інтер, 2002. – 416 с.
8. Сердюк, П.П. Пропаганда насильства і жорсткості як фактор насильницької та організованої злочинності / П.П. Сердюк // Криміногенная ситуация на юге Украины: особенности и проблемы сдерживания: сб. науч. ст. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: Феникс, 2003. – 262 с.
9. Лунеев, В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2004. – №1. – С. 5 – 18.

Дата поступления: 05.09.2012

Annotation

In the article the causes of the existence and development of the armed criminality are analyzed and ways of its suppression with the purpose of its liquidation or diminishing are determined.

КРИМИНАЛИСТИКА

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СИСТЕМА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Бордюгов Л.Г.

канд. юрид. наук

*Донецкий научно-исследовательский
институт судебных экспертиз
Министерства юстиции Украины***Аннотация**

В работе рассмотрены вопросы, характеризующие методологию экспертного исследования как систему познавательной деятельности судебного эксперта. Приведены особенности судебно-экспертного познания как специальной познавательной процедуры, основанной на использовании специальных знаний.

Судебно-экспертная деятельность как практическая деятельность соотносится как с научной, так и с методологической деятельностью.

Совершенно прав В.В. Краевский, утверждая, что «наука уже давно не отождествляется с систематизированным знанием. Правомерность представления о науке как о деятельности подтверждается многими исследователями методологии науки» [1, с. 12].

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс понимали науку как «изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» [2, с. 26].

По мнению В.С. Степина, в последнее время наука наряду с мировоззренческой функцией обрела технологическую функцию, «систематически внедряясь в различные сферы производственной и социальной деятельности» [3, с. 25].

Определяя деятельностный аспект науки, Я.С. Яскевич утверждает, что наука это «особый вид познавательной деятельности, направленный на формирование объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, а также социальный институт, обеспечивающий функционирование специфических норм и идеалов организации научно-исследовательского поиска» [4, с. 6].

Существует ряд других работ, в которых наука трактуется аналогичным образом. «Наука – это непрерывно развивающаяся система знаний объективных законов природы, общества и мышления, получаемых и превращаемых в непосредственную производительную силу общества в результате специальной деятельности людей» [5, с. 7]. «Наука – это не только знание, и тем более не только готовое знание, но и деятельность, направленная на достижение знания» [6, с. 121]. О науке, как о деятельности, говорил и выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев [7, с. 94 – 231].

Таким образом можно сказать, что в современном обществе наука «приобрела решающее значение и нет такой сферы общественной жизни, которая не испытывала бы на себе ее влияние» [8, с. 156].

П.В. Копнин утверждал, что наука не является простой совокупностью всех знаний о том или ином объекте, а является определенной системой знаний, «на основе которой возникает метод движения человеческого познания» [9, с. 290].

Познание любого объекта, процесса, явления окружающего нас мира предполагает наличие особого, определяющего основные направления процесса познания,

инструмента, в качестве которого выступает методология.

Под методологией понимается совокупность познавательных процедур, средств, методов, приемов, которые используются в какой-либо области деятельности: науке, технике, искусстве и т.д. Методология это «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [10, с. 365].

По меткому выражению известного советского философа Э.Г. Юдина: «Вводя понятие методологии, мы фактически различаем два типа знания – знание о мире и знание о знании (или точнее, о познании)» [11, с. 56].

Таким образом, основой судебно-экспертного исследования, как и любого исследования, является методология, т.е. совокупность методов, способов, приемов и их определенная последовательность. В конечном итоге методология судебно-экспертного исследования – это схема, план решения поставленной экспертной задачи.

Из сказанного следует, что понятие методологии судебно-экспертного исследования имеет два аспекта: один из них связан со знанием как результатом познавательной деятельности судебного эксперта, а второй – с самой этой деятельностью.

Не вызывает сомнения тот факт, что судебно-экспертная деятельность реализуется через процесс судебно-экспертного познания, которому свойственно стремление к целостному охвату объекта исследования, к системной организации знания, поскольку судебно-экспертное познание, как и научное знание «всегда отличается последовательным и систематическим характером» [12, с. 7].

Целостный охват объекта исследования свидетельствует о том, что в процессе экспертного исследования должны исследоваться все качества и элементы, характеризующие объект исследования (будь то место происшествия в целом или отдельный след на месте происшествия). Иначе, перефразируя Э. Маха, можно сказать, что в процессе экспертного исследования эксперта интересует «познание взаимной зависимости элементов» [13, с. 60].

Судебно-экспертное исследование по своей гносеологической сущности является разновидностью процесса познания объективной действительности, осуществляемого путем применения методов различных наук. Внешне оно зачастую сходное с научным исследованием, однако отличается от него рядом особенностей, присущих практической деятельности, которая в области судебной экспертизы

является научно обоснованной, использующей положения ряда наук, в том числе правовых, естественных, технических и гуманитарных. Но эти положения, научные методы и средства используются в судебно-экспертной деятельности не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по гражданскому, уголовному, хозяйственному и административному делу [14, с. 40 – 41]. При этом не следует забывать, что правильный выбор методологии судебно-экспертного исследования не только обуславливает, но и обеспечивает выполнение принципов судебно-экспертной деятельности: законность, независимость, объективность и полноту исследования.

В общем случае методология судебно-экспертного исследования представляет собой учение об основных закономерностях, формах и методах судебно-экспертного познания.

Как известно, методологическое знание выступает либо в прескриптивной (нормативной), либо в дескриптивной (описательной) форме (практически два эти типа знания обычно так или иначе соседствуют друг с другом). В нормативном методологическом анализе, естественно, преобладают конструктивные задачи, связанные с разработкой положительных рекомендаций и правил осуществления научной деятельности. Дескриптивный же анализ имеет дело с ретроспективным описанием уже осуществленных процессов научного познания [15, с. 39 – 40].

Дескриптивная методология как учение о структуре научного знания, в том числе и о закономерностях судебно-экспертного познания служит ориентиром в процессе судебно-экспертного исследования, а прескриптивная направлена на регуляцию деятельности в процессе проведения этого исследования.

Познавательные действия как проявления творческой активности, направленной на воспроизведение объектов реальности, их свойств и отношений в форме знаний, человек выполняет в самых разнообразных ситуациях и видах деятельности, цели которых далеко не всегда связаны с целями науки [16, с. 7].

Деятельность – это активность, которая регулируется сознанием человека и направлена на познание внешнего мира [17, с. 32]. Деятельность же судебного эксперта направлена на познание объекта экспертизы, она характеризуется определенной структурой, т.е. специфическим набором некоторой совокупности действий и последовательностью их осуществления [7, с. 155].

При этом существенными признаками объекта судебной экспертизы являются:

- материальная природа;
- информационная роль в установлении определенных фактических данных;
- связь устанавливаемых фактов с событием, которое расследуется органом расследования или рассматривается судом.

Говоря об объекте судебной экспертизы, подчеркивают, что для его исследования необходимы специальные знания как средство получения информации о фактах, а реализация специальных знаний в процессе исследования составляет содержание судебной экспертизы как процессуального действия, направленного на доказывание обстоятельств по уголовному, гражданскому, административному или хозяйственному делу.

Нельзя не согласиться с утверждением М.Я. Сегая и В.К. Стринжи о том, что экспертное исследование является познавательной деятельностью. Судебная экспертиза – это основанное на данных науки практическое познание фактических обстоятельств расследуемого события [18, с. 10].

Таким образом, судебно-экспертное познание представляет собой специальную познавательную процедуру, которая на основании использования специальных знаний направлена, во-первых, на исследование объекта судебной экспертизы, во-вторых, на составление соответствующего документа – заключения эксперта.

Существенным признаком специальных знаний является их системность, т.е. такая совокупность знаний, приведенных в определенный порядок на основании определенных теоретических принципов, которая объединяет отдельные разрозненные знания в целостную органичную систему [19, с. 182].

С учетом указанного выше можно сказать, что к специальным можно отнести систему знаний в определенной области или сфере человеческой деятельности – науке, технике, искусстве, ремесле и т.д. Если же говорить о научных знаниях, то первым отличительным признаком их является то, что они основаны на фактах и организованы «таким образом, чтобы объяснить факты и решать проблемы» [9, с. 309].

Судебно-экспертное познание представляет собой исследование, которое характеризуется своими особыми целями, а главное – методами получения и проверки новых знаний [12, с. 7].

Судебно-экспертное познание – это такое взаимодействие субъекта экспертизы (эксперта) и объекта экспертизы, в результате которого появляется не только новое знание об объекте экспертизы, но знание более точное, более полное. В этой связи трудно не согласиться с

высказыванием В.И. Ленина: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [20, с. 102].

По мнению В.С. Швырева: «Получение нового знания на основе имеющейся системы познавательных средств ... в той или иной степени является творческим актом» [21, с. 62].

Чтобы понять сущность познания, необходимо рассматривать его как исследование, поскольку в последнем и выступает характерная особенность человеческого познания – движение мысли к действительно новым результатам [22, с. 62].

Судебно-экспертное познание, как и научное исследование, есть одновременно исследование объекта экспертизы и изучение способа познания этого объекта.

При этом, если задача научного познания «состоит в ... получении истинного знания» [23, с. 59], то задача судебно-экспертного познания состоит в установлении объективного знания об объекте экспертизы, на основании которого суд устанавливает истину. Важную роль в решении этой задачи играют научные знания или наука – «развитая форма адекватного отражения объективной деятельности» [21, с. 105].

Поскольку судебно-экспертное исследование – это судебно-экспертное познание, поэтому всеобщая логико-гносеологическая характеристика познания приемлема и для исследования. Судебно-экспертное исследование – это познание, непосредственно направленное на достижение нового знания, нового результата не только для субъекта судебно-экспертного познания (судебного эксперта), но и для субъекта, назначившего судебную экспертизу.

Судебно-экспертное познание, будучи профессиональным видом деятельности, осуществляется по определенным научным канонам, в нем используются специальные методы исследования, а также оценивается качество получаемых результатов на основе принятых научных критериев. Процесс судебно-экспертного познания включает в себя: объект (объект исследования), субъект (судебный эксперт), метод исследования (используемые на основе специальных знаний экспертные методики), результат (заключение судебного эксперта).

Процесс судебно-экспертного познания в самом общем виде представляет собой решение различного рода задач, возникающих в ходе расследования и рассмотрения судами

уголовных, гражданских, административных и хозяйственных дел. Решение возникающих при этом проблем достигается путем использования особых приемов, способов (методов), позволяющих перейти от того, что уже известно, к новому знанию. Такая система приемов (способов) обычно называется методом.

Ю.Г. Плесовских совершенно справедливо утверждает, что методология судебно-экспертного исследования содержит знания о том:

- какие методы (приемы, способы) научного познания надлежит использовать в познании объектов экспертного исследования;
- какими приемами, способами познания следует проводить ту или иную исследовательскую процедуру;
- каково содержание конкретных методов (приемов, способов), используемых для познания объектов экспертного исследования;
- каким образом взаимосвязаны методы в процессе познания объектов экспертного исследования [24, с. 79].

Методологию судебно-экспертного исследования можно охарактеризовать как учение о методе судебно-экспертного познания или о методе судебно-экспертной познавательной деятельности. Метод судебной экспертизы – это система регулятивных принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание объекта судебной экспертизы. При этом успех экспертного исследования во многом определяется правильностью выбранного пути, точностью самого метода исследования. Академик И.П. Павлов отмечал, что «от метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования» [25, с. 26], что «метод держит в руках судьбу исследования» [25, с. 28].

Однако методологию судебно-экспертного исследования нельзя сводить только к исследованию операций, методов судебно-экспертного познания, хотя знание о таких методах и операциях является одной из целей методологического анализа. Методология изучает все компоненты познавательной деятельности в их взаимосвязи [4, с. 13].

Основная цель судебно-экспертного исследования, а следовательно, и судебно-экспертного познания – это «служить средством установления фактов, подлежащих доказыванию» [26, с. 6] по уголовному, гражданскому, административному или хозяйственному делу.

Отсюда, судебно-экспертное познание на основании исследования объекта экспертизы дает возможность устанавливать факты, которые были неизвестны суду, следователю и эксперту до проведения экспертизы, т.е. устанавли-

вает новые факты, новые знания об объекте исследования.

При этом свойства исследуемого объекта, безусловно, оказывают влияние на процесс экспертного познания, делают его то более, то менее сложным, и могут отражаться на конечном результате познания. Результат экспертного познания (вывод эксперта) должен базироваться на объективном исследовании и не должен зависеть от познающего субъекта (эксперта), поскольку в противном случае выводы разных экспертов могут быть противоречивыми, что недопустимо.

Если говорить о структуре судебно-экспертного познания, то оно состоит из таких основных элементов: специальные знания – исследование – вывод.

Судебно-экспертное познание, как и научное познание [16, с. 14], характеризуется рядом особенностей:

- в основе судебно-экспертного познания лежит четкая регламентация его предмета как целостной совокупности взаимосвязанных характеристик объекта;
- судебно-экспертное познание предполагает использование специальных знаний и специального инструментария в процессе исследования;
- судебно-экспертное познание регламентируется определенной совокупностью специальных методов и других видов нормативного знания (принципов, норм, алгоритмов);
- результаты судебно-экспертного познания фиксируются в специальных документах (заключении эксперта) и должны соответствовать ряду требований (научно-практическая направленность экспертного исследования и его результатов; планомерность исследования; достоверность и очевидность результатов; надежность и наблюдаемость хода и результатов исследования; мотивированность использования методов и научно-технических средств [27, с. 25 – 27]);
- существенное отличие судебно-экспертного познания от других форм познавательных процессов составляет наличие специального субъекта – судебного эксперта.

Таким образом, методология судебно-экспертного исследования как система познавательной деятельности судебного эксперта является сложной, динамичной и функциональной совокупностью знаний о подходах, способах и методах, которые применяются в процессе производства судебных экспертиз и направлены на расширение возможностей экспертных исследований, повышение доказательственного значения экспертных выводов и в конечном итоге на установление истины по делу.

Список использованных источников

1. Краевский, В.В. Методология педагогики: пособие для педагогов-исследователей / В.В. Краевский. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 244 с.
2. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. второе. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 3. – С. 7 – 544.
3. Степин, В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур / В.С. Степин // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1999. – С. 21 – 34.
4. Яскевич, Я.С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности: учеб.-метод. пособие / Я.С. Яскевич. – Минск: БГЭУ, 2007. – 186 с.
5. Лудченко, А.А. Основы научных исследований: учеб. пособие / А.А. Лудченко, Я.А. Лудченко, Т.А. Примак / Под ред. А.А. Лудченко. – 2-е изд., стер. – Киев: О-во «Знання», КОО, 2001. – 113 с.
6. Волков, Г.Н. Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности / Г.Н. Волков. – М.: Политиздат, 1968. – 328 с.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
8. Хюбнер, К. Критика научного разума / К. Хюбнер; пер. с нем. – М.: ИФРАН, 1994. – 326 с.
9. Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки / П.В. Копнин. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
11. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.
12. Рузавин, Г.И. Методы научного исследования / Г.И. Рузавин. – М.: Мысль, 1975. – 237 с.
13. Мах, Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
14. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
15. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
16. Лукашевич, В.К. Основы методологии научных исследований: учеб. пособие для студентов вузов / В.К. Лукашевич. – Минск: ООО «Элайда», 2001. – 104 с.
17. Коновалова, В.О. Юридична психологія: підручник / В.О. Коновалова, В.Ю. Шепітько. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Харків: Право, 2008. – 240 с.
18. Сегай, М.Я. Типология экспертных задач: методологические аспекты / М.Я. Сегай, В.К. Стринжа // Криминалистика и судебная экспертиза: Респ. межвед. науч.-практ. сб. – Киев: Вища школа, 1988. – Вып. 37. – С. 9 – 18.
19. Бордюров, Л.Г. Системность специальных знаний – категорический императив судебно-экспертного познания / Л.Г. Бордюров // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 1/30. – С. 181 – 185.
20. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Изд. пятое. – М.: Изд-во полит. лит., 1968. – Т. 18. – С. 7 – 384.
21. Швырев, В.С. Научное познание как деятельность / В.С. Швырев. – М.: Политиздат, 1984. – 232 с.
22. Копнин, П.В. Логика научного исследования и ее основные понятия / П.В. Копнин // Вопросы философии. – 1964. – № 3. – С. 59 – 68.
23. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 357 с.
24. Плесовских, Ю.Г. Судебно-экспертное исследование: методология, методика, метод / Ю.Г. Плесовских // Известия ИГЭА. – 2005. – № 3 – 4 (44 – 45). – С. 77 – 79.
25. Павлов, И.П. Лекции по физиологии // И. П. Павлов. Полное собрание сочинений: в 6 т. – изд. второе, доп. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – Том V / Ред. Э.Ш. Айрапетьянц. – 567 с.
26. Шляхов, А.Р. Задачи судебной экспертизы / А.Р. Шляхов // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1980. – Вып. 42. – С. 3 – 26.
27. Лисиченко, В.К. Научные принципы судебной экспертизы / В.К. Лисиченко // Криминалистика и судебная экспертиза: Респ. межвед. науч.-метод. сб. – Киев: Вища школа, 1984. – Вып. 17. – С. 23 – 28.

Дата поступления: 28.09.2012

Annotation

The article is devoted to the problems characterizing the methodology of expert examination as a system of cognitive activity of a forensic expert. Features of forensic expert knowledge as a special informative procedure based on the use of special knowledge are given.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Пацкевич А.П.

канд. юрид. наук, доцент

Академия МВД Республики Беларусь

86

Аннотация

Статья посвящена проблемам преодоления конфликтов на предварительном следствии с использованием криминалистических средств и методов. В ней исследуются конфликты и конфликтные ситуации в деятельности следователя с позиции противоборства общественных и личных интересов, выражения различных намерений и целей сторон, взаимодействующих в процессе расследования преступлений, интересов следователя и обвиняемого, интересов других субъектов предварительного расследования.

Организация расследования преступлений является одним из сложных видов деятельности и ее специфика заключается, прежде всего, в том, что в нее вовлекаются лица, имеющие различные интересы, в том числе и не совпадающие с интересами следователя по установлению истины. Такое несовпадение, а порой и прямое противоречие интересов следователя и лиц, в том или ином качестве вовлекаемых в сферу деятельности следователя, нередко вызывает конфликтную ситуацию, в условиях которой и происходит эта деятельность.

В процессуальной и криминалистической литературе конфликты в деятельности следователя изучаются, в основном, применительно к ситуациям, возникающим при производстве отдельных следственных действий, в частности, конфликты при проведении допроса, обыска, предъявления для опознания личности. При этом, основная масса ситуаций конфликтов разрешается следователем

вне следственных действий, поэтому в соответствующие протоколы следственных действий информация о возникающих конфликтах не попадает. Нередко конфликт гасится вследствие тщательного изучения личности конфликтующей стороны (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и т.п.) следователем, налаживания надлежащего психологического контакта [1, с. 4].

Поскольку в таких ситуациях следователь использует рекомендации криминалистики, например, о способах и методах изучения личности подозреваемого, о тактических приемах его допроса, следовательно, имеются основания полагать, что конфликтные ситуации и ситуации конфликтов должны изучаться в рамках всей деятельности по расследованию преступлений. Таким образом, эта проблема должна изучаться не только в рамках уголовно-процессуальных конфликтов, но гораздо шире – в сфере конфликтов, разрешаемых с использованием рекомендаций криминалистики.

Согласимся с мнением С.К. Побережного, что проблема конфликтов, конфликтных ситуаций и ситуаций конфликтов в процессе расследования имеет свои, специфические черты, выделяющие ее из структуры юридической конфликтологии [2, с. 75 – 79].

В частности, в конфликтных ситуациях на предварительном следствии невозможно применять разработан-

ные юридической конфликтологией способы разрешения конфликтов путем ухода от них; поиска компромиссов; сближения позиций конфликтующих сторон и т.п. Причина этого очевидна – следователь не имеет права идти на компромиссы с обвиняемым, свидетелем и т.п. Основная обязанность следователя – установление истины по делу. Никакие компромиссы ни с одним из участников предварительного следствия, в ущерб полному, всестороннему и объективному расследованию преступления, не могут иметь место. Следователь, идущий на компромиссы в ущерб объективному расследованию события, должен отстраняться от производства предварительного следствия.

Проблема конфликтов в деятельности следователя достаточно широко исследовалась в процессуальной и криминалистической литературе Р.С. Белкиным, В.М. Быковым, И.Ф. Герасимовым, Г.А. Зориним, Л.Я. Драпкиным, А.В. Дуловым, А.Н. Олейником, Н.И. Порубовым, А.Р. Ратиновым и др.

Глубокое исследование конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии предпринял Олег Яковлевич Басв – бесспорный лидер разработки этой проблематики в российской криминалистике. Его работы «Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории)» (1981) [3], «Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения» (1984) [4] и многочисленные статьи по различным аспектам изучения следственных ситуаций выдвинули О.Я. Басва в число ведущих отечественных ученых-криминалистов.

Вместе с тем, изучение и анализ теоретических разработок и следственной практики по рассматриваемой проблеме дает основание полагать, что в современных социально-экономических условиях эффективность деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений еще недостаточно высока. Это обуславливает научный поиск новых криминалистических методов и средств, направленных на эффективную диагностику и разрешение конфликтов в деятельности следователя, что в целом и определяет актуальность исследуемых проблем, а также научную и прикладную потребность.

Анализ имеющихся определений конфликта (от лат. *conflictus* – столкновение) в юридической литературе при существующих различных подходах позволяет выделить его главные особенности (противодействие сторон и наличие выраженных или скрытых негативных эмоций к оппоненту), раскрыть основные признаки (наличие оппонентов, причины (объекта), наличие конфликтной ситуации и желание

участников продолжить конфликт), показать стадии его развития (возникновение конфликта, формирование конфликтных отношений, столкновение и разрешение конфликта) и вывести определение конфликта с позиции деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Конфликт рассматривается нами как совокупность следующих элементов: участники конфликта и их взаимодействие; причины, цели и источники конфликта; условия, в которых протекает конфликтный процесс; последствия конфликта; и в этой связи исследуется понятие конфликта как правовой категории, раскрывая его структуру, динамику, функции и типологию.

Исследуя динамику конфликтов, важно различать как действия открытого характера (позволяющие предсказать ход конфликта и возможность его разрешения), так и действия скрытого характера (когда субъекты пытаются замаскировать свои действия, запутать, обмануть соперника, навязывают ему невыгодные условия, одновременно стараются выявить его стратегию и использовать эти знания в конфликте).

Мы считаем, что под «криминалистическим конфликтом» следует понимать особый вид юридического конфликта, возникающего при расследовании преступлений между следователем и лицами, вовлеченными в сферу его деятельности, взаимоотношения между которыми не охватываются нормами УПК Республики Беларусь, и разрешаемого с использованием криминалистических приемов и способов. Такие конфликты, например, могут возникнуть при подготовке к производству обыска (путем создания негативного общественного мнения о личности следователя) или после него (путем укрывания имущества, на которое наложен арест). По мнению автора, данное понятие является логическим продолжением развития взглядов Р.С. Белкина, который, раскрывая природу и характер конфликтов и конфликтных ситуаций, выделяет процессуальные и криминалистические средства их предупреждения и разрешения, понимая под последними «средства информационно-познавательской деятельности следователя в условиях потенциального или реального противодействия со стороны лица (лиц), имеющего иные, чем у него, интересы в уголовном деле» [5, с. 98 – 99]. Поскольку есть определенные (криминалистические) средства разрешения конфликта, то он может быть определен по способам его разрешения (предотвращения) и назван – криминалистическим. Значительная часть таких конфликтов

возникает не только между следователем и его процессуальными «противниками» (подозреваемым, обвиняемым, задержанным), но и между следователем и: прокурором, начальником следственного отдела, другими следователями, потерпевшим, понятыми, свидетелями, экспертами, специалистами, переводчиком и др. При этом особо подчеркнута, что данные конфликты не являются личными (организационными, деловыми), а именно криминалистическими, поскольку напрямую связаны с деятельностью следователя по установлению истины по уголовному делу. На беспристрастную позицию следователя нередко пытаются повлиять прокурор, непосредственный начальник, сослуживцы, и, отстаивая свою точку зрения по конкретному уголовному делу, следователь вступает в конфликт с перечисленными лицами. И от правильного и законного разрешения такого конфликта часто зависит, будет ли следователь в дальнейшем расследовать преступление, по поводу которого возник конфликт, и т.д. [6, с. 90 – 93].

Все это позволяет предложить ввести в криминалистический тезаурус новый термин, определяющий сферу изучения таких конфликтов, имеющих значение для осуществления деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений – криминалистическая конфликтология, одной из целей которой должна стать разработка конкретных рекомендаций следователю в целях своевременного предупреждения и законного разрешения конфликтов в интересах предварительного следствия.

Рассматривая понятие «конфликта» на предварительном следствии, нельзя не рассмотреть и еще один термин – «конфликтная ситуация», включающий в себя всю совокупность причин, предпосылок и условий, предшествующих конфликту, вызвавших его, и готовых разрядиться конфликтом. Именно в овладении конфликтной ситуацией нам видится ключ к управлению конфликтом и его разрешению.

Изучая многообразие существующих подходов и путей разрешения правовых конфликтов (взаимное примирение сторон, уступки и т.п.), мы полагаем, что применительно к криминалистическому конфликту не может быть применена их значительная часть, т.к. следователь обязан, действуя в соответствии с законом, осуществить полное и объективное расследование преступления, обеспечив при этом соблюдение прав и свобод лиц, вовлеченных в его деятельность [7, с. 40 – 45]. Исследуя природу конфликта, нами отмечалось, что конфликты в деятельности следователя – есть

форма проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических противоречий, возникающих в процессе выполнения им функциональных обязанностей по достижению общих целей предварительного расследования и в связи с деятельностью по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Наличие существующих конфликтных общений в деятельности по расследованию преступлений обусловило необходимость исследовать конфликтное поведение (общение) человека и вывести основные причины такого поведения (утрата психологического равновесия, нарушение психического здоровья, повышение нервозности и утомляемости личности и существующие типологические особенности людей). При этом, если при конфликте основной задачей является достижение своих поставленных целей, то в деятельности по расследованию преступлений разрешение конфликтных отношений осуществляется значительно сложнее. Здесь не только важно добиться своей цели, осуществить свой способ достижения цели в данном конфликтном общении, но всегда, притом с самого начала, имеется цель перевода конфликтных отношений в сотрудничество, обеспечивающее установление истины по делу.

Областью изучения криминалистической конфликтологии являются конфликтные ситуации и конфликты межличностного уровня и межгруппового взаимодействия (взаимоотношения) как объекты познания, возникающие в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений (между следователем и подозреваемым, обвиняемым, свидетелями, понятыми и т.п.), а также психологические, тактические и процессуальные средства, возмозможности и методы их преобразования и управления в нужном для следствия направлении. При этом объектом изучения выступают социально-психологические, уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические уровни взаимодействия всех субъектов предварительного следствия как совокупность информационно-познавательной и доказательственной информации, необходимой следователю для использования ее в процессе расследования (анализ агрессивного поведения личности как источника возникновения различных межличностных конфликтов; оценка конфликтной компетентности и профессиональной этики поведения следователя и пр.).

Дальнейшее исследование проблем криминалистической конфликтологии позволит решить целый комплекс задач, из которых следует выделить следующие: исследование

понятий, содержания «конфликта» и «конфликтных общений» применительно к деятельности по расследованию преступлений, и разработка методик анализа конфликтных ситуаций для принятия верных и законных процессуальных и тактических решений в интересах следствия; определение рамок социально-психологического, криминологического, уголовно-процессуального и тактико-криминалистического исследования конфликтов; фундаментальное исследование сущности и роли межличностных конфликтов в криминалистической конфликтологии; ситуационный анализ различных типов конфликтной личности и видов агрессивного (конфликтного) поведения человека, и в первую очередь – подозреваемого, обвиняемого, осужденного как главных источников межличностного конфликта; исследование и анализ основы и предмета конфликтных ситуаций при расследовании преступлений, прежде всего, – личности и психологии обвиняемого, и разработка приемов и методов управляющих воздействий на процессуального «противника» с целью получения наибольшего выигрыша следователем; анализ и обобщение результатов изучения конфликтов, ситуаций конфликта и конфликтных ситуаций, определение их типологии и исследование динамики, разработка средств и методов воздействия на конфликтную ситуацию с целью ее изменения в благоприятную для следствия сторону; анализ тактики проведения допроса, очной ставки, обыска в бесконфликтной и в конфликтных ситуациях типа «без строгого соперничества», «со строгим соперничеством»; исследование и оценка «конфликтной компетентности» и профессиональной этики поведения следователя для пресечения его неправомерного поведения при разрешении возникающих конфликтов; исследование и анализ зарубежного опыта, методов и стилей разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций; комплексная разработка целостной научной системы психологических, уголовно-процессуальных и тактико-криминалистических средств и методов (способов) диагностики, предупреждения и разрешения конфликтов, ситуаций конфликтов и конфликтных ситуаций для эффективно-го решения задач в интересах правосудия.

В криминалистической литературе понятия «конфликтная ситуация» и «конфликт» часто употребляются как синонимы. Например, О.Я.Баев считает, что конфликт составляет ядро конфликтной ситуации и рассматривает конфликтные следственные ситуации как ситуации разрешения следователем конфликтов в своей деятельности [4, с. 123 – 131].

Однако, если рассматривать конфликт как сложное взаимодействие объективных и субъективных факторов, то исходной причиной большинства конфликтов следует признать объективные (в самом широком смысле) предпосылки, которые создают потенциальную возможность их возникновения. Это позволяет отделить конфликтную ситуацию (объективную основу конфликта) от конфликтного взаимодействия следователя и обвиняемого.

Главный признак конфликтной ситуации – отсутствие активных действий, направленных на достижение целей, с обеих сторон. Это как бы «предконфликт».

Конфликтную ситуацию в расследовании преступлений можно определить как представления следователя о существующем противоречии, о самом себе (своих целях, возможностях и т.п.), о «противнике» (его целях, индивидуальных и личностных особенностях) в конкретных условиях и обстоятельствах до начала противоборства, а также о том, каково представление «противника» о представлении следователя.

Конфликтная ситуация – это ситуация, возникающая в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, состоящая из совокупности различных условий и обстоятельств, характеризующаяся наличием существенных противоречий, несовместимых интересов лиц, задействованных в этой деятельности, одним из которых обязательно является следователь, целей и способов их достижения; и наличие которой предполагает активное противодействие действиям следователя, т.е. возможное наступление конфликта.

Ситуация конфликта – это обстановка существующего противоборства (конфликта), включающая знания следователя о совокупности всех условий, целей и обстоятельств его возникновения, о возможности дальнейшего развития (эскалации), информацию о противоборствующей стороне (ее индивидуальных и личностных особенностях), представления о тактике и стратегии своего собственного должного поведения, т.е. это конфликт в конкретной ситуации [8, с. 72 – 78].

Следственная ситуация конфликта – это обстановка, предполагающая обязательное наличие различных видов и форм противодействия следователю со стороны лиц, вовлеченных в его деятельность, имеющих иные, чем он, конечные интересы, и включающая в себя:

– информацию, связанную с приготовлением, совершением и сокрытием конкретного преступления;

– возможности следователя по ее переработке и использованию при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений;

– противодействие как собственно потенциальный конфликт между интересами следователя и лиц, в том или ином качестве вовлекаемых к процедурам расследования преступлений, в виде различных видов и форм противодействия следователю по установлению истины при расследовании;

– действия (тактику и стратегию) следователя по преодолению этого противодействия.

К криминалистическому обеспечению предупреждения и разрешения конфликтов в процессе расследования преступлений необходимо отнести: комплексное (оперативно-розыскное и процессуальное) изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в совокупности с правильным и своевременным применением следователем криминалистических средств (оперативно-следственной фотосъемки, аудио- и видеозаписи); применение определенных тактико-криминалистических приемов организации, планирования и проведения расследования, являющихся результатом личного практического опыта следователя и совершенства выработанных им профессиональных навыков; использование следователем фактора внезапности в предвидении (при прогнозировании) возможного ему конфликтного противодействия, особенно на начальном этапе расследования; методичность и наступательность расследования; организация взаимодействия следователя с оперативными и другими службами органов внутренних дел (экспертом, участковым инспектором и т.п.) в целях принятия правильного (законного) и своевременного тактического решения при ликвидации конфликта.

Нами предлагаются следующие основные пути разрешения и предупреждения конфликтов, возникающих на предварительном следствии: внедрение в практическую деятельность следователя современных криминалистических рекомендаций по разрешению конфликтов на предварительном следствии, основанном на неукоснительном соблюдении норм уголовно-процессуального закона; разработка морально-этического кодекса следователя; обеспечение оптимального соотношения интересов общества защищаемых следователем, и интересов лиц, вовлеченных в деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений; разработка теории и практики предупреждения и разрешения конфликтов интересов в типичных си-

туациях, возникновение которых возможно в следственной практике; неуклонное и последовательное развитие и совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего получение вербальной информации.

Анализ практической деятельности следственных подразделений показывает, что далеко не все конфликты, возникающие между следователями и иными участниками уголовного процесса, разрешаются в ходе расследования преступлений. И, тем не менее, большая часть возбуждаемых уголовных дел доходит до суда. Из этого следует, что следователю часто приходится действовать при существовании неразрешенных конфликтов, в условиях противодействия со стороны обвиняемого и других заинтересованных лиц. Поэтому мы предпочитаем говорить не о средствах разрешения конфликтов, а о средствах деятельности следователя в ситуациях конфликтов. Умелое продолжение конфликта – залог успеха в достижении назначения уголовного судопроизводства. Поэтому исследование вопросов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений всегда актуально.

В заключение рассмотрения поставленных в данной статье вопросов необходимо вновь подчеркнуть приводимое выше положение, носящее принципиальный характер. Интересы следователя во всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела совершенно не обязательно должны удовлетворяться им в процессе разрешения конфликтов. Конфликты в деятельности следователя не неизбежны. Они возникают (или могут возникнуть) лишь в тех случаях, когда интересы следователя, опосредованные в выделенных структурных элементах предмета его конфликтов, находятся в осознанном противоречии с интересами лиц, с которыми по поводу их удовлетворения взаимодействует следователь.

Процесс разрешения внутренних и внешних конфликтов, возникающих при производстве расследования, позволяет следователю полно и объективно устанавливать истину по уголовным делам. В то же время нахождение следователя в состоянии постоянного разрешения конфликтов в значительной степени повышает экстремальность его профессиональной деятельности и в ряде случаев может привести к деформационным изменениям личности следователя [9, с. 26 – 30].

Список использованных источников

1. Рожков, С.П. Проблемы преодоления конфликтных ситуаций при производстве следственных действий принудительного характера: автореф. дис... канд. юрид. наук / С.П. Рожков. – М., 1990. – С. 4.
2. Побережный, С.К. Актуальные проблемы современной криминалистической конфликтологии / С.К. Побережный // Актуальные проблемы права: Материалы межвузов. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава. 4 февр. 1999 г. / Калининград. воен. ин-т Федеральной пограничной службы РФ. – Науч.-метод. сб. № 6. Ч. 2. – Калининград, 1999. – С. 75 – 79.
3. Баев, О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории) / О.Я. Баев; науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 160 с.
4. Баев, О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения / О.Я. Баев; науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 132 с.
5. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 342 с.
6. Лебедев, Н.Ю. Общая характеристика функций уголовно-процессуальных конфликтов / Н.Ю. Лебедев // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 90 – 93.
7. Полстовалов, О.В. Подготовка к преодолению конфликтов, возникающих при производстве следственных действий / О.В. Полстовалов // Вестник криминалистики. – 2006. – № 2 (6). – С. 40 – 45.
8. Драпкин, Л.Я. Развитие конфликта в процессе расследования преступлений (общие положения и специфика динамики по делам несовершеннолетних) / Л.Я. Драпкин, Н.Б. Вахмянина, А.Е. Шуклин // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях: сб. науч. ст. в 2-х ч. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – Ч. 1 – С. 72 – 78.
9. Котов, Д.П. Психология следователя / Д.П. Котов, Г.Г. Шиханцов; науч. ред. Г.Ф. Горский. – Воронеж, 1976. – 134 с.

Дата поступления: 23.10.2012

Annotation

The article is devoted to the conflict overcoming in the preliminary investigation using forensic methods and techniques. It examines the conflicts and conflict situations in the work of an investigator from the position of the confrontation of public and private interests, the expression of different intentions and objectives of the parties cooperating in the investigation of crime, the interests of the investigator and the accused, the interests of other subjects of the investigation.

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ
И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В НИХ**

Аманкулов К.К.

Оперативно-криминалистический
департамент МВД
Республики Казахстан

Бочарова О.С.

канд. юрид. наук

Лысянный Ю.Ю.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Криминалистическая деятельность и раньше, и в настоящее время во многом обуславливается уровнем обеспеченности собранной и систематизированной криминалистически значимой информацией о совершенных в прошлом преступлениях, о причастных к ним лицах, о средствах и способах совершения преступлений, их следах и различного рода объектах, связанных с данными криминальными событиями. Отмеченная информация фиксируется и хранится в специализированных картотеках, коллекциях и иных регистрационных системах, называемых учетами.

Система таких учетов получила название «криминалистическая регистрация», под которой понимается научно разработанная система оперативно-справочных, розыскных и иных криминалистических учетов, объектов-носителей криминалистически значимой информации, используемой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Соответственно под названием «криминалистическая регистрация» она стала одной из отраслей криминалистической техники [1].

К криминалистической регистрации относится лишь та информация, которая обеспечивает именно криминалистическую деятельность.

В основе криминалистической регистрации лежат следующие обособленные криминалистической практикой и теорией положения [1]:

- криминалистически значимая информация о различных преступлениях, их следах и связанных с ними объектах всегда характеризуется групповыми и индивидуальными признаками;
- любой вид указанной информации поддается выявлению, фиксации, систематизации, чаще долговременному хранению и передаче вовне;
- каждому виду систематизированного учета такой информации присуща своя система учитываемых признаков (особенности пальцевых узоров, внешности, почерка, способа преступных действий, номерных и других индивидуальных особенностей предметов и др.).

Учеты, имеющие криминалистическое значение как информационные системы, объединяет много общего и по своей сути фактически они являются автоматизированными информационно-поисковыми системами (далее – АИПС).

Аннотация

В статье представлены основные принципы построения и работы автоматизированных систем криминалистических учетов, а также передачи информации в них. Излагаются организационная структура, принципы наполнения баз данных и функционирование на примере распределенной автоматизированной системы криминалистических учетов.

Систематизированные криминалистические учеты классифицируются по различным основаниям [1]:

- по охвату обслуживаемой территории и степени распространенности (централизованные и местные информационные центры);
- по функциональному признаку (оперативно-справочные, розыскные, криминалистические и экспертно-криминалистические справочно-вспомогательные коллекции и картотеки);
- по способу фиксации признаков учитываемых объектов (фиксация путем описания, фотографирования, схематического изображения, получения оттисков, коллекционирования объектов в натуре и смешанным способом);
- по формам учета (картотеки, видеотеки, журналы, фотоальбомы, коллекции).

Создание АИПС криминалистических учетов связано с рядом проблем, основной из которых является сохранение существующего обмена данными между различными уровнями (подразделениями) информационных центров. Система должна позволять реализовать и моделировать работу любой иерархической структуры обмена данными. Это означает возможность создания многоуровневой системы. Обычно взаимодействие ограничивается схемой с 2-3 уровнями (например, республика – область – район). Также в системе должны быть заложены такие механизмы, которые, в случаях изменений информационных потоков, добавляют любой новый уровень или изменяют существующие. Это означает, что любой нижний уровень может отправлять данные или запрос необходимому верхнему уровню в соответствии с иерархией и получать результирующий ответ. Структура данных и запросов может быть достаточно сложной, но соответствовать заданной иерархии и схеме информационных потоков.

В связи с развитием АИПС криминалистических учетов весьма актуальной становится задача интеграции данных систем в развернутую сеть с обменом данными между территориальными комплексами и подсистемами. Такая интеграция подразумевает создание развитого обмена данными между комплексами и создание функций и механизмов взаимодействия на основе открытых и повсеместно используемых протоколов и стандартов.

Организации, использующие в своей деятельности АИПС криминалистических учетов, как правило, имеют в своем составе множество подразделений, находящихся на достаточном удалении друг от друга и от центрального аппарата. В зависимости от са-

мой организации, ее численности, количества подразделений структура такой системы может иметь от одного до нескольких уровней. Например, центральный аппарат, различные департаменты, областные и районные подразделения.

К АИПС криминалистических учетов, используемых в таких организациях, предъявляются очень специфические требования: информационные потоки должны обрабатываться централизованно, а их наполнение и использование должно быть распределено в различных территориальных подразделениях.

Централизованный сбор, обработка и анализ информационных потоков необходимы для осуществления быстрого и качественного оперативного взаимодействия и выполнения поставленных задач [2].

В большинстве случаев структура организаций, использующих АИПС криминалистических учетов, представляет собой древовидную модель, состоящую из узлов, являющихся подразделениями (информационными центрами) и соединений между ними. Каждый узел представляет собой полноценную или урезанную информационную систему, а соединение отражает наличие специализированного обмена данными между ними. Главный узел является центральной системой. При такой организации подчиненные узлы могут обмениваться информацией только с главным узлом или своими подчиненными узлами. Ограничение количества уровней может накладываться только принятыми и разработанными стандартами взаимодействия подразделений [3].

В зависимости от того, насколько сложна организационная структура, в каждом узле (информационном центре) может быть создана собственная автоматизированная система криминалистических учетов. При этом она может дублировать систему верхнего уровня или быть локальной и ограниченной по наполнению и функциональности. Но даже в последнем случае сама структура хранимых данных полностью повторяет структуру вышестоящей, а идентичность поддерживается с помощью специального механизма синхронизации. Благодаря этому, такая система достаточно проста в эксплуатации и требует минимальных ресурсов для обеспечения поддержки в рабочем и актуальном режиме.

Идентичность наполнения баз данных узлов (информационных центров) имеет существенный недостаток с точки зрения безопасности. Такая структура требует дополнительные средства обеспечения защиты данных от несанкционированного доступа.

Причем должны быть предусмотрены ограничения даже для системных администраторов на нижних уровнях. Поэтому целесообразно ограничивать наполнение этих баз данных только для локального (регионального) использования [4].

Необходимо отметить, что должно быть уделено серьезное внимание безопасности при организации таких распределенных систем в любом случае, так как доступ к территориально распределенным, разветвленным и достаточно большим системам контролировать намного сложнее, чем к небольшим локальным, размещенным в рамках отдельных подразделений.

Кроме определения принципов наполнения баз данных, прав доступа и их разграничения, задачу безопасности можно решить следующим образом. Предоставлять пользователю обмен данными не в полном объеме, а в соответствии со специальными правилами. Данный способ является намного более гибким, но достаточно сложно реализуем ввиду его трудоемкости. И в случае изменения принципов работы и информационного обмена организации будет необходимо менять также правила обмена и их алгоритмы [5].

Далее рассмотрим функционирование распределенной системы для криминалистических учетов.

Для направления запроса от удаленного подразделения в центральную АИПС заполняется соответствующая форма, входящая в состав используемой АИПС. Подготовленный таким образом запрос представляет собой бинарный файл сложной структуры (XML, бинарный массив), который пересылается в центральную АИПС различными способами – через ведомственные e-mail, ftp, http носители цифровых данных любого вида и прочие. Данный файл, попадая в загрузочный модуль центральной АИПС, автоматически ставится в очередь обработки запросов.

После обработки центральная АИПС формирует ответный рекомендательный список, также преобразует его в бинарный файл сложной структуры, который пересылается из центральной АИПС в удаленное подразделение теми же способами.

Удаленное подразделение, получив данный файл, загружает его в свою АИПС и получает представление рекомендательного списка в текстовом и графическом виде.

Данный вариант предусматривает наличие удаленной клиентской части АИПС без прямого соединения с центральной АИПС. Процесс пересылки бинарных файлов запросов и рекомендательных списков может выполняться

автоматизированно или вручную. В последнем случае весь процесс передачи запросов и получения рекомендательных списков возлагается на администраторов системы с необходимым набором прав доступа и дополнительных функций.

Система должна содержать набор специализированных средств обмена данными для создания распределенного обмена информацией, запросами и результатами их обработки.

Реализация такого обмена осуществляется с помощью ряда средств системы, которые используются администраторами в произвольной комбинации, удовлетворяющей поставленным задачам. Данный подход позволяет обеспечить максимальную гибкость и масштабируемость механизмов обмена.

В состав такой системы должны входить:

- Профили обмена;
- Средства обработки XML-файлов;
- Средства обеспечения взаимодействия с используемыми транспортными системами;
- Диспетчер очередей загрузки данных;
- Диспетчер очередей выгрузки данных;
- Диспетчер очередей запросов;
- Диспетчер очередей выгрузки результатов обработки запросов;
- Диспетчер взаимодействия с транспортными системами.

При помощи перечисленных средств могут быть реализованы два основных механизма обмена данными:

- Управление распределенной системой;
- Универсальное управление обменом.

Таким образом, система должна представлять собой многоуровневый комплекс оперативных проверок, обеспечивающий формирование запросов к подсистемам регионального уровня с возможностью обращения к другим регионам и при необходимости к республиканскому центральному уровню с дальнейшим получением рекомендательных списков через используемые транспортные информационные каналы.

Взаимодействие охватывает следующие направления:

- определение иерархии, уровни подразделений, их пользователей;
- порядок направления данных и запросов, а также получения подразделением информации из центральной системы посредством прямого доступа при наличии соответствующих каналов связи;
- порядок направления данных и запросов и получения информации подразделением из центральной системы посредством формирования файлов, содержащих запрашиваемые данные, передачи их в центральную систему

определенным регламентированным способом, обработку запроса, формирование результатов и их обратную отсылку.

Рассмотрим работу абстрактной оптимальной системы в различных вариантах ее функционирования на примере использования трех уровней иерархии:

- система верхнего (центрального республиканского) уровня;
- система промежуточного (регионального) уровня;
- система нижнего (районного) уровня.

Первый вариант функционирования такой структуры может представлять систему реального времени на основе технологии клиент-сервер и ничем не отличаться от сетевой распределенной системы, когда любой из нижестоящих уровней может напрямую, через специализированные каналы связи обращаться к системам вышестоящих уровней, осуществлять загрузку и выборку данных в соответствии со своими правами доступа.

Также в реальном режиме времени системы нижестоящих уровней могут создавать запросы на получение данных из вышестоящих уровней. При большом количестве подразделений нагрузка на вышестоящие системы может значительно возрасти. В этом случае для обеспечения нормального функционирования системы используются так называемые диспетчеры очередей запросов, когда сформированные системами нижних уровней запросы ставятся в очередь для дальнейшей обработки. В этом случае системы нижнего уровня ожидают результаты обработки также в режиме реального времени. Как только запрос полностью обработан, формируется рекомендательный список, который может быть получен системами нижнего уровня.

Функционирование распределенной системы в реальном режиме времени подразумевает наличие специальных защищенных каналов связи между уровнями и подразделениями с достаточно высокой пропускной способностью, которая может быть не слишком высокой, но достаточной для передачи текстовой и графической информации. Минимальным уровнем представляется скорость от 128-256 кбит/с при условии, что по таким каналам не передаются видеоданные, для которых каналы связи должны быть более скоростными – минимум несколько мегабит в секунду [6].

Второй вариант использует взаимодействие между уровнями с помощью обмена файлами, например, XML-формата по ведомственным каналам связи: почтовые системы e-mail, ftp и http протоколы и другие.

В системах нижнего уровня формируются XML-файлы, включающие в себя, например, учетные карты с текстовой и графической информацией. Они пересылаются в подразделения верхнего уровня, где загружаются в системы вручную или автоматически. Этот же механизм используется для формирования запросов, их пересылки, загрузки. В данном случае такие запросы ставятся в очередь для обработки и при ее завершении формируются рекомендательные списки, которые пересылаются обратно в подразделения нижнего уровня. Где они также вручную или автоматически загружаются в системы для дальнейшей работы [7].

Центральная система имеет эталонную, настраиваемую и изменяемую при необходимости структуру. Специальный механизм позволяет синхронизировать ее с системами нижестоящих уровней в автоматическом режиме, так как проведение любых манипуляций и изменений на нижних уровнях должно быть запрещено из-за возможности повреждения и некорректной настройки пользователями. Таким образом, вмешательство в структуру систем нижних уровней сводится к минимуму. Такой механизм может быть реализован двумя способами: прямая модификация структур нижних уровней из центральной системы или передача на нижние уровни файлов структуры, например, в XML-формате, которые загружаются или вручную или автоматически, полностью проводя нужную синхронизацию.

Распределенной автоматизированной системой криминалистических учетов является совокупность неограниченного количества систем, удаленных друг от друга на большие расстояния и имеющих общие характеристики:

- функционирование по единым и стандартизованным правилам, централизованно определенным для всех систем, входящих в распределенную автоматизированную систему;
- обмен данными осуществляется по централизованно определенным правилам.

Создание распределенной системы необходимо для организаций, осуществляющих ведение криминалистических учетов и решающих следующие задачи:

- оперативное получение информации из систем удаленных подразделений;
- объединение в центральной системе информации из подразделений для последующего накопления и анализа данных;
- получение отчетности из центральной системы по всей организации в целом, а также по любому подразделению или их совокупности;

- централизованное изменение структуры и правил работы систем для работы всех удаленных подразделений (с использованием запрета самостоятельных изменений в них);

- ограничение и осуществление контроля модификации данных в удаленных подразделениях.

Таким образом, рассмотренный нами механизм централизованного сбора, обработки и анализа данных в информационных потоках необходим для осуществления быстрого и качественно оперативного взаимодействия и выполнения поставленных задач в распределенных автоматизированных информационно-поисковых системах криминалистических учетов.

Список использованных источников

1. Яблоков, Н.П. Криминалистика / Н.П. Яблоков. – М.: ЗАО «ЛексЭст», 2003. – 376 с.
2. Компьютерные системы и сети: учеб. пособие / В.П. Косарев [и др.]. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 464 с.
3. Таненбаум, Э. Распределенные системы. Принципы и парадигмы / Э. Таненбаум, М. ван Стеен. – СПб.: Питер, 2003. – 877 с.
4. Коннолли, Т. Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика / Т. Коннолли, К. Бегг; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2003. – 1440 с.
5. Дейт, К. Дж. Введение в системы баз данных / К. Дж. Дейт; пер. с англ. – 6-е изд. – Киев: Диалектика, 1998. – 784 с.
6. Елманова, Н.З. Borland C++ Builder 3.0. Архитектура «клиент/сервер», многозвенные системы и Internet-приложения / Н.З. Елманова. – М.: Диалог-МИФИ, 1999. – 233 с.
7. Цимбал, А. Технологии создания распределенных систем. Для профессионалов / А. Цимбал, М. Аншина. – СПб.: Питер, 2002. – 576 с.

Дата поступления: 15.10.2012

Annotation

96

The article presents the main principles of arranging and using automated systems for criminal records and transmitting information into them. The organizational structure, principles of filling in the databases and their functioning are outlined on the example of a distributed automated system of criminal records.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ

Аманкулов К.К.

*Оперативно-криминалистический
департамент МВД
Республики Казахстан*

Бочарова О.С.

канд. юрид. наук

Лысянный Ю.Ю.

*ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»*

Аннотация

В статье рассмотрены основные методы и способы организации параллельной обработки биометрической информации в автоматизированных системах криминалистических учетов. Представлены варианты организации структур, позволяющие увеличивать скорость обработки информации в модульных автоматизированных системах криминалистических учетов.

Особенностью обработки биометрической информации в автоматизированных информационно-поисковых системах (далее – АИПС) криминалистических учетов является постоянно возрастающий объем данных, который включает в себя не только описательные (текстовые) реквизиты, но также графические данные и специализированные кодовые массивы, на основе которых происходит поиск, сравнение биометрических данных и последующая идентификация. Такие системы должны быть способны обрабатывать неограниченно большие объемы информации как с помощью специальных ускоренных алгоритмов, так и с помощью наращивания вычислительной способности компьютерных систем.

Практика показывает, что наиболее ресурсоемкой операцией при выполнении поисковых запросов является операция по специализированной обработке кодовых массивов изображений. Она занимает около 5 процентов ресурсов оборудования при выполнении запроса и идентификации. Оставшиеся 95 процентов приходится на операции извлечения информации из базы данных и формирование списка указателей на наиболее вероятных кандидатов при сравнениях. За многолетний период алгоритмы идентификации по скорости работы подошли вплотную к своему теоретическому максимуму. Поэтому обычно используется простое наращивание вычислительной мощности компьютерной системы. Но такой подход является тупиковым, так как производительность компьютеров предельна, а наращивание количества, например, процессоров или компьютеров должно быть основано на распараллеливании работы алгоритмов сравнения и идентификации.

Для ускорения данного процесса существует архитектура параллельных вычислений, чтобы минимизировать время обработки запросов по биометрическим данным. Для этого задействуется набор приложений, которые называются параллельными вычислителями и обеспечивают работу данного механизма. Их количество определяется объемом обрабатываемых данных и необходимой скоростью вычислений [1].

Каждый параллельный вычислитель может работать и с центральной базой данных, и собственными (реплицированными) копиями базы данных для увеличения производительности системы, что радикально снижает нагрузку на центральную БД и соответственно увеличивает скорость обработки запросов. Для обработки данных реализован собственный механизм репликации. Размер базы данных может быть существенно уменьшен за счет исключения из нее данных, не участвующих в выполнении запросов.

Для установки и работы центральной базы данных, а также вычислителя очередей запросов и параллельных вычислителей должен быть выделен наиболее производительный компьютер.

Для обработки очередей предназначен компьютер с диспетчером очередей запросов, который может совмещать функции вычислителя в системе и, при необходимости, взаимодействовать с группой параллельных вычислителей, распределяя задания между ними.

Модуль диспетчеризации и обработки очередей запросов обеспечивает формирование очереди графических запросов, поступивших от пользователей системы, их обработку и формирование рекомендательных списков. Используется механизм обработки по приоритетам запросов. Данный модуль является сервером-вычислителем запросов, а также может управлять параллельными вычислителями.

Модуль параллельной обработки запросов включает один или несколько параллельных вычислителей и предназначен для ускорения обработки запросов. Количество вычислителей определяется объемом обрабатываемых данных и необходимой скоростью выполнения запросов.

Управление параллельными вычислителями осуществляется с помощью «Модуля диспетчеризации и обработки очередей запросов». Объем дисковой подсистемы сравним с объемом центральной базы данных. Каждый параллельный вычислитель устанавливается на выделенном компьютере и связан с центральной базой данных и управляющим модулем с помощью локальной сети и обеспечивает при использовании собственной копии базы данных практически линейное увеличение скорости обработки запросов. В этом случае не обязательно иметь высокоскоростные каналы связи с центральной базой данных, так как используется информация из локальной базы данных [2].

Система параллельной обработки должна включать в себя два основных модуля:

- Модуль диспетчеризации и обработки очередей запросов;
- Параллельный вычислитель.

Количество параллельных вычислителей может быть практически неограниченным и определяется необходимой скоростью обработки запросов.

В случае, когда количество параллельных вычислителей достаточно велико, нагрузка на центральную базу данных сильно возрастает, так как каждый параллельный вычислитель постоянно делает к ней запросы для выборки необходимой для него информации и дальнейших вычислений, поэтому дисковая подсистема центральной базы данных должна быть очень производительной. Однако существует физический предел, после достижения которого скорость обработки запросов может снизиться. Для полного распараллеливания вычислений необходимо для каждого вычислителя создать собственную базу данных, желательно локальную на том же компьютере для того, чтобы избежать установки дополнительного компьютера и сетевой связи [3]. Тем более, что локальные дисковые операции в большинстве случаев протекают быстрее, чем обмен по сетевым протоколам. Такая локальная база данных должна быть почти полной копией центральной, за исключением данных, которые не участвуют в запросах и обработке. Например, если это система портретной идентификации, использующая распознавание по специальным кодовым массивам, то хранения в локальной базе параллельного вычислителя изображений, которые могут занимать до 90 % всего объема данных, нет необходимости. Тем самым существенно сокращаются требования к размеру дисковой подсистемы, хотя она должна быть достаточно производительной. Это же касается и дактилоскопических систем, где необязательно хранить отпечатки в локальных базах данных вычислителей, если для идентификации используются кодовые массивы.

Важным моментом при реализации такого механизма является актуальность данных. Например, в центральную БД были введены или загружены новые учетные карты. После этого был сделан запрос. Но в локальных БД параллельных вычислителей эта информация еще не появилась. Чтобы решить эту проблему, необходимо автоматически синхронизировать данные из центральной БД. Можно воспользоваться встроенным механизмом репликации используемой СУБД. Но, в некоторых случаях, это приводит к необходимости покупки дополнительного ПО, так как модулей, обеспечивающих репликацию в реальном режиме времени,

нет в стандартной поставке. И для настройки корректной работы такого механизма нужны профессиональные администраторы СУБД.

Решением такой задачи может быть использование встроеного в параллельные вычислители внутреннего механизма репликации. При получении задачи на выполнение запроса и его обработки, этот модуль автоматически проверяет все изменения, прошедшие с периода предыдущей репликации, вносит их в свою локальную базу данных и только после этого приступает к выполнению обработки запроса. Единственным минусом такой технологии могут быть случаи, когда в центральную базу данных вносятся массовые изменения – загрузка очень большого количества новой информации. В таких случаях встроенный модуль репликации должен иметь возможность настройки – алгоритма и расписания выполнения синхронизации данных. Например, делать репликацию немедленно перед выполнением обработки запроса, делать это в определенные промежутки времени, делать это при старте и различные другие варианты.

Еще одним вариантом может быть предварительная выборка из центральной базы данных всей необходимой информации, включая кодовые массивы, и последующая пропорциональная передача ее всем параллельным вычислителям. Такой подход является неким подобием кэширования информации параллельными вычислителями. Но такая операция требует очень больших дисковых операций и сетевой трафик при передаче многократно возрастает, создавая неприемлемую задержку даже до начала самой обработки запроса. Причем, использование в запросах изменений в центральной базе данных приводит к тому, что эту операцию необходимо проводить постоянно или создавать некий механизм синхронизации кэшированных данных и физических в центральной БД [4].

Серьезной проблемой является разделение запроса на пропорциональные части для последующей обработки их параллельными вычислителями. Рассмотрим возможные варианты решения.

Допустим, создан запрос к системе портретной идентификации (это касается во многом и других систем, например, дактилоскопических) по всем изображениям и используется три параллельных вычислителя. В базе данных существует таблица, каждая запись которой имеет следующие поля: уникальный идентификатор, идентификатор, ссылающийся на учетную карту, включающую в себя произвольное количество изображений, и специализированный кодовый бинарный массив, на основе

которого происходит сравнение с эталонным (искомым) и вычисляются весовые коэффициенты. В дальнейшем последние используются для сортировки изображений и учетных карт по степени сходства.

Первый вариант – это простой перебор несортированных записей, который формирует три списка их уникальных идентификаторов. Полученные списки затем передаются соответственно параллельным вычислителям. Но такой способ можно использовать на небольших выборках – до 100 000, так как при его увеличении существенно замедляется перебор – приходится обрабатывать, например, миллионные таблицы, затем формировать списки и дополнительно пересылать их параллельным вычислителям.

Второй вариант – воспользоваться средствами sql-языка для быстрого и эффективного получения массивов изображений для всех параллельных вычислителей.

Как правило, при правильном проектировании структуры базы данных для каждой таблицы создается специальное поле, в котором хранится уникальное целое число для каждой записи. Это необходимо для того, чтобы всегда можно было точно выбрать нужную запись, например, для изменения или удаления, не прибегая к использованию совокупности нескольких других полей, которые не всегда определяют уникальность записи.

Для решения задачи получения массивов записей для параллельных вычислителей логично воспользоваться таким полем (уникальным идентификатором) и его значениями. Создается sql-запрос к таблице с кодовыми массивами с сортировкой по уникальному идентификатору. Затем необходимо произвести перебор, например, нескольких миллионов необходимых записей, запоминая в качестве промежуточных идентификаторов границы трех массивов записей для параллельных вычислителей [5]. Им достаточно дать нужные границы (идентификаторы) и с помощью sql-запроса с сортировкой параллельные вычислители самостоятельно сделают нужную выборку. В этом случае нет необходимости пересылать все записи вычислителям, однако для перебора миллионных таблиц все равно будет использоваться недопустимо большое время.

Третий вариант – спроектировать один или несколько sql-запросов, с помощью которых можно автоматически получить границы массивов для параллельных вычислителей. Такие запросы по скорости выполнения при определенной оптимизации могут быть в несколько раз и даже на порядки быстрее перебора записей.

Обычно, если сделать выборку записей из таблицы с сортировкой по полю с уникальным идентификатором и по возрастанию, то можно получить последовательный массив целых чисел: 1, 2, 3, 4, 5 и т.д. Это идеальный вариант. Но на практике выборка может быть отфильтрована, например, по полу, дате рождения. В этом случае получится массив уникальных идентификаторов не последовательный, так как выбираются не все записи: 2, 5, 6, 10, 24 и т.д.

Если бы отсортированные записи имели последовательный и непрерывный массив уникальных идентификаторов, то задача была бы простой: при выборке в миллион записей первый интервал имел бы диапазон идентификаторов, например, от 1 до 333333, второй от 333334 до 666666 и третий от 666667 до 1000000.

Но в реальности возникают пропуски, о которых указывалось выше. Например, последовательность уникальных идентификаторов – 1, 2, 6, 7, 8, 20, 55 и т.д. Особенно это проявляется при запросах, использующих текстовые поля для уменьшения выборки – пол, дата рождения и др. И точно установить диапазоны с помощью деления всего количества записей, например, на три параллельных вычислителя не представляется возможным [6].

Выборка первого интервала записей может быть выполнена с помощью следующего sql-запроса:

```
select max(ID) as END_ID
from
(select * from (select /*+ FIRST_ROWS*/
CODES_TABLE.ID
from CODES_TABLE CODES_TABLE
where
CODES_TABLE.ID > :FromID
order by CODES_TABLE.ID asc)
where rownum <= :CountRecords) CODES_
TABLE
```

В этом запросе сначала выполняется выборка всех записей с минимальным известным началом интервала – запись с идентификатором 0 (на самом деле такое значение не используется – отсчет начинается с 1). Это значение передается в переменную :FromID, т.е. выбираются все записи, идентификаторы которых больше 0. Например, вся таблица содержит 1 миллион записей. Для каждого из параллельных вычислителей необходимо получить массивы по 333333 записей (1 миллион делится на три вычислителя). Последний получает на одну запись больше, но это некритично. Таким образом, известное значение 333333 передается в переменную :CountRecords, а сама конструк-

ция «where rownum <= :CountRecords» отсекает в выборке ровно 333333 записей. Выражение «select max(ID)» над выборкой с необходимым количеством записей даст последний уникальный идентификатор записи, который и является верхней границей первого диапазона. Значение этого идентификатора может быть не обязательно 333333, а любым другим, но обязательно запоминается для получения следующего диапазона. Но общее количество записей, который теперь может обработать первый параллельный вычислитель, равно именно 1/3 (333333) от общего количества. Единственное условие – выборка должна быть обязательно отсортирована по уникальным идентификаторам.

Второй диапазон вычисляется по такому же алгоритму, но в переменную :FromID передается сохраненное значение верхней границы первого диапазона, происходит выборка снова 333333 записей и получение значения уникального идентификатора верхней границы.

Третий диапазон может быть получен так же, но есть возможность вообще не выполнять для этого sql-запрос, так как нижняя граница его уже известна – это полученное значение верхней границы из второго диапазона. Для третьего вычислителя задача еще больше упрощается – он выполняет sql-запрос, только задав нижнюю границу своего диапазона. Или может вычислить максимальный уникальный идентификатор:

```
select max(ID) as END_ID
from CODES_TABLE CODES_TABLE
```

Описанный вариант наиболее предпочтителен для достижения максимального быстродействия при получении массивов для параллельных вычислителей.

Передавая параллельным вычислителям границы их диапазонов, задача распределения массивов будет полностью выполнена с высокой скоростью при условии правильной индексации полей в таблице.

Это был пример простейшего получения массивов – в реальности сложность sql-запросов может быть большей в зависимости от структуры базы данных, использования текстовых полей для минимизации и улучшения качества идентификации при исключении, например, в запросе по заведомо мужскому изображению лица женского пола.

Теперь параллельные вычислители могут приступить к обработке своих массивов. После ее окончания они на основе полученных весовых коэффициентов сравнения сортируют, например, изображения (записи из таблицы) с наиболее высокой степенью сходства и ограничивают полученный массив необходимым

количеством – например, наиболее схожие первые 100 изображений. Эти данные передаются обратно диспетчеру-вычислителю очередей запросов от всех задействованных вычислителей. Итоговый массив состоит уже из 300 записей. Диспетчер-вычислитель его сортирует и делает выборку в 100 записей, формируя массив для дальнейшего использования и просмотра экспертом. Обработанный запрос в базе данных помечается как выполненный и исключается из очереди. Теперь диспетчер-вычислитель приступает к обработке следующего запроса по такому же алгоритму [7].

Таким образом, количество параллельных вычислителей может увеличиваться практически неограниченно и скорость обработки ими запросов почти линейно возрастает при условии использования своих локальных реплицированных баз данных. Нагрузка на центральную СУБД при этом не возрастает.

Еще одним важным моментом является стабильная и безотказная работа всех вычислителей. Но для ее обеспечения в случае выхода из строя, например, одного из компьютеров с вычислителем, канала связи или самого вычислителя, необходим автоматический механизм замены или перераспределения

заданий, когда невыполненный запрос передается другому резервному вычислителю или завершившему свою задачу. Например, диспетчер-вычислитель регулярно опрашивает работающие параллельные вычислители, которые при нормальном функционировании дают обратный ответ. В случае, если один или несколько вычислителей не отвечают, диспетчер-вычислитель передает их задания другим работающим, исключая вышедшие из строя из списка и создавая сообщение администратору системы о неполадках. Тем самым обеспечивается бесперебойное функционирование системы даже при падении общей производительности.

Описанные методы и способы организации параллельной обработки биометрической информации в автоматизированных системах криминалистических учетов позволяют использовать обычную компьютерную технику и сетевое оборудование, не устанавливая дорогих серверы и не используя специальные высокоскоростные каналы связи, а также специализированное ПО от производителей промышленных СУБД, например, для создания кластеров БД и проведения репликации в реальном режиме времени.

Список использованных источников

1. Barsky, A.B. Highly Parallel Asynchronous Computer Systems For The Large Data Arrays Processing / A. B. Barsky, V.V. Shilov // Proc. SMS TPE'94. M.: ISP RAS, 1994.
2. Хокни, Р. Параллельные ЭВМ. Архитектура, программирование и алгоритмы / Р. Хокни, К. Ждесхоуп. – М.: Радио и связь, 1986.
3. Головкин, Б.А. Параллельные вычислительные системы / Б.А. Головкин. – М.: Наука, 1980.
4. Hong, L. Can Multibiometrics Improve Performance / L. Hong, A. Jain, S. Pankanti // Proc. IEEE Workshop on Automatic Identification Advanced Technologies. New Jersey. – 1999.
5. Parsaye, K. A Characterization of Data Mining Technologies and Processes / K. Parsaye // The Journal of Data Warehousing. – 1998.
6. Дейт, К. Дж. Введение в системы баз данных / К. Дж. Дейт; пер. с англ. – 6-е изд. – Киев: Диалектика, 1998.
7. Программирование на параллельных вычислительных системах / Р. Бэбб [и др.]. – М.: Мир, 1991.

Дата поступления: 15.10.2012

Annotation

The article describes the main methods and ways of organizing the parallel processing of biometric information in automated systems for criminal records. Variants of the organization of structures, allowing to increase the speed of information processing in modular automation systems for criminal records, are demonstrated.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

Третьяков Г.М.

канд. юрид. наук

УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»

Преступления против экономической состоятельности и процедуры банкротства (ст.ст. 238-241 УК Республики Беларусь), проблемы их своевременного выявления и эффективного расследования в настоящее время вызывают все больший общественный и научный интерес. Данные преступления, представляющие реальную угрозу экономической безопасности Республики Беларусь, являются малоисследованными с криминалистической точки зрения и зачастую носят латентный характер, причиняя значительный ущерб экономическим отношениям.

Преступления против экономической состоятельности и процедуры банкротства в большинстве случаев представляют собой тщательно подготовленную, сложную, высокоинтеллектуальную форму преступной деятельности, которая может осуществляться в течение

длительного периода времени и сопровождаться совершением других преступлений. Практика правоохранительной деятельности свидетельствует о том, что отсутствие или недостаточность практических рекомендаций по тактике проведения отдельных следственных действий имеет отрицательные последствия для формирования доказательственной базы и в результате для всего процесса расследования преступления. Анализ практики расследования показывает, что зачастую при расследовании сложных экономических пре-

ступлений допрос носит недостаточно полный характер, что негативно отражается на качестве проводимого расследования.

Несмотря на то, что проблемам производства допроса уделено немало внимания в научной литературе, существует необходимость отдельного рассмотрения особенностей проведения допроса при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства. Эти особенности обусловлены специфичностью и большими объемами информации, анализируемой в рамках уголовного дела, разнообразием конкретных способов совершения преступлений, обстановки их совершения, высоким потенциалом противодействия расследованию и иными факторами.

102

Аннотация

Статья посвящена особенностям производства допроса при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства (ст.ст. 238-241 УК Республики Беларусь). Данная категория преступлений является малоизученной, представляет сложность для своевременного выявления и расследования, требует разработки соответствующих практических рекомендаций. В статье определяется круг лиц, подлежащих допросу при расследовании данных преступлений, обстоятельства, подлежащие выяснению. В целях оптимизации подготовки и производства допроса, в силу специфики и сложности выявляемой и анализируемой информации, обосновывается эффективность использования метода многовариантного программирования.

Повышенная сложность и малоизученность исследуемых преступных деяний определяет необходимость разработки специального криминалистического обеспечения производства отдельных следственных действий, в том числе и производства допроса при расследовании данной категории дел, поскольку, как отмечается, «допрос – самое богатое на приемы следственное действие, которое составляет более половины времени при расследовании уголовных дел» [1, с. 6].

Допрос по праву считается одним из наиболее сложных следственных действий. Производство допроса требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания людей, их психологии, мастерского владения тактико-криминалистическими приемами допроса [2, с. 97].

Как отмечается, «приемы допроса обладают высокой степенью индивидуальности и универсальностью, которая «прорастает» в другие следственные действия: очную ставку, проверку показаний, опознание, обыск» [1, с. 6].

Цель допроса заключается в получении полных и объективно отражающих действительность показаний. Эти показания являются источником доказательств, а содержащиеся в них фактические данные – доказательствами. В данной ситуации, как отмечает Г.А. Зорин, «главная задача криминалистической тактики допроса заключается в том, чтобы она работала не сама на себя, а на систему выполняемых действий и на конечный результат, чтобы все приемы складывались в ранжированную структуру, которая создает совместный гармоничный ожидаемый результат» [3, с. 116].

Как показывает практика, в процессе расследования преступлений экономического характера следователи часто сталкиваются с проблемой длительной подготовки к допросам, в ходе проведения которых подлежит выяснению большое количество различных обстоятельств, связанных с совершением преступления. Отсутствие направляющего криминалистического механизма производства допроса часто влечет за собой односторонность и неэффективность его проведения.

Данная проблема может быть решена за счет разработки и применения многовариантных программ допросов, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления. Многовариантная программа допроса, построенная на системе обстоятельств, подлежащих установлению, может содержать в себе подробные блоки вопросов и тактические решения для их реализации в типизированных ситуациях, выявляемых в процессе допроса, существенно снижая вероятность неполноты

следственного действия. Это представляется особенно востребованным при расследовании рассматриваемой категории преступлений, в ходе которого должен выявляться и анализироваться большой объем сложной узкоспециальной информации.

Базовые технологии построения многовариантных программ допросов разработаны Г.А. Зориным и активно используются в ходе исследований в рамках его научной школы, а также в практической деятельности [1; 3; 4].

Отмечается, что «многовариантное программирование – это процесс рационального преобразования исходных целей, установок, процедур, промежуточных тактических правил, принципов, ресурсов, приемов и методов, многообразное комбинирование элементов в поисках нового решения сложной комплексной проблемы, поставленной реальностью следственных и криминальных ситуаций» [5, с. 111].

Идея использования программно-целевого метода и метода алгоритмизации при расследовании преступлений, при проведении отдельных следственных действий получила широкое распространение. Она нашла отражение в работах И.А. Возгрина, Г.Л. Густова, Г.А. Зорина, Н.А. Селиванова, А.А. Эйсмана и многих других ученых. Выступая в качестве ориентировочного справочника, криминалистическая программа фактически моделирует следователя, способствует постановке задач и их решению. Процесс расследования становится более целенаправленным и, как результат, экономичным, за счет оптимизации процесса расследования и оптимизации его планирования [6, с. 118 – 125]. Криминалистические программы служат инструментом анализа информации и синтезирования имеющихся в распоряжении следователя исходных данных [7, с. 133].

Многовариантные типовые программы способны решить следующие проблемы, возникающие в ходе производства допросов и иных следственных действий:

- «экономия времени и ресурсов на подготовку и проведение следственных действий (в 3-5 раз);
- повышение качества уголовного судопроизводства;
- «выравнивание» уровня знаний специалистов различной профессиональной подготовки;
- достижение полноты и всесторонности расследуемого преступления;
- типовые программы через подвижную систему вопросов обнажают все обстоятельства механизма преступления, в частности, его элементы, связи, судебные перспективы;

- исключение типичных криминалистических ошибок;
- нейтрализация явных и скрытых конфликтов профессионального взаимодействия;
- формирование системы собственной психологической защиты в напряженных ситуациях от неожиданных допросов с высоким уровнем информационной неопределенности и конфликтности;
- гарантия исполнения требований закона;
- унификация использования программ;
- использование при создании автоматизированных рабочих мест;
- возможность использования в обучении юристов;
- формирование многовариантной модели решения криминалистических проблем в тактике судебного следствия» [4, с. 5 – 7].

Допросу по данной категории преступлений должны предшествовать обыск и выемка, осмотр, проведение финансовых и иных проверок, иные следственные и процессуальные действия. В ходе их проведения устанавливаются массивы криминалистически значимой информации, имеющей доказательственное значение, на основании которой впоследствии определяется круг лиц, подлежащих допросу, формируется программа допроса, определяется система тактических и психологических приемов, направленных на полное и всестороннее получение информации от допрашиваемых лиц.

Для того чтобы успешно осуществить допрос, лицу, осуществляющему расследование, необходимо иметь четкое представление о круге лиц, которые могут быть допрошены в ходе расследования данного преступления.

В состав лиц, подлежащих допросу при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства, входят:

- индивидуальный предприниматель (предприниматели);
- должностное лицо юридического лица: руководитель должника; главный бухгалтер (бухгалтер должника); иные лица, занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;
- учредители (участники) юридического лица;
- собственник имущества юридического лица;
- должностные лица, прекратившие трудовые или гражданско-правовые отношения

с должником в течение не менее двух лет до момента возбуждения дела об экономической несостоятельности (банкротстве);

- работники должника;
- должностные лица государственных правоохранительных и контролирующих органов, осуществляющие контроль и проверки индивидуальных предпринимателей и юридических лиц и выявившие нарушения законодательства, признаки совершения преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства;
- временные (антикризисные) управляющие, принимавшие участие в проведении процедуры экономической несостоятельности (банкротства), проводившие экономический анализ деятельности субъекта хозяйствования;
- кредиторы и их представители;
- работники банков, осуществлявшие обслуживание банковских счетов должника.

Конкретный круг лиц, подлежащих допросу при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства, определяется следователем с учетом обстоятельств дела, способа и обстановки совершения преступления. При допросе подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей необходимо использовать имеющиеся в материалах уголовного дела бухгалтерские и иные документы, в ходе исследования которых были выявлены признаки совершения преступления. Это позволит получить более конкретную информацию от допрашиваемого лица.

Перед допросом необходима тщательная подготовка путем выяснения обстоятельств дела и механизма совершения преступления. Необходимо глубокое изучение материалов дела, имеющихся документов и вещественных доказательств, нормативных актов, регулирующих деятельность должника, процедуру экономической несостоятельности и особенности ее применения относительно конкретного субъекта хозяйствования. Определяются обстоятельства дела, по которым необходимо получить показания, вопросы, которые следует задать. При подготовке к проведению допроса по данной категории дел необходимо учитывать, что лица, совершающие исследуемые преступления, могут иметь высокий уровень образования, обладать достаточно глубокими знаниями в области экономики и права. В связи со спецификой и сложностью вопросов, входящих в предмет допроса, большое значение имеет получение предварительной консультации специалистов в области организации и ведения бухгалтерского учета и отчетности, сотрудников контролирующих органов, временных (антикризисных) управляющих. Представляется обоснованным

в необходимых случаях участие специалиста в производстве данного следственного действия для получения оперативных консультаций относительно значения установленных обстоятельств, снижения интеллектуального противодействия со стороны допрашиваемого лица в ходе производства допроса. Вся полученную информацию необходимо использовать для реализации тактического приема, направленного на получение правдивых показаний, для создания у допрашиваемого представления о том, что следователю известно большинство обстоятельств расследуемого дела, имеются средства преодоления возможного противодействия.

Рассматриваемая категория преступлений отличается субъективными особенностями подозреваемых (обвиняемых), что, как представляется, в значительной мере влияет на тактику проведения допросов. Прежде всего, речь идет об умысле, который может формироваться в течение продолжительного периода и трансформироваться в зависимости от меняющихся обстоятельств совершения преступления. Кроме того, следует учитывать, что подобные преступления носят интеллектуальный характер и требуют подготовки, устойчивой мотивации соучастников на совершение преступления, коррупционных связей. Исходя из этого, успех допроса во многом предопределяется тщательностью подготовки, которая в первую очередь базируется на изучении всех ранее собранных материалов дела.

В начальной стадии допроса выясняются обстоятельства общего характера, интересующие следствие и направленные на установление сведений, характеризующих хозяйственную деятельность должника, а именно: обстоятельства организации и создания субъекта хозяйственной деятельности; информация, характеризующая состав учредителей, участников, собственника имущества должника. Устанавливается наличие, условия хранения и использования документов, подтверждающих государственную регистрацию: устава, учредительного договора, лицензий и иных организационных документов; состав руководства должника, форма руководства, состав лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, наличие должностных обязанностей, содержание фактически выполняемых обязанностей; порядок организации и ведения бухгалтерского учета и отчетности, порядок и сроки представления отчетности в налоговые органы, состав лиц, подписывающих бухгалтерские документы; наличие обслуживающих банковских организаций и порядок обслуживания.

В ходе допроса весьма важным является установление обстоятельств, предшествовавших совершению преступления. Для выяснения данной информации в ходе допроса устанавливаются следующие обстоятельства:

- общая характеристика деятельности субъекта хозяйствования;
- временные рамки устойчивой (приобретающей устойчивый характер) неплатежеспособности, ее причины, время возникновения и обстоятельства установления;
- обстоятельства, характеризующие деятельность должника после установления им своей устойчивой (приобретающей устойчивый характер) неплатежеспособности;
- наличие обстоятельств, характеризующих выполнение предусмотренных законом обязанностей в условиях устойчивой (приобретающей устойчивый характер) неплатежеспособности;
- обстоятельства, связанные с возбуждением производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) в хозяйственном суде;
- цель и мотив действий обвиняемого;
- наличие умысла на совершение противоправных действий.

Наибольшее значение в ходе производства допроса имеет установление обстоятельств совершенного преступления, механизма совершения деяния. В этой связи установлению подлежат такие обстоятельства, как:

- способы формирования и обстоятельства предоставления сведений, не соответствующих действительности, в суд, государственным органам, кредиторам и иным заинтересованным лицам о финансовом положении должника;
- способы и обстоятельства совершения подделки документов, характеризующих финансовое положение должника;
- способы и обстоятельства искажения документов бухгалтерского учета и отчетности, содержащих или составляющих информацию о финансовом положении должника;
- способы и обстоятельства сокрытия, отчуждения, повреждения или уничтожения имущества в условиях неплатежеспособности;
- обстоятельства и причины заключения заведомо невыгодных сделок;
- характер действий подозреваемого (обвиняемого), связанных с подделкой документов, искажением бухгалтерской отчетности, предоставлением сведений, не соответствующих действительности, сокрытием, отчуждением, повреждением или уничтожением имущества;
- характер действий каждого из подозреваемых (обвиняемых).

Установлению подлежат также обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого)); обстоятельства, характеризующие служебную или иную зависимость каждого из подозреваемых (обвиняемых) от иных соучастников; информация, характеризующая опыт работы в конкретной сфере хозяйственной деятельности, иные обстоятельства деятельности лица.

При расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства большое значение приобретает использование свидетельских показаний. Целью допроса свидетелей является получение от них показаний, имеющих существенное значение по уголовному делу.

Работа со свидетелями по делам исследуемой категории сопровождается следующими трудностями, характеризующими специфику процесса расследования:

- установление круга лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей;
- преодоление негативного отношения к допросу в связи с заинтересованностью в исходе дела лиц, напрямую не причастных к совершению преступления и не имевших умысла на его совершение, но совершивших по различным причинам отдельные противоправные действия, входящие в общую структуру механизма преступления;
- преодоление нежелания активно сотрудничать со следствием в результате материальной, служебной или иной зависимости от руководителей, сослуживцев или иных лиц.

Допрос сотрудников государственных правоохранительных и контролирующих органов позволит установить обстоятельства установления признаков совершения преступления. Особенностью допроса указанных лиц является то, что они обладают данной информацией в силу выполнения своих служебных обязанностей и не заинтересованы в даче ложных показаний. Информация, которой они располагают, подтверждается в большинстве случаев документально (акты проверок, отчеты временных (антикризисных) управляющих).

Должностные лица и работники юридического лица, в том числе и прекратившие с ним трудовые отношения, непосредственно участвовавшие в производственных и коммерческих операциях, ведении бухгалтерского учета и отчетности и иных документов, могут располагать необходимыми сведениями об обстоятельствах деятельности должника. На

основании показаний указанных лиц можно установить реальное финансовое состояние должника, факты и обстоятельства совершения хозяйственных операций, места составления и хранения документов, связанных с хозяйственной деятельностью, обстоятельства совершения неправомерных действий в отношении имущества предприятия. Эти лица могут быть заинтересованы в даче ложных показаний, на них может быть оказано определенное воздействие со стороны лиц, причастных к совершению преступления. Кроме того, данные работники могут быть причастны к совершению отдельных противоправных действий, входящих в механизм преступления. Отдельные обстоятельства преступления, к которым эти лица могут быть причастны, могут восприниматься и описываться ими как результат ошибки, неосведомленности, халатности, последствия служебной или иной зависимости.

Интересующей следствием информацией могут располагать кредиторы или должностные лица, работники иных субъектов хозяйственной деятельности, с которыми осуществлялись финансовые операции, выполнялись различные договорные обязательства, а также работники банковских организаций, осуществлявшие обслуживание счетов должника. Указанные лица могут предоставить информацию об особенностях и отдельных обстоятельствах деятельности должника, особенностях движения денежных средств.

Кроме того, одним из важнейших условий эффективности производства допроса, получения правдивых показаний является установление психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом. «Психологический контакт в следственной практике – это особое рода взаимоотношения следователя с участником уголовного процесса, характеризующиеся стремлением следователя поддерживать общение в целях получения правдивых, полных и достоверных показаний, имеющих отношение к делу» [8, с. 41]. Установление психологического контакта позволяет снизить конфликтность процесса допроса, сформировать устойчивую позицию допрашиваемого лица на дачу правдивых показаний, обеспечить полноту и ясность получаемой в ходе допроса информации.

Таким образом, специфика преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства и специфика сферы совершения данных преступлений обуславливает необходимость разработки научно-практических рекомендаций по проведению допроса по данной категории дел.

Для качественного проведения допроса при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства, представляется эффективным использовать системы многовариантных программ допроса, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления.

Система научно-практических рекомендаций по подготовке и производству допроса является необходимым структурным элементом криминалистического обеспечения расследования преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства.

Список использованных источников

1. Зорин, Г.А. Криминалистические алгоритмы допроса в интегративно-модульной тактике: учеб.-метод. пособие / Г.А. Зорин, М.Г. Зорина. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 162 с.
2. Белкин, Р.С. Тактика следственных действий / Р.С. Белкин, Е.М. Лившиц. – М.: Новый Юрист, 1997. – 176 с.
3. Зорин, Г.А. Руководство по тактике допроса: учеб.-практ. пособие / Г.А. Зорин. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 320 с.
4. Зорин, Г.А. Многовариантные программы допросов: технологии построения и применения / Г.А. Зорин. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2005. – 334 с.
5. Зорин, Г.А. Источники права в концепции криминалистического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Г.А. Зорин // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер.4, Правазнаўства. – 2009. – № 1. – С. 109 – 115.
6. Кузьмин, С.В. Познавательная функция вопроса / С.В. Кузьмин // Рос. юрид. журн. – 1995. – № 4. – С. 118 – 125.
7. Славгородская, О.А. К вопросу об использовании программно-целевого метода в расследовании преступлений, совершаемых организованными группами / О.А. Славгородская // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 23-24 мая 2002 г. / Кубанский гос. аграр. ун-т; редкол. В.Д. Зеленский [и др.]. – Краснодар, 2002. – С. 132–137.
8. Порубов, Н.И. Тактика допроса в предварительном следствии: учеб. пособие / Н.И. Порубов. – М.: БЕК, 1998. – 196 с.

Дата поступления: 31.10.2012

Annotation

Article is devoted to the particularities of the interrogation in the process of investigating the crimes against the economic solvency and bankruptcy procedure (the Art. Art. 238-241 of the Criminal code of the Republic of Belarus). These crimes are low-studied. They are difficult for prompt detection and investigation and demand the development of corresponding practical recommendations. In the article the circle of people, subject of interrogation during the investigation of these crimes, and the circumstances which are subject to examination are defined. For the purpose to optimize the preparation and proceeding of the interrogation, owing to the specifics and complexity of the revealed and analyzed information, the efficiency of using a method of multiple programming is justified.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Пашута И.В.
Академия МВД Республики Беларусь

108

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые тактические и организационные особенности проведения допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого при расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств. Акцентируется внимание на необходимости специальной подготовки следователя (лица, производящего дознание), использования при допросе дополнительных материалов (фото-таблицы, планы, схемы к протоколу осмотра места происшествия, фотографии, рисунки, макеты взрывных устройств и их компонентов), привлечения к проведению следственного действия различных специалистов. Указываются тактические приемы, направленные на оживление памяти допрашиваемого, изблечения во лжи, склонения к даче правдивых показаний.

Огромное значение в процессе доказывания при расследовании общественно опасных деяний имеют фактические данные (сведения, информация) о случившемся событии, полученные от лиц, непосредственно или опосредованно воспринявших его. Основным средством получения показаний о противоправном деянии выступает проведение такого следственного действия, как допрос, являющегося самым распространенным следственным действием по собиранию и проверке в установленном порядке доказательственной и иной важной для расследования информации. Однако это не снижает сложности и ответственного отношения к его подготовке и проведению. На наличие трудностей при осуществлении данного следственного действия в ходе расследования криминальных взрывов указали 17,5 % опрошенных работников правоохранительных органов. Полученные при допросе фактические данные довольно часто являются основным звеном

в цепи последующих действий по установлению многих неизвестных обстоятельств совершенного противоправного деяния.

Допрос как многоплановое следственное действие, содержащее процессуальное, криминалистическое, психологическое, этическое начало, давно привлекает к себе большое внимание ученых-правоведов [1; 2, с. 57 – 97; 3; 4]. Это послужило толчком к разработке многих рекомендаций как по тактике проведения допроса в целом, так и по отдельным категориям преступлений. Вместе с тем, существует ряд особенностей проведения допроса

по делам о преступлениях, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, требующий более подробного освещения. На отдельные из них указывали в своих работах такие ученые-криминалисты, как А.А. Беляков [5], Г.А. Зорин [6], С.М. Колотушкин [7], М.А. Михайлов [8], И.Д. Моторный [9] и др.

К некоторым особенностям, относящимся к проведению допроса в целом при расследовании рассматриваемых противоправных деяний, относятся необходимость специальной подготовки самого допрашиваемого (следователя,

лица, производящего дознание); активное использование при допросе дополнительных материалов (фототаблицы, планы, схемы к протоколу осмотра места происшествия, имеющиеся вещественные доказательства по расследуемому уголовному делу, специальная литература с иллюстрациями, фотографии, рисунки, макеты взрывных устройств и их компонентов); привлечение к проведению данного следственного действия различных специалистов; фиксация показаний не только в текстовой, но и графической форме (с помощью схем, рисунков); применение звуко- и видеозаписи и др.

Получение правдивых и развернутых показаний во многом зависит не только от опыта и квалификации следователя, но и от обладания им определенными знаниями в области взрывотехники. В этой связи особое значение имеет организация специальной подготовки (на ее необходимость указали 86,1 % опрошенных респондентов), ознакомление с литературой, рекомендациями специалистов. В некоторой степени эту проблему позволит решить специализация следователей и лиц, производящих дознание. Необходимую информацию о взрывных устройствах, их компонентах, принципах работы, способе и материале изготовления, механизме образования, локализации, характере повреждений на теле, различных объектах и т.д. можно получить у специалистов-взрывотехников, химиков, судмедэкспертов, специалистов в области радиоэлектроники, металловедения и др.

Однако собственных знаний и использования дополнительных материалов не всегда в полной мере достаточно для установления всех необходимых обстоятельств, касающихся применения взрывного устройства (взрывчатого вещества) и его последствий. В таких случаях целесообразно прибегать к предусмотренной процессуальным законом помощи различных специалистов. Это способствует полной и правильной фиксации отдельных деталей взрывного устройства, его механизмов, уяснению их назначения и принципа работы, а также грамотному употреблению различных терминов.

Использование вспомогательных материалов (фототаблицы, планы, рисунки, схемы, модели и макеты взрывных устройств и взрывчатых веществ и т.д.) призвано дополнить показания в речевой форме, активизировать ассоциативные связи и тем самым напомнить отдельные моменты преступления, обеспечить точность восприятия и воспроизведения обстоятельств события.

Применение в ходе проведения допроса звуко- и видеозаписи при расследовании обозначенной категории дел способствует устра-

нению двойного толкования тех или иных фактов; фиксации первоначальных показаний при опасении, что они могут быть изменены; удостоверению факта дачи показаний без какого-либо принуждения. К тому же магнитная лента или цифровой носитель служат источниками дополнительной информации, позволяя устанавливать сведения, которые ранее показались допрашивающему несущественными. Нередко то, что осталось без внимания при получении первоначальных показаний, в последующем приобретает особую важность [10, с. 192].

Допрос, как и любое следственное действие, не может быть эффективным, если его производить непродуманно, без правильного применения тактических приемов – основанных на законе и практическом опыте способах воздействия следователя на допрашиваемого в целях получения максимально полной информации по делу. При определении тактики рассматриваемого следственного действия учитываются конкретные обстоятельства дела, личность допрашиваемого, его индивидуальные особенности и процессуальное положение.

Допрос потерпевшего и свидетеля. Получение максимально полной информации о фактах, имеющих значение для дела, во многом зависит от умения направить внимание и усилие памяти потерпевшего и свидетеля на правильное освещение обстоятельств, известных им, помочь вспомнить и правдиво изложить забытые ими подробности. В свою очередь, полнота показаний потерпевшего и свидетеля зависит от особенностей процессов восприятия, запоминания и последующего воспроизведения ими обстоятельств произошедшего преступного события (от его позиции по отношению к последствию).

Исследованиями установлено, что не механической повторяемостью явлений, а значимость их для воспринимающего служит основой точного запоминания. На процессы памяти, особенно на произвольное запоминание, большое влияние оказывают эмоции потерпевшего и свидетеля [10, с. 181]. В связи с этим специфика рассматриваемого преступления (совершение его путем применения взрывчатого вещества или взрывного устройства) предопределяет большую вероятность сохранения информации о нем в памяти очевидцев, поскольку осуществление взрыва оказывает сильное психологическое воздействие на любого человека.

Однако здесь может наблюдаться другая крайность, когда бурно переживаемые события оказывают отрицательное воздействие на восприятие и препятствуют сохранению событий в памяти. Так, иногда потерпевший (свиде-

тель) в состоянии сильного испуга утрачивает способность запомнить некоторые моменты произошедшего. Необходимо также учитывать особенности восприятия события лицом, перенесшим травму в результате взрыва. Взрывная волна может вызвать ушиб головного мозга и нарушение кровообращения, что обычно приводит к потере сознания, поэтому допрашиваемый может не помнить многих подробностей случившегося. Кроме того, психическая травма, причиненная правонарушением, часто не позволяет потерпевшему либо свидетелю сосредоточиться на требуемых для расследования фактах [4, с. 93]. В такой ситуации нецелесообразно производить допрос непосредственно вслед за происшествием, так как он может оказаться не результативным. Более полными часто оказываются несколько отсроченные показания, когда вызванные преступлением переживания во многом сошлись.

Если же в условиях недостаточного количества первоначальной информации проведение рассматриваемого следственного действия невозможно отложить, то в последующем надо провести дополнительный допрос. Необходимость в производстве дополнительного допроса появляется также в связи с тем, что множество обстоятельств, возникающих в результате совершения преступления и требующих установления, часто не позволяет даже опытному следователю сразу выделить все значимые. Практика расследования рассматриваемой группы преступлений показывает, что производство дополнительного допроса потерпевшего имеет место в 43,5 % случаев, свидетеля – в 22,7 %. Кроме того, важно учитывать, что потеря информации под воздействием времени, т. е. забывание, носит во многих случаях обратимый характер, поэтому то, что казалось бы навсегда утрачено памятью, оживает, восстанавливается и приобретает новые связи. В результате этого явления, именуемого реминисценцией, в дополнительных показаниях появляются данные, которые допрашиваемый не отразил на первом допросе.

Для припоминания забытых фактов теорией и практикой разработаны специальные приемы оказания помощи допрашиваемому. Они заключаются в постановке вопросов и словесных описаниях, активизирующих у потерпевшего (свидетеля) ассоциативные связи: применении в ходе производства допроса планов, схем, рисунков, фотоснимков, моделей, макетов, вещественных доказательств и т.д., направленных на оживление памяти.

Потерпевший в определенной мере полно может описать окружающую обстановку до взрыва, свое месторасположение, предше-

ствующие взрыву события, приметы лиц, находившихся рядом с ним, встретившихся им при следовании к месту происшествия. Он также может сообщить сведения об изменениях, произошедших на месте происшествия, поврежденном (уничтоженном) имуществе и т.д.

Не менее важным источником доказательственной информации являются показания свидетеля. Первыми в кругу допрашиваемых свидетелей обычно оказываются лица, сообщившие о преступлении, и сотрудники различных служб, вызванные на место происшествия для ликвидации его вредных последствий. При ночном характере происшествия свидетелями могут оказаться лица, находящиеся по долгу службы в районе случившегося: сотрудники милиции, работники круглосуточных магазинов, ночных ресторанов, игровых заведений и т.п.

Выявление лиц, владеющих ценной для расследования информацией, может быть инициировано через средства массовой информации, при этом весомым стимулирующим фактором является упоминание о вознаграждении и гарантиях безопасности источников.

При допросе свидетелей, которые были очевидцами преступления, выясняются помимо общих обстоятельств произошедшего (время, непосредственное место совершения, окружающая вещная обстановка, месторасположение потерпевших и его самого и т.д.) специфические обстоятельства, позволяющие судить о характере взрыва, виде использованного взрывчатого вещества, способе приведения в действие взрывного устройства и др. К ним относятся сведения о наличии пламени при взрыве, цвете и локализации вспышки, характере и силе звука, наличии, цвете и форме дымового облака, его запаха, направления действия взрывной волны и другие, характеризующие обстановку взрыва обстоятельства. В ходе допроса свидетелей также устанавливаются обстоятельства подготовки взрыва, оставления преступником места его совершения.

В связи с тем, что часть доказательств может быть утеряна в период с момента взрыва до начала расследования, большое значение имеет допрос лиц, которые первыми оказались на месте происшествия. Ими могут быть как случайные люди, так и сотрудники различных служб, прибывшие на место общественно опасного деяния для выполнения своих непосредственных обязанностей: сотрудники патрульно-постовой службы милиции, ГАИ, охраны, Министерства по чрезвычайным ситуациям, медицинские работники, саперы и т.д. Указанные лица могут сообщить сведения о внесенных в обстановку места взрыва изме-

нениях, месте обнаружения пострадавших, их состоянии.

Наиболее сложным в тактическом плане является *допрос подозреваемого (обвиняемого)*, проведению которого по возможности должны предшествовать осмотр места происшествия, допрос потерпевших и свидетелей, освидетельствование подозреваемого, обыск и иные процессуальные действия. В ходе их производства устанавливаются значимые фактические данные, на основании которых определяется круг необходимых обстоятельств (предмет допроса), формируется план их установления, избирается система тактических и психологических приемов, направленных на получение исчерпывающей информации от допрашиваемого.

Одним из наиболее важных направлений работы по подготовке к допросу является изучение личности подозреваемого. Данные о личности допрашиваемого связаны с его психофизиологическими свойствами, общественной и трудовой деятельностью, моральным обликом и поведением в быту, поэтому они могут быть получены от коллег по работе, родственников, друзей [4; с. 117].

Определяющее значение для уяснения индивидуальных и психологических особенностей личности подозреваемого имеют данные, характеризующие лицо как способное совершить преступление, а также раскрывающие его поведение и действия при совершении преступления, после него, в момент задержания. Такая информация может быть получена:

- путем использования возможностей различных учетов, в том числе учета ранее судимых лиц, Единой государственной системы регистрации и учета правонарушений, автоматизированных информационных систем «Паспорт», «Взрыв»;

- при осуществлении процессуальной (в порядке ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь) и непроцессуальной формы взаимодействия следователя с органами дознания (ознакомление с оперативно-розыскными материалами, совместное планирование действий по реализации оперативных данных и т.д.);

- в ходе проведения допросов потерпевших и свидетелей;

- при изучении различных процессуальных документов (протоколов осмотра места происшествия, предметов, задержания, рапорта сотрудников, осуществлявших задержание).

Практика расследования уголовных дел о преступлениях, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, показывает, что во многих случаях следователи располагают минимальным количеством

времени для изучения личности подозреваемого перед первым допросом. В связи с этим возникает необходимость в формировании представления о допрашиваемом уже в процессе самого следственного действия. Так, в отдельных случаях на косвенное отношение подозреваемого к работе со взрывными устройствами и взрывчатыми веществами указывает отсутствие пальцев либо некоторых фаланг, шрамы на лице, шее [11, с. 112]. Многие взрывчатые вещества имеют свойство окрашивать кожу, одежду, волосы человека. Присутствие остатков взрывчатых веществ на теле и одежде допрашиваемого вызывает не только окрашивание, но и специфический запах [12, с. 22].

Наличие множества обстоятельств, подлежащих установлению в ходе производства допроса, их значимость для расследования в целом требуют тщательного изучения уже имеющихся материалов дела и составления плана проведения следственного действия. В плане отражаются обстоятельства, по которым необходимо получить показания, исходя из предмета доказывания, и перечень задаваемых вопросов. При этом важно учитывать как последовательность постановки вопросов, так и их формулировку. Вопросы, задаваемые допрашиваемому, должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключить предположительный ответ, а также простое утверждение или отрицание. Планирование следственного действия позволит избежать дополнительных допросов на предмет выяснения упущенных обстоятельств.

Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) во многом зависит от сложившейся следственной ситуации, конфликтного и бесконфликтного ее характера. Признательные показания, как правило, даются подозреваемыми в случаях их задержания с личным, что происходит довольно редко, и обусловлено, как отмечалось выше, спецификой способа совершения преступления. Результаты изучения уголовных дел показывают, что такая ситуация имела место в 3,8 % случаев. Так, гр-н К., находясь на стадионе «Динамо» в Витебске во время матча чемпионата Республики Беларусь по футболу бросил под кресло в свободное от зрителей пространство взрывное устройство, в результате чего произошел взрыв, и было повреждено имущество БФСО «Динамо». Сразу же после совершения преступления гр-н К. был задержан и на первом же допросе дал признательные показания [13].

Однако следует отметить, что признательные показания о совершенном преступлении требуют к себе критического отношения. Установление истинного мотива дачи признатель-

ных показаний, а также их тщательная проверка путем сопоставления с уже имеющимися данными, вещественными доказательствами поможет избежать ошибки, выявить самооговор или оговор, попытку сокрытия иного правонарушения.

В остальных случаях подозреваемые в первое время после задержания либо частично дают признательные показания или полностью отрицают свою вину, либо вовсе отказываются от дачи показаний (нужно отметить, что такие ситуации характерны для совершения большинства общественно опасных деяний). Указанные ситуации характеризуются наличием конфликта, который необходимо нейтрализовать или хотя бы минимизировать.

Допрос подозреваемого (обвиняемого), признающего вину частично либо полностью отрицающего свою вину, ставит перед следователем задачу применения тактических приемов, избличающих допрашиваемого во лжи. К таким приемам относятся: объяснение бессмысленности занятой позиции и побуждение раскаяться и чистосердечно признаться путем разъяснения как вредных последствий дачи ложных показаний, так и благоприятных последствий признания своей вины; воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого, использование его привязанностей, увлечений, профессионального мастерства; использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый таких вопросов не ожидает, либо внезапное предъявление доказательств; предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого; детализация показаний подозреваемого (обвиняемого); логический анализ противоречий, имеющих в показаниях допрашиваемого, использование противоречий между интересами соучастников; создание преувеличенного представления осведомленности следователя об обстоятельствах дела и др.

В ходе проведения допроса допрашиваемый может допустить «проговорки» путем использования специальной взрывотехнической терминологии, что позволяет судить о его осведомленности в этой сфере деятельности. В свою очередь, внешняя полная неосведомленность подозреваемого (обвиняемого) в общеизвестных вопросах данной тематики может быть результатом «переигрывания» с его стороны.

Для преодоления отказа от дачи показаний используются такие тактические приемы, как убеждение подозреваемого (обвиняемого) в несправильности занятой им позиции; сообщение о том, что соучастниками даются пока-

зания, в том числе и избличающие его; использование противоречий между интересами соучастников.

При проведении допроса помимо общих вопросов подлежат установлению следующие обстоятельства: источники приобретения знаний и навыков изготовления и применения взрывных устройств (взрывчатых веществ); место и время приобретения данных устройств (веществ), их компонентов, материалов для изготовления самодельных взрывных устройств; место и время их изготовления, применяемые при этом инструменты, приборы, оборудование; характеристика конструктивных элементов взрывного устройства (используемое взрывчатое вещество, средство воспламенения, наличие замедлителя); проведение рекогносцировки местности; способы доставки взрывного устройства к месту взрыва (используемый транспорт, сумки, емкости и т.д.); способ установки его на месте (расположение взрывного устройства, глубина закладки, вид грунта, его характеристика и т.д.); наличие засадки, пути отхода с места совершения преступления, время и способы инициирования, место, с которого было иницировано взрывное устройство и т.п.

Основным средством фиксации получаемых при производстве допроса сведений является протокол. Показания могут записываться по окончании допроса, одновременно с ним или по отдельным эпизодам. Как показывает практика, наиболее предпочтительным выступает первый вариант, когда вначале производится допрос, а затем записываются показания.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что эффективно-му проведению допроса по делам рассматриваемой категории способствует специальная подготовка самого допрашивающего, использование при допросе дополнительных материалов (фототаблицы, планы, схемы к протоколу осмотра места происшествия, имеющиеся вещественные доказательства по расследуемому уголовному делу, специальная литература с иллюстрациями, фотографии, рисунки, макеты взрывных устройств и их компонентов); фиксация показаний не только в текстовой, но и в графической форме (с помощью схем, рисунков); применение звуко- и видеозаписывающей аппаратуры; привлечение к проведению допроса различных специалистов. Предложенные рекомендации, как представляется, будут способствовать выбору оптимальных тактических приемов допроса, что позволит в конечном итоге повысить эффективность процесса расследования в целом, сократить затраты времени и материальных ресурсов.

Список использованных источников

1. *Васильев, А.Н.* Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Корнеева. – М.: Юрид. лит., 1970. – 208 с.
2. *Дулов, А.В.* Тактика следственных действий / А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Минск: Вышэйш. шк., 1971. – 272 с.
3. *Зорин, Г.А.* Многовариантные программы допросов: технологии построения и применения / Г.А. Зорин. – М.: Изд. деловой и учеб. лит., 2005. – 334 с.
4. *Порубов, Н.И.* Научные основы допроса на предварительном следствии / Н.И. Порубов. – 3-е изд., перераб. – Минск: Вышэйш. шк., 1978. – 176 с.
5. *Беляков, А.А.* Взрывчатые вещества и взрывные устройства (Криминалистическая взрывотехника) / А.А. Беляков. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 254 с.
6. *Зорин, Г.А.* Тактика допроса при расследовании криминальных взрывов: моногр. / Г.А. Зорин, С.В. Литвинова. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 198 с.
7. *Колотушкин, С.М.* Взрывные устройства и следы их применения: учебник / С.М. Колотушкин, В.А. Федоренко. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 296 с.
8. *Михайлов, М.А.* Криминальный взрыв: возможности расследования / М.А. Михайлов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 200 с.
9. *Моторный, И.Д.* Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом: моногр. / И.Д. Моторный. – М.: Изд. Шумилова И.И., 1999. – 199 с.
10. *Рапинов, А.Р.* Судебная психология для следователей / А.Р. Рапинов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
11. *Порубов, Н.И.* Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / Н.И. Порубов. – М.: БЕК, 1998. – 196 с.
12. Взрывные устройства промышленного изготовления и их криминалистическое исследование / Ю.М. Дильдин [и др.]. – М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. – 120 с.
13. Архив суда Октябрьского района г. Витебска за 2002 г. – Уголовное дело № 1-574/02.

Дата поступления: 30.10.2012

Annotation

The article discusses some tactical and organizational features of the interrogation of a victim, witness, suspect or defendant in the investigation of crimes committed with the use of explosives or explosive devices. The attention to the need for the special training of the investigator (the person making the inquiry) as well as the use of supplementary materials (photo-tables, plans, schemes to the protocol of the crime scene examination, photographs, drawings, models of explosive devices and their components) during the interrogation, usage of various specialists in the investigative actions is stressed. Tactical methods to revive the memory of an interrogated person, to expose the lie, to induce to give truthful testimony are suggested.

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ЛИЧНОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПИЧНОГО СУБЪЕКТА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Гуца Ю.А.

адъюнкт научно-педагогического
факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Постижение закономерностей человеческой психологии и познание того, как они детерминируют поведение человека в самых различных аспектах его деятельности (в т.ч. и преступной), научным сообществом рассматривается в качестве важных целей исследования любой формы человеческого существования. Специфика расследования преступлений как одной из социально важных сфер деятельности исчерпывающим образом подтверждает истинность данного утверждения [1, с. 6].

Серьезное исследование данной проблематики видится нам актуальным в силу следующих причин.

Во-первых, выявление закономерностей преступного поведения, обусловленных целеполагающими и мотивационными установками субъекта, играет важную роль в результативности построения эффективной системы установления и доказывания состава преступления и, прежде всего, его субъективной стороны.

По нашему мнению, цели, мотивы и личностные особенности субъекта преступления непосредственно обуславливают выбор способа совершения им преступления, который, в свою очередь, «пишет» определенную, присущую только ему следовую картину. Наряду с этим, как указывает И.И. Тагин, «данный субъект индивидуализируется не только своими внешними признаками (черты лица, телосложение, дерматоглифическая картина), но и своеобразным отношением к отдельным сторонам действительности, предпочтением одних ценностей жизни другим, множеством внутренних побуждений, лежащих в основе его

преступного поведения» [2, с. 8]. Развивая тем самым суть данного утверждения, напрашивается вывод, что преступное деяние всегда необходимо анализировать в связке «мотив – цель», в которой раскрывается личностный поведенческий смысл преступного проявления.

Во-вторых, при анализе существующих методик расследования отдельных групп преступлений и, в частности, преступлений против интересов службы, обнаруживается, что вопросам скрупулезного изучения особенностей личностно-мотивационной сферы преступления в структуре этих методик уделяется мало внимания, что

Аннотация

В статье с криминалистической точки зрения анализируются мотивационно-поведенческие черты и закономерности личности типичного субъекта злоупотреблений властью или служебными полномочиями, совершаемых в экономической сфере. С позиций криминалистики, психологии и социологии в комплексе автор раскрывает наиболее характерные криминалистически значимые субъективные признаки, указывающие на совершение субъектом данного преступления, приводит их авторскую систематизацию и, опираясь на примеры, описывает их практическое применение в условиях доказывания состава преступления в рамках расследования уголовного дела.

является их серьезным недостатком. В криминалистической науке практически отсутствуют целостные системные исследования по этому вопросу. На это негативное обстоятельство указывает в своей диссертации упомянутый нами И.И. Тазин [2, с. 7, 12], и эта же мысль прослеживается в работах Д.А. Мезинова [3, с. 4 – 10] и, в некоторой степени, Ю.М. Антоняна [4, с. 71 – 98; 108 – 116].

В-третьих, в числе определяющих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 424 УК Республики Беларусь, особое место занимают такие субъективно обусловленные признаки, как наличие и содержание умысла, корыстного мотива или личной заинтересованности в совершении преступления, и наступления его последствий, материализующих целеполагание преступника. Следовательно, эти признаки являются важными составными частями предмета доказывания.

Все эти три обстоятельства фактически обязывают, как обоснованно отмечает И.И. Тазин, подробно и обстоятельно остановиться на исследовании мира внутренних побуждений и стремлений преступника в контексте исследования проблематики расследования злоупотреблений властью или служебными полномочиями в экономической сфере [2, с. 14].

Проведенный нами анализ уголовных дел о совершенных злоупотреблениях властью или служебными полномочиями в рассматриваемой сфере, расследованных, рассмотренных судами Республики Беларусь в 2006 – 2011 гг. включительно, позволяет систематизировать группы побудительных мотивов данных преступлений, выделяя следующие:

- извлечение материальной (имущественной) выгоды (для себя, близких родственников, а также лиц, в материальной, служебной и любой иной зависимости от которых находится субъект) из положения, предоставляемого занимаемой должностью, посредством использования в личных целях имеющихся властно-распорядительных полномочий – более 67% исследованных случаев;

- побуждения, мотивированные определенными свойствами личности субъекта злоупотребления (карьеризм, честолюбие и тщеславие, стремление к самоутверждению или доминированию) – 10% случаев;

- стремление избежать материальных (имущественных) затрат или потерь в силу наличия обстоятельств, непосредственно связанных со служебной деятельностью (уплата налогов, штрафных санкций, исполнение обязательств, связанных с причинением вреда третьим лицам, и т.п.) – 8%, а также непосредственно не связанных с нею, но мотивирован-

ных интересами в других сферах, с которыми эта деятельность соприкасается (содействие третьим лицам в их стремлении избежать таких затрат и потерь) – 3%;

- конфликт личных и служебных интересов, выраженный в какой бы то ни было форме, но не мотивированный извлечением материальной (имущественной) выгоды – 2%;

- ложно или превратно воспринимаемые интересы службы, в стремлении обеспечить или отстоять которые имеется личная заинтересованность – менее 1%;

- стремление избежать наступления неблагоприятных последствий лично для субъекта за ранее допущенные нарушения, неудовлетворительные результаты служебной деятельности, проявления некомпетентности, либо сокрыть их – 9%.

Таким образом, **корыстный мотив характерен для 78% – т.е. примерно для 4/5 всего количества совершенных злоупотреблений властью или служебными полномочиями в сфере экономики.**

По нашему убеждению, сущность корыстного мотива невозможно анализировать в отрыве от рассмотрения того, из чего складываются цели злоупотребления, с которыми данный мотив непосредственно соотносится. Аргументируя эту посылку, целесообразно в очередной раз вникнуть в содержательную сторону понятий *мотива* и *мотивации*. Как указывают П.М. Якобсон и В.Г. Ассев, под мотивацией понимается совокупность тех психологических моментов, которыми определяется поведение человека в целом. Иными словами мотивация – это система движущих сил поведения [5, с. 42; 6, с. 17]. В свою очередь, как считает бельгийский психолог Ж. Нюттэн, – это активность человека, обусловленная его осознанными потребностями [7, с. 12]. В то же время, *осознанные потребности* представляются как «... все то, что необходимо для нормальной жизнедеятельности человека, чем он на момент возникновения данной необходимости не обладает, но желает (т.е. *преследует осознанные цели*. – Прим. – Ю.Г.) обладать» [1, с. 7]. Тем самым, соглашаясь с мнением Е.А. Лукашевой, считающей, что мотив преступления является таким побуждением к преступному поведению, которое становится его движущей силой, внутренним источником [8, с. 24], мы убеждаемся, что он – есть *осознанная определенная потребность достижения определенных целей преступления*. Мотив складывается из отношения к цели преступления, т.е. к реальному желаемому результату, который субъект стремится получить посредством преступления. Именно стремле-

нис достичь этого результата побуждает лицо к его совершению.

Превалярующая цель любого преступления против интересов службы – это получение выгоды, преимущества, качественного улучшения статуса, свойства или окружающей обстановки в сравнении с теми, которые потенциальный субъект уголовно наказуемого деяния имеет (или в которых пребывает) в момент, предшествующий событию преступления. Применительно к злоупотреблению властью или служебными полномочиями мы можем утверждать *о полном совпадении и тождественном предметном соответствии мотивов и целей, если в его основе лежит корысть.*

Одной из важнейших задач, стоящих перед нами, является всесторонний анализ криминалистически значимых идентифицирующих аспектов корыстных мотивов и целей злоупотребления как основных личностно-мотивационных характеристик субъекта, на основе выделения их индивидуальных устойчивых признаков, которые далее мы будем именовать *криминалистически значимыми идентифицирующими признаками корыстного мотива.* Такой анализ даст возможность ответить на три вопроса, имеющие важное прикладное значение для расследования указанных преступлений:

116

Первый: какие признаки в следовой картине злоупотребления властью или служебными полномочиями, совершенного в экономической сфере, указывают на наличие корыстного мотива; какими особенностями, проявляющимися и идентифицирующими данный мотив, они обладают?

Второй: какие явления или обстоятельства субъективной природы, отраженные в окружающей действительности, указывают на возможное наличие этих признаков; каковы наиболее характерные проблемы их обнаружения (выявления)?

Третий: каким образом необходимо осуществлять обнаружение, закрепление, изъятие, оценку и использование следов рассматриваемого злоупотребления, в которых нашли отражение эти признаки?

В стремлении дать ответ на **первый** вопрос необходимо отметить следующее.

Достижение корыстных преступных целей посредством совершения преступления в экономической сфере (как в упорядоченной системе общественных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ) предполагает осуществление действий, которые прямо или косвенно попадали бы в сферу влияния основных объективных законов развития и функционирования

этих отношений, т.е. *основных экономических законов*, воспринимаемых как устойчивые, существенные причинно-следственные, повторяющиеся взаимосвязи между экономическими явлениями и процессами. Основными такими законами являются *законы стоимости, спроса и предложения, конкуренции, эффективности производства, экономического роста* и др. [9]. Известно, что квинтэссенцией и целью экономической деятельности (в т.ч. предпринимательской как составной ее части) является создание добавленной стоимости и, в конечном итоге, получение посредством этого прибыли, впоследствии распределяемой и присваиваемой. В случаях правомрного и добросовестного осуществления указанной деятельности прибыль (или обусловленная законом ее часть) присваивается заинтересованными лицами, имеющими на это законное право, преимущественно из числа участвовавших в ее создании. Руководители (а равно иные уполномоченные аффилированные должностные лица) предприятия, на службе которого состоят по найму, в процессе выполнения функциональных обязанностей по руководству его экономической (хозяйственной) деятельностью а priori вовлекаются в орбиту действия экономических законов в интересах получения прибыли. Экономические законы имеют объективный характер, поэтому результативная хозяйственная деятельность, преследующая такие интересы, возможна лишь в условиях строгого им подчинения, и иного не дано. Эффективные правильные действия на основе этих законов обуславливают прибыль и являются обязательной предпосылкой к ней. Напротив, их игнорирование ведет к убыткам и материальному (имущественному) ущербу.

В свою очередь, следует напомнить, что ущерб, причинение которого находится в прямой причинно-следственной связи с корыстно мотивированными действиями субъекта с использованием своих полномочий вопреки интересам службы, рассматривается в качестве преступных последствий злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Вместе с тем, при оценке криминалистически значимых идентифицирующих признаков корыстного преступного мотива необходимо учитывать важный аспект, суть которого в том, что для экономики в качестве базовых законов ее функционирования также актуален и насущен *закон сохранения материи*, выведенный М.В. Ломоносовым в 1748 и сформулированный в 1760 гг. Смысл его, применительно к предмету нашего рассмотрения, можно свести к следующему: если в условиях обычного порядка, в рамках действия объективных зако-

нов, кто-то получает убыток, то он пропорционально оборачивается прибылью для кого-то. Иными словами, в экономике, если в одном месте «откуда-то сколько-то убыло», то в другом «где-то столько же и прибудет» [10]. Тем самым, в ситуации двух- или многосторонних сделок убыток одного контрагента оборачивается прибылью для другого. В части 6 фундаментального труда американских теоретиков экономики К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю «Экономика» («Economics») данное положение возводится практически до аксиоматического уровня [11, с. 657 – 675].

В этой связи на наличие криминалистически значимых идентификационных признаков корыстного мотива в действиях субъекта злоупотребления могут указать две исходные ситуации, когда:

- корыстно мотивированные преступные действия субъекта злоупотребления умышленно осуществлены вразрез с экономическими законами, в результате чего предприятию, на службе у которого он состоит (далее – предприятие), причинен материальный ущерб;

- эти же действия осуществлены на основе и в рамках этих законов, но прибыль получена не предприятием, а третьими лицами (в т.ч. контрагентами). За счет этого первому причиняется материальный ущерб, и присутствует обязательное условие: эти действия и их последствия охватывались умыслом субъекта, и из этого складывался его преступный мотив (его часть).

Поэтому на наличие определяющих криминалистически важных идентифицирующих признаков корыстного мотива в совокупности могут указать *момент распределения полученной прибыли и категории лиц, ее присваивающих*.

Следственно-судебная практика изобилует многочисленными примерами вышесказанного, наиболее типичными из которых являются следующие.

Так, в 2007 г. прокуратурой Гродненской области были возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь, в отношении генерального директора ОАО «Агрокомбинат «Мачулищи» Г. и его подчиненного – генерального директора ОАО «Василишки» Б. Предварительным и судебным следствиями установлено, что Г. и Б., преследуя общие цели получения премий и налаживания личных частных контактов с руководством фирм-контрагентов, заключили договоры на поставку племенных образцов (нетелей) пород крупного рогатого скота с частной венгерской фирмой «Р» на безальтернативной основе

(т.е. без учета иных существующих коммерческих предложений на аналогичный товар). В результате сделки скот был приобретен по ценам, значительно превышающим рыночные, что причинило вред ОАО «Василишки» на сумму 172 млн руб., что на тот момент времени было эквивалентно более 80 000 долларов США, которые фактически достались фирме «Р» как чистая прибыль. Б. и Г. судом Щучинского района осуждены к различным срокам лишения свободы [12].

В 2008 г. прокуратурой Могилевской области было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь в отношении ряда руководителей и должностных лиц ОАО «Могилевхимволокно», которые, имея цели создания видимости результативности работы предприятия, что влекло получение ими премиальных доплат из фондов концерна «Белнефтехим», продали принадлежащие предприятию на праве собственности и находящиеся на его балансе непрофильные активы – объекты социально-бытового и культурного назначения частной фирме ОДО «Д.» на безальтернативной основе, игнорируя неблагоприятно сложившуюся конъюнктуру рынка, по ценам ниже балансовой стоимости, причинив материальный ущерб ОАО «Могилевхимволокно» в размере 52 млн руб. Впоследствии в условиях изменившейся конъюнктуры ОДО «Д.» реализовала данные объекты сторонним организациям по рыночным ценам, получив прибыль от разницы цен в сумме более 180 млн руб. [13].

Анализ эмпирики свидетельствует, что основными носителями криминалистически важных идентифицирующих признаков корыстного мотива в действиях субъектов злоупотребления в следовой картине будут являться вещественные источники – преимущественно документы, а также идеальные источники: сведения, вытекающие из показаний, непроцессуальные формы оценок специалистов (экспертов), консультаций, выводов и результатов анализа экономической (хозяйственной) эффективности.

Ключом к ответу на **второй** из поставленных вопросов явится рассмотрение нами некоторых специфических личностных особенностей, социального и общественного положения типичных субъектов преступлений, составляющих объект нашего исследования. Согласно статистическим данным, 96% общего количества лиц, совершивших данные преступления в период 2006 – 2011 гг. включительно, имели высшее образование, из которых 52% – профильное. Практически все указанные лица являлись носителями высокого социального и

общественного статусов с высокой степенью социализации и коммуникативной активности. Согласно существующим мнениям (В.Л. Абушенко, А.А. Грицанов, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко), обладание вышеперечисленными качествами непременно влечет формирование устойчивых притязаний на высокие стандарты жизни, а также повышенные и порой изысканные потребительские предпочтения. Такие притязания и предпочтения также детерминируются не только определенными личностно-волевыми качествами субъектов, но и требованиями (стандартами) социальной и корпоративной субкультур, в которых реально и фактически интегрировано, либо к принадлежности к которой себя мотивированно относит подавляющее большинство типичных носителей рассматриваемого социального статуса. По мнению российского социолога и обществоведа В.И. Ильина, а также экономиста А.Б. Долгина, в современном постиндустриальном обществе представители субкультуры топ-менеджеров являются особой стратой, ярчайшими проводниками идеологии консьюмеризма¹ и носителями его основных атрибутов [14; 15]. Чтобы соответствовать стандартам, установкам и требованиям данной субкультуры, у ее представителей возникает острая перманентная потребность в значительных финансовых средствах, возрастающая по мере роста объемов и уровня потребления, а также повышения потребительских стандартов внутри самой страты. На этом фоне развивается ярко выраженная психологическая и эмоциональная потребность в постоянном росте доходов, на основе которой в психике ее носителя формируется корыстно окрашенная поведенческая доминанта, с течением времени переходящая в навязчивую идею и проявляющаяся во всех сферах повседневной жизни субъекта и его социальных коммуникаций.

В связи с этим в качестве основного средства обнаружения признаков, идентифицирующих корыстные мотивы совершения субъектом злоупотребления, которые бы имели важное криминалистическое значение и являлись бы существенным подспорьем в расследовании таких преступлений, видится тщательное и всестороннее изучение условий быта, жизни,

связей и контактов лица, подозреваемого в их совершении. Необходимо сделать оговорку, что информация, полученная в ходе такого изучения, и выводы, сделанные по его результатам, будут иметь пусть и с относительно высокой степенью достоверности, но все же приблизительное значение и косвенный характер, однако в своем многообразии, разноплановости и совокупности они способны восприниматься как очень важный и актуальный информационный ресурс.

По нашим оценкам, указывать на наличие признаков, детерминирующих или стимулирующих корыстную мотивацию субъекта, могут следующие обстоятельства:

- наблюдаемое за определенный момент (период) времени значительное превышение расходов субъекта (а также его близких родственников и членов семьи) над их совокупными (консолированными) доходами, а также несоответствие условий и стиля жизни уровню доходов (т.е. *жизнь не по средствам*);

- присутствие особых пристрастий субъекта к дорогим или эксклюзивным предметам быта, домашнего обихода, роскоши, а также наличие таких предметов в его собственности или пользовании, а равно в собственности или пользовании близких или семьи последнего;

- наличие пагубных зависимостей, привычек или страстей (игровая зависимость, пристрастие к алкоголю или наркотикам, праздности; страсть к коллекционированию вещей и предметов, и т.д.);

- обладание крупными непогашенными долговыми обязательствами (включая банковские кредиты и иные заимствования), особенно превышающими совокупный доход за год и более;

- доминирование в круге общения и неформальных контактов субъекта лиц, доходы и материальное положение которых ощутимо превосходят соответствующие доходы и материальный достаток его самого.

Рассуждая о наиболее характерных проблемах выявления криминалистически значимых признаков корыстного мотива в действиях субъекта злоупотребления властью или служебными полномочиями, необходимо очертить и систематизировать круг этих проблем по критериям их происхождения и детерминант.

Мы полагаем, что по указанным критериям можно отметить две группы проблем:

- проблемы объективной природы, обусловленные внешними условиями, в которых злоупотребление имеет место;

- проблемы субъективного свойства, происхождение которых детерминировано опре-

¹ В современной науке консьюмеризм рассматривается в интерпретации Э.Фромма как синоним общества потребления (*consumer society*), которое характеризуется возведенным в основные жизненные приоритеты массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и социальных установок [16].

деленными интеллектуально-волевыми качествами преступника.

Объективная природа рассматриваемых проблем познается и раскрывается в не зависящей от воли следователя невозможности установить и (или) доказать важные обстоятельства субъективной стороны злоупотребления, существенно влияющие на наличие состава этого преступления. Такая невозможность может быть вызвана несовершенством или пробелами нормативного регулирования, превратного оценочного представления следователя или суда об эффективности хозяйственной операции (сделки), невозможностью подкрепления фактическими данными определенной позиции потенциального или фактического подозреваемого (обвиняемого), изложенной в его показаниях.

Так, например, в ГУБЭП МВД Республики Беларусь в октябре 2009 г. поступила информация о злоупотреблениях служебными полномочиями руководством конкурсной комиссии по закупкам медицинской техники и изделий медицинского назначения Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Проведенной проверкой было установлено, что Минздрав в апреле 2009 г. объявил конкурс на закупку компонентов и средств для перитонеального диализа, предназначенных для лечебно-профилактических учреждений Беларуси. Для участия в конкурсе шестью потенциальными участниками были представлены коммерческие предложения. После предварительной экспертизы к участию в конкурсе были допущены белорусское представительство концерна «Fresenius M.C.» (Германия) и восточноевропейское представительство фирмы «Т.», реализующее продукцию концерна «Baxter» (США). По результатам конкурса «Т.» одержала победу, т.к. ее предложение оказалось дешевле. Впоследствии выяснилось, что продукция, поставляемая «Т.», не была зарегистрирована в Беларуси и по своим характеристикам непригодна для использования по прямому назначению. Кроме этого, доставка и организация хранения данной продукции потребовала незапланированных дополнительных финансовых затрат, сведения о вероятности которых были скрыты «Т.» от конкурсной комиссии. Также выяснилось, что председатель и два члена конкурсной комиссии накануне вступили в сговор с представителями «Т.» о лоббировании за вознаграждение интересов этой фирмы и обеспечении ее победы на конкурсе. Опрошенные указанные лица пояснили, что они никакой личной выгоды в победе «Т.» не видели, корыстных целей не преследовали, а в своей деятельности руководствовались ис-

ключительно государственными интересами, стремясь закупить препараты и компоненты по самой низкой цене. Они также пояснили, что не обладали информацией о возможных дополнительных издержках при поставке последних фирмой «Т.», а также о введении ею конкурсной комиссии в заблуждение относительно отсутствия регистрации препаратов и невозможности их применения в Беларуси. В силу объективной затруднительности подтвердить или опровергнуть данные показания, а также из-за обнаружившихся разночтений в калькуляции ревизорами ГлавКРУ Минфина причиненного учреждениям Минздрава вреда в результате поставки фирмой «Т.» некачественной продукции, доказать факт наличия корыстной или иной личной заинтересованности со стороны председателя и членов комиссии, а также факт причинения ущерба, объективно не представилось возможным. Таким образом, несмотря на наличие в действиях последних формальных признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 424 УК, а в действиях председателя комиссии – ч. 3 данной статьи, в возбуждении уголовного дела было отказано по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь [17]. Таким образом, принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления было обусловлено невозможностью фактического подтверждения признаков, указывающих на наличие корысти в действиях субъектов, т.е. ненадлежащее доказанной субъективной стороны данного уголовно наказуемого деяния.

В свою очередь, проблемы субъективного свойства порождаются мерами интеллектуально-волевого противодействия следствию, предпринимаемыми со стороны субъектов злоупотребления. В качестве активных мер интеллектуального противодействия могут рассматриваться ложь при допросе, инсценировки, призванные скрыть истинную мотивацию и корыстную обусловленность преступных действий, стремление к подмене понятий и маскировке истинных целей. В качестве проявлений волевого противодействия целесообразно рассматривать широкий спектр активных действий субъекта по воспрепятствованию установлению истины следователем и воссозданию реальной картины совершенного преступления.

Специфика третьего вопроса, каким образом необходимо осуществлять обнаружение, закрепление, изъятие, оценку и использование следов рассматриваемого преступления, в которых нашли отражение эти признаки, по нашему мнению, не представляет какой-то особой сложности. Общие положения и основ-

ные принципы техники и тактики работы со следами злоупотреблений принципиально не отличаются от соответствующих им техники и тактики работы со следами остальных преступлений против интересов службы, в т.ч. других коррупционных. Исследования показывают, что работа с идеальными следами, источниками доказательств и сам процесс доказывания корыстного мотива как рассматриваемого нами преступления, так и таких умышленных уголовно наказуемых деяний, как превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК), дача и получение взятки (ст.ст. 430, 432 УК), обнаруживают устойчивую и выразительную схожесть.

В свою очередь, останавливаясь на исследовании обстоятельств, из которых складывается мотивация *личной заинтересованности* совершения злоупотреблений, мы обоснованно считаем, что так называемая «иная личная заинтересованность» также является порождением специфики определенных психолого-эмоциональных и интеллектуальных особенностей личности, однако не связана с корыстью. Американская ученая К. Хорни указывает на следующие такие особенности, которые выступают детерминантами устойчивой ярко выраженной личной мотивации целеполагания (в т.ч. и преступного) [18, с. 117 – 147, 210 –

212; 19]. В нашей интерпретации эти особенности выстраиваются следующим образом:

– стремление удовлетворить определенные личностные потребности (карьеризм, перфекционизм, тщеславие), добиться положения, адекватного самооценке собственных достоинств; жажда общественного признания; устойчивая потребность доказать окружающим значимость определенных собственных ценностных ориентаций, в т.ч. их единственную верность и превосходство над альтернативными;

– стремление избежать мнимой или реальной угрозы личному благополучию, предотвратить наступление негативных для себя последствий нравственного характера.

Приведенная система особенностей может рассматриваться в качестве *криминалистически значимых идентификационных признаков мотива иной личной заинтересованности* субъекта злоупотребления по тем же критериям и принципам, которые были сформулированы выше и касались корыстной мотивации.

Как и в ранее описанном случае выявлению и распознаванию таких признаков способствует скрупулезное детальное изучение психологических и морально-нравственных особенностей личности реального или предполагаемого субъекта.

Список использованных источников

1. *Джекенбаев, У.С.* Мотивация преступления и уголовная ответственность / У.С. Джекенбаев, Т.Г. Рахимов, Р.Н. Судакова; отв. ред. У.С. Джекенбаев. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 192 с.
2. *Тазин, И.И.* Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.И. Тазин. – Томск, 2006. – 23 с.
3. *Мезинов, Д.А.* Преступная мотивация как объект познания в криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.А. Мезинов. – Томск, 1999. – 24 с.
4. *Антонян, Ю.М.* Преступное поведение и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Спарк, 1998. – 215 с.
5. *Якобсон, П.М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. – М.: Просвещение, 1969. – 317 с.
6. *Асеев, В.Г.* Особенности строения человеческой мотивации / В.Г. Асеев. – М., 1970. – 113 с.
7. *Нюттэн, Ж.* Мотивация / Ж. Нюттэн // Вопросы мотивации и эмоций. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – С. 8 – 130.
8. *Лукашева, Е.А.* Мотивы и поведение человека в правовой сфере / Е.А. Лукашева // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 24 – 26.
9. Экономические законы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономические_законы. – Дата доступа: 18.04.2012.
10. *Ломоносов, М.В.* Избранные произведения: в 2 т. / М.В. Ломоносов. – М.: Наука, 1986. – Т.1. – 512 с.
11. *Макконнелл, К.Р.* Экономикс: принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю; пер. с англ. – 14-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 972 с.
12. Архив суда Щучинского района. – Дело №44у/2007.
13. Архив УСК по Могилевской области. – Арх. дело №1-14/2008.
14. *Ильин, В.И.* Потребление как дискурс / В.И. Ильин. – СПб: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
15. *Долгин, А.Б.* Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка / А.Б. Долгин. – М.: «АСТ», 2010. – 256 с.
16. Общество потребления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_потребления. – Дата доступа: 18.04.2012.
17. Архив ИЦ МВД Республики Беларусь. – Арх. дело №4/2010.

18. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / К. Хорни; пер. с англ. В.В. Старовойтова; общ. ред. и послесл. Г.В. Бурменской. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 412 с.

19. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни; пер. с англ. – М.: Смысл, 1997. – 117 с.

Дата поступления: 17.09.2012

Annotation

In this article the author does the criminalistical analysis of motivation and behavioral regularity of a typical crime committer of an abuse of powers in the sphere of economy. The author analyzes the most widespread criminalistic attributes of this crime committer which specify him to commit such crime. The author's systematization of such attributes is given and shows, basing on the examples, the possibility of their use in the process of the investigation of a criminal case.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ОБОРОТЕ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

Боровик П.Л.
Академия МВД Республики Беларусь

Отдельные аспекты проблемы возбуждения уголовных дел в сфере оборота порнографической продукции исследовали И.О. Крепаков, Э.В. Жилин, А.А. Иванова, С.О. Сафронов, И.Г. Сугаков, А.Е. Хабаров, С.В. Хильченко, В.В. Шендрик. В частности, ими затронуты организационные вопросы производства доследственной проверки и проведения некоторых процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела об обороте порнографии. Вместе с тем, указанные авторы рассматривали их с позиции общего состава преступления, без учета наметившейся за последние годы тенденции использования преступниками современных информационно-коммуникационных технологий, а также на основе зарубежного (в том числе утратившего силу) законодательства, поэтому положения, связанные с особенностями возбуждения уголовных дел в сфере оборота детской порнографии, остались нераскрыты.

Анализ практики свидетельствует о часто встречающихся недочетах, прежде всего, тактического и методического характера, связанных с основаниями к возбуждению уголовных дел. Это обусловлено отсутствием надлежащих криминалистических рекомендаций, обеспечивающих эффективность деятельности органов дознания и следователей на стадии возбуждения уголовного дела, что подтверждает большинство опрошенных нами респондентов. Таким образом, рассматриваемый элемент частной методики расследования преступлений в сфере оборота детской порнографии требует комплексного исследования и выработки криминалистических рекомендаций, обеспечивающих эффективность деятельности органов уголовного преследования на стадии возбуждения.

Особенности возбуждения уголовных дел в сфере оборота детской порнографии по ст. 343¹ Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь заключаются в специфике поводов и оснований. Наличие (отсутствие) последних устанавливает орган уголовного преследования при проведении процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь. Правовым фундаментом для поводов и оснований к возбуждению уголовных дел рассматриваемой категории являются положения ст. ст. 29, 166 и 167 УПК и ст. 343¹ УК.

Аннотация

Статья посвящена правоприменительной проблеме, связанной с возбуждением уголовных дел об обороте детской порнографии. Рассмотрены вопросы сбора доказательств, содержащих основания к возбуждению уголовного дела. На основе анализа и обобщения научной литературы по данному направлению, а также практики расследования указанных противоправных деяний разработаны рекомендации по установлению предмета преступного посягательства, конкретного способа преступления по делам рассматриваемой категории и лица, его совершившего.

Результаты изучения уголовных дел показывают, что наиболее характерным поводом является *непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления* (51,7 %). При этом в 24,2 % случаев поводами стали результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимых сотрудниками оперативных подразделений в рамках компьютерно-технической разведки в сети Интернет. 13,8 % поводов составили результаты оперативно-розыскных мероприятий по поиску лиц, причастных к распространению порнографической продукции с участием несовершеннолетних в городской компьютерной сети общего пользования, 6,9 % фактов связаны с получением информации от правоохранительных органов зарубежных стран (НЦБ Интерпола Бразилии, Кипра). Так, в июне 2008 г. в НЦБ Интерпола Республики Беларусь поступило сообщение о том, что в ходе совместных мероприятий отдела по борьбе с киберпреступностью федеральной полиции Бразилии и национального экспертно-криминалистического института были установлены пользователи сети Интернет, находящиеся на территории Беларуси и причастные к распространению детской порнографии посредством пиринговых файлообменных сетей. Это послужило поводом для возбуждения уголовного дела в отношении М. [1]. 3,4 % фактов составили случаи непосредственного обнаружения признаков преступления в сфере оборота детской порнографии при расследовании смежных либо сопутствующих деяний. Так, в ходе расследования преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 339 УК «Хулиганство», были обнаружены и изъяты магнитные носители с зашифрованными файлами, свидетельствующими о причастности П. к изготовлению и хранению с целью распространения порнографических материалов с участием несовершеннолетних, а также их распространению на различных сайтах в сети Интернет [2].

Превалирование данного повода связано с высоким уровнем латентности, которая обусловлена преимущественно особенностями сетей электросвязи. По утверждению специалистов, обезличенность их пользователей, универсальность и доступность технических средств информационных ресурсов, «сложность определения места фактического нахождения отдельных документированных материалов и установления их владельцев, наличие анонимных платежно-расчетных систем, а также отсутствие четких отлаженных правовых, в том числе и международных механизмов влияния на представляемую в компьютерных

сетях информацию способствует практически беспрепятственному распространению в Интернете порнографических изображений» [3, с. 494].

Следующим поводом к возбуждению уголовных дел о преступлениях в сфере оборота детской порнографии являются *заявления граждан* (44,9 %). При этом: а) в 24,3 % случаев указанные в заявлениях общественно опасные деяния были связаны с вовлечением несовершеннолетнего в изготовление детской порнографии и сопряжены с преступлениями против половой неприкосновенности или половой свободы (гл. 20 УК); б) в 17,2 % случаев – с распространением детской порнографии с помощью средств мобильной связи и сопряжены с оскорблением; в) в 3,4 % случаев – с распространением детской порнографии на CD/DVD-дисках.

Одним из наименее характерных поводов к возбуждению уголовного дела рассматриваемой категории являются *сообщения должностных лиц государственных органов, иных организаций о ставших известными им фактах преступного оборота порнографической продукции с изображением несовершеннолетних*. Так, указанный повод составил всего 3,4 % от общего количества и был связан с распространением детской порнографии в городской компьютерной сети общего пользования. Кроме того, 3,4 % поводов составили результаты оперативно-розыскных мероприятий по поиску лиц, причастных к распространению порнографической продукции с участием несовершеннолетних с использованием средств мобильной связи.

Явка с повинной или *сообщения о преступлении в средствах массовой информации* об обороте детской порнографии в Республике Беларусь являются не типичными.

Анализ практики свидетельствует, что в 95 % случаев возбуждению уголовных дел рассматриваемой категории всегда предшествует доследственная проверка. Это связано с тем, что первоначальная информация о признаках общественно опасного деяния данного вида, как правило, не содержит достаточных данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела. По делам об обороте детской порнографии основания, с учетом предложенной нами конструкции правовой нормы [4, с. 31 – 32], складываются из следующих составляющих элементов:

1) предмета преступного посягательства (порнографические материалы и предметы с изображением несовершеннолетних), являющегося одним из основных источников фактических данных, свидетельствующих о

признаках рассматриваемой категории преступлений;

2) одного либо нескольких умышленных действий, связанных с приобретением, хранением, изготовлением с целью сбыта или сбытом порнографических материалов или печатных изданий, иных предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, вовлечением заведомо несовершеннолетнего или малолетнего для их изготовления путем принуждения или обмана, или использование его беспомощного состояния для демонстрации либо изготовления порнографических материалов, печатных изданий или иных предметов порнографического характера с его изображением;

3) приобретение, хранение либо изготовление данной продукции без цели сбыта, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности в течение года за подобные действия;

4) при изготовлении порнопродукции, связанном с вовлечением либо использованием беспомощного состояния несовершеннолетнего или малолетнего – заведомость.

Мы разделяем мнение С.П. Кушниренко, которая к основаниям, необходимым для возбуждения уголовного дела, связанного с детской порнографией, относит и установление лица, совершившего указанное деяние [5]. Анализ эмпирического материала о противодействии порнографии, а также результаты опроса респондентов свидетельствуют, что при возбуждении уголовных дел рассматриваемой категории сотрудники оперативных подразделений, осуществляющие компьютерно-техническую разведку, собирают значительное количество информации, как правило, не только о предмете преступного посягательства и способах совершения деяния, но и об участниках преступления и о большинстве эпизодов их преступной деятельности. Кроме того, такой подход приемлем и с позиции ст. 1 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой наша страна, являясь правовым государством, обеспечивает законность и правопорядок. Так, при формулировании в законе возраста ребенка как «заведомо несовершеннолетнего» даже точное определение возраста не является основанием для возбуждения дела, пока не будет установлена «заведомость» – фактор субъективной оценки, широко используемый защитой и затрудняющий начало уголовного преследования [5].

Процессуальные действия, проводимые для получения оснований к возбуждению уголовного дела рассматриваемой категории, целесообразно разделить по направленности решения задач на четыре группы:

а) проверку сведений, выступающих в качестве повода к возбуждению уголовного дела;

б) установление способа и лица, совершившего рассматриваемое деяние;

в) установление предмета преступного посягательства (порнографический характер продукции и действительный либо имитируемый возраст несовершеннолетних);

г) установление цели сбыта (при выявлении признаков изготовления, приобретения, либо хранения порнографической продукции с изображением несовершеннолетних), либо факта привлечения к административной ответственности в течение года, если такая цель отсутствует, а также признака заведомости в случае изготовления, связанного с вовлечением или использованием беспомощного состояния несовершеннолетнего либо малолетнего.

Распределение по указанным группам процессуальных действий основывается на частоте их использования для решения той или иной задачи. Наиболее характерными процессуальными действиями для конкретной группы, независимо от возможности их применения в любом из перечисленных направлений, являются:

– для первой группы: получение объяснений у заявителя, должностного лица, сообщавшего о преступлении, очевидцев, а также у иных лиц, которым известны обстоятельства дела о совершенном деянии или отдельных элементах механизма преступления;

– для второй: осмотр места происшествия; проведение ОРМ для установления лица, совершившего оборот детской порнографии; задержание и личный обыск при задержании подозреваемого;

– для третьей: осмотр полученных при проведении ОРМ либо изъятых при осмотре места происшествия или личном обыске предметов и документов, содержащих признаки детской порнографии; назначение в Республиканскую экспертную комиссию по предотвращению пропаганды, насилия и жестокости экспертизы по отнесению выявленных материалов или предметов к порнографическим материалам или предметам порнографического характера;

– для четвертой: получение объяснений у подозреваемых лиц; истребование документов о привлечении к административной ответственности.

Для установления предмета преступного посягательства следователь (лицо, производящее дознание), основываясь на восприятии продукта, имеющего признаки детской порнографии, осуществляет их сравнение с системой признаков, содержащихся в определении детской порнографии, представленном в п. 2

Положения о Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости (в ред. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 13.02.2012 г. № 143). В результате проведенного сравнительного анализа, руководствуясь внутренним убеждением, он приходит к выводу о том, является ли исследуемый продукт порнографическим с участием несовершеннолетних либо нет. Если же некоторые признаки воспринимаются и могут трактоваться по-разному, то для их разрешения целесообразно назначать экспертизу.

Анализ следственной практики по делам об обороте детской порнографии показал, что при назначении экспертизы для установления предмета преступного посягательства абсолютное большинство следователей и лиц, производящих дознание, в постановлении о назначении экспертизы формулируют, как правило, вопрос эксперту: «Имеются ли на представленном диске изображения порнографического характера?», выходящий, по нашему мнению, за пределы его компетенции. Представляется, что порнография – это термин социально-правовой, поэтому оценка обозначающего им явления не требует специальных знаний. Правовой характер имеет не само явление, а продукция, содержащая его признаки. Именно для однозначности восприятия этих признаков могут быть использованы специальные знания.

Для обоснования данного утверждения мы исходим из следующих соображений. Во-первых, из-за сугубой оценочности этого понятия, основанного на общественной морали и духовно-нравственном здоровье населения, которое отличается в зависимости от странственно-временного положения. Именно поэтому отсутствует его законодательная регламентация. Это объясняется тем, что социально-общественная опасность порнографии заключается в негативном воздействии на нравственные устои общества, оценить которое невозможно в конкретно измеряемых единицах, подобно материальному (в денежном выражении) или физическому (степень утраты здоровья) вреду.

Во-вторых, отсутствие индивидуально-групповых признаков порнографии и ее эталонных объектов, позволяющих отнести исследуемую экспертным путем продукцию к определенному типу, классу, разновидности, группе. В этой связи необходимо ставить вопросы эксперту не об отнесении продукции к порнографическим предметам, а о наличии в ней признаков, позволяющих отнести ее к таковым.

В-третьих, юридический аспект отнесения продукции к порнографической предполагает

собираание необходимых доказательств, свидетельствующих о ее порнографическом характере. Например, в случае вероятного предположения о том, что осматриваемые материалы или предметы являются порнографическими, следователь может назначить экспертизу в отношении этих предметов или материалов либо лица, которому они демонстрировались, поставив перед экспертом вопросы, связанные с воздействием, которое оказала эта продукция на психику данного человека, и последствиями социально-нравственного характера, вызванными просмотром (восприятием) этого продукта с точки зрения формирования сексуальных представлений и морально-нравственного развития несовершеннолетнего. И только совокупность имеющихся по делу доказательств, включая допрос лица, которому демонстрировалась данная продукция, позволяет следователю либо судье прийти к выводу о том, что данная продукция воспринимается как порнографическая.

Таким образом, экспертное заключение о наличии либо отсутствии признаков порнографии, в том числе и с изображением несовершеннолетних, является лишь отправной точкой для формирования внутреннего убеждения следователя либо суда, которые, руководствуясь им, исходят из всей совокупности собранных по делу доказательств, в том числе отдельных установленных экспертизой признаков и их качественных характеристик, и приходят к выводу, что эту продукцию следует *воспринимать как порнографическую*.

Одной из задач процессуальных действий, проводимых для получения оснований к возбуждению уголовного дела в сфере оборота детской порнографии, является установление конкретного способа и лица, совершившего рассматриваемое деяние. Такими процессуальными действиями чаще всего являются осмотр места происшествия, предметов и документов, задержание и личный обыск при задержании подозреваемого, получение объяснений.

Для установления способа следует исходить из его закономерной связи с предметом преступного посягательства и следами, которые образовались в процессе совершения рассматриваемого вида деяний. Так, ряд украинских авторов отмечают, что порнографические материалы, найденные на месте преступления, могут указывать на способ совершения, в частности, на изготовление или сбыт [6, с. 77 – 78; 7, с. 150]. Другие ученые выделяют порнографические предметы, свидетельствующие: а) об изготовлении; б) о наличии цели сбыта порнопродукции при ее изготовлении; в) о сбыте [8, с. 29 – 30].

Существенное значение для установления виртуальных следов, свидетельствующих о способе преступления и лице, его совершившем, имеет механизм слеодообразования в различных программно-аппаратных средах. Так, для уяснения следовой картины противоправного деяния может представлять интерес информация, содержащаяся в реестре операционной системы, в текстовых и графических файлах, программных средствах, носителях информации, сети Интернет [9, с. 17, 39 – 40], а также памяти мобильного телефона: телефонные номера и краткие сведения о владельцах (имя, адрес проживания, день рождения), текстовые и иные подобные им сообщения, фотоизображения, видеоклипы, аудиозаписи, сведения о каких-либо значимых событиях с указанием дат и времени их осуществления, а также техническая информация, используемая в процессе идентификации мобильного телефона в сети [10, с. 14].

С учетом анализа литературы, посвященной данной проблематике, а также практики выявления и расследования преступлений рассматриваемой категории, для установления способов изготовления детской порнографии в систему поиска предметов и следов при осуществлении указанных процессуальных действий необходимо включать следующие группы объектов:

а) средства для изготовления порнопродукции: цифровая фото- и видеотехника (фотоаппараты, видеокамеры, мобильные телефоны с возможностью осуществлять фото- и видеозапись, веб-камеры, автомобильные видеорегистраторы); компьютерное оборудование и программное обеспечение, с помощью которых осуществляется фото-, видеомонтаж, наложение музыкального сопровождения, перевод текста и пр.; копирувальная и множительная техника (сканеры, ксероксы); печатающая техника (принтеры); пишущие устройства (CD/DVD-рекордеры); дубликаторы, видеомагнитофоны); расходные материалы (фото-бумага для принтеров, картриджи, чернила, тонеры и пр.);

б) информация на машинных носителях компьютеров, мобильных телефонов и др. устройств, портативных жестких дисках, картах памяти, оптических носителях информации, содержащая следы работы со специальными программами фото- и видеомонтажа, временные файлы, образующиеся в процессе работы над созданием либо редактированием порнографических фильмов, «неоконченные» проскты, различные текстовые, звуковые, графические, анимационные и видеофайлы, используемые при изготовлении конечного про-

дукта – аудиовизуальной продукции с участием несовершеннолетних, и т. п.

При создании веб-сайтов порнографического содержания в сети Интернет правонарушители обычно используют разнообразные программные средства (например, Adobe Photoshop, Adobe Premier, Windows Movie Maker и др.), при функционировании которых на компьютере преступника, как правило, образуются соответствующие виртуальные следы, свидетельствующие об изготовлении порнопродукции. Кроме того, создание, редактирование и администрирование сайта в сети Интернет предполагает применение и специальных программ управления (например, HostCMS, Joomla!, MODx Revolution, 4Site и др.), позволяющих пользователю загружать на сервер различные типы файлов, редактировать их, удалять, заменять, перемещать и т. д. Сведения об указанных действиях, которые отслеживаются и автоматически протоколируются в системных журналах, можно получить в ходе осмотра места происшествия либо предметов (компьютеров, магнитных носителей и т. д.);

в) печатные издания порнографического характера (изобразительные и текстовые), которые могут быть использованы как оригиналы при производстве полиграфической продукции порнографического содержания. Сюда следует отнести и объекты технического характера, связанные с тиражированием порнопродукции, например, формы для печатных типографских машин и пр.

Для установления способов вовлечения несовершеннолетних для создания порнографической продукции с их изображением в систему поиска помимо вышеприведенных предметов и следов, указывающих на способ изготовления, необходимо включать следующие объекты:

а) вспомогательное оборудование для съемки (светофильтры, штативы, кофры, светоотражатели, светосинхронизаторы, студийные фоны, стойки для студийного света, зонты и т. д.), свидетельствующее об изготовлении порнопродукции, прежде всего, с участием «порноактеров»;

б) следы принуждения к участию в создании порнографической продукции (крови, спермы и других биологических выделений человека, насилия, сопротивления и т. п.);

в) вспомогательные материалы, к которым относятся: парфюмерные изделия для грима, косметика, парики, костюмы, декорации сексуально-интимной обстановки, презервативы, смазки (гели, кремы), масла для возбуждения, препараты для усиления потенции, очистительные клизмы и т. п.

Для установления *способов сбыта в форме распространения* порнографической продукции с изображением несовершеннолетних в систему поиска предметов и следов следует включать следующие группы объектов:

а) материальные носители, содержащие аудиовизуальную информацию порнографического характера;

б) товарная упаковка для оптических либо магнитных носителей (коробки, футляры, боксы для оптических дисков и пр.), имеющая обозначения, свидетельствующие о наличии записанной на них аудиовизуальной информации порнографического характера.

Для установления *способов сбыта в форме публичной демонстрации* порнографической продукции с изображением несовершеннолетних в систему поиска предметов и следов необходимо включать следующие группы объектов:

а) аппаратура для воспроизведения порнографической аудиовизуальной продукции (видеопросекторы, видеоманитофоны (плееры), DVD-проигрыватели). Публичная демонстрация может осуществляться также посредством компьютера (ноутбука) и мобильного телефона. Кроме того, в литературе, посвященной данной проблеме, упоминается об использовании специальных компьютерных программ голосового «проговаривания» (воспроизведения) текстовых файлов (например, ICE Book Reader Professional и пр.) [7, с. 29 – 30];

б) компьютерная техника (компьютер, веб-камера, наличие высокоскоростного подключения в сети Интернет), а также средства мобильной связи, предназначенные либо приспособленные для прямой Веб-трансляции действий сексуального характера в сети Интернет с использованием как видеочатов (например, на базе социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники.ру», а также почтовой службы «Mail.ru»), так и специального программного обеспечения IP-видеотелефонии.

О способах сбыта (как в форме распространения, так и публичной демонстрации) могут также свидетельствовать найденные при осмотре места происшествия либо предметов и документов: «рекламные» каталоги с указанием стоимости предлагаемой порнопродукции, гиперссылки на сайтах в сети Интернет; электронные почтовые сообщения (спам); иные программные средства, «рекламирующие» возможность скачивания файлов, содержащих порнографию, либо просмотра порнографических видеоизображений в режиме реального времени посредством Веб-трансляции (как правило, за определенную плату), либо перессылающие пользователя на такие сайты.

Существенное значение для выявления следов, свидетельствующих о способах совершенного преступления и иных обстоятельствах, имеющих непосредственное отношение к делу, может иметь информация, содержащаяся на обнаруженных при производстве процессуальных действий бумажных и иных носителях (блокнотах, тетрадях, товарной упаковке для оптических дисков и пр.): специальные отметки или сопроводительные надписи с указанием жанра и названия порнопродукта, данные об участвующих «порноактерах» (имя, возраст, контактный телефон и пр.), «авторские знаки» и прочие обозначения; пароли и логины доступа к страницам порнографического веб-сайта, отдельным файлам, платежным системам и их адреса; номера кредитных карточек, электронных «кошельков», банковских счетов и иные конфиденциальные данные.

Подобная информация может также сохраняться преступниками в электронных документах (в формате *.txt, *.doc; *.docx; *.xls и пр.), либо в предназначенных для хранения вышеуказанных конфиденциальных данных специальных компьютерных программах, таких как: NtT PassView, Scarabay, Cresotech DesktopSafe Lite, IPassword, KeyPass Portable, Password Commander, Password Agent, Any Password, CSPassword, Handy Password, Multi-Pass, My Password Manager, Password Director и др.

Информацию об использовании программных средств, установленном оборудовании и др. фиксирует такой компонент операционной системы, как Windows Registry (реестр). При наличии определенных навыков и использовании специальных программ для чтения реестра (например, Registrar Registry Manager, Registry Mechanic, regedit и др.) можно выявить все процессы и операции, проведенные на исследуемом компьютере за последние 2-3 месяца, с указанием точных даты и времени их выполнения.

Результаты исследования проблемных аспектов, связанных с возбуждением уголовных дел об обороте детской порнографии, позволяют сделать следующие выводы:

1. Для определения предмета преступного посягательства на стадии возбуждения уголовного дела об обороте детской порнографии следует исходить из юридической природы порнографии. Порнография – это термин социально-правовой, поэтому оценка обозначающего им явления не требует специальных знаний. Правовой характер имеет не само явление, а продукция, содержащая его признаки. Именно для однозначности восприятия этих признаков могут быть использованы специальные знания. Результаты судебной

экспертизы должны быть подвергнуты юридической оценке с учетом совокупности имеющихся по делу доказательств. Это обосновывается, во-первых, сугубой оценочностью этого понятия, основанного на общественной морали и духовно-нравственном здоровье населения, которое отличается в зависимости от пространственно временного положения; во-вторых, отсутствием индивидуально-групповых признаков порнографии и ее эталонных объектов, позволяющих отнести исследуемую экспертным путем продукцию к определенному типу, классу, разновидности, группе, к которой она принадлежит; в-третьих, юридический аспект отнесения продукции к порнографической предполагает сбор необходимых доказательств, свидетельствующих о ее порнографическом характере. Таким образом, давать правовую оценку при производстве экспертизы эксперт

не вправе, т.к. решение этой задачи выходит за пределы его компетенции.

2. Определение достаточности оснований к возбуждению уголовного дела обусловлено установлением одного из способов деяния рассматриваемой категории. Способы оборота детской порнографии с применением информационных технологий отображаются в системе виртуальных, материальных и идеальных следов, связанных с использованием: а) информационно-технологического оборудования; б) программного обеспечения; в) услуг порноактеров. Виртуальные следы отображаются в сети Интернет на магнитных носителях. Процессуальные действия, проводимые для установления конкретного способа преступления и лица, его совершившего, должны иметь целевую направленность на обнаружение и фиксацию указанной системы следов с последующим их изучением.

Список использованных источников

128

1. Архив суда Октябрьского района г. Минска за 2009 г. – Уголовное дело № 09018000082.
2. Архив суда Первомайского района г. Минска за 2008 г. – Уголовное дело № 08018000147.
3. Вехов, В.Б. Проблемы выявления и расследования изготовления и оборота материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные с использованием сети Интернет / В.Б. Вехов // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сб. науч. тр. – Саратов: Сателлит, 2006. – С. 494 – 497.
4. Фёдоров, Г.В. Правовые средства противодействия детской порнографии / Г.В. Фёдоров, П.Л. Боровик // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 6. – С. 28 – 32.
5. Кушниренко, С.П. Проблемы уголовного преследования за распространение детской порнографии в Интернете: теория и опыт выявления и расследования / С.П. Кушниренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sartracc.ru/i.php?op=read_file&filename=Pub/kushnirenko\(03-06-07\).htm](http://sartracc.ru/i.php?op=read_file&filename=Pub/kushnirenko(03-06-07).htm). – Дата доступа: 25.01.2011.
6. Хільченко, С.В. Методика розслідування поширення порнографічних предметів: навч. посіб. / С.В. Хільченко. – Київ: Вид. Паливода А. В., 2008. – 151 с.
7. Шендрик, В.В. Боротьба з порнографією: криміналістичні та оперативно-розшукові аспекти: наук.-практ. посібник / В.В. Шендрик, С.О. Сафронов, І.О. Крепаков, Є.В. Жилін. – Харків: Харків. нац. ун-т Мін-ва внутр. справ України, 2010. – 216 с.
8. Бугаев, К.В. Экспертное сопровождение расследования преступлений, предусмотренных ст. 242 УК РФ (Незаконное распространение порнографических материалов или предметов) / К.В. Бугаев // Законодательство и практика. – 2010. – №1(24). – С. 28 – 32.
9. Гаврилин, Ю.В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Гаврилин; Моск. ун-т МВД РФ, 2010. – 55 с.
10. Архипова, Н.А. Организационно-тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Архипова; С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2011. – 25 с.

Дата поступления: 18.10.2012

Annotation

The article is devoted to the problem of administering law connected with the initiating a criminal proceedings regarding the distribution of child pornography. Questions of gathering evidence, containing the grounds for bringing a criminal action, are discussed. Due to the analysis and synthesis of the scientific literature in this area, as well as practical experience in the investigation of the above-mentioned illegal acts the recommendations for the identification of the subject of a criminal assault, a particular method of the crime and the committer are presented.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Юсупов В.В.

канд. юрид. наук

Национальная академия
внутренних дел МВД Украины

Аннотация

В статье исследованы исторические аспекты возникновения различных концепций судебной экспертологии, осуществлен анализ общей теории судебной экспертизы, ее структуры.

Идеей создания общей теории судебной экспертизы была основополагающая закономерность: при наличии собственных, второстепенных различий экспертиз различных родов и видов все они имеют много общих позиций, которые выражаются в их назначении, теоретическом обосновании, источниках возникновения, стадиях развития, функционировании, нормативном регулировании, организации и т.п.

Условиями, которые способствовали решению задачи по созданию общей теории судебной экспертизы, стали:

- наличие большого эмпирического материала по отдельным родам (видам) экспертиз, создание на этой основе отдельных теорий, в которых нашли отражение научные основы и закономерности определенных видов экспертиз;

- разработка принципов, методологических, правовых и организационных основ различных родов судебных экспертиз, выделения из этого объема общего, что должно быть присуще любому роду экспертизы, в том числе и вновь создаваемому;

- наличие промежуточных теоретических разработок по отдельным проблемам судебной экспертизы, отраженных в монографиях, статьях, учебной и методической литературе;

- постоянно совершенствующаяся система методов и методик экспертного исследования, отражающая общий научно-технический прогресс;

- наличие развитой системы государственных судебно-экспертных учреждений в разных ведомствах страны, координирующих свою практическую и научную деятельность [1, с. 428].

Таким образом, цель общей теории судебной экспертизы заключается в первую очередь в систематизации накопленных к настоящему времени категорий всех родов (видов) судебных экспертиз: понятие предмета экспертизы, объектов исследования, экспертных задач, методов исследования, специальных знаний эксперта, понятие экспертной компетенции и компетентности, технологии экспертного исследования и др.

В этом направлении значительные наработки сделаны Т.В. Аверьяновой, И.А. Алиевым, В.Д. Арсеньевым, С.Ф. Бычковой, Р.С. Белкиным, А.И. Винбергом, Т.С. Волчецкой, А.В. Дуловым, А.А. Эйсманом, А.В. Ищенко, Н.И. Клименко, Ю.Г. Коруховым, Ю.М. Кубицким, Н.Т. Малаховской, М.В. Салтевским, М.Я. Сегаем, Е.Р. Россинской, А.Р. Шляховым и др. Высоко оценивая эти работы, следует отметить, что и

сейчас остаются дискуссионными вопросы структуры данной отрасли научного знания, содержания и степени сформированности ее составных элементов. Поэтому задачей нашей научной статьи является анализ современных концепций общей теории судебной экспертизы, определения природы данной науки, ее структуры и перспектив развития на нынешнем этапе развития науки и общества. Сначала коротко опишем содержание существующих концепций общей теории судебной экспертизы в историческом аспекте.

Стадия зарождения науки о судебной экспертизе началась в 50-х гг. XX в., когда считалось, что ее предметом является совокупность отдельных процессуальных, организационных и методических вопросов проведения судебных экспертиз и криминалистической техники в целом (представлена в работах А.И. Винберга, Ю.М. Кубицкого, А.Р. Шляхова). Конец 80-х гг. XX в. характеризовался возникновением в теории судебной экспертизы структурно выраженных концепций общетеоретического плана. Первой из них была концепция судебной экспертологии А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской. Свои взгляды по данной проблеме высказали Р.С. Белкин, А.А. Эйсман, В.С. Митричев. Безусловно, точки зрения авторов не лишены спорных вопросов, однако положительно, что развитие судебной экспертологии предусматривало смещение акцента в сторону вопросов методологического характера, что имеет существенное значение в формировании науки. Появилось определение предмета науки о судебной экспертизе, конструктивный интерес представляли отзывы на возникновение идеи судебной экспертологии и ее содержательные аспекты.

«Пик» научных исследований в этой сфере наступает в конце 80-х и первой половине 90-х гг. XX в. Усилиями ряда ученых (И.А. Алиева, Т.В. Аверьяновой, Ю.Г. Корухова) в те времена были сформулированы концептуальные основы этой общей теории, ее структура и функции.

Можно подытожить, что к настоящему времени эта деятельность прошла в своем развитии три этапа:

первый этап – накопление эмпирических знаний, разработка и усовершенствование научных методов, средств и методик исследования вещественных доказательств;

второй – обобщение эмпирического материала и формирование отдельных экспертных теорий;

третий – систематизация накопленных знаний и формирование общей теории судебной экспертизы [2, с. 257 – 258].

Однако и сейчас есть все основания полагать, что процесс развития науки о судебной экспертизе не завершен. Диалектика научного познания с очевидностью свидетельствует о бесконечности этого процесса, а новые исследования в области судебной экспертизы лишь подтверждают соответствующую истину. Например, А.В. Ищенко говорит о «теории судебной экспертологии» и относит ее к фундаментальным теориям криминалистики, которая сформировалась и продолжает формироваться в ее пределах [3, с. 116]. По словам М.Г. Щербаковского, сейчас можно считать уже сложившейся общую теорию судебной экспертизы, основанную на единстве интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз. Эта новая отрасль выделилась из криминалистики и является самостоятельным научным направлением, рассматривает как теоретические, так и практические аспекты [4, с. 11 – 12]. М.Я. Сегай говорит о судебной экспертологии как юридической науке о судебно-экспертной деятельности, объектом которой является деятельность государства, юридических и физических лиц по обеспечению правосудия независимой и квалифицированной экспертизой, которую осуществляют профессиональные эксперты, а предметом этой науки являются закономерности функционирования правовых, методологических и организационных основ судебно-экспертной деятельности. Таким образом, в систему науки судебной экспертологии входят как концептуальные основы судебно-экспертной деятельности в целом, так и особенности их использования специальными судебно-экспертными отраслями знаний. Первые составляют общую часть науки, вторые – ее особую часть [5, с. 25 – 26, 31 – 32]. Эту точку зрения разделяет и Ю.Б. Форис [6, с. 45 – 48].

Мы считаем рассмотрение в рамках общей теории судебной экспертизы организационных основ судебно-экспертной деятельности нецелесообразным, т.к. эти вопросы касаются административного, управленческого, даже процессуального аспекта судебно-экспертной деятельности. Мы поддерживаем вывод, сделанный А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской, о том, что судебная экспертология должна исследовать закономерности и методологические проблемы теории судебных экспертиз и не «опускаться» до уровня отдельных видов экспертиз как практической, конкретной деятельности. И чем более высокий уровень при этом будет достигнут, тем эффективнее будет структура судебной экспертологии [7, с. 92]. Мы также согласны с мнением авторов Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухо-

ва, Е.Р. Россинской, что общая теория судебной экспертизы как модель практической деятельности призвана отразить специфику познавательной работы эксперта, методологию экспертных исследований, концептуальные направления их общего развития: математизации, компьютеризации, автоматизации экспертных производств. Но главным назначением общей теории является разработка единых принципов и постулатов. Она представляет собой систему знаний, раскрывающих законы, черты и отношения исследуемого ею объекта (судебно-экспертной деятельности) и на этой основе способствует постоянному добавлению нового знания о судебной экспертизе. Таким образом, сформированные принципы и выявленные закономерности призваны помочь экспертизе каждого рода независимо от того, на какой ступени развития она находится, привести свою отдельную теорию (или создать, если ее еще нет) в соответствие с общетеоретическими разработками, избежать ошибок эмпирического поиска, ускорить процесс развития.

Объектом общей теории судебной экспертизы является сама экспертная деятельность, которая рассматривается в качестве некоей единой системы, включающей большое количество компонентов (субъекты деятельности, объекты исследования, задачи, методы и т.д.). Предметом познания общей теории являются закономерности функционирования данной системы, производные от этих закономерностей принципы, правила и понятия, которые призваны обеспечить единство систематизации знаний о судебной экспертизе. С учетом изложенного, общую теорию судебной экспертизы определяют как междисциплинарную науку, предметно связанную с науками уголовного процесса, криминалистики, другими юридическими, техническими, естественными, экономическими науками; отражающую закономерности: возникновения и существования материальных носителей информации об уголовно- и гражданско-релевантных обстоятельствах, их исследования в качестве объектов экспертизы, использования научных данных и методов из разных сфер знаний, обеспечивающих обоснованность и достоверность заключения эксперта; процесса формирования научных основ судебных экспертиз, выделения присущих им общих принципов, структурных связей и соотношений, синтеза и систематизации знаний о судебной экспертизе как о единой системе, ее инфраструктуры в протекающих процессах; правил и понятий, разрабатываемых на основе общей и частных теорий и реализован-

ных в практической экспертной деятельности [1, с. 429].

По своей структуре общая теория судебной экспертизы представляет собой органически связанную и построенную из четырех блоков:

1) методологические основы общей теории;

2) предмет, задачи, объекты экспертной деятельности как ее главные компоненты;

3) методы и методики в структуре экспертной деятельности;

4) инфраструктура экспертной деятельности, технология экспертного исследования [1, с. 431].

Р.С. Белкин подчеркивал, что идея формирования науки о судебной экспертизе стала приобретать все больше сторонников начиная с 70-х гг. XX в., а к началу 90-х гг. эта идея обрела форму концепции общей теории судебной экспертизы как новой отрасли научных знаний о закономерностях возникновения и формирования новых классов, родов и видов судебной экспертизы и практической экспертной деятельности. Сначала в содержание данной теории входили и традиционные процессуальные вопросы, но скоро от этого отошли, поскольку процессуальные вопросы не охватываются предметом общей теории судебной экспертизы [8, с. 28 – 29].

Однако определение предмета общей теории судебной экспертизы требует выяснения природы научных знаний, которые формируются новой наукой. Без этого сложно обоснованно конструировать ее систему, учитывая отношение предмета к предметам специальных областей судебно-экспертных знаний, опирающихся на различные естественные, технические и гуманитарные науки.

По этому вопросу в литературе высказываются противоречивые мнения. Признавая науку о судебной экспертизе («судебной экспертологии» по терминологии А.И. Винберга, или «общую теорию судебной экспертизы» по терминологии Р.С. Белкина) юридически прикладной наукой, разные авторы по-разному трактуют природу знаний новой науки.

Р.С. Белкин считает, что общую теорию судебной экспертизы нельзя относить к правовым наукам, к которым относится, в частности, наука уголовного процесса, поскольку данная теория представляет собой науку синтетической природы, «продукт» которой реализуется в уголовно-процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Из этого следует: все, что относится к уголовно-процессуальной сфере использования специальных познаний в форме судебной экспертизы, составляет сферу взаимодействия

и связи общей теории судебной экспертизы с уголовно-процессуальным правом, основанной на ней уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования, прокуратуры, суда и уголовно-процессуальной наукой [8, с. 28 – 29]. Мы согласны с позицией Р.С. Белкина о том, что наука о судебной экспертизе должна играть методологическое значение относительно теоретических основ отдельных видов экспертиз, не лишая их самостоятельности и не отрывая от наук, в рамках которых они существуют и развиваются. Именно поэтому она является комплексной интегральной наукой и должна быть отнесена к междисциплинарным областям знаний [9, с. 308 – 309]. Можно согласиться с мнением С.Ф. Бычковой о том, что судебно-экспертные отрасли, являясь самостоятельными отраслями научного знания, используют как положения общей теории судебной экспертизы, так и базисных отраслей научного знания, которыми могут быть любые «внешние» относительно науки о судебной экспертизе научные отрасли [10, с. 29 – 30].

Остается только выяснить, действительно ли экспертные науки используют общую методологию теории судебной экспертизы при разработке своих теоретических основ и в экспертной практике. Положительный ответ частично может быть дан лишь относительно криминалистических отраслей экспертного знания, использующих наработки теории криминалистической экспертизы. Большинство других судебно-экспертных отраслей знаний (медицинского, технического и экономического направлений) методологические основы судебной экспертологии фактически не используют. Итак, сама судебная экспертология должна « позаботиться » о том, чтобы ее методологические основы потребовались для всех судебно-экспертных отраслей знаний и действительно активно использовались в их теории и на практике. По мнению М.Я. Сегая, для этого существует лишь один действенный путь: включить в предмет судебной экс-

пертологии разработку правовых, методологических и научно-организационных основ не только « абстрактной » судебно-экспертной деятельности в целом, но и особенностей использования таких основ в конкретных видах судебно-экспертных отраслей знаний. Такой реальный путь привлечения методологических основ юридической науки о судебной экспертизе в неюридические специальные судебно-экспертные отрасли научного знания [5, с. 31 – 32].

Вышеизложенное позволяет суммировать, что судебная экспертология (общая теория судебной экспертизы), непосредственно не включая в предмет и систему своей науки специальные судебно-экспертные отрасли знаний и соответствующую им экспертную практику, оптимизирует всю судебно-экспертную деятельность опосредованно: путем разработки общих методологических основ такой деятельности, адаптированных к теории и практике конкретных видов судебных экспертиз [5, с. 31 – 32].

Т.В. Аверьянова делает вывод, что общая теория судебной экспертизы имеет право на становление и развитие как самостоятельная наука. При этом общая теория экспертизы не нарушает целостности криминалистической науки, ведь она, выступая самостоятельной отраслью научного знания, объединяет в своем содержании все то общее, что объединяет все классы, роды и виды судебной экспертизы [2, с. 266]. Такая позиция сегодня приобретает все больше сторонников [11, с. 17 – 18].

Таким образом, рассмотрение вопроса о современных концепциях общей теории судебной экспертизы позволяет заметить определенное сходство между ними в главных чертах. Разница проявляется в конкретных элементах их структур и еще более существенная – в содержании этих элементов, иногда похожих по названию. « Слабые » места рассмотренных теорий мы постараемся учесть и решить в дальнейших исследованиях общей теории судебной экспертизы.

Список использованных источников

1. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 973 с.
2. Аверьянова, Т.В. Этапы развития судебной экспертизы / Т.В. Аверьянова // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы межвузов. науч.-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р.С. Белкина): в 2-х ч. – М., 2007. – Ч.1. – С. 257 – 266.
3. Іщенко, А.В. Методологічні проблеми криміналістичних наукових досліджень: моногр. / А.В. Іщенко; за ред. І.П. Красюка. – К.: НАВСУ, 2003. – 359 с.
4. Щербаковский, М.Г. Судебные экспертизы: назначение, производство, использование: учеб.-практ. пособие / М.Г. Щербаковский. – Харьков: Эспада, 2005 – 544 с.

5. *Сегай, М.Я.* Объект, предмет, природа и система криминалистики / М.Я. Сегай // Теория і практика судової експертизи та криміналістики. Вип. 3: Збірник науково-практичних матеріалів (до 80-річчя заснування Харківського НДІ судових експертиз). – Харьков: Право, 2003. – С. 25 – 32.
6. *Форис, Ю.Б.* О формировании судебно-экспертного права: постановка, проблемы / Ю.Б. Форис // Теория і практика судової експертизи та криміналістики. Вип. 3: Збірник науково-практичних матеріалів (до 80-річчя заснування Харківського НДІ судових експертиз). – Харьков: Право, 2003. – С. 45 – 48.
7. *Винберг, А.И.* Предмет и методологические основы науки о судебной экспертизе – судебной экспертологии / А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: сб. науч. тр. ВНИИСЭ. – М., 1980. – Вып. 42. – С. 74 – 92.
8. *Белкин, Р.С.* Уголовный процесс. Криминалистика. Судебная экспертиза / Р.С. Белкин // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы межвузов. науч.-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р.С. Белкина): в 2-х ч. – М., 2007. – Ч. 1. – С. 17 – 29.
9. *Белкин, Р.С.* Курс советской криминалистики: в 3-х т. / Р.С. Белкин. – М.: Юридлит., 1978. – Т. 2. – 320 с.
10. *Бычкова, С.Ф.* Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе / С.Ф. Бычкова. – Алма-Ата, 1994. – 142 с.
11. *Плесовских, Ю.Г.* Соотношение методологии общей теории судебной экспертизы, методологии судебно-экспертного исследования и экспертных методик / Ю.Г. Плесовских // Российский следователь. – 2006. – № 7. – С. 17 – 18.

Дата поступления: 24.09.2012

Annotation

The author of the article investigates the historical aspects of the emergence of different conceptions of the forensic examination science and offers the analysis of its common theory and structure.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ЗВУКОЗАПИСЕЙ

Кирдун А.А.

канд. филол. наук

Богачева Д.С.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Несмотря на широкое применение в криминалистической экспертизе звукозаписей (далее – КЭЗ) вычислительной техники и средств мультимедиа, исследование звучащей речи слуховым способом является для экспертов обязательным. Огромную дополнительную информацию, практически не доступную компьютерам, дает лингвистический анализ. Проводится он чаще всего при решении задачи идентификации личности, что достигается путем сопоставления результатов раздельного исследования речи на исходной фонограмме и фонограмме-образце. Однако этим возможности лингвистического анализа в КЭЗ не исчерпываются. Как справедливо отмечает в своей монографии «Основы судебного речеведения» Е.И. Галяшина, «при производстве судебной фоноскопической экспертизы на основе методов лингвистического анализа устной речи достигается

полное изучение устного текста как в физическом, так и ментальном плане» [1, с. 124]. Выделение собственно языковых признаков¹ и последующее их изучение позволяет выявить: 1) предпочтения диктора (т.е. проследить, какие из вариантов, не противоречащих системе языка, норме и узусу, он выбирает); 2) нарушения (т.е. проследить выбор диктором вариантов, вступающих в противоречие с системой языка, нормой и узусом); 3) осознанность нарушений (т.е. проследить, продиктованы ли нарушения нормы

намерением достичь определенного коммуникативного эффекта). На основе полученных данных выстраивается так называемый «речевой портрет» диктора² [2 – 6], который

136

Аннотация

В статье отмечается востребованность результатов лингвистического анализа при производстве криминалистической экспертизы звукозаписей. Рассматриваются особенности русской речи белорусов и связанные с этим особенностями собственно лингвистические проблемы, решение которых важно как для идентификационных, так и неидентификационных исследований. Обосновывается первоочередность изучения произносительных черт русской разговорной речи белорусов. Предложен алгоритм составления и способ описания индивидуального фонетического портрета диктора.

¹ Имеются в виду признаки, которые выделяются на фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях русского языка. Данные уровни называют еще подсистемами языка.

² Разработка понятия «речевой портрет» началась с фонетического портрета, важные приемы описания которого предложены в середине 60-х гг. XX в. известным российским лингвистом М.В. Пановым. В ряде его работ описаны фонетические портреты политических деятелей, писателей, ученых. Эти портреты отражали индивидуальную манеру произношения отдельного человека, который являлся «типичным» представителем того или иного социального слоя определенного поколения.

являются ключевым в решении диагностических и классификационных задач КЭЗ. Так, например, с той или иной степенью вероятности эксперт-лингвист может определить: пол и возраст неизвестной личности, чья речь зафиксирована на исходной фонограмме; местность, на которой происходило формирование речи, и возможный регион длительного проживания; национальную принадлежность; принадлежность к той или иной профессиональной среде; также некоторые виды расстройства речи и т.д. [1; 7; 8, с. 333 – 335; 9, с. 47 – 53; 10, с. 151; 11, с. 74 и др.].

В Республике Беларусь лингвистический анализ эффективно используется в КЭЗ при решении идентификационных задач. В значительной степени этому содействовал выход в свет методического пособия «Назначение и производство фонографической экспертизы для идентификации дикторов по голосу и речи», в котором отражены основные этапы и принципы проведения экспертного лингвистического исследования [9]. Решение же многих неидентификационных вопросов пока относится к числу наиболее проблематичных, поскольку отсутствуют как соответствующие методики, ведущие к принятию экспертных решений, так и *собственные достоверные* научные наработки в области речеведения, на основе которых возможно построение методик.

Априорное использование для нужд производства КЭЗ в Республике Беларусь результатов лингвистических и социолингвистических исследований, выполненных на языковом материале в России, является, по нашему мнению, неприемлемым. Хотя в обеих странах функционирует один и тот же – русский – язык, его реализация в речи жителей Беларуси имеет свои особенности [12 – 18]. Мы полностью разделяем мнение профессора Б.Ю. Нормана, который считает, что система отношений между элементами различных подсистем в «собственно русском» и в «белорусском» вариантах русского языка неодинакова, что различия довольно тонки и носят неявный, скрытый характер, однако в конечном счете находят свое выражение в текстах. «Говоря по-другому, в условиях Беларуси процессы порождения и восприятия русскоязычного текста протекают на особом психологическом фоне. Этот фон – система белорусского языка, создающая эффект, как выражаются социолингвисты, несбалансированного двуязычия. И в сознании белорусского носителя русского языка в той или иной мере взаимодействуют, независимо от его желания, две – при этом очень близкие! – языковые системы» [13, с. 12].

Когда же мы говорим о *достоверных* наработках, то имеем в виду такие, которые были бы получены, во-первых, в ходе исследований *современной* речи жителей Беларуси, а во-вторых, на основе репрезентативной выборки материала (т.е. такой выборки, в которой представлены основные признаки речи городских и сельских жителей всех регионов Беларуси).

На сегодняшний день лингвистика располагает лишь отдельными описаниями речи небольшого числа социальных групп Республики Беларусь (см. научные труды М.Г. Булахова, А.И. Подлужного, Л.Т. Выгонной, А.А. Кривицкого, А.Е. Михневича, Н.С. Вилюги, С.П. Садовского, А.А. Лукашанца, Н.Б. Мечковской, И.С. Ровды, Л.Г. Мощенской, В.Н. Курцовой, С.Н. Запрудского, Т.А. Траханкиной и других). Однако в большинстве своем научные описания выполнены на основе наблюдений, проведенных во второй половине XX в. В связи с этим правомерен вопрос о соответствии полученных выводов современному срезу языковой ситуации в Беларуси³. Уменьшает уверенность в репрезентативности данных и то, что выбор единиц наблюдения в авторских исследованиях, как правило, субъективен (т.е. автор руководствуется только общим представлением о характерных особенностях речи выбираемой им группы жителей), а число единиц, отобранных для наблюдения и анализа, несоизмеримо меньше численности самой группы.

Кроме того, в функциональном плане белорусский язык, несмотря на высокий юридический статус государственного языка, значительно уступает свои позиции русскому. Иначе говоря, для билингвизма на территории Республики Беларусь характерен ярко выраженный дисбаланс. Видимо, обеспокоенные такой ситуацией, лингвисты и социологи в большей степени обращали внимание в своих работах на состояние именно белорусского языка и влияние на него русского. Влияние белорусского языка на русский остается менее исследованным.

Существует и еще одна важная для производства КЭЗ проблема, не получившая пока

³ Ответ на данный вопрос могли бы дать *сравнительные* исследования различных языковых явлений (т.е. исследования, которые показывают: как было на предыдущем синхронном срезе и как стало на следующем (например, на современном синхронном срезе). Однако сегодня таких исследований, в силу их объемности, трудоемкости и затратности, как в русистике, так и в белорусистике немного.

освещения в отечественной научной литературе. Имеется в виду речевая мимикрия⁴. Об этом явлении говорят в тех случаях, когда человек выбирает (чаще неосознанно) разные речевые варианты в разных ситуациях, т.е. он приспособливает свое речевое поведение к речевому поведению, принятому в той или иной социальной группе. Например, преподаватели русского языка часто рассказывают о том, что в некоторых бытовых ситуациях они говорят так, как и окружающие, причем иногда на «смешанном русско-белорусском» языке. В случае, если подобные им люди становятся фигурантами КЭЗ, вполне предсказуемо, что на фонограмме-образце будет зафиксирована литературная звучащая речь (при отборе образцов человек естественным образом переключится на речевой код, соответствующий «не бытовому» общению), а на исходной фонограмме – просторечие либо смешанная русско-белорусская / белорусско-русская речь. Понятно, что из-за несопоставимости функциональных стилей достоверная идентификация по речи будет затруднительной.

Существование речевой мимикрии признается как русистами, так и белорусистами, однако насколько она является осознанной индивидуумом, степень ее проявления в речи, характерность/нехарактерность для представителей конкретных социальных и/или возрастных групп, имеет ли она какие-то закономерности в своем проявлении – это вопросы, ответы на которые можно получить только при масштабном исследовании устной речи представителей различных регионов нашей страны. Результаты такого исследования имеют принципиальное значение для лингвистического анализа в КЭЗ, потому что диагностическое исследование устной речи с целью установления личности человека возможно *только на основе предварительного накопления о нем знаний* [19].

Очевидно, что на современном этапе развития КЭЗ в Республике Беларусь актуальным является обращение к решению собственно лингвистических проблем. В этом аспекте к разряду первоочередных следует отнести изу-

чение произносительных черт русской речи белорусов. Как справедливо отмечают ученые-филологи, именно фонетические особенности родного языка дольше других особенностей речи сохраняются при усвоении второго языка, поэтому фонетическая интерференция в условиях билингвизма оказывается устойчивой и охватывает многочисленные явления. Действительная и кажущаяся близость строя русского и белорусского языков в условиях массовых контактов способствует не только переносу фонетических явлений из области родного белорусского языка в сферу изучаемого русского, но и последующему закреплению привнесенных черт в речи билингвов [20].

С учетом вышесказанного в научно-исследовательской лаборатории управления фонографическими исследованиями Государственного учреждения «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» (далее – Центр) положено начало экспертно-практической работе, целью которой является установление наиболее типичных фонетических особенностей русской разговорной речи белорусов различных возрастных, профессиональных и социальных групп. Объектом исследования стали устные неподготовленные тексты. Предметом исследования – отклонения от произносительных кодифицированных норм русского литературного языка под влиянием белорусского. Источником изучения послужили цифровые фонограммы, поступавшие для производства КЭЗ в Центр. При отборе исследовательского материала предпочтение отдавалось аудиозаписям, полученным в ходе оперативно-розыскных мероприятий, которые, как известно, проводятся при использовании средств и методов негласного контроля. Это значит, что на фонограммах зафиксирована *спонтанная*, т.е. не подготовленная заранее (ни письменно, ни мысленно) речь хотя бы одного из дикторов. Такая речь *естественна*, поскольку не содержит каких-либо замаскированных и имитированных моментов, поэтому при ее анализе возможно получение объективных данных.

На первоначальном этапе исследования были разработаны алгоритм составления и способ описания фонетического портрета конкретного диктора (информанта): 1) ознакомление с материалами уголовного дела с целью получения сведений о фигурантах; 2) фиксирование выявленной информации о тех фигурантах, звукозапись речи которых представлена для производства КЭЗ; 3) первое прослушивание фонограммы и определение дикторов, звучание реплик которых составляет не менее 10 минут; 4) выбор информанта(ов)

⁴ По происхождению слово *мимикрия* является греческим (*mimikós* – ‘подражательный’). Первоначально оно использовалось в зоологии для обозначения особых случаев чрезвычайно внешнего сходства между различными видами животных, принадлежащих к различным родам (семействам либо отрядам). В дальнейшем термин *мимикрия* был заимствован из зоологии в другие области знания, в том числе и в лингвистику.

по принципу «наиболее полные личностные сведения + необходимая норма звучания разговорной речи», присвоение порядкового номера; 5) установление дословного содержания выбранных реплик выбранного информанта (если оно не выполнялось в ходе экспертизы); 6) работа с письменной формой текста информанта, проведение количественных подсчетов определенных звуков и звукосочетаний; 7) повторное прослушивание фонограммы с целью выявления и фиксации особенностей: а) наличие/отсутствие отклонений от орфоэпических норм русского литературного языка в речи информанта (при наличии отклонений – количественный подсчет); б) наличие/отсутствие отклонений от акцентологических норм русского литературного языка (при наличии отклонений – количественный подсчет); в) наличие/отсутствие дефектов речи (при наличии – определение, каких именно); 8) заполнение фонетической карты информанта; 9) анализ полученной информации и внесение в карту примечаний.

Отметим, что сведения о фигурантах в материалах уголовных дел представлены неодинаково. Например, не всегда зафиксирована такая релевантная для фонетического портрета информация, как наличие/отсутствие образования, место рождения или место наиболее длительного проживания и др. В некоторых случаях необходимые сведения можно почерпнуть непосредственно из текста фонограммы. Тем не менее, даже при минимальных социально-личностных характеристиках фонетическая карта может составляться (если только на фонограмме есть необходимый объ-

ем звучания речи), потому что в дальнейшем она будет использована при выведении закономерностей проявления тех или иных фонетических явлений хотя бы по одному параметру.

При фонетическом анализе речи информантов стало очевидно, что точное определение качественной (когда в безударном положении изменяется сам звук) и количественной (когда уменьшается долгота и сила звука) редукции гласных звуков аудитивным способом является сложной задачей. Удастся определить в отдельных фрагментах только черты аканья и яканья (*[z'a]лёный* вместо нормативного *[z'ə]лёный*, *пр[ɨ]жа[з]жал* вместо нормативного *пр[ɨ]ж[ə]жжал*). Для объективного описания гласных звуков целесообразным является применение инструментального анализа, который и будет в дальнейшем использован. На данном этапе исследования с помощью аудитивного анализа определялось качество согласных (консонантных) звуков.

Пример фонетической карты, составленной по результатам изучения произношения одного из фигурантов КЭЗ.

Фонетическая карта № 8

(звучание речи – 10 минут)

Информант: БВВ8 (фигурант по уголовному делу о взятке)

возраст: 47 лет

образование: высшее

профессия: преподаватель белорусского языка в университете

проживание: г. Минск (30 лет)

место рождения: сельская местность в Минском районе, проживание там до 17 лет

Нормативное произношение звука	Количество употреблений звука	Количество употреблений в соответствии с нормой	Количество употреблений с отклонением от нормы	Примеры	Дефекты речи
[ч'] – всегда мягкий (<i>[ч']айка, [ч']убайс</i>)	35	7	28	(недостаточно мягкий [ч]): *в [ч]асти второй; *написал собственнору[ч]но	ОТСУТСТВУЮТ
[ш':] на месте графического ш – всегда мягкий (<i>[ш':]ука, [ш':]ель</i>)	6	3	3	(недостаточно мягкий): *имею[шчы]хся документов; *давай по-му[шчы]ински	
[г] – взрывной (<i>бо[г']ема, вдребез[г']и</i>)	20	8	12	(фрикативный [г]): *[γ]лавные пометки; *[γ]аёвые эти.	
Соотношение по твёрдости / мягкости [д]-[д'] (<i>[д']ень-[д]очь</i>)	17	–	17	регулярное произношение с призвуком [д'] (дзеканье): *[д']ети там были; *в су[д']е.	

Нормативное произношение звука	Количество уногреблений звука	Количество уногреблений в соответствии с нормой	Количество уногреблений с отклонением от нормы	Примеры	Дефекты речи
Соотношение по твёрдости / мягкости [т]-[т'] ([t]ембр-де[t']и)	26	–	26	регулярное произношение [т'] (пеканье): * в [ц']етради; *[ц']ем самым.	О Т С У Т С Т В У Ю Т
Соотношение по твёрдости / мягкости [р]-[р'] (к[р]асный-[р']ябой)	31	11	20	(недостаточно мягкий [р]): * всегда прове[р]ает; * при проверке работ абиту[р]ентов.	
Смягчение сонорных согласных перед мягким согласным и на конце слова (весе[м'], же[н']щина, пове[р']те)	12	–	8	(регулярное произношение твёрдых сонорных): * сидел в тю[р]ме; * стоит се[м] человек.	
Произношение [к] в словах кто, кто-то, никто	3	–	3	(произношение [х] вместо [к]): * ни[х]то не искал. *[х]то-то там эскаловался.	
Произношение [л] в середине (после гласного перед согласным) и на конце слова (мо[л]ча[л], сиде[л])	7	7	–		
Произношение губно-зубного [в] в середине и на конце слова (много билето[в], коллекти[в]ный)	24	5	19	(произношение губно-губного [w] вместо губно-зубного [в]): * никакими объекти[w]ными данными; * при заповедии бланка ответо[w].	
Произношение [ш] в словах: копе[ш]но, [ш]то-то, [ш]то, ни[ш]то, ску[ш]но, наро[ш]но	19	19	–		
Акцентологическая норма			4	*[э]ксперт; *некот[о]рые; *в ходат[а]йстве защиты; *средств[а]	
Фонетическая интерпретация с лексическими элементами			8	*говорил т[а]бе; *этот ч[а]овек; *чё ты пер[а]живаешь	

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь лингвистический анализ является неотъемлемым компонентом практически любого криминалистического экспертного исследования звучащей речи. Востребованность в КЭЗ данного вида анализа объясняется тем фактом, что выделение лингвистических признаков позволяет получать ценную информацию, способствующую установлению фактов и обстоятельств, имеющих

доказательственное значение по делу. Однако выполнение лингвистического анализа в рамках производства КЭЗ сопряжено с рядом трудностей, к числу которых, прежде всего, следует отнести отсутствие теоретических разработок, масштабных исследований языкового материала конца XX – начала XXI вв., на основе которых возможно построение достоверных методик решения лингвистических задач.

Список использованных источников

1. *Галяшина, Е.И.* Основы судебного речеведения: моногр. / Е.И. Галяшина; под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Стэнси, 2003. – 236 с.
2. *Китайгородская, М.В.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М., 1995. – 128 с.
3. *Матвеева, Г.Г.* Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г.Г. Матвеева. – Ростов н/Д : ДЮИ, 1999. – 82 с.
4. *Матвеева, Г.Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Г. Матвеева. – СПб., 1993. – 52 с.
5. *Николаева, Т.М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т.М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф., Москва, 20 – 23 мая 1991 г.: в 2 ч.; редкол.: О.Л. Дмитриева [и др.]. – М.: ИРЯЗ, 1991. – Ч. 2. – С. 73 – 75.
6. *Панов, М.В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. / М.В. Панов; отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР: Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
7. *Наумов, В.В.* Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – М.: Либроком, 2010. – 240 с.
8. Криминалистика: учебник для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.]; под ред. Н.П. Яблокова. – М.: БЕК, 1997. – 704 с.
9. Назначение и производство фонографической экспертизы для идентификации дикторов по голосу и речи: метод. пособие для экспертов, следователей, судей и прокуроров / И.Г. Дода [и др.]; под ред. И.Г. Доды; ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь», ГЭКЦ МВД Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 157 с.
10. *Дергай, Г.Б.* Современные возможности судебных экспертиз: учеб. пособие / Г.Б. Дергай; Акад. МВД РБ. – Минск: Акад. МВД, 2000. – 131 с.
11. *Дода, И.Г.* Голос и речь человека – основные объекты фонографического идентификационного исследования / И.Г. Дода // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 3. – С. 72 – 76.
12. *Норман, Б.Ю.* Русский язык в Беларуси сегодня / Б.Ю. Норман // Die Welt der Slaven, LIII. – 2008. – С. 289 – 300.
13. *Норман, Б.Ю.* Русский язык в современной Беларуси: практика и норма / Б.Ю. Норман // Русский язык. – 2010. – № 6. – С. 8 – 15.
14. *Вольнец, Т.Н.* Национальный вариант русского языка в Беларуси – миф или реальность? / Т.Н. Вольнец // Беларуская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства : матэрыялы VIII Міжнар. навук. канф., Віцебск, 22 – 24 кастрыч. 2009 г. : у 2 ч. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2009. – Ч. 1. – С. 16 – 21.
15. *Мощенская, Л.Г.* Как белорусы говорят по-русски?: Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов / Л.Г. Мощенская; под ред. П.П. Шубы. – Минск: Университетское, 1992. – 156 с.
16. *Потапова, О.* Языковая личность в условиях русско-белорусского билингвизма / О. Потапова // Славянские языки: аспекты исследования : сб. науч. ст. / Белорусский гос. ун-т, кафедра теорет. и славянского языкознания; под общ. ред. Е.Н. Руденко. – Минск: Издат. центр БГУ, 2009. – С. 183 – 187.
17. *Курцова, В.М.* Русамоўнае маўленне беларусаў: да пытання яго кваліфікацыйных ацэнак / В.М. Курцова // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; рэдкал.: А.І. Падлужны (адк. рэд.) [і інш.]. – Минск, 2001. – Вып. 51. – С. 17 – 22.
18. *Малько, А.И.* Об особенностях русской речи белорусов / А.И. Малько // Культура мовы і грамадства: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5 – 6 снеж. 2002 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка; рэдкал.: П.А. Міхайлаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Минск: БДПУ, 2002. – С. 132 – 134.
19. *Снетков, В.А.* Проблемы криминалистической диагностики / В.А. Снетков // Труды ВНИИ МВД СССР. – 1972. – № 23. – С. 103 – 106.
20. Русский язык в Белоруссии / А.Е. Михневич [и др.]; под ред. А.Е. Михневича; БССР. Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск: Наука и техника, 1985. – 272 с.

Дата поступления: 02.11.2012

Annotation

The article points out the relevance of the results of the linguistic analysis in the forensic speech examination. The features of the Russian speech of the Belarusians and so the features of the linguistic problems, the solution of which is important for both the identification and non-identification examinations. The necessity of the priority of the study of pronunciation features of Russian spoken by Belarusians is proved. An algorithm for drawing up and describing the phonetic «portrait» of an individual announcer is suggested.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ, СВЯЗАННЫХ С ОЦЕНКОЙ ЗОНЫ ДЕЙСТВИЯ ДОРОЖНОГО ЗНАКА 3.24 «ОГРАНИЧЕНИЕ МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТИ»

Залужный Г.И.

канд. техн. наук

Кривицкий А.М.

канд. техн. наук

Залужная О.Г.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Исследование механизма дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) является сложной задачей. Для того чтобы эксперт смог правильно ее решить и получить, таким образом, достоверные результаты, важно уточнить и наполнить конкретным содержанием понятия, входящие в перечень обстоятельств ДТП, начиная от терминов и определений и заканчивая экспертной оценкой действий водителей в конкретной обстановке в соответствии с нормами и требованиями Правил дорожного движения (далее – Правил).

Правила – это основополагающий нормативный правовой акт организации дорожного движения, который определяет действия участников дорожного движения в типичных ситуациях. Термины и определения, а также изложенные в Правилах требования носят специфический характер и несколько отличаются от принятых в обык-

оде формулировок. Ввиду этого отдельные положения пунктов Правил зачастую вызывают, среди изучающих и применяющих на практике, неоднозначное их толкование. Последнее, как следствие, приводит к возникновению противоречий в выводах при экспертной оценке действий участников ДТП.

Не являются исключением ситуации, вызванные необходимостью установить максимально разрешенную скорость движения транспортного сред-

ства (далее – ТС) на обозначенном перекрестке, при условии соблюдения водителем требований и норм Правил дорожного движения [2].

В соответствии с п. 87 гл. 11 Правил «При выборе скорости движения водитель должен учитывать ограничения скорости, установленные пунктами 88, 89 настоящих Правил и техническими средствами организации дорожного движения». Из приведенного пункта Правил следует, что ограничение скорости движения ТС может быть общим и местным [3].

Общее ограничение вводится указанными п.п. 88, 89 Правил на всей дорожной сети Республики Беларусь. При этом с учетом требований п. 88 «В населенных пун-

142

Аннотация

В соответствии с нормами п.20 §3 приложения 2 Правил дорожного движения [1] «действие знаков 3.24.1, 3.24.2 «Ограничение максимальной скорости» распространяется от места установки знака до ближайшего обозначенного перекрестка». Ввиду всеобъемлющего характера и различной сложности ситуаций, связанных с проездом перекрестков, нередко перед экспертом возникает вопрос: «Сохраняются ли ограничения максимальной скорости движения транспортных средств непосредственно на обозначенном перекрестке, введенные знаком, установленным соответственно до перекрестка?».

В статье приводятся разъяснения, позволяющие отрегулировать ситуацию в отношении устоявшегося стереотипа о зоне действия дорожных знаков 3.24, предписывающих определенные ограничения скорости движения транспортных средств.

ктах разрешается движение транспортных средств со скоростью не более 60 км/ч», и, соответственно, п. 89 «Вне населенных пунктов разрешается движение со скоростью: на автомагистралях – не более 110 км/ч, на остальных дорогах – не более 90 км/ч».

Местное ограничение применяют при необходимости приведения режимов движения ТС в соответствие с дорожной обстановкой, когда необходимо уменьшить или ликвидировать риск ДТП. Местное ограничение скорости движения ТС вводится на всей дороге или на ее отдельном участке путем установки запрещающих знаков. Так, в соответствии с п. 17 прил. 2 Правил «запрещающие знаки вводят или отменяют определенные ограничения дорожного движения».

При осуществлении конкретных мероприятий по размещению дорожных знаков и сигналов в обязательном порядке учитываются требования, устанавливаемые соответствующими техническими нормативными правовыми актами (СТБ, ГОСТ, ТУ, Правила ЕЭК ООН и др.). Поэтому содержащиеся в Правилах нормы и требования следует оценивать через призму государственных стандартов в рассматриваемой сфере.

Так, согласно п. 5.4.1 СТБ 1300-2007 запрещающие знаки «применяют для введения ограничений движения или их отмены» [4]. Знак 3.24 «Ограничение максимальной скорости» применяют для запрещения движения всех транспортных средств со скоростью, более указанного на знаке значения [5]. В соответствии с п. 5.4.2 СТБ 1300-2007 запрещающие знаки «должны устанавливаться непосредственно перед участками дорог, на которых необходимо ввести соответствующие ограничения». Следовательно, с учетом дорожных условий и обеспечения безопасности дорожного движения «разрешенная пунктами 88 и 89 Правил скорость движения может быть изменена (понижена или повышена) применением дорожных знаков «3.24.1, 3.24.2 Ограничение максимальной скорости» (п. 90 Правил).

Как уже было ранее отмечено, запрещающие знаки не только вводят, но и отменяют определенные ограничения дорожного движения. При необходимости прекратить действие знака «3.24 Ограничение максимальной скорости» в конце опасного участка дороги устанавливают, соответственно, знаки «3.25.1, 3.25.2 Конец зоны ограничения максимальной скорости» или знак «3.31 Конец зоны всех ограничений» (п. 18 прил. 2 Правил).

Согласно п. 5.1.7 СТБ 1300-2007 «действие знака распространяется на дорогу», поэтому «зона ограничения» скорости или «зона дей-

ствия» дорожных знаков должна соответствовать протяженности опасного участка, расположенного от одного запрещающего знака до другого. В начале и в конце опасного участка дороги должны быть установлены запрещающие знаки, которые вводят (знак 3.24) и отменяют (знаки 3.25, 3.31) определенные ограничения скорости движения ТС. При установке запрещающих знаков используется метод непрерывного ограничения. Его основной принцип заключается в том, чтобы новый скоростной режим вводился непосредственно в том месте, где отменяется предыдущее значение ограничения скорости.

В соответствии с п. 21 прил. 2 Правил зону действия знаков 3.24 допускается уменьшать применением таблички «7.2.1 Зона действия», которая применяется с запрещающими знаками 3.24.1, 3.24.2 (при установке таблички под знаком) для указания зоны действия знака (п. 5.8.5 СТБ 1300-2007). При необходимости зона действия знака 3.24 может быть также уменьшена установкой знака 3.24 с другим значением максимальной скорости движения.

В п. 5.4.31 ГОСТ Р 52289-2004 [6] более обстоятельно сформулирована норма повторной установки знака 3.24. Указанные знаки «должны быть повторно установлены ... непосредственно за перекрестком при необходимости сохранить ограничения, введенные знаком, установленным соответственно до перекрестка».

В Комментарий к Правилам дорожного движения Республики Беларусь термину «зона действия знаков 3.24.1 и 3.24.2» придан более широкий смысл, чем в обиходе [7, с. 415]:

«1. Знаки не прерывают своего действия после проезда необозначенных перекрестков. Однако знаки рекомендуется повторять после каждого необозначенного перекрестка с интенсивными поворотными транспортными потоками.

2. При необходимости распространения зоны действия знака 3.24.2 на весь ремонтируемый участок дороги его необходимо повторять после проездов обозначенных перекрестков ...».

Иначе говоря, знак , установленный на участке дороги с обозначенным перекрестком, не прерывает своего действия на данном перекрестке. То есть действие знака распространяется до места повторной установки запрещающего знака , который в соответствии с требованиями стандарта устанавливается непосредственно за обозначенным перекрестком.

Таким образом, под зоной действия знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости» следует понимать предельное расстояние вдоль проезжей части, от места установки запреща-

ющего знака для введения местного ограничения скорости движения и, соответственно, до места установки запрещающего знака, который данное ограничение отменяет (уменьшает, увеличивает или повторяет).

Согласно п. 20 прил. 2 Правил «действие знаков 3.24.1, 3.24.2 распространяется от места установки знака до ближайшего обозначенного перекрестка». С экспертной точки зрения особый интерес представляет ситуация, связанная с оценкой зоны действия знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости» на участке дороги с обозначенным перекрестком. По приведенной из пункта Правил формулировке нельзя конкретизировать место на проезжей части, после проезда которого, согласно определению, прекращается действие указанных запрещающих знаков.

Бытует мнение, что указанные знаки прекращают свое действие непосредственно перед обозначенным перекрестком. Иначе говоря, запрещающие знаки «3.24 Ограничение максимальной скорости» прерывают свое действие у границы «пересечения, примыкания или разветвления дорог на одном уровне». Конец зоны действия знака 3.24, в данном случае, определяется по передней от знака воображаемой линии перекрестка, соединяющей противоположные начала закруглений проезжей части дороги.

В контексте указанного пункта Правил такой подход к положению о зоне действия запрещающих знаков «3.24 Ограничение максимальной скорости» представляется некорректным, поскольку словосочетание «распространяется ... до ... перекрестка» ошибочно трактуется в прямом смысле выражения «прекращает действие перед перекрестком». В данном случае приведенную позицию целесообразно оценить с точки зрения достоверности получаемых результатов. Очевидно, что целью подобной оценки должно быть установление соответствия или несоответствия указанного подхода требованиям стандартов. Всесторонний анализ отдельных положений пункта Правил, со ссылкой на соответствующие нормативно-технические акты, позволил выявить существенные внутренние противоречия в сложившемся стереотипе.

Во-первых, возникает противоречие пунктам 5.1.7, 5.4.2 СТБ 1300, поскольку местное ограничение скорости движения вводится знаками 3.24, действие которых «распространяется на дорогу». Следовательно, не являются исключением из общего правила обозначенные или необозначенные перекрестки, которые считаются частью дороги и на которые также должно распространяться действие ука-

занных знаков. При этом предлог «до» употребляется, в большинстве случаев, для указания предельного расстояния, отделяющего одно место от другого [8]. Например, «зона действия знака распространяется до конца населенного пункта».

Во-вторых, в приведенном подходе усматривается явный признак использования обозначенного перекрестка, с его границами, в качестве основного способа регулирования скоростного режима движения ТС. С правовой точки зрения получается, что перекресток (т.е. участок дороги) отменяет действие запрещающего знака. Последнее противоречит п. 17 прил. 2 Правил, согласно которому местное ограничение скорости «вводят, отменяют или уменьшают» только запрещающие знаки.

Для объективной оценки требований п. 20 прил. 2 Правил важно использовать логически осмысленный подход, включающий системный анализ правовых и нормативно-технических аспектов организации дорожного движения. Всесторонний анализ отдельных положений Правил, со ссылкой на соответствующие нормативно-технические акты, позволил конкретизировать зону действия запрещающих знаков, ограничивающих скорость движения ТС.

Так, общее ограничение скорости, установленное п.п. 88 и 89 Правил, может быть изменено применением дорожных знаков «3.24.1, 3.24.2 Ограничение максимальной скорости». Установленное знаками местное ограничение скорости движения ТС можно отменить путем установки в конце зоны их действия соответственно знаков 3.25 «Конец зоны ограничения максимальной скорости» (что является предпочтительным) или знака 3.31 «Конец зоны всех ограничений». При необходимости введения на участке дороги иной максимальной скорости, чем на предшествующем участке, в конце предшествующего участка должен быть установлен знак 3.24 с другим значением максимальной скорости движения. Указанный знак повторно устанавливается «непосредственно за перекрестком» при необходимости сохранить ограничения, введенные знаком, установленным соответственно до перекрестка, или применением таблички 7.2.1 под знаком.

Исключением из общего правила установки дорожных знаков являются ситуации, когда на участках дороги в населенных пунктах необходимо установить (или восстановить) ограничение максимальной скорости движения ТС 60 км/ч или 90 км/ч вне населенных пунктов. В этих случаях совершенно не обязательно, например, в населенных пунктах непосредственно за обозначенными перекрестками установ-

ливать соответствующие дорожные знаки **60** местного ограничения максимальной скорости движения. При отсутствии указанного знака водители должны учитывать общее ограничение скорости, установленное п. 88 настоящих Правил.

На рисунке приведены основные варианты ограничения скоростного режима движения ТС при помощи запрещающих дорожных знаков с указанием зоны их действия, которую должны учитывать водители при выборе скорости движения на участках дороги с обозначенными перекрестками. Визуализация зоны действия знаков 3.24 позволяет объективно оценить разрешенную скорость движения ТС в соответствии

с Правилами и нормами государственных стандартов в рассматриваемой сфере.

Таким образом, всесторонний анализ п. 20 прил. 2 Правил, с учетом требований стандартов по установке запрещающих дорожных знаков, позволил обозначить зону действия знаков 3.24.1, 3.24.2 «Ограничение максимальной скорости» на участках дороги с обозначенными перекрестками. В контексте указанного пункта Правил, согласно которому «действие знаков 3.24.1, 3.24.2 распространяется от места установки знака до ближайшего обозначенного перекрестка», зона действия знаков на участке дороги с обозначенным перекрестком должна заканчиваться непосредственно за перекрестком.

Зона действия знаков «3.24.1, 3.24.2 Ограничение максимальной скорости»		
Начало зоны	Конец зоны действия	Примечание
от знака 50	до знака 	
от знака 50	до знаков или 	Установка знака является предпочтительной
от знака 50	до знаков с другим значением 40 , 50 , 70 и т.п. до знака 60 или п. 88 Правил до знака 90 или п. 89 Правил	Знаки устанавливаются непосредственно за обозначенными перекрестками В населенных пунктах знаки 60 непосредственно за обозначенными перекрестками не устанавливаются, т.к. действует п. 88 Правил Вне населенных пунктов знаки 90 непосредственно за обозначенными перекрестками не устанавливаются, т.к. действует п. 89 Правил

Рисунок – Зона действия запрещающих знаков 3.24.1, 3.24.2 «Ограничение максимальной скорости» на участках дороги с обозначенными перекрестками

Для большей ясности предлагается внести уточнение в толкование данного пункта Правил, гармонизированное с основным текстом в части «действие знаков распространяется от места установки знака до ближайшего (за знаком) обозначенного перекрестка (включительно)» и далее по тексту. В данном случае такой вариант более точен, поскольку имеет четкое определение зоны действия знаков и дает конкретный критерий ее измерения, который выражен (закреплен)

в нормативно-правовой базе по техническим средствам организации дорожного движения.

Корректировка обусловлена исключительно объективными причинами и ставит своей целью устранить внутренние противоречия, которые имеют место в отношении сложившегося стереотипа о зоне действия запрещающих знаков 3.24.1, 3.24.2 «Ограничение максимальной скорости» на участках дороги с обозначенными перекрестками.

Список использованных источников

1. Правила дорожного движения Республики Беларусь с изменениями, утв. постановлением Правительства Респ. Беларусь от 26.02.2011. – Минск: Харвест, 2011. – 96 с.
2. Суворов, Ю.Б. Экспертное исследование обстоятельств ДТП, связанных с неправильным применением дорожных знаков / Ю.Б. Суворов, С.А. Аристова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2008. – №1(9). – С. 262 – 270.
3. Рыбин А.Л. Рекомендации к назначению скоростей движения на участках дорог / А.Л. Рыбин, А.А. Шевяков. – ФГУП «РосдорНИИ», 2009. – С. 181 – 190 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosdomii.ru/UserFiles/File/dim/21-1/15.pdf. – Дата доступа: 22.10.2012.
4. Технические средства организации дорожного движения. Правила применения: СТБ 1300-2007. – Введ. 01.06.2008. – Минск: БелГИСС, 2007. – 128 с.
5. Указания по применению дорожных знаков. МВД СССР. Минавтодор РСФСР. – М.: Транспорт, 1984.
6. Технические средства организации дорожного движения. Правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений и направляющих устройств: ГОСТ Р 52289-2004. – Введ. 15.12.2004. – М.: Стандартиформ, 2004. – 98 с.
7. Комментарий к Правилам дорожного движения: согласовано с Управлением ГАИ МВД Республики Беларусь / Авт. коммент. : В.В. Бируля [и др.]. – Минск: Тонпик, 2009. – 560 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Изд. иностранных и национальных словарей, 1953. – С. 143.

Дата поступления: 24.10.2012

Annotation

In accordance with the p.20 § 3 of the Annex 2 of the Road Traffic Rules [1] «action of the signs 3.24.1, 3.24.2, «Speed limit» spreads to the territory from the place of sign installation to the nearest crossroads». Taking into consideration the comprehensive nature and varying complexity of situations related to the passing of crossroads often an expert faces a question: «Do the speed limits keep on directly on the designated intersection, in case they are provided by a signs set prior to the crossroads?».

The article provides an explanation which helps to regulate the situation regarding the stereotypes about a service area of a road signs 3.24 prescribing certain speed limit for vehicles.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

АНАЛИЗ ЧАСТОТ ВСТРЕЧАЕМОСТИ АЛЛЕЛЕЙ В ЛОКУСАХ D2S1338 И D19S433 В КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ПОПУЛЯЦИЯХ КАЗАХСТАНА**Белоусова С.В.**

магистр биологии

Институт судебных экспертиз
по Восточно-Казахстанской области
(г. Усть-Каменогорск)
Центра судебных экспертиз
Министерства юстиции
Республики Казахстан

Морозова Н.С.

магистр биологии

Чистякова Е.В.**Сыздыкбекова А.С.**

бакалавр биологии

Институт судебных экспертиз
по Карагандинской области
(г. Караганда)
Центра судебных экспертиз
Министерства юстиции
Республики Казахстан

Применяемая в настоящее время технология исследования микросателлитных локусов, обладающих полиморфизмом длины, является наиболее распространенной в практике криминалистического ДНК-анализа. Имея длину аллелей от 100 до 300 п.н., STR-локусы относительно хорошо сохраняются в деградированной ДНК, что создает основу для выявления полного спектра аллелей в гетерозиготных образцах [1].

Микросателлиты высокополиморфны – до десяти и даже более аллелей в локусе, обладают высокими темпами мутирования. Микросателлиты встречаются в большом количестве у всех эукариотических организмов. У человека они распределены по всему геному, значительный полиморфизм микросателлитов обеспечивает возможность с высокой вероятностью идентифицировать личность и выявить биологическое родство [2].

Методы молекулярно-генетического анализа широко используются для идентификации биологических образцов индивидов: жертв преступлений, катастроф, террористических актов, преступников и т.д. Генетический анализ для экспертных целей проводится в два этапа. На первом этапе устанавливают характеристики ДНК из образцов, собранных на месте преступления. На втором этапе их сравнивают с характеристиками ДНК, полученными от подозреваемых и жертв. Несовпадение генотипов указывает на то, что исследуемые образцы

не принадлежат данному индивиду. При совпадении генотипов учитывается вероятность их случайного совпадения, т.е. вероятность того, что иные лица могут обладать такими же генотипами [1; 3].

Вероятность такого случайного совпадения вычисляется на основе данных о частотах встречаемости аллелей (и генотипов) анализируемой панели генетических маркеров в референтных популяциях. Для создания таких

референтных баз данных исследуют популяционные выборки, собранные с учетом популяционно-генетической структуры конкретных этнотерриториальных групп. Частоты аллелей в различных популяциях и группах публикуются и представляются в базах данных [4].

Аннотация

С использованием полимеразной цепной реакции проведен анализ аллельного полиморфизма двух STR-локусов D2S1338 и D19S433. Установлены частоты встречаемости аллелей указанных локусов среди неродственных представителей казахской (140 человек) и русской (163 человека) национальности, проживающих в Республике Казахстан. Предложено использование полученных данных при проведении статистического анализа при идентификации личности и определении спорного родства.

Достоверность и эффективность ДНК-идентификации зависит от двух важнейших факторов – от выбора панели локусов и от выбора референтной популяции [5].

Выбор панели локусов. В лабораториях Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан в настоящее время используется панель из 16 несцепленных STR-локусов, с использованием набора реактивов «AmpFISTR Identifier» (Applied Biosystems, США). Данный набор позволяет анализировать одновременно 15 полиморфных STR-локусов, содержащих тетра- и пента- нуклеотидные повторы и маркер половой принадлежности (Амелогенин), и включает все 13 локусов согласно требованиям объединенной системы данных ДНК (CODIS), а также два дополнительных локуса D2S1338 и D19S433. Такое сочетание локусов отвечает требованиям нескольких международных баз данных [6].

Выбор референтной популяции. Для достоверности сравнения генотипов в каждом конкретном случае выбор референтной популяции должен зависеть от того, к какой группе лиц принадлежит индивид, оставивший биологические следы. Чем меньше референтная популяция отражает генофонд тестируемой группы, тем больше индивидов в ней имеют аллели, отсутствующие в референтной базе данных, что приводит к значительному снижению дискриминирующей способности метода. Использование неадекватной референтной группы может привести к снижению итоговой вероятности идентификации на несколько порядков [7; 8].

Даже когда неизвестно, к какой группе относится индивид, которому принадлежит биологический образец, при наличии популяционных баз данных его можно идентифицировать с определенной вероятностью. Общеизвестно, что наиболее эффективного и объективного использования возможностей типирования того или иного локуса можно достичь, если интерпретация результатов будет проводиться с учетом региональной частоты встречаемости у населения аллелей и генотипов [9 – 11].

На практике для оценки полученных результатов, как правило, используют базовые данные, предлагаемые фирмами производителями реактивов, и данные имеющихся научных публикаций.

В США и Европе большой массив популяций охарактеризован по локусам, используемым в молекулярно-генетической экспертизе. Также активно ведутся исследования в данном направлении на территории России, Беларуси [9 – 14].

Необходимо учесть, что население Республики Казахстан является многонациональным, нередко межнациональные и межрасовые браки, при этом большую часть населения составляют казахи и русские. Наибольшие трудности возникают при исследовании лиц монголоидной расы (казахской национальности). В настоящее время для 13 STR-локусов, используемых в экспертной практике в Республике Казахстан, уже есть референтная база частот встречаемости аллелей [15]. Еще для двух локусов – D2S1338 и D19S433, также используемых в экспертной практике, данная база на сегодняшний день отсутствует.

В связи с этим целью работы стало определение частот аллелей локусов D2S1338 и D19S433 для групп казахской и русской национальности, проживающих в Республике Казахстан.

В работе впервые приведено распределение аллельных частот микросателлитных локусов D2S1338 и D19S433 для казахской и русской выборок населения Казахстана. Полученные данные о распределении частот аллелей послужат для использования в вероятностно-статистической оценке совпадения генетических признаков в указанных локусах у представителей данных национальностей, что повысит идентификационную значимость и достоверность результата.

Материалы и методы

Случайная выборка из неродственных представителей казахской (140 человек) и русской (163 человека) популяций Казахстана была сформирована из образцов, полученных в ходе производства экспертиз в молекулярно-генетических лабораториях г. Караганды и г. Усть-Каменогорска ЦСЭ МЮ РК. Национальную принадлежность определяли на основе анкетных данных, добровольно предоставляемых лицами при отборе образцов крови.

Для получения ДНК использовали образцы крови в жидком и сухом виде. Выделение ДНК проводили по стандартным методикам с использованием коммерческих наборов реактивов для выделения ДНК.

Типирование полиморфных STR-локусов в полученных препаратах ДНК в мультилокусном формате проводили с помощью полимеразной цепной реакции (ПЦР) с использованием набора реактивов «AmpFISTR Identifier™ PCR Amplification Kit» (Applied Biosystems, США), в соответствии с прилагаемыми протоколами [6].

Полимеразную цепную реакцию проводили с использованием ДНК-амплификатора,

внося в реакционную смесь (общий объем 25 мкл) по 10 мкл полученных препаратов геномной ДНК.

Для оценки специфичности реакции амплификации использовали положительный (9947А контрольная ДНК с известными генетическими признаками из набора реагентов) и отрицательный (проба без ДНК) контроля.

Разделение и детекцию флуоресцентно меченых амплифицированных фрагментов проводили с использованием генетического анализатора «ABI Prism 3130» (Applied Biosystems, США), согласно протоколу [16].

Идентификацию аллелей проводили с помощью программного комплекса «GeneMapperID» v3.2 на основе входящего в состав набора аллельного лэддера [17].

Вероятностно-статистический анализ

По результатам генотипирования были вычислены частотные характеристики встречаемости аллелей исследованных полиморфных STR-локусов D2S1338 и D19S433 [17].

1. Частоты аллелей определяли по формуле: $p_i = N_i / 2N$, где N_i – число i -ых аллелей, N – объем выборки.

2. Стандартную ошибку частоты аллелей рассчитывали по формуле:

$$S = \sqrt{p_i(1-p_i)/2N}$$

3. Минимальную частоту вычисляли по формуле:

$$p_{\min} = 5/2n$$

Данные о частотах встречаемости аллелей в исследованных популяциях Казахстана представлены в таблице.

Таблица – Частоты встречаемости аллелей для популяций Казахстана

Локус		Казахи (N=140)		Русские (N=163)	
наименование	аллели	частота p_i	ошибка S	частота p_i	ошибка S
D2S1338	15	-	-	-	-
	16	-	-	0,0215	0,0080
	17	0,0714	0,0154	0,1718	0,0209
	18	0,0118	0,0193	0,1043	0,0169
	19	0,1607	0,0219	0,1012	0,0167
	20	0,1750	0,0227	0,1626	0,0204
	21	0,0393	0,0116	0,0337	0,0100
	22	0,0357	0,0111	0,0613	0,0133
	23	0,0143	0,0209	0,1258	0,0184
	24	0,1250	0,0198	0,0920	0,0160
	25	0,1036	0,0182	0,0890	0,0158
	26	-	-	0,0276	0,0091
	27	-	-	-	-
	28	-	-	-	-
	29	-	-	-	-
	30	-	-	-	-
минимальная частота		0,0179		0,0153	

Окончание таблицы

Локус		Казахи		Русские	
наименование	аллели	частота	ошибка	частота	ошибка
D19S433	9	-	-	-	-
	10	-	-	-	-
	11	-	-	-	-
	11,2	-	-	-	-
	12	0,0393	0,0116	0,0767	0,0147
	12,2	-	-	-	-
	13	0,2357	0,0254	0,2055	0,0224
	13,2	0,0286	0,0100	0,0307	0,0096
	14	0,3143	0,0277	0,3497	0,0264
	14,2	0,0786	0,0161	0,0307	0,0096
	15	0,0786	0,0161	0,1687	0,0207
	15,2	0,1357	0,0205	0,0460	0,0116
	16	0,0393	0,0116	0,0429	0,0112
	16,2	0,0286	0,0100	0,0307	0,0096
	17	-	-	-	-
	17,2	-	-	-	-
	18,2	-	-	-	-
минимальная частота		0,0179		0,0153	

Рассчитанные частоты встречаемости аллелей не являются постоянной величиной. По мере увеличения выборки исследованных образцов ДНК возможны изменения.

Список использованных источников

1. Пименов, М.Г. Научные и практические аспекты криминалистического ДНК анализа: учеб. пособие / М.Г. Пименов, А.Ю. Культин, С.А. Кондратов. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 144 с.
2. Животовский, Л.А. Микросателлитная изменчивость в популяциях человека / Л.А. Животовский // Вестник ВОГиС. – 2006. – Т. 6. – №1. – С. 74 – 96.
3. Иванов, П.Л. Использование индивидуализирующих систем на основе полиморфизма длины амплифицированных фрагментов (ПДФ) ДНК в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности и установления родства: метод. указания, утв. Минздравом России 19.01.99 г. / П.Л. Иванов // Судебно-медицинская экспертиза. – 1999. – № 4. – С. 35 – 41.
4. Интернет-база данных для оценки частот встречаемости аллелей полиморфных локусов ДНК в российской популяции / И.Ю. Барков [и др.] // Медицинская генетика. – 2005. – Т. 4. – № 4. – С. 39.
5. Перепечина, И.О. Проблема оценки данных ДНК-идентификации с точки зрения последствий ошибок первого и второго рода / И.О. Перепечина // Современные вопросы судебной медицины: сб. науч. тр. – Владивосток, 2001. – С. 173 – 176.
6. «AmpFISTR Identifier. Набор для ПЦР-амплификации. Руководство пользователя», 2009.
7. Губко, М.В. Описание математической модели принятия судебных решений с учетом результатов ДНК-идентификации / М.В. Губко, И.О. Перепечина // Гражд. и право. – 2001. – №5 – С. 20 – 40.
8. Животовский, Л.А. Референтная популяция и судебно-медицинская ДНК экспертиза: меж- и внутриэтнические различия по ДНК маркерам и оценка вероятности идентификации / Л.А. Животовский, Э.К. Хуснутдинова // Медицинская генетика. – 2003. – №2. – С. 201 – 206.
9. Анализ аллельного полиморфизма двух тетра-нуклеотидных tandemных повторов в двух городских популяциях России / Д.А. Чистяков [и др.] // Молекулярная биология. – 1996. – Т. 30. – Вып. 6.

10. Распределение аллелей локусов HLA, DQA1, LDLR, GYPA, HBGG, D7S8, GC среди населения России / И.В. Корниенко [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2002. – №1. – С. 20 – 22.
11. Русский генофонд. Частоты генетических маркеров / В.А. Спицын [и др.] // Генетика. – 2001. – Т. 37. – №3. – С. 386 – 401.
12. Популяционно-генетическое исследование популяции удмуртов (Анализ десяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) / М.А. Бермишев [и др.] // Генетика. – 2007. – Т. 43 – С. 688 – 705.
13. Genetic variability of 15 autosomal STR loci in Russian populations / V.A. Stepanov [and another] // legal Medicina 12 (2010). – P. 256 – 258.
14. Референтные базы ДНК маркеров для обеспечения судебно-экспертного ДНК анализа в Республике Беларусь / И.С. Цыбовский [и др.] // Актуальные проблемы судебно-медицинской экспертизы: сб. тезисов науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Москва, 17-18 мая. – 2012 г.
15. Ветринская, А.А. «Анализ частот встречаемости аллелей 15 полиморфных STR-локусов ДНК в казахской и русской популяциях Казахстана» / А.А. Ветринская, Е.Б. Кузовлева, Е.В. Красоткин //Актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан в области судебно-экспертной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Алматы, 2007. – С.16 – 20.
16. Исследование с помощью капиллярного электрофореза аллельного разнообразия микросателлитных локусов D16S539, F13B, FESFPS, TH 01 и TPOX у европеоидов Уральского региона России / В.П. Пушкарев [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2004. – №47. – С. 23 – 28.
17. «Applied Biosystems 3130/3130xl Genetic Analyzers», Getting Started Guide («Applied Biosystems», США).

Дата поступления: 28.09.2012

Annotation

Using the polymerase chain reaction the analysis of allelic polymorphism of two STR loci D2S1338 and D19S433 is done. The frequency of occurrence of the alleles of the mentioned loci among unrelated representatives of Kazakh (140 people) and Russian (163) nationality, residing in the Republic of Kazakhstan, is established. The use of the received data for the statistical analysis, when identifying the person and determining the disputed parentage, is suggested.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПАЛЬЦЕВАЯ ДЕРМАТОГЛИФИКА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ МУЖЧИН

Клак Н.Н.

Парилов С.Л.

д-р мед. наук

Горбунов Н.С.

д-р мед. наук, профессор

Чикун В.И.

д-р мед. наук, доцент

Русских А.Н.

канд. мед. наук

Шеховцова Ю.А.

канд. мед. наук

Залевский А.А.

д-р мед. наук

Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

152

Аннотация

В статье представлены результаты дерматоглифического и антропометрического обследования 318 мужчин первого периода зрелого возраста. При помощи корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи между количественными признаками пальцевых узоров и размерами тела мужчин. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве дополнительных критериев при идентификации личности.

На сегодняшний день использование отпечатков пальцев считается одним из самых надежных и проверенных методов биометрии. Папиллярные рисунки пальцев человека практически не претерпевают изменений в течение всей жизни, для их получения не требуется сложное и дорогостоящее оборудование. При этом доступность исследования данного генетического маркера и появление новых технических возможностей позволило найти применение дактилоскопии в самых различных областях: системы управления доступом, информационная безопасность, учет рабочего времени, системы голосования, проведение электронных платежей, аутентификация на Web-ресурсах, проекты гражданской идентификации и многое другое [1]. При всем этом отпечатки пальцев остаются «золотым стандартом» отождествления личности, занимая важное место в криминалистике и судебно-медицинской практике при идентификации неопознанных и фрагментированных тел [2].

По данным литературы, большое число исследований проводится с целью выявления новых прогностических и диагностических возможностей пальцевых дерматоглифов [3]. В частности, изучение взаимосвязи дерматоглифических признаков с особенностями строения тела человека играет существенную роль в определении антропометрического статуса неизвестной личности, на основании которого возможно осуществление идентификации. Таким образом, целью данного исследования является изучение взаимосвязи размеров тела с дерматоглифическими показателями мужчин.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования стали 318 практически здоровых мужчин европеоидов первого периода зрелого возраста (21-35 лет). В группу обследуемых не включались лица с тяжелой полиорганной патологией и выраженными деформациями опорно-двигательного аппарата. Все обследования проводились на основе принципа добровольности.

При помощи стандартного антропометрического инструментария измерялись продольные, поперечные, переднезадние и обхватные размеры головы,

лица, грудной клетки, живота, таза, верхних и нижних конечностей [4].

Отпечатки пальцев были получены по общепринятой методике с использованием типографской краски [5]. При исследовании качественных показателей пальцевой дерматоглифики принимались во внимание три типа

рисунка – завиток, петля (ульнарная и радиальная), дуга [6, с.15]. Среди количественных показателей изучали угол наклона оси узора, который определяется в каждом типе узора в месте пересечения линии, проведенной через флексорную складку, и оси узора [3; 7] (рисунок).

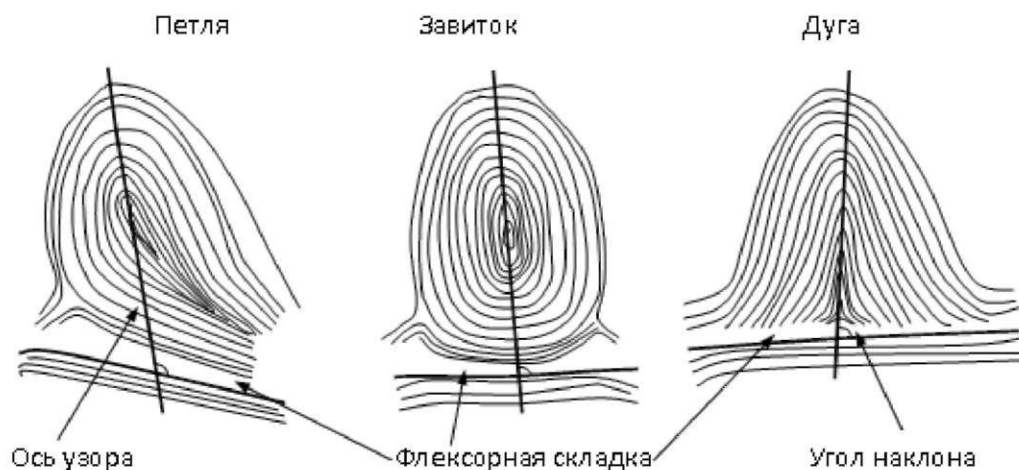

Рисунок – Угол наклона оси папиллярных узоров

153

Статистическая обработка полученных данных проводилась при помощи персонального компьютера с использованием пакетов программ MS Soft Excel 9.0 и Statistica for Windows 6.0. Нормальность распределения определяли по критерию Шапиро-Уилка. Для описания полученных данных использовали медиану (Me) и интерквартильный интервал ($P_{25}; P_{75}$), среднюю арифметическую (M) и среднее квадратическое отклонение (σ), минимальное (Min), максимальное (Max) значение признака. Для определения достоверности различия результатов при парном сравнении использовали критерий Манна-Уитни, при множественном – Крускала-Уоллиса с поправкой Бонферони. Для сравнения выборочных долей применяли z-критерий. Корреляционный анализ проводили с использованием ранговой корреляции Спирмена (r_s). При помощи регрессионного анализа исследовалась количественная связь между отдельными признаками с расчетом регрессионных уравнений.

Критический уровень значимости при проверке статистических гипотез в данном исследовании принимали равным 0,05.

Результаты и обсуждение

Изучение угла наклона оси узора представляет определенную диагностическую ценность, так как данный признак можно определить в каждом типе узора. Распределение значения угла наклона папиллярных узоров на пальцах весьма неоднородно (таблица). Ульнарные петли обладают наибольшим углом наклона, его значение колеблется от 66° до 157° и в среднем равно 111° [$105^\circ; 120^\circ$]. Это в 1,6 раза больше ($p < 0,001$) угла наклона радиальной петли (68° [$60^\circ; 78^\circ$]), в 1,2 раза больше ($p < 0,001$) чем угол наклона дугового узора (90° [$87^\circ; 92^\circ$]) и в 1,1 раза больше ($p < 0,001$) угла наклона завиткового узора (100° [$91^\circ; 108^\circ$]). Билатеральные различия между данными признаками не были обнаружены.

Таблица – Угол наклона оси пальцевого узора (в градусах)

№	№ пальца	Ульнарная петля		Радиальная петля		Завиток		Дуга	
		<i>n</i>	<i>3</i>	<i>n</i>	<i>4</i>	<i>n</i>	<i>5</i>	<i>n</i>	<i>6</i>
Правая кисть									
1	I	139	118 [110;125] ⁵	0	-	180	100,6±11,8 ³	1	80 [80;80]
2	II	86	104,5 [97;115] ^{4,5,6}	72	65 [56;71] ^{3,5,6}	127	88,5±13,5 ^{3,4}	33	88 [85;91] ^{3,4}
3	III	208	110 [102;114] ^{5,6}	5	78 [70;82]	87	97,6±11,2 ³	17	90 [85;92] ³
4	IV	134	111,4±11,2 ⁵	5	68 [60;70]	170	100,3±9,2 ³	8	90,5 [90;92]
5	V	239	112 [104;120] ^{4,5}	5	68 [65;73] ^{3,5}	69	103 [100;110] ^{3,4,6}	5	89 [88;89] ⁵
Левая кисть									
6	I	184	115,3±10,6 ⁵	0	-	121	102 [92;108] ³	9	82 [78;90]
7	II	118	108,1±9,9 ^{1,5,6}	42	72 [65;81] ^{3,5,6}	119	93,8±11,5 ^{3,4}	37	90 [87;94] ^{3,4}
8	III	214	110 [105;116] ^{5,6}	2	75 [70;80]	79	101,8±8,9 ^{3,6}	23	90 [89;92] ^{3,5}
9	IV	184	113 [108;120] ⁵	1	82 [82;82]	125	105 [100;110] ³	7	94 [90;95]
10	V	272	112 [108;120] ⁵	0	-	41	102,9±8,4 ³	5	93 [90;99]
Примечания: $M \pm \sigma^{3,4,5,6}$ – различия достоверны ($p < 0,05$) в зависимости от типа узора. $M_c [P_{25}; P_{75}]^{3,4,5,6}$ – различия достоверны ($p < 0,05$) в зависимости от типа узора.									

Анализ данных таблицы показал наличие достоверных различий между углом наклона узоров, расположенных на разных пальцах одной кисти, что может иметь значение в определении принадлежности узора конкретному пальцу кисти. Так, на правой кисти наибольший угол наклона оси ульнарной петли регистрируется на I пальце и равен 118° [110°; 125°]. Данное значение в 1,1 раза больше ($p < 0,001$) угла наклона петель на II, III, IV и V пальцах.

На левой кисти наибольший угол наклона оси ульнарной петли также располагается на I пальце и равен 115,3±10,6°. Данное значение в 1,1 раза больше ($p < 0,001$) угла наклона петли на II пальце и практически не отличается от угла наклона петлевого узора III, IV и V пальцев. При этом формулу распределения значения угла наклона ульнарной петли мож-

но представить таким образом: пальцы правой кисти – I>V>IV>III>II, пальцы левой кисти – I>IV>V>III>II.

Максимальный угол наклона оси завиткового узора на правой кисти локализуется на V пальце (103° [100°; 110°]). Это в 1,2 раза больше ($p < 0,001$) чем угол наклона завитка на II пальце, в 1,1 раза больше ($p < 0,001$) чем на III пальце и практически не отличается от угла наклона завитков, расположенных на IV и I пальцах.

На левой кисти наибольший угол наклона оси завиткового узора регистрируется на IV пальце (105° [100°; 110°]), что в 1,1 раза больше ($p < 0,01$) чем угол наклона завитка II пальца и практически не отличается от угла наклона завитков, расположенных на III, I и V пальцах. При этом формула распределения значений угла наклона завитковых рисунков будет выгля-

деть так: пальцы правой кисти – V>I>IV>III>II, пальцы левой кисти – IV>V>I>III>II.

Диапазон значений угла наклона дугового узора, в пределах которого находится медиана и интерквартильный интервал P_{25-75} , достаточно невелик. Поэтому статистически значимые различия найдены только между углами наклона дуговых и завитковых узоров на V пальцах правой кисти. При этом наибольший угол наклона имеют дуги, расположенные на IV пальцах обеих рук, при этом формула распределения значений угла наклона будет иметь вид: пальцы правой кисти – IV>III>V>II>I, пальцы левой кисти – IV>V>II, III>I.

Радиальный петлевой узор обладает наименьшим углом наклона, при этом статистически достоверных различий между пальцами по данному признаку не обнаружено. Радиальная петля в исследуемой группе мужчин полностью отсутствует на больших пальцах обеих кистей и на мизинце левой кисти, с учетом этого формула распределения значений угла наклона будет иметь вид: пальцы правой кисти – III>IV, V>II, пальцы левой кисти – IV>III>II.

Таким образом, для каждого типа папиллярного рисунка характерен определенный интервал значений угла наклона узоров, причем наблюдается тенденция постепенного уменьшения данного показателя по мере перехода от ульнарной петли к радиальной петле через завиток и дугу. Четко прослеживается закономерность локализации на определенных пальцах узоров с большим или меньшим значением изучаемого признака.

В результате антропометрического обследования длина тела мужчин составила 178,0 [174,0; 182,5] см, 50,0% данного значения приходится на длину нижней конечности от нижней точки лона (89,0 см), что в 1,6 раза больше ($p<0,05$) длины туловища до нижней точки лона (32,0% - 57,0 см) и в 2,8 раза больше ($p<0,005$) длины головы и шеи (18,0% - 32,0 см). Длина верхней половины тела до пупка составила 39,7% (71,0 см), что в 1,5 раза меньше ($p<0,01$) длины нижней половины тела от пупка (60,3% - 107,0 см).

Поперечный диаметр головы у мужчин меньше ($p<0,05$) продольного, их соотношение составило 1:1,3, плечевой диаметр у мужчин всегда больше ($p<0,05$) диаметра таза, а их соотношение – 1,6:1. Поперечный диаметр грудной клетки на уровне IV ребра больше ($p<0,05$) переднезаднего диаметра грудной клетки и их соотношение составляет 1,4:1. Окружность грудной клетки обследованных мужчин составила 97,0 [91,0; 103,0] см. Межреберная дистанция в 26,8% случаев больше ($p<0,05$) межостистой дистанции в 1,1 раза, в 66,2% случаев

она меньше ($p<0,05$) межостистой в 1,1 раза и только в 7% случаев межреберная дистанция равна межостистой ($p<0,05$). Масса тела мужчин первого периода зрелого возраста составила 75,0 [67,0-85,0] кг.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить средней силы связи между размерами тела и углом наклона оси узора, причем наибольшее количество таких связей было обнаружено среди дуговых узоров. При помощи регрессионного анализа были получены уравнения, при помощи которых возможно определение размеров тела по углу наклона оси узора.

Так, угол наклона дуги III пальца правой кисти связан с диаметром бедра ($r_s=-0,52$; $p<0,05$) и длиной туловища до нижней точки лона ($r_s=0,52$; $p<0,05$). При этом, по углу наклона дуги можно вычислить диаметр бедра (диаметр бедра = $31,7550597 - 0,194084069*x$) и длину туловища до нижней точки лона (длина туловища = $38,7004152 + 0,202023871*x$).

Угол наклона дуги IV пальца правой кисти коррелирует с шириной плеч ($r_s=0,85$; $p<0,01$) и длиной нижней конечности от нижней точки лона ($r_s=-0,76$; $p<0,05$). Таким образом, по углу наклона дугового узора становится возможным определение ширины плеч (ширина плеч = $23,5529412 + 0,183957219*x$) и длины нижней конечности от нижней точки лона (длина нижней конечности = $100,529412 - 0,160427807*x$).

Угол наклона дуги I пальца левой кисти коррелирует с переднезадним диаметром головы ($r_s=-0,70$; $p<0,05$), индексом формы живота ($r_s=0,70$; $p<0,05$) и шириной лица ($r_s=-0,75$; $p<0,05$). Регрессионный анализ позволяет по углу наклона дуги определить переднезадний диаметр головы (переднезадний диаметр головы = $24,5389126 - 0,0567697228*x$), индекс живота (индекс живота = $52,6851812 + 0,59696162*x$) и ширину лица (ширина лица = $19,2377399 - 0,0591684435*x$).

Угол наклона дугового рисунка II пальца левой кисти имеет средней силы обратную связь с переднезадним диаметром грудной клетки ($r_s=-0,50$; $p<0,005$). Данный параметр можно рассчитать, зная угол наклона дуги, по уравнению регрессии: переднезадний диаметр грудной клетки = $40,0413359 - 0,207555434*x$.

Угол наклона дуги III пальца левой кисти корреляционно связан с окружностью грудной клетки ($r_s=-0,50$; $p<0,05$) и диаметром плеча ($r_s=-0,50$; $p<0,05$). Следовательно, при помощи угла наклона дуги можно определить окружность грудной клетки (окружность грудной клетки = $228,78194 - 1,42939481*x$) и диаметр плеча (диаметр плеча = $23,9882325 - 0,17074928*x$).

Дерматоглифические характеристики узоров I, II, V пальцев правой кисти и IV, V пальцев левой кисти имели слабые корреляционные связи с антропометрическими показателями, поэтому не учитывались в данном исследовании.

Таким образом, признаки пальцевых узоров способны отображать информацию о внешнем строении тела человека. При помощи дерма-

тоглифов возможно определение размеров головы, лица, грудной клетки, живота, верхней и нижней конечности. Представленные данные в качестве дополнительных критериев могут быть использованы для определения антропометрических характеристик тела мужчин при идентификации неизвестной личности по отпечаткам пальцев.

Список использованных источников

1. Houck, M.M. A content analysis of fingerprint literature for educational curricula / M.M. Houck, J. Boyle. – Sci Justice. – 2010. – № 3. – P. 123 – 126.
2. Калянов, Е.В. Значение дерматоглифики в криминалистическом описании внешности человека / Е.В. Калянов, Е.С. Мазур // Бюл. сиб. мед. – 2009. – № 3. – С.127 – 131.
3. Методы дерматоглифики в идентификации личности погибших / А.П. Божченко [и др.]. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2002. – 160 с.
4. Методы оценки индивидуально-типологических особенностей физического развития человека / В.Г. Николаев [и др.]. – Красноярск: Изд-во КрасГМА, 2005. – 111 с.
5. Гладкова, Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека / Т.Д. Гладкова. – М.: Наука, 1966. – 151 с.
6. Шестакова, С.С. Дактилоскопическая информация и ее использование в процессе расследования преступлений / С.С. Шестакова, А.В. Репин, А.Ю. Жданов. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2007. – 112 с.
7. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.К. Анциферов [и др.]. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 416 с.

Дата поступления: 03.08.2012

The results of dermatoglyphic and anthropometric research of 318 men of the first period of a mature age are presented in the article. Through the correlation analysis the statistically important connections between the quantitative features of the finger-prints and sizes of a man's body are revealed. The results of the research can be used as the additional criteria in the process of personal identification.

ВЫБОР МЕТОДИКИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА УЗЛОВ ТРЕНИЯ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Кузин Н.О.

канд. техн. наук

Львовский научно-исследовательский
институт судебных экспертиз
Министерства юстиции Украины

Кузин О.А.

канд. техн. наук

Национальный университет
«Львовская политехника»

Мещерякова Т.Н.

канд. техн. наук

Львовский филиал
Днепропетровского национального
университета
железнодорожного транспорта
им. акад. В. Лазаряна

Курьлева Е.Ф.

канд. хим. наук

Гординская Н.В.

Львовский научно-исследовательский
институт судебных экспертиз
Министерства юстиции Украины

Аннотация

В работе на основе подхода клеточных автоматов предложена методика моделирования жизненного цикла узлов трения подвижного состава с учетом внутренних структурных изменений в материале поверхностных слоев. Данная методика позволяет восстанавливать особенности эксплуатационного поведения железнодорожной техники при внешних воздействиях.

На сегодняшний день в Украине в соответствии с приказом Министерства юстиции Украины № 925/5 от 22.06.2012 г. вопросами судебной железнодорожно-транспортной экспертизы занимаются специалисты четырех экспертных специальностей:

10.11. Исследование обстоятельств и механизма железнодорожно-транспортного происшествия;

10.12. Исследование технического состояния подвижного состава железнодорожного транспорта;

10.13.1. Исследование инженерного оборудования верхнего строения пути;

10.13.2. Исследование инженерного оборудования нижнего строения пути.

Каждая из этих специальностей требует формирования своего интеллектуально-методического обеспечения, которое позволяет устанавливать причины происхождения железнодорожно-транспортных происшествий и максимально точно отвечать на вопросы судебно-следственных органов.

Основателем формирования интеллектуально-методического обеспечения для проведения железнодорожно-транспортных экспертиз в Украине был профессор, доктор технических наук Сокол Эдуард Николаевич (1939 – 2012). Им на основе работ по проблемам механики железнодорожного транспорта были разработаны методики для экспертного обеспечения приведенных выше специальностей, которые нашли свое отражение в 77 научных работах (из них 7 монографий), что позволило автору сформировать методологию исследования механизма железнодорожно-транспортного происшествия [1].

Тем не менее, на данный момент имеется ряд вопросов, которые требуют своего детального рассмотрения. Один из них – построение методик моделирования жизненного цикла узлов трения подвижного состава.

Важность данной научной проблемы отмечается в современной технической литературе [2; 3].

Узлы трения на 80-90 % определяют эффективность работы подвижного состава железных дорог, а потери по причине физического износа в системе

«колесо-рельс» составляют от 10 до 30 % энергетических ресурсов, которые расходуются на тягу поездов [2].

Современные технологии восстановления подвижного состава, которые используются на железных дорогах Украины, направлены в основном на восстановление геометрических параметров (размеров) деталей, при этом внутреннему строению поверхностных слоев и оценке изменения их эксплуатационных свойств в процессе работы уделяется недостаточно внимания. В результате часто возникают случаи, когда развитие трещин, катастрофический износ происходит в периоды, в которые ожидается нормальная эксплуатация объекта.

Одним из путей решения данной проблемы является разработка соответствующего интеллектуально-методического обеспечения на основе математического и компьютерного моделирования, которые учитывают влияние эксплуатационных нагрузок (деформационной и теплофизической составляющих процесса трения) на параметры долговечности трибосистем.

Существующие методики описания поведения деталей в условиях трения

В современной литературе собран и систематизирован большой объем экспериментального и модельного материала, описывающий поведение деталей и узлов в условиях трения [2 – 4].

Анализ данных работ позволяет говорить о том, что такие эксплуатационные свойства деталей, как долговечность, износостойкость, контактная прочность чаще всего связывают с механическими, а также теплофизическими свойствами поверхностных слоев или их мультипликативной суперпозицией (названной трибологическими инвариантами). В некоторых случаях в трибологических инвариантах присутствуют силовые и тепловые условия работы детали, геометрические параметры поверхности, адгезионные характеристики слоев контакта.

Данные подходы чрезвычайно важны для инженерной практики, поскольку позволяют качественно оценить работу фрикционного элемента, но для детального анализа поведения узла трения, исследования его жизненного цикла и установления причин его выхода из строя эти методики не подходят, поскольку не учитывают изменение структуры материала под действием внешних нагрузок, которые особо ярко проявляются именно в условиях трения [5; 6].

Жизненный цикл фрикционных элементов чаще всего представляется в литературе в виде

трех стадий: приработки, установившегося и катастрофического износа.

Технологические методики восстановления деталей, действующие в системе железных дорог Украины, чаще всего направлены на недопущение последней стадии.

Отметим, что при достаточной точности данной классификации существует возможность возникновения железнодорожно-транспортных происшествий во время всех стадий, особенно если параметры контртела хотя и соответствуют нормативным документам, но близки к исчерпанию своих эксплуатационных свойств, – в этом случае может возникнуть «классический» сход подвижного состава [7].

Простое сравнение параметров ходовых частей подвижного состава с требованиями нормативно-технической документации, что чаще всего происходит при исследовании аттестованными судебными экспертами по специальности 10.12 (Исследование технического состояния подвижного состава железнодорожного транспорта), не даст возможности аттестованным специалистам-экспертам по специальности 10.11 (Исследование обстоятельств железнодорожно-транспортного происшествия) точно построить механизм исследуемого происшествия и, как результат, ответить на вопросы, интересующие заказчиков экспертизы.

Моделирование жизненного цикла узлов трения с учетом структурных изменений в материале деталей

Под действием внешних нагрузок материал деталей (особенно поверхностные слои) претерпевает ряд структурных изменений, физическое описание которых достаточно полно приведено в работе [6].

Для анализа данного явления чаще всего вводится конечное множество переменных (скалярной, векторной или тензорной природы), которые по установленным правилам сопоставляются с результатами натурных измерений механических (эксплуатационных) макросвойств либо кинетических изменений структуры. С точностью, достаточной для решения задач инженерной практики, вводится скалярная переменная «повреждаемость» (или поврежденность – в некоторых литературных источниках), которая связывается с изменением макросвойств [6; 7]. Необходимость и «достаточность» введения переменной данного рода при исследовании кинетики макросвойств во времени обоснована в работах академика А.А. Лебедева [8].

В ряде работ разработаны методики математического моделирования изменения данной

величины во времени при действии внешних силовых и температурных факторов [9].

Не отрицая важности полученных результатов, отметим те моменты, которые являются необходимыми для учета изменения поврежденности:

1) «залечивание» (регенерация) структуры при помощи специально созданных технологических режимов [10];

2) «фазовая» и топологическая перестройка материала под действием внешних нагрузок [4; 6];

3) свойство «иерархичности» исследуемых поверхностных слоев деталей [9];

4) стохастичность как начального состояния материала, так и структурных преобразований под действием текущих внешних нагрузок и истории их изменения.

Наиболее естественный учет вышеизложенных физических особенностей поведения материала под нагрузкой возможен при помощи аппарата клеточных автоматов, который обладает следующими методологическими преимуществами [11]: 1) при моделировании клеточными автоматами не возникает проблем, связанных с точностью округления, сходимостью; 2) клеточные автоматы также можно использовать при описании динамических систем, которые не формализуются при помощи дифференциальных уравнений или имеют стохастические составляющие.

Поскольку клеточный автомат – это математический (компьютерный) объект с дискретным пространством состояний, временем и совокупностью правил переходов между состояниями, зададим его в виде:

$$\chi = \langle A, M, \Theta \rangle \quad (1)$$

где $A = \{A_1, \dots, A_n\}$ – множество состояний клеточного автомата;

$M = \{m_{ijk}\}$ – совокупность координат клеток в дискретном пространстве;

Θ – локальный оператор перехода.

Если задание множества M является тривиальной задачей (при использовании соответствующих алгоритмов дискретного разбиения пространственных областей), то выбор переменных A и Θ обеспечивает адекватность математического описания физического явления (или объекта).

Запишем основные физические представления, которые будут основой при записи переменных A и Θ .

Под множеством состояний конечного клеточного автомата примем совокупность возможных величин поврежденности, которые

могут иметь место при работе конструкции. При рассмотрении в данной работе повреждаемости ω как скалярной величины, интервал которой примем $[0; 1]$, под множеством A будем понимать конечноточечное интерполирование (не обязательно равномерное) указанного интервала: $A = \{A_i\}_{i=1, n}$, где $0 \leq A_i \leq 1$. При этом $A_1 = 0$ соответствует априорно работоспособному состоянию, $A_n = 1$ – априорно неработоспособному состоянию. Величина n интерполирования интервала зависит от необходимости точности анализа результатов. Для предельного случая $n = 2$ моделируется работа объекта, который может находиться только в двух состояниях – работоспособном или неработоспособном.

Поскольку данный аппарат будет использоваться для решения задач механики деформируемого твердого тела, к множеству состояний A клеточного автомата необходимо добавить множество B как совокупность механических, в том числе и теплофизических и прочностных, свойств материала:

$$B = \langle \{R_i\}_{i=1, m}^j \rangle_{j=1, k} \quad (2)$$

где величина k зависит от детализации постановки задач.

Задание локального оператора переходов Θ на данный момент является открытым вопросом, так как физические соотношения изменения повреждаемости в зависимости от внешних условий и их влияние на свойства материалов не до конца изучены.

В данной работе примем, что оператор Θ является совокупностью двух множеств:

$$\Theta = \langle \Theta', \Theta'' \rangle \quad (3)$$

где Θ' – правила переходов между состояниями A ;

Θ'' – оператор связи между множеством A и B (Θ'' представляет функциональную зависимость свойств материала от повреждаемости).

Следуя работе [9], запишем основные физические представления, которые будут использоваться при записи оператора Θ :

1. На величину повреждений влияют – текущий уровень повреждений, температура тела, значение (величина) и вид напряженно-деформированного состояния, текущие свойства материала, величина временного интервала, в котором действует данный вид нагружения.

2. Функционально прирост повреждаемости имеет две составляющие – детерминистическую и стохастическую, которые зависят от вышеперечисленных факторов. Природа стохастической повреждаемости проявляется из-за стохастической природы строения материала, возможности фазовых превращений, и неучтенности дополнительных условий (стохастичность внешних нагрузок, влияние физико-химических взаимодействий и т.д.).

Рассмотрим более детально физические представления, описанные выше.

1. Текущий уровень напряжений влияет на изменение свойств материалов, а также является базовым фактором для отчета степени «сработанности» конструкции.

2. Влияние текущего значения температуры на прирост повреждаемости является не однозначным. Резкое изменение температуры – тепловой удар (или тепловая откатка) могут быть самостоятельными факторами при образовании термopовреждений. Квазистатическое изменение температуры (или ее стабильное состояние) влияет на фазовый состав тела (и, как результат, на механические свойства материалов), на механизм разупрочнения (при низких, особенно криогенных, комнатных и высоких температурах механизм разупрочнения материалов существенно отличается).

3. Влияние вида и текущего значения напряженно-деформированного состояния тела более изучено. При преобладающих напряжениях растяжения увеличивается значение повреждений, при напряжениях сжатия происходит уменьшение повреждаемости – «залечивание» материала. Совместное влияние температурно-силовых факторов может либо интенсифицировать, либо замедлить данный процесс.

4. Количественное влияние вида напряженно-деформированного состояния на процессе «залечивания» или образования повреждаемости зависит от текущих свойств материалов. Механические параметры и прочностные свойства обозначают «пределы» использования математических моделей при описании процессов деформирования материалов, показывают насколько опасен тот или иной вид напряжений при разупрочнении материалов. В частности, детали с более высокими прочностными параметрами могут «без последствий» выдерживать более высокие уровни напряжений, чем детали с меньшими параметрами прочности.

5. Большое значение при образовании повреждаемости имеет величина временного интервала, в котором действуют данные параметры нагружения. Величина интервала и

интенсивность изменения нагружения позволяют рассматривать данную изучаемую задачу либо как динамическую, либо как квазистатическую. При этом в работах по физике повреждаемости, принимают, что изменение повреждаемости пропорционально временному интервалу (в большинстве случаев эта зависимость линейна).

Анализируя вышесказанное, можно записать следующую операторную зависимость для квазистатических процессов:

$$\Delta\omega \sim (\omega(t), T(t), \hat{\sigma}(t), \langle B \rangle, p(t), \Delta t), \quad (4)$$

где $\Delta\omega$ – прирост повреждаемости в интервале $(t, t + \Delta t)$;

$\omega(t)$ – текущий уровень поврежденности;

$T(t)$ – текущий уровень температуры;

$\hat{\sigma}(t)$ – текущее значение тензора напряжений;

$\langle B \rangle$ – множество, описывающее текущее значение свойств материалов;

$p(t)$ – стохастическая составляющая.

Для скоростных динамических процессов:

$$\Delta\omega \sim (\omega(t), T(t), \hat{\sigma}(t), \dot{T}(t), \dot{\hat{\sigma}}(t), \langle B \rangle, p(t), \Delta t), \quad (5)$$

где $\dot{T}(t)$, $\dot{\hat{\sigma}}(t)$ – скорости изменения температуры и напряжений.

В терминологии клеточных автоматов зависимости (4) и (5) можно представить в виде:

$$\Theta = \begin{cases} \Theta^I : \{A, B, Z\} \rightarrow A \\ \Theta^{II} : \{A, B\} \rightarrow B \end{cases} \quad (6)$$

Конкретизация построенной модели

В качестве примера построения клеточного автомата рассмотрим нелинейное кинетическое уравнение образования повреждаемости – уравнение Леметра [12]:

$$\frac{d\omega}{dt} = D \left(\frac{\sigma}{T - \omega} \right)^k \frac{1}{(1 - \omega)^q}, \quad (7)$$

в его дискретном представлении:

$$\Delta\omega = D \left(\frac{\sigma}{T - \omega} \right)^k \frac{1}{(1 - \omega)^q} \Delta t, \quad (8)$$

где $\Delta\omega$ – прирост повреждаемости;

Δt – временной интервал;

σ – уровень напряжений;

ω – текущий уровень повреждений;

D, k, q – экспериментально определяемые коэффициенты.

Примем в качестве характеристики напряженного состояния напряжения в форме Писаренко-Лебедева:

$$\sigma_{экс} = \chi\sigma_i + (1 - \chi)\sigma_1, \quad (9)$$

где σ_i – интенсивность напряжений;
 σ_1 – первое главное напряжение;
 χ – параметр формы (9).

Константу D примем в виде:

$$D = C \cdot \text{sign}(\hat{\sigma}) \cdot \frac{1}{\sigma_T}, \quad (10)$$

где σ_T – предел текучести;
 C – числовой нормирующий множитель;
 $\text{sign}(\hat{\sigma})$ – функциональное знаковое значение напряженного состояния.

Функциональное знаковое значение напряженного состояния представим в виде:

$$\text{sign}(\hat{\sigma}) = \begin{cases} -1, I_1 < 0, I_3 < 0, I_2 = 0 \\ 1, \text{ в других случаях} \end{cases}, \quad (11)$$

где I_1, I_2, I_3 – инварианты напряженно-деформированного состояния.

Представление (11) на символьном уровне описывает тот факт, что в случае гидростатического сжатия уровень повреждаемости уменьшается, в других случаях – увеличивается.

В результате получим:

$$\Delta\omega = C \cdot \text{sign}(\hat{\sigma}) \cdot \left(\frac{\sigma_{экс}}{\sigma_T}\right)^k \frac{1}{(1 - \omega)^{k+q}} \Delta t. \quad (12)$$

Константу C назовем «жесткостью» материала.

В качестве множества A – состояния поврежденности интерполирование отрезка $[0; 1]$:
 $A \equiv \omega = \{\omega_i\}_{i=1}^N$, где $\omega_i = (i - 1) \cdot \frac{1}{N - 1}$.

Константу σ_T , согласно «классическим» работам по теории повреждений, примем в виде:

$$\sigma_T(\omega) = \sigma_{T0} \cdot (1 - \omega), \quad (13)$$

где σ_{T0} – начальное состояние предела прочности в «бездефектном» состоянии.

Примем, что изменение модуля упругости проходит согласно аналогичной зависимости:

$$E(\omega) = E_0 \cdot (1 - \omega), \quad (14)$$

где E_0 – начальное состояние модуля упругости в «бездефектном» состоянии.

Коэффициент Пуассона примем величиной, которая не изменяется во времени:

$$\mu \equiv \text{const}. \quad (15)$$

Соответственно множество B будет иметь вид:

$$B \equiv \{ \{E(\omega_i), \sigma_T(\omega_i), \mu\}_{i=1, N} \}. \quad (16)$$

где $\sigma_T(\omega) = \sigma_{T0} \cdot (1 - \omega)$, $E(\omega) = E_0 \cdot (1 - \omega)$.

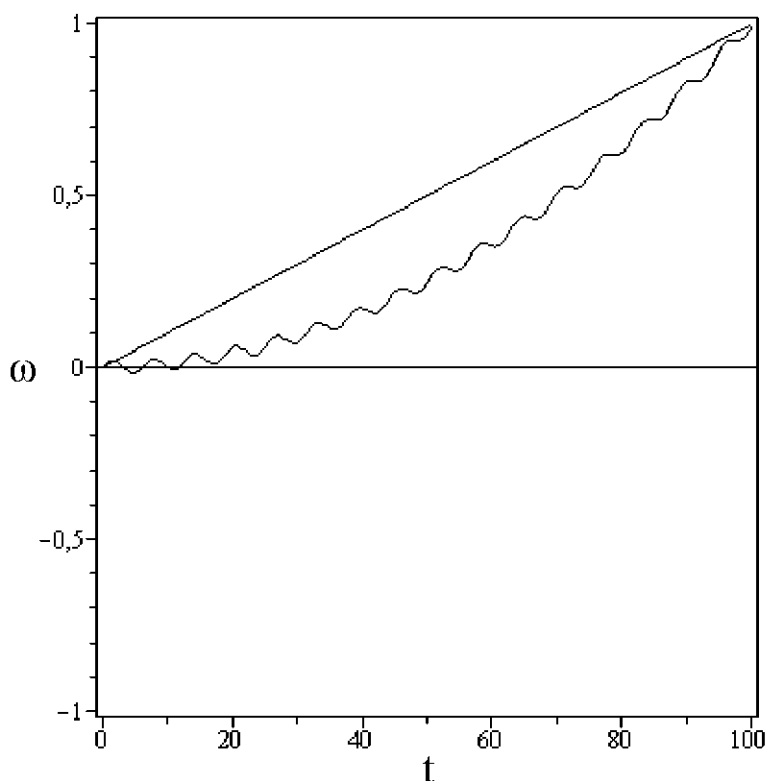
Таким образом, клеточный автомат полностью определен – заданы множества A, B , отображение Θ^I и Θ^II .

В качестве закона изменения внешней нагрузки рассмотрим «классический» (симметричный) вид внешней нагрузки:

$$\sigma = \sigma_a \sin(vt), \quad (17)$$

где σ_a – амплитудная нагрузка;
 v – частота изменения нагрузки;
 t – время.

Данная нагрузка, вызывающая в теле изменение во времени напряженно-деформированного состояния, с позиций клеточных автоматов приводит к появлению одновременно двух процессов – разупрочнения (образования поврежденности) и его залечивания (поверхностного упрочнения), которые «уравновешивают» действие один одного. С позиций линейной кинетической теории поврежденности мы имеем стандартную ситуацию – ухудшение эксплуатационных характеристик тела под действием внешних воздействий (рисунок).

ω – уровень повреждений,

t – время (прямая линия – расчет повреждаемости согласно линейной кинетической теории, периодическая возрастающая – расчет повреждаемости согласно методологии клеточных автоматов)

Рисунок – Качественный характер изменения повреждаемости во времени

Отметим, что показанные пути моделирования жизненного цикла необходимо сопоставлять с данными анализа конкретных объектов, в частности, по методике, которая приведена в работе [8].

Таким образом можно сделать следующие выводы.

1. В работе проанализировано современное состояние проблемы интеллектуально-методологического обеспечения железнодорожно-транспортной экспертизы.

2. С использованием подходов математического и компьютерного моделиро-

вания предложена новая инженерная методика исследования жизненного цикла деталей железнодорожной техники, которые наиболее подвержены риску выхода из строя.

3. Предложенная методика компьютерного моделирования повреждаемости в случаях отсутствия точной и достоверной информации о характеристиках жизненного цикла деталей подвижного состава является единственно возможной при анализе железнодорожно-транспортных происшествий.

Список использованных источников

1. Сокол, Э.Н. Железнодорожно-транспортное происшествие и его механизм / Э.Н. Сокол. – Львов: Паіс, 2011. – 376 с.
2. Прикладная трибология / Ю.Н. Дроздов, Е.Г. Юдин, А.И. Белов; под ред. Ю.Н. Дроздова. – М.: Экспресс, 2010. – 604 с.
3. Чичинадзе, А.В. Основы трибологии (трение, износ, смазка): учебник для техн. вузов / А.В. Чичинадзе, Э.Д. Браун, Н.А. Буше; под ред. А.В. Чичинадзе. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Машиностроение, 2001. – 664 с.

4. Трибологія: Исследование и приложение: опыт США и стран СНГ; под ред. В.А. Белого, К. Лудемы, Н.К. Мышкина. – М.: Машиностроение; Нью-Йорк: Алпертон Пресс, 1993. – 454 с.
5. Кузін, М.О. Аналіз впливу адгезійно-деформаційної та теплофізичної складової фрикційної взаємодії на параметри працездатності трибологічних систем рухомого складу / М.О. Кузін // Залізничний транспорт України. – 2012. – № 3/4. – С. 23 – 27.
6. Прочность материалов и конструкций: Серия моногр. / Под общ. ред. В.Т. Трощенко. – Киев: ИПП, 2009. – Т.2: Усталость металлов. Влияние состояния поверхности и контактного взаимодействия. – 2009. – 664 с.
7. Сокол, Э.Н. «Классический» сход с рельсов подвижного состава: метод. пособие / Э.Н. Сокол. – Киев: Феникс, 2007. – 250 с.
8. Лебедев, А.А. Оценка поврежденности конструкционных сталей по параметрам рассеяния характеристик твердости материалов в нагруженном и разгруженном состояниях / А.А. Лебедев, В.П. Швец // Проблемы прочности. – 2008. – №3. – С. 29 – 37.
9. Волков, И.А. Уравнения состояния вязкоупругопластических сред с повреждениями / И.А. Волков, Ю.Г. Коротких. – М.: Физматлит, 2008. – 424 с.
10. Ляшенко, Б.А. Оптимизация технологии нанесения покрытий по критериям прочности и износостойкости / Б.А. Ляшенко. – Киев: ИПП, 2010. – 193 с.
11. Алексеев, Д.В. Моделирование кинетики накопления повреждений вероятностным клеточным автоматом / Д.В. Алексеев, Г.А. Казунина // Физика твердого тела. – 2006. – Т. 48, Вып. 2. – С. 255 – 261.
12. Голуб, В.П. Определяющие уравнения в нелинейной механике поврежденности / В.П. Голуб // Прикладная механика. – 1993. – Т. 29, № 10. – С. 37 – 49.

Дата поступления: 12.10.2012

Annotation

The article presents the method of modeling the life cycle of friction nodes of the railway rolling stock accounting interior structural changes in the material of surface layers which is based on the approach of cellular automata. This method allows reconstructing the features of operational behavior of a railway rolling stock under the external influence.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

КРАТКИЙ ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Шведова Н.Н.

канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия

МВД России

164 Аннотация

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы криминалистического исследования документов, в частности, касающиеся исследований почерковых объектов и различных реквизитов документов. Анализируется современное состояние экспертной практики данных видов исследований и формулируются методические рекомендации для экспертов.

Актуальность применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве не вызывает сомнений. На сегодняшний день правовые и методические вопросы привлечения специалиста и эксперта в уголовном, гражданском, арбитражном судопроизводстве достаточно глубоко проработаны и теоретически обоснованы, а экспертно-криминалистическая деятельность по сопровождению процесса раскрытия и расследования преступлений продолжает совершенствоваться. В связи с этим все большее значение приобретают прикладные вопросы применения специальных знаний в расследовании конкретных категорий уголовных дел.

Так, например, активизация преступности экономической направленности приводит к значительному росту поддельных документов, для распознавания которых и доказывания факта материального подлога все чаще используются возможности судебных экспертиз. Из них наиболее востребованы технико-криминалистические экспертизы документов и почерковедческие экспертизы, выполняемые в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, а также в экспертных учреждениях системы Минюста России.

Заметен рост производства технико-криминалистических экспертиз и исследований документов в 2011 г., который по сравнению с предыдущим годом составил 50 %. Это произошло за счет увеличения более чем в три раза количества исследований полиграфической продукции и оттисков удостоверительных печатных форм. Так, исследование полиграфической продукции составляют порядка 60 % от общего числа заключений за 2010 г. На наш взгляд, это свидетельствует не только о развитии полиграфической и репрографической техники и технологий, но и их большой доступностью, что создает благоприятные условия для различных злоупотреблений.

Данная тенденция наблюдается и сегодня – число исследованных денежных знаков Банка России, валюты иностранных государств, другой защищенной полиграфической продукции (паспорта транспортных средств, акцизные и специальные марки и др.) составляет около 68 % от общего числа объектов экспертных исследований документов в среднем по регионам России. Несколько реже встречаются как объекты судебных экспертиз печати, штампы и их оттиски (всего 20 % от общего количества технико-криминалистических экспертиз), еще реже исследуются документы с измененным первоначальным содержанием – число таких экспертиз составило 9 % от общего числа заключений.

Анализ результатов исследований полной подделки документов показывает, что лидирующим является капельно-струйный способ печати – с его применением изготовлено 65 % поддельных документов.

Другим из распространенных способов полной подделки документов является использование одного из способов полиграфической печати – плоской офсетной печати, которая обеспечивает высокую степень сходства поддельных документов с оригиналами и относительную экономичность. Указанным способом чаще подделываются регистрационные документы на транспортные средства, валюта иностранных государств (доллары США и евро), например, в 2007 – 2011 гг. число таких объектов составило 20 % от общего количества поступивших на исследование подделок.

Практически по каждому уголовному делу данной категории назначаются экспертизы документов – вещественных доказательств [1 – 3]. Следует отметить, что современное состояние практики производства технико-криминалистических экспертиз документов (ТКЭД) характеризуется не только ростом общего числа экспертиз и исследований, но и усложнением задач и объектов экспертизы. Новые компьютерные технологии изготовления документов зачастую используются в криминальных целях при подделке бланков и реквизитов, при этом качество подделок так совершенно, что нередко вызывает затруднения даже у опытных экспертов-криминалистов. А некоторые вопросы, возникающие в отечественной и зарубежной экспертной практике, до сих пор не имеют надежных научно обоснованных методик решения – например, установление абсолютного возраста документа, определение хронологической последовательности нанесения штрихов реквизитов, идентификационные задачи в отношении текстов, выполненных на струйных и лазерных принтерах.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что методическая база технико-криминалистических исследований документов сегодня нуждается в совершенствовании, пересмотре некоторых основных положений за счет расширения границ специальных знаний об объектах экспертизы, привлечении новых технических средств для исследования как реквизитов, так и материалов документов.

Другим направлением анализа экспертной практики явилось изучение обоснованности экспертных выводов и соблюдение методик при проведении ТКЭД. Большей частью проведенных технико-криминалистических экспертиз документов решались диагностические задачи: установление способа изготовления

полиграфической продукции, установление факта изменения первоначального содержания документа, установление хронологической последовательности выполнения реквизитов документов и возраста выполненных записей. По двум вышеперечисленным задачам выводы в 90 – 92 % случаев формулировались в категорической форме и содержали доказательственную информацию по делу. Достаточно успешно решались идентификационные задачи в отношении оттисков печатей и штампов на документах – в 80 – 85 % заключений эксперты пришли к категорическим выводам о тождестве. Однако по ряду вопросов экспертные выводы были сделаны в форме «не представляется возможным» – чаще всего они формулируются по результатам идентификационных исследований в отношении изображений (текстов), выполненных на принтерах, когда экспертом решается вопрос: «На одном или разных печатающих устройствах были изготовлены представленные на исследование объекты?», а также в случаях, когда требовалось установить последовательность выполнения реквизитов документов. Данное обстоятельство является следствием недостаточной разработанности соответствующих экспертных методик.

Особую тревогу вызывает обоснованность выводов по экспертизам оттисков печатей и штампов. Известно, что одним из обязательных этапов методики исследования оттисков печати и штампов является установление способа изготовления печатной формы. Однако, как показывает экспертная практика, в каждом втором из выполненных заключений (52 %) эксперты уstraиваются от решения этого вопроса. На наш взгляд, причина такого положения заключается в слабом знании экспертами диагностических признаков современных технологий изготовления печатей, отображающихся в оттисках. Это приводит к тому, что при решении идентификационных вопросов в комплексе индивидуальных частных признаков включаются малозначимые признаки, относящиеся скорее к диагностическим, что в конечном счете снижает обоснованность и доказательственную ценность выводов.

Кроме того, анкетированием сотрудников ряда экспертно-криминалистических региональных подразделений МВД России установлено, что многие из тех, кто специализируется в области исследования документов, имеют весьма слабое представление о новых технологиях получения изображений, реализуемых, например, в твердочернильных струйных принтерах. Появление в обиходе новой модификации устройств струйной печати с использованием «твердых» чернил незамедлительно сказывается и на экспертной практике – в 2007 – 2011 гг. число

поддельных денежных знаков, изготовленных таким способом, значительно возросло. Данный способ воспроизведения изображений кратко можно охарактеризовать как технологию, основой которой являются специальные пигментные чернила, способные сохранять твердое состояние. При их нагреве до температуры около 60°C, чернила превращаются в жидкость и мгновенно затвердевают при незначительном охлаждении. Это обеспечивает воспроизведение ярких цветов «твердыми» чернилами практически на любой поверхности.

Исходя из описанного принципа получения изображения на струйных твердочернильных принтерах, можно выделить следующие диагностические признаки, отображающиеся в штрихах: красящее вещество распределено в виде хаотично расположенных рельефных точек основных четырех цветов, сами штрихи имеют матовую, без маслянистого блеска, поверхность. Красящее вещество штрихов имеет достаточно прочное сцепление с подложкой (бумагой) и не осыпается по линиям сгиба бумаги, не копируется водой и при нагревании расплывается. Перечисленные признаки достаточно наглядны при микроскопическом исследовании с увеличением 8 – 32^x и достаточны для решения вопроса об упомянутом способе воспроизведения изображения.

Особую актуальность для сегодняшнего состояния криминалистического исследования документов имеет решение проблемы по установлению источника происхождения поддельных документов, изготовленных электрофотографическим способом [4].

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами МВД России основанием для объединения уголовных дел, возбужденных по фактам изготовления и сбыта поддельных денег, является установление источника их происхождения [5]. В зависимости от способа полной подделки денежных знаков решение этой задачи может заключаться как в установлении групповой принадлежности, так и в установлении тождества.

По поддельным денежным знакам, изготовленным полиграфическим способом и представляющим собой отпечатки печатных форм, возможно установление единого источника происхождения – комплекта печатных форм или фотоформ.

По поддельным денежным знакам, изготовленным с помощью средств репрографии, возможности установления источника происхождения в большинстве случаев ограничены отнесением объектов к достаточно широкой группе по способу их изготовления [6]. Это объясняется тем, что идентификация печатаю-

щих устройств – струйных и лазерных принтеров в настоящее время практически невозможна. В некоторой мере сузить искомую группу объектов, имеющих общее происхождение, позволяют исследования имитаций элементов защиты. Однако следует помнить, что многие имитации (меток для слабовидящих, водяных знаков) могут быть выполнены с помощью печатных форм, изготовленных фотополимерным способом, что не исключает существование таких форм в нескольких экземплярах. Для установления единого источника происхождения имеющихся имитаций необходимо наличие самого приспособления и получение его экспериментальных оттисков, это касается и имитации микроперфорации.

К сожалению, использование для установления единого источника происхождения так называемых «скрытых меток» в настоящее время ограничено из-за отсутствия в распоряжении правоохранительных органов России специализированного программного обеспечения для декодирования этой маркировки [7].

Таким образом, если установлено совпадение нескольких поддельных денежных знаков, изготовленных одним и тем же репрографическим способом, по частным признакам приспособлений, примененных для имитации элементов защиты, то это является основанием только для вывода о принадлежности этих объектов к определенной группе, хотя и достаточно узкой. Решение вопроса о едином источнике происхождения, т.е. об изготовлении их на одном и том же оборудовании, возможно лишь при идентификации конкретного печатающего струйного или лазерного устройства.

Другим направлением использования специальных знаний в расследовании преступлений, сопряженных с изготовлением и использованием поддельных документов, является производство судебно-почерковедческих экспертиз. Обзор экспертной практики производства судебно-почерковедческих экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях по субъектам Российской Федерации свидетельствует о том, что перед экспертами нередко ставится идентификационная задача установления исполнителя рукописи в отношении рукописных записей и подписей, выполненных в каких-либо необычных условиях. Наиболее часто факт необычных условий исполнения устанавливается при исследовании рукописных текстов долговых расписок, записей и подписей в завещаниях, в документах на продажу недвижимости и других документах, выступающих в качестве доказательств по уголовным, гражданским и арбитражным делам.

Как правило, при установлении различных обстоятельств совершения противоправных деяний особое значение приобретает не только установление факта необычных условий исполнения записи (подписи), но и определение (диагностика) их природы, а также дифференциация различных «сбивающих факторов», влияющих на отображение индивидуальных особенностей почерка исполнителя в рукописи. Известно, что таковыми могут быть как внешние условия исполнения (пишущий прибор, подложка, освещение, поза писавшего и др.), так и внутреннее состояние писавшего (психопатологическое состояние, сильное душевное волнение, алкогольное и наркотическое опьянение и др.). Диагностирование таких условий исполнения рукописи позволяет достоверно и более объективно оценить идентификационную значимость выявляемых признаков при установлении исполнителя рукописного текста по почерку. Поэтому проблема совершенствования специальных знаний в данной области за счет развития научного и методического обеспечения диагностических почерковедческих исследований, безусловно, имеет высокую практическую значимость.

На основании результатов проведенного анализа можно сформулировать основные направления повышения эффективности практи-

ки производства почерковедческих и технико-криминалистических экспертиз документов в целях расширения объема специальных знаний судебных экспертов:

а) усовершенствование методики идентификационных исследований оттисков печатей, выполненных по современным технологиям, с учетом частоты встречаемости и идентификационной значимости частных признаков таких печатных форм;

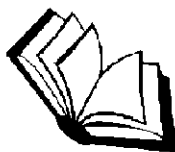
б) изучение и оценка индивидуально-значимых признаков для компьютерных печатающих устройств различных принципов действия для проведения идентификационных экспертиз текстов, выполненных с их помощью;

в) разработка новых методик установления абсолютной и относительной давности выполнения документов и их реквизитов;

г) разработка критериев дифференциации «сбивающих» факторов выполнения почерковых объектов в целях установления условий их исполнения.

Разумеется, сформулированные рекомендации не являются исчерпывающими, их решение, безусловно, требует значительного теоретического и экспериментального обоснования, но в конечном счете будет способствовать расширению возможностей судебной экспертизы в формировании надежной доказательственной базы по уголовным делам.

Список использованных источников

1. Шашкин, С.Б. Техничко-криминалистические исследования документов со специальными средствами защиты от подделки: учеб. пособие / С.Б. Шашкин. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002.
2. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / Под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. – Волгоград: ВА МВД России, 2005.
3. Шведова, Н.Н. Краткое руководство по техничко-криминалистической экспертизе документов: учеб. пособие / Н.Н. Шведова. – Волгоград: ВА МВД России, 2011.
4. Шведова, Н.Н. Возможности криминалистического исследования поддельных денег в целях установления источника происхождения: метод. пособие / Н.Н. Шведова. – Волгоград: ВА МВД России, 2011.
5. Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений: прил. № 2 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-консультационной системы «КонсультантПлюс».
6. Стариков, Е.В. Определение вида копировально-множительных устройств, используемых при подделке денежных билетов, ценных бумаг и документов: метод. рекомендации / Е.В. Стариков, А.Г. Белоусов, Г.Г. Белоусов. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.
7. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 фев. 2006 г. № 70 (в редакции приказа МВД России от 21 мая 2008 г. № 436). [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-консультационной системы «КонсультантПлюс».

Дата поступления: 24.07.2012

Annotation

The article discusses some problem aspects of the forensic examination of documents, in particular, those concerning the research of the handwritten objects and various requisites of documents. The author analyzes the present status of the expert practice of these types of examination and formulates recommendations for the experts.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ СУДЕБНО-ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Водолазов А.В.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Подготовительная стадия является хронологически первой стадией любого экспертного исследования. Ее специфической чертой является более детальная, по сравнению с другими стадиями, правовая регламентация. Определить причину и содержание особенностей этой стадии можно, если рассматривать судебную экспертизу в контексте одного из средств получения доказательственной информации. В этом случае процесс исследования становится объектом непосредственного регулирования нормами уголовно-процессуального права.

Среди правовых норм, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Беларусь и регулирующих вопросы судебно-экспертной деятельности в рамках уголовного процесса, имеются нормы, закрепляющие суть и содержание заключения эксперта (ст. 95); раскрывающие содержание понятия «эксперт», определяющие его права, обязанности и ответственность, непосредственно включающие его в уголовно-процессуальную деятельность (ст. 61); закрепляющие основания для назначения судебной экспертизы (ст. 226) и порядок ее назначения (ст. 227); перечисляющие случаи обязательного назначения и проведения судебных экспертиз (ст. 228); оговаривающие особенности проведения судебной экспертизы в экспертном учреждении (ст. 230), вне его (ст. 231) и в судебном заседании (ст. 334); регулирующие проведение комиссионных (ст. 232), комплексных (ст. 233), дополнительных и повторных судебных экспертиз (ст. ст. 239 и 336); определяющие содержание документа «заключение эксперта» (ст. 236) [1].

Данные нормы являются исчерпывающими, не могут подвергаться расширенному толкованию и их соблюдение обязательно для всех участников уголовного процесса. Следование им материально фиксируется во вводной части заключения эксперта и является одним из необходимых элементов последующей оценки заключения, как одного из видов доказательств.

Если же рассматривать судебную экспертизу с точки зрения ее научной, а не процессуальной сущности, то она представляет собой процесс самостоятельного исследования, как правило, опирающегося на положения той или иной науки¹ и обладающего специфическими задачами и объектом. Сле-

168 Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы подготовительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы и предлагаются варианты их преодоления на основе возможностей современных аппаратно-компьютерных средств.

¹ В некоторых случаях судебная экспертиза может основываться на знаниях техники, искусства, ремесла и др. сферах человеческой деятельности.

довательно, в данном аспекте ее регулирование должно осуществляться с учетом научных подходов той базовой науки, к которой она непосредственно относится (физика, химия, биология и т.д.). Общие научные подходы в судебной экспертизе закрепляются в форме методик исследования, требования которых значительно мягче уголовно-процессуальных требований.

Наличие двух указанных источников регулирования судебно-экспертной деятельности отражает ее двойную природу: процессуальную и научную. Указанная двойственность в полной мере распространяется и на подготовительную стадию судебно-дактилоскопической экспертизы:

– с процессуальной точки зрения, данная стадия является подготовкой к осуществлению действий, направленных на получение доказательственной информации и регламентированных нормами уголовно-процессуального права;

– с научной точки зрения, данная стадия выступает в качестве подготовительного этапа проведения самостоятельного научного исследования, регламентированного научно обоснованными методиками.

Четко разграничить эти два аспекта подготовительной стадии довольно сложно. В частности, такой обязательный элемент, как «осмотр объектов исследования» служит и процессуальному закреплению хода проведения судебной экспертизы (установление вида, количества и состояния вещественных доказательств), и выступает в качестве одного из важных этапов научного исследования, поскольку выбор метода экспертного исследования определяется исходя из специфики предмета и объекта. Осмотр упаковки, в которой вещественные доказательства поступили на экспертизу, как правило, относится к процессуальному аспекту, т.к. не направлен на непосредственное исследование. Однако, он может выступать и одним из этапов научного исследования, в случаях, когда у эксперта появляются основания полагать, что особенности упаковки могли каким-либо образом оказать влияние на объект исследования.

В специальной научно-методической литературе по судебно-дактилоскопической экспертизе разграничению подготовительной стадии на процессуальную и исследовательскую части практически не уделялось внимания.

Например, в методике 1968 г. одними из целей осмотра объектов называется решение вопросов о том, не подвергались ли объекты видоизменению (вопрос, относящийся к научному исследованию) и соответствуют ли они

объектам, указанным в постановлении о назначении экспертизы (вопрос процессуального закрепления судебной экспертизы, как источника доказательств) [2].

В сборнике «Судебно-трасологическая экспертиза» предварительная стадия состоит из ознакомления с поступившими объектами и в осмотре представленных дактилокарт на предмет их пригодности для проведения исследования (научное исследование), а также в сравнении поступивших на исследование объектов с теми, что указаны в постановлении (определении) (процессуальная фиксация) [3].

В описании целей изучения материалов дела, приводимых Н.И. Клименко², наряду с уяснением задачи исследования, определением границ исследования, выбором методик, формулированием экспертных версий и оценкой признаков – напрямую относящихся к научному исследованию – содержится указание на возможность, при необходимости, уточнения поставленных вопросов, что уже относится к процессуальным аспектам проведения судебной экспертизы [4].

Определение подготовительной стадии в «Криминалистической энциклопедии» включает в себя как ознакомление с основанием производства экспертизы (процессуальный аспект), так и изучение материалов, представленных на экспертизу, выдвижение экспертных версий, составление плана исследования, выбор методов и методик исследования и подготовку материальной базы (этапы научного исследования). Примечательно, что здесь и экспертный осмотр аналогично имеет двойную природу: он проводится в отношении не только объектов исследования, но и их упаковки, а к его целям относятся установление характера и состояния объектов исследования, условий их транспортировки, наличие каких-либо изменений из-за неправильной упаковки или транспортировки объекта и т.д. [5].

Между тем, с точки зрения процедуры критической оценки заключения экспертов, которая обязательно должна проводиться участниками уголовного процесса (прежде всего органом, ведущим уголовный процесс), такое разграничение необходимо. Данная необходимость будет обоснована ниже, здесь же приведем один из возможных способов разграничения процессуального и научного аспектов подготовительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы, путем ис-

² У автора – «исходных данных», в которые он включает практически все материалы, необходимые эксперту для дачи заключения.

пользования двух конкретных, различающихся терминов:

– «предварительный этап» – для обозначения этапа подготовительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы, производство которого необходимо для придания заключению эксперта формально-процессуального статуса доказательств;

– «предварительное исследование» – для выделения этапа научного исследования, в рамках подготовительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы, включающего в себя осмотр, фотографирование, подбор и изучение литературы, построение экспертных версий и т.д.

Помимо отсутствия четкого разграничения между действиями эксперта, направленными на процессуальную фиксацию исходных данных, и действиями, являющимися первоначальными этапами научного исследования, существуют сложности в определении объема самого этого исследования. В отличие от «предварительного этапа», который детально регламентирован нормами уголовно-процессуального права, «предварительное исследование», как и любая другая научная деятельность, детально не регламентируется, что приводит к появлению различных подходов к определению содержания и задач данного этапа экспертного исследования.

Например, в уже упоминавшейся методике 1968 г. указано, что исследование объектов (имеется в виду судебно-дактилоскопическая экспертиза) предваряет *«тщательное изучение экспертом обстоятельств уголовного дела, которые имеют прямое отношение к проводимому исследованию»*. И далее: целями этого изучения являются установление наличия, характера и пределов возможного видоизменения объектов, а также выяснения условий возникновения следов на месте происшествия. Целями же осмотра объектов является определение физических свойств объектов (для определения способов их исследования и хранения), установление их отдельных качеств (локализация на них следов, их качество, взаиморасположение и т.д.), а также решение вопроса о типе, виде, форме и размерах следов, а также об их пригодности для проведения сравнительного исследования [2].

Н.И. Клименко конкретизировал список задач, которые решает эксперт при изучении материалов дела, включив в него: выяснение задачи исследования, получение необходимых образцов (при необходимости), определение границ и выбор методик исследования, формулирование экспертных версий и оценку признаков [4].

Наиболее важной задачей предварительного исследования, по мнению Н.А. Корниенко, является определение пригодности следов для проведения сравнительного исследования. Помимо этого, на данной стадии должны устанавливаться: каким пальцем, какой руки оставлены следы; особенности строения кисти (размеры, уродства, мозоли, рубцы); механизм следообразования (захват, нажим, касание); наличие колец, браслетов; ориентировочный рост и возраст лица [6].

С.С. Самищенко, при описании предварительной стадии, напротив, ограничивается лишь указанием на необходимость изучения экспертом следов с целью поиска деталей строения папиллярного узора и выявления признаков, по которым можно судить, каким пальцем какой руки оставлен след [7].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заключить, что:

1. Подготовительная стадия судебно-дактилоскопической экспертизы объединяет в себе научное исследование и уголовно-процессуальную деятельность, создавая основания для проведения такого научного исследования, результатом которого является процессуальный документ – заключение эксперта, обладающий силой судебного доказательства.

2. Подготовительная стадия состоит из двух элементов: предварительного этапа формирования процессуального документа, источника доказательств – заключения судебной экспертизы и предварительного этапа научного исследования. Данные элементы находятся в сложной взаимосвязи, обусловленной, с одной стороны, их относительной самостоятельностью друг от друга, а с другой стороны, возможностью взаимопереходов отдельных их элементов.

3. Содержание, цели и задачи предварительного исследования регламентированы в общих чертах.

Отсутствие четкого разграничения подготовительной стадии на процессуальную и исследовательскую части, а также наличие множества научно-методических источников с различающимся описанием объема и задач предварительного исследования судебно-дактилоскопической экспертизы на практике может приводить к следующим следствиям:

1. Структура заключений экспертов не в полной мере отражает ход научного исследования, в которое включаются действия, направленные на процессуальную фиксацию поступивших на исследование вещественных доказательств. Описание данных действий по-

мещается в исследовательскую часть заключения эксперта.

Данный подход может оказывать влияние на процесс оценки участниками уголовного процесса заключения эксперта с точки зрения объективности и достоверности. Требования об объективности и достоверности доказательств закреплены в нормах УПК Республики Беларусь: ч. 4 ст. 61 – обязывает эксперта дать обоснованное и *объективное* заключение по поставленным перед ним вопросам; ст. 105 – содержит требование о том, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, *достоверности*...» и далее «... *достоверными* признаются доказательства, если они соответствуют действительности» [1].

Следует помнить, что понятия «объективно» и «достоверно» не тождественны между собой. Не все, что мы признаем достоверным, обязательно будет являться объективным. В философских трудах термин «объективность» употребляется в различных аспектах. В гносеологическом аспекте это понятие обозначает возможность познания объективной истины, характеризует содержание знаний, как таковых, вне сознания и воли человека [8]. Достоверность же является формой существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством) и соответственно обуславливается субъективными факторами конкретного человека, самостоятельно определяющего степень достоверности того или иного утверждения (явления, факта и т.д.) [9].

Применительно к судебно-дактилоскопической экспертизе это означает, что объективность заключения эксперта зависит от достоверности двух элементов: достоверности представленных в распоряжение эксперта материалов, на которых он будет основывать свое исследование, и достоверности самого исследования, непосредственно проведенного им.

Таким образом, участники уголовного процесса при оценке заключения эксперта с точки зрения его объективности должны оценивать достоверность двух, указанных выше, самостоятельных элементов.

2. Отсутствие единого источника с исчерпывающим описанием процесса предварительного исследования судебно-дактилоскопической экспертизы. Следствием этого являются затруднения, испытываемые экспертами в практической работе, связанные с невозможностью четко определить цели, задачи и объем предварительного исследования. Соответственно, возникают сложности в объективной оценке участниками уголовного про-

цесса хода и результатов предварительного исследования.

Минимизация негативных влияний указанных выше проблем видится в совершенствовании методического подхода к подготовительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы. В частности, необходимо закрепить разделение подготовительной стадии на «предварительный этап» и «предварительное исследование», с выделением этих частей в структуре заключений экспертов. Все действия эксперта, не направленные на непосредственное проведение научного исследования представленных объектов с целью решения вопросов, сформулированных в постановлении (определении) о назначении судебной экспертизы, либо сформулированных экспертом самостоятельно, в рамках реализации права на экспертную инициативу, должны отделяться от процесса экспертного исследования. Выделение в структуре заключений экспертов действий процессуального характера и действий научно-исследовательского характера будет способствовать расширению возможностей по их объективной оценке, поскольку она будет основываться на оценке двух, относительно самостоятельных, достоверностей: достоверность исходных материалов, представленных в распоряжение эксперта, и достоверность научных методов применявшихся в процессе исследования.

Кроме этого, необходимо максимально формализовать методы, применяемые на стадии предварительного исследования судебно-дактилоскопической экспертизы, определить цели, задачи и границы исследований на данной стадии. Обязательными этапами исследования в предварительной стадии судебно-дактилоскопической экспертизы являются:

1) экспертный осмотр объектов, целью которого является установление наличия на них видимых и слабовидимых следов рук, осуществление их фотофиксации и фотофиксации объектов, на которых они расположены, определения состояния следов и установление свойств материала объекта, на котором они расположены;

2) изучение представленных в распоряжение эксперта материалов дела, с целью обнаружения в них сведений о давности следов, месте их обнаружения, способе обнаружения, выявления и фиксации, условиях их хранения и иных, важных с экспертной точки зрения данных, влияющих на дальнейшее исследование;

3) подготовка теоретической базы, которую, в случае с судебно-дактилоскопической экспертизой, составляют разнообразные литературные источники (книги, статьи, обзорная

информация и т.п.), касающиеся сведений о свойствах объектов экспертного исследования и сведений о методах и методиках, которые могут быть применены для решения соответствующих задач;

4) составление плана исследования, позволяющее наиболее эффективно организовать проведение научного исследования, с точки зрения временных и энергетических затрат эксперта, обеспечивая при этом полноту и эффективность исследования;

5) усиление контраста слабовидимых следов, а также выявление и фиксация невидимых следов рук, как этап исследования, направленный на получение непосредственного объекта;

6) решение диагностических вопросов: каким пальцем, какой руки оставлен след, определение механизма образования следов (захват, нажим, касание), определение роста, пола и возраста лица, оставившего след.

Наиболее эффективным способом закрепления и реализации данных этапов предварительного исследования в практике судебных экспертов является создание программно-аппаратного комплекса. Данный комплекс должен не только закреплять указанные этапы в качестве обязательных процедур в процессе исследования, но и обеспечивать их отражение в структуре заключения эксперта, являясь, таким образом, техническим основанием методики судебно-дактилоскопической экспертизы.

Прежде всего, применительно к подготовительной стадии исследования, программно-аппаратный комплекс должен обеспечить правильность выбора и применения научно обоснованных методов выявления и фиксации следов для дактилоскопического исследования. Высокий приоритет данного направления обусловлен:

- особой важностью данного этапа для всего дальнейшего исследования;

- наличием огромного количества публикаций, посвященных методам и методикам выявления следов рук в зависимости от материала следовоспринимающего объекта, вещества следа, давности следа и т.д., что приводит к значительному усложнению поиска конкретных методов исследования и информации об эффективности практики их применения;

- трудностями объективной оценки другими участниками процесса критериев выбора экспертом конкретной методики выявления и фиксации следов рук.

Согласно рекомендациям, содержащимся в различных научно-методических источниках, в ходе предварительного исследования эксперта, помимо общего осмотра и фотофиксации, необходимо:

1. Путем изучения представленных в его распоряжение материалов дела установить давность следов и (или) сроки, прошедшие с момента выявления следов в процессе осмотра. Установление давности формирует у эксперта версии о степени деградации потожирового вещества и предварительные версии в отношении наиболее эффективных методов их выявления (в случаях, когда след является невидимым).

2. Путем осмотра объекта экспертизы установить его природу и с учетом свойств, полученных в ходе изучения представленных объектов, а также справочной информации о сроках сохранения потожировых следов из специальной литературы выбрать наиболее эффективные методы выявления следов рук.

3. Решить вопрос о возможности проведения биологического и/или генотипоскопического исследования вещества следа. В настоящее время эксперты определяют необходимость проведения биологического исследования потожирового вещества следа рук, основываясь либо на субъективных оценках состояния следа, с точки зрения возможности решения вопросов постановления (определения) сугубо дактилоскопическими методами, либо руководствуясь требованиями постановления (определения) о назначении судебной экспертизы.

4. При наличии следов, позволяющих судить о размере ногтевых фаланг (пальцев, ладоней), решить вопрос о предполагаемом росте, возрасте и поле лица, оставившего след. При наличии нескольких следов пальцев – решить вопрос о возможности установления механизма образования следов (касание, нажим или захват). Исходя из формы следов, определить конкретный палец и руку, которыми они были оставлены.

Решение указанных задач можно значительно упростить и повысить эффективность их решения, используя современные компьютерные технологии. Создание программ по автоматическому расчету количества дней, прошедших с момента оставления следов, либо с момента их выявления, с учетом календаря, не представляет особых сложностей. Полученный результат, по заложенным в программу алгоритмам, будет служить основанием для автоматического формирования таблицы со сведениями о степени сохранности потожирового вещества. Этот же результат, в сочетании с информацией о материале объекта, на котором расположены следы рук, а также с информацией о месте, времени и условиях, в которых он находился до момента изъятия, может использоваться компьютером для формирования списка с наиболее эф-

фактивными методами выявления (усиления контраста), фиксации и изъятия потожировых следов рук. Методы, содержащиеся в сформированном списке, могут ранжироваться по заданным экспертом основаниям – эффективность, характер воздействия на потожировое вещество, техническая сложность применения и т.п. Данный список может сопровождаться подробным описанием способа применения конкретного метода и ссылками на конкретные научно-методические публикации.

Обязательность решения вопроса о возможности биологического исследования вещества следа также необходимо заложить в алгоритмы программы. Учитывая факт отсутствия научно обоснованных данных о сроках хранения материала ДНК в биологических следах, а также о влиянии на материал ДНК различных дактилоскопических методов выявления, фиксации и изъятия следов, программно-аппаратный комплекс должен, по возможности, учитывать эмпирические данные, полученные в ходе анализа экспертной практики и результатов экспериментов.

Решение вопроса о возможности биологического исследования вещества следа должно стать обязательным этапом предварительного исследования судебно-дактилоскопической экспертизы.

Для повышения наглядности полноты и объективности проведения предварительного исследования в программе должна предусматриваться возможность распечатывания важной, с точки зрения объективной оценки заключения эксперта, информации:

- количество исследуемых следов;
- методы их выявления, фиксации и изъятия (с указанием источника рекомендаций);
- механизм образования следов (касание, нажим, захват);
- указание на конкретную руку и палец, которыми были образованы следы;

– отметка о биологическом и/или генотипоскопическом исследовании вещества следа и т.п.

Данная информация для облегчения восприятия должна иметь формализованный вид (таблицы). Использование таких таблиц в качестве приложений к заключению эксперта способно существенно повысить наглядность заключений, а также облегчить их критическую оценку.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что в настоящее время в судебно-дактилоскопической экспертизе существует проблема, связанная с определением границ и содержания стадии предварительного исследования. На практике следствиями этой проблемы являются сложности в определении экспертами обязательных этапов предварительного исследования и трудности в оценке другими участниками уголовного процесса заключений экспертов, с точки зрения их полноты и обоснованности. Наиболее рациональный путь преодоления указанных проблем видится в создании и внедрении в экспертную практику программно-аппаратного комплекса, который бы позволил:

– обеспечить полноту и единообразие исследований, проводимых на стадии предварительного исследования;

– сделать этап предварительного исследования судебно-дактилоскопической экспертизы более формализованным;

– повысить у участников процесса возможность критической оценки исследований, проведенных на стадии предварительного исследования;

– закрепить обязательность решения вопроса о возможности и необходимости биологического и/или генотипоскопического исследования вещества следов;

– обеспечить возможность оперативного внесения в систему информации о новых возможностях судебно-дактилоскопической экспертизы и рекомендаций, выработанных на практике.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 янв. 2012 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Криминалистическая экспертиза: Трасология: учебник / П.Н. Аленичев [и др.]; Под ред. Г.А. Самойлова. – М.: Изд-во ВШ МОПП СССР, 1968. – Вып. 6. – 248 с.
3. Судебно-трасологическая экспертиза: Дактилоскопическая экспертиза: учеб.-метод. пособие / Ю.П. Голдованский, С.И. Поташник, Л.Г. Эджубов; Отв. ред. Х.М. Тахо-Годи. – М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1971. – Вып. 2. – 70 с.
4. Клименко, Н.И. Использование экспертом исходных данных для производства экспертизы / Н.И. Клименко // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев: Вища Школа, 1982. – Вып. 25. – С. 34 – 39.
5. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд. доп. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
6. Корниенко, Н.А. Следы человека в криминалистике: учеб.-метод. пособие / Н.А. Корниенко. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

7. Самищенко, С.С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития: моногр. / С.С. Самищенко. – М.: Акад. упр. МВД России, 2002. – 456 с.
8. Філософський словник / под ред. В. Шинкарука. – Київ: УРЕ, 1973. – 600 с.
9. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.; СПб., 2000. – 1456 с.

Дата поступления: 05.11.2012

Annotation

The article deals with the problematic issues of the preparatory stage of the forensic fingerprint examination and provides options for overcoming them based on the capabilities of modern hardware and computer resources.

ИССЛЕДОВАНИЕ АКТА ПРОВЕРКИ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Зайцев О.П.

Государственный
экспертно-криминалистический
центр МВД Республики Беларусь

Аннотация

В настоящей статье приводятся обоснования отнесения акта проверки финансово-хозяйственной деятельности организации к объектам судебно-экономической экспертизы, а также раскрываются некоторые вопросы проведения исследования указанного документа.

В соответствии с пунктом 111 Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19.01.2009 г. № 4, акт – документ, составляемый комиссией (уполномоченными лицами или должностным лицом), подтверждающий установленные факты (акты проверок, инвентаризации, несчастных случаев, приема-передачи материальных ценностей и др.) [1].

Пунктом 59 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 г. № 510 (далее – Положение № 510), предусмотрено, что в акте проверки должны быть соблюдены ясность и точность изложения выявленных фактов. Не допускается включение в акт проверки различного рода не подтвержденных документально фактов и данных о деятельности проверяемого субъекта [2].

Однако в практической деятельности эти требования не всегда соблюдаются. Во многих случаях назначение судебно-экономических экспертиз обусловлено низкой доказательственной ценностью для правоохранительных органов и судов отдельных актов проверок финансово-хозяйственной деятельности организаций (далее – акт проверки). Недоброкачество акта проверки может быть обусловлена имевшими место недостатками как при проведении проверки хозяйственных операций, так и на стадии подготовки самого документа.

Особенности исследования экспертом актов проверок нашли достаточно широкое отражение в учебной и научной литературе. Доминирующей точкой зрения является использование акта проверки для изучения изложенных в нем фактов и исследование их посредством анализа документов и записей в учетных регистрах. А.М. Ромашов указывает: «акт документальной ревизии является важнейшим источником информации при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы» [3, с. 24]. Г.И. Макеенко считает, что «эксперт-бухгалтер должен изучить материалы проведенной ревизии прежде всего с точки зрения значимости изложенных фактов, чтобы с наибольшей полнотой ответить на вопросы следователя» [4, с. 23].

Отсюда можно заключить, что акт проверки должен являться и важным объектом судебно-экономической экспертизы. Однако в ряде трудов по вопросам судебно-экономической экспертизы это утверждение подвергается сомнению, а то и вовсе отрицается. «Акты проверок, ревизий, иные документы, формируемые специалистами-

экономистами (заключения, обзоры, справки и т.д.), не могут являться объектами исследования судебно-экономической экспертизы. В рамках судебно-экономической экспертизы исследуется финансово-хозяйственная деятельность экономических субъектов и ее отражение в различных системах учета, а не действия специалистов-экономистов по ее изучению» [5, с. 24].

Е.Р. Россинская отмечает, что «сам акт ревизии не является объектом экспертного исследования, а служит источником дополнительной информации для проведения экспертного исследования. Оценка качества проведенной ревизии, ее соответствие нормам законодательства не составляют предмет бухгалтерской экспертизы» [6, с. 102].

Здесь, представляется, имеет место явное сужение цели использования акта проверки как источника информации. Авторы сводят работу с актом проверки в большей степени к даче оценки действий (бездействия) проверяющих и высказыванию суждений относительно хода и результата проверочных мероприятий и, поэтому, приводят несвойственные судебно-экономической экспертизе задачи. Бесспорно, такая оценка не относится к предмету исследования данного вида экспертизы, но возможные экспертные задачи этим отнюдь не исчерпываются. Экономическая информация, содержащаяся в акте проверки, оказывается востребованной экспертом и для иных исследований, составляющих предмет судебно-экономической экспертизы. Таким образом она является имманентной, неотъемлемой частью экспертного исследования.

Другая группа авторов, признавая акт проверки в качестве объекта судебно-экономической экспертизы, все же отводит ему некую второстепенную роль.

Согласно мнению А.М. Ромашова, «все объекты судебно-бухгалтерской экспертизы можно подразделить на две группы: документы бухгалтерского учета; иные материалы уголовного или гражданского дела» [7, с. 70]. Во вторую группу им включены «акты документальных ревизий и обследований» [7, с. 70]. При этом для эксперта-бухгалтера акты ревизий играют двоякую роль: как источник получения данных и для дачи оценки установленным ревизорами фактам. Вместе с тем эксперт «изучает прежде всего документы бухгалтерского учета, а материалы ревизии – лишь постольку, поскольку они содержат фактические данные, относящиеся к предмету экспертизы» [7, с. 96]. Такой же позиции придерживаются С.С. Остроумов и С.П. Фортинский: «эксперт-бухгалтер прежде всего должен изучить акт

ревизии с точки зрения изложенных в нем фактов, чтобы ответить на вопросы следователя» [8, с. 221].

В.А. Хмельницкий объекты судебно-бухгалтерской экспертизы также делит на две группы по отношению к использованию их экспертом, а именно бухгалтерские документы и другие материалы уголовного или гражданского дела [9, с. 47]. Аналогичного деления объектов судебно-бухгалтерской экспертизы придерживается и Г.И. Макеенко [4, с. 6], Н.Е. Шмеля [10, с. 12].

Однако к непосредственным объектам судебно-бухгалтерской экспертизы, на которых должно основываться заключение эксперта-бухгалтера, В.А. Хмельницкий все же относит только бухгалтерские документы [9, с. 47 – 48]. Таким образом усматривается некая неравнозначность выделяемых групп. Их неравнозначность подчеркивается и тем, что «другие материалы дела могут быть использованы экспертом-бухгалтером для более точного определения периода исследования, выбора методов экспертизы и решения вспомогательных и организационных вопросов» и далее «однако эксперт-бухгалтер не вправе оценивать эти документы, а также основывать свои выводы в заключении на их данных» [9, с. 49].

Несомненно, в практической деятельности встречаются ситуации, когда эксперт использует акт проверки исключительно в качестве источника информации об интересующих фактах хозяйственной деятельности, а сами факты исследуются посредством работы с бухгалтерскими и иными документами. Но имеют место случаи, когда в группировочных таблицах (приложениях) акта проверки содержатся неоспариваемые сторонами данные, например о движении товарно-материальных ценностей за длительный промежуток времени. Их выборка и систематизация, как правило, сопряжены с большими трудозатратами проверяющих, а впоследствии и эксперта. Конфликт же заключается в различной оценке полученных данных, о чем ставятся вопросы эксперту. Надо ли в данной ситуации проводить исследование всей «первички»? Скорее всего эксперт должен избрать более рациональный путь работы, сосредоточив усилия на оценке фактических результатов совершенных хозяйственных операций, с принятием за основу сводных данных проверяющих.

Думается, не совсем логичным будет причислять акт проверки к второстепенному объекту исследования и на основании выборочности исследования этого документа. Эксперт и учетные документы изучает строго дифференцированно, исходя из стоящих перед ним

вопросов, например, прослеживая полноту отражения в учетных регистрах конкретной хозяйственной операции. В этом случае никакой обязанности проводить сплошную проверку аналогичных операций или полноту заполнения учетного регистра у эксперта не возникает.

Ж.А. Кеворкова и А.А. Савин материалы исследования разделяют на две части: основные объекты исследования и факультативные объекты исследования, которые учитываются при производстве экспертизы и составлении заключения, но не подвергаются экспертному исследованию. К ним, в частности, они относят и акты документальных ревизий [11, с. 96]. В данном случае не совсем понятна логика авторов, которые относят акт проверки к объектам исследования, хотя бы и факультативным, но, по-скольку-то, считают, что он не подвергается экспертному исследованию. С.С. Остроумов и С.П. Фортинский, напротив, обоснованно отмечают, эксперт «исследует хозяйственные операции, представляющие собой предмет судебно-бухгалтерской экспертизы, подвергая соответствующему анализу документы, записи в счетных регистрах, а также в отдельных случаях акты документальных ревизий и отчеты, ...» [8, с. 205 – 206].

Однако далее в своей работе Ж.А. Кеворкова и А.А. Савин все же указывают, что «в актах документальных ревизий могут быть описаны методы исследования документов, а также приемы расчетов, на основе которых построены соответствующие выводы ревизора. Такие методы и приемы и будут являться объектами исследования эксперта-бухгалтера». Здесь надо заметить следующее. Согласно п. 60 Положения № 510 [2] указание в акте проверки методов проверки финансово-хозяйственных операций является не правом, а обязанностью проверяющих, которой они зачастую пренебрегают.

Как представляется, приведенные суждения о некоем вспомогательном характере акта проверки как объекта судебно-экономической экспертизы (ее рода – судебно-бухгалтерской экспертизы) непосредственно основываются на том, что хозяйственные операции прежде всего находят свое отражение именно в первичных учетных документах и сводных бухгалтерских регистрах. В акте проверки они лишь получают свое описание с позиции проверяющего, т.е. могут подвергаться существенной трансформации относительно их реального экономического содержания. Но, по нашему мнению, здесь не учитывается то разнообразие экспертных задач, которые приходится решать эксперту в настоящее время. Именно стоящая экспертная задача в наибольшей степени определяет, какой из объектов экспертизы

будет узловым источником данных, а какой обеспечит всего лишь информационный фон. Этот тезис корреспондирует и с утверждением Е.Р. Россинской, что «объекты экспертизы устанавливаются отдельно по каждому вопросу, который поставлен на исследование экспертизы» [6, с. 158].

Согласно мнению Н.Т. Белуха, объектами судебно-бухгалтерской экспертизы являются вещественные, документальные (акты ревизий, первичные учетные документы, учетные регистры, отчетность) и другие доказательства, в которых зафиксированы исследуемые обстоятельства дела [12, с. 38 – 39].

Таким образом, в определенных случаях акт проверки может выступать в качестве ключевого материального носителя исследуемых сведений. Ведь «для признания документа объектом экспертного исследования необходимо наличие в нем экономически значимой информации» [6, с. 108]. Так, при изучении вопросов о правильности и обоснованности приведенных в акте проверки сведений, расчетов, методических приемов исследования хозяйственных операций, периодов, охваченных проверкой, полноты выборки учетных и иных данных, эксперт, в первую очередь, обратится к акту проверки, в котором будет содержаться искомая экономически значимая информация. В необходимых случаях проведет сравнительный анализ сведений, содержащихся в акте проверки, и данных из документов субъекта хозяйствования. А для ответа на вопрос: «Правильно ли определена и применена проверяющими методика распределения выявленной недостачи между членами бригады в условиях коллективной материальной ответственности, отраженная в акте проверки?» эксперт все же воспользуется актом проверки как решающим объектом исследования. Поскольку только здесь он найдет описание способа распределения выявленной недостачи между членами бригады, а также подробный подсчет итоговых сумм по каждому члену бригады за период образования недостачи.

В свою очередь Ш.И. Алибесков выделяет, применительно к исследованию вопросов, поставленных на разрешение эксперта, следующие группы объектов судебно-бухгалтерской экспертизы:

- «заключающие в себе факты, подлежащие исследованию;
- отражающие возникновение и изменение исследуемых фактов;
- облегчающие уяснение смысла и предельное исследование фактов.» [13, с. 30].

Соответственно, в зависимости от поставленных вопросов и решаемых на их основе

экспертных задач, акт проверки может быть отнесен к любой из этих групп объектов судебно-бухгалтерской экспертизы. Поэтому можно обоснованно утверждать, что акт проверки такой же полноценный объект исследования эксперта, как и бухгалтерские и иные хозяйственные документы, поскольку только на основании акта проверки эксперт, «обладая специальными познаниями, сможет выявить соответствие или несоответствие примененных методов требованиям экономической науки» [11, с. 100], а также, в определенных случаях, получить и исследовать другую экономически значимую информацию.

Таким образом, необходимо отметить достаточную условность приводимого в литературе деления объектов исследований на основные и факультативные (непосредственные и другие) применительно к акту проверки, а также несубсидительность утверждений о том, что акт проверки не может являться объектом исследования судебно-экономической экспертизы. Напротив, в зависимости от стоящей экспертной задачи он может обеспечивать экспертный поиск самыми важными, и главное единственно имеющимися исходными данными для проведения исследования. Это обусловлено и тем, что дополнительное отражение экономически значимой информации в том виде, в котором она присутствует в акте проверки, в других документах не производится.

Согласно п. 61 Положения № 510 [2] проверяющий несет ответственность за достоверность фактов и сведений о выявленных нарушениях, а также установленных сумм вреда, указанных в акте проверки. В свою очередь за достоверность документов, сведений и фактов, указанных в представленных по требованию проверяющего справках, объяснениях и расчетах, ответственность несет должностные лица и представители проверяемого субъекта, представившие указанные справки, объяснения и расчеты.

При проведении проверки проверяющий самостоятельно определяет методы и способы ее осуществления (п. 36 Положения № 510) [2].

Тем не менее экспертная практика показывает, что не всегда проверяющие обеспечивают требуемое качество контроля и всестороннее изложение его результатов. Например, в результате неправильного выбора метода или способа проверки они могут получить неполные, а то и недостоверные данные о совершенных хозяйственных операциях, которые будут положены в основу выводов о допущенных проверяемым субъектом нарушениях.

В этой связи при проведении исследования эксперту необходимо обращать внимание на

следующие основные недостатки, допускаемые проверяющими при составлении актов проверок:

- отсутствие в акте четкого указания на примененные методы и способы проверки хозяйственных операций, а также периода, в котором эти операции имели место;

- неполное указание (не указание) нормативных документов, регулирующих исследованную финансовую или хозяйственную операцию, принятие в качестве базы для анализа недействующих редакций нормативных правовых актов, утративших силу норм;

- неверное построение так называемой «идеальной правовой модели» действий проверяемого субъекта, характеризующей выполнение всех исследуемых обязанностей по выполнению предписаний нормативных правовых актов и внутренних (локальных) документов. Может иметь место при неправильном толковании предписаний нормативных документов для обоснования позиции проверяющих и не принятия позиции проверяемых лиц;

- избирательность приводимых в качестве недостатков фактов хозяйственной деятельности проверяемого субъекта без их тесной увязки со всеми другими сторонами работы организации;

- недостаточное обеспечение иллюстративным материалом, описываемых в акте нарушений и недостатков в виде расчетов, выборок данных, реестров сведений, как правило, составляющих приложения к акту проверки;

- отсутствие в акте расшифровки сложных для понимания расчетов с обязательными ссылками на первичные учетные документы, регистры учета и т.д.;

- различные, порой прямо противоположные, выводы проверяющих, представляющих разные контролирурующие органы (проводящих дополнительные проверки), об одних и тех же изученных фактах хозяйственной деятельности;

- не отражение причин непринятия к проверке предъявленных бухгалтерских документов, актов на списание товарно-материальных ценностей и иных документов по мотивам их неадекватного оформления, несвоевременного представления и т.д.;

- безосновательные утверждения о размере причиненного вреда (ущерба), не обоснованные соответствующей методикой и предписаниями законодательства, а также не указание о наличии вреда при выявлении таких фактов.

Вследствие этого, в большинстве случаев, назначение судебно-экономических экспертиз после проведения проверок финансово-хозяйственных операций обусловлено следующими обстоятельствами:

– противоречия результатов проведенных проверок иным материалам дела;

– сомнения в правильности расчета суммы причиненного вреда, в том числе из-за применения не соответствующей законодательству методики, непринятия к рассмотрению отдельных оправдательных документов, предъявленных материально ответственными и другими лицами, и т.д.;

– наличия противоречий в выводах нескольких проведенных проверок;

– наличия в материалах дела заключений экспертов других специальностей, которые вызывают необходимость сопоставить их с материалами проверки [14, п. 14].

К этому можно добавить наличие внутренних противоречий в самом акте проверки, существенную неопределенность выводов проверяющих, присутствие в акте методических и технических ошибок и описок.

Исходя из сказанного, построение процесса исследования акта проверки целесообразно осуществлять в тесной привязке к решаемой экспертной задаче, имманентно присущей этому исследованию. В данном случае частные (конкретные) экспертные задачи можно сформулировать следующим образом:

– определение истинного результата совершенных хозяйственных операций, ставших предметом проверки;

– установление точной суммы причиненного вреда (факта отсутствия вреда), обоснованности иных, приведенных в акте проверки расчетов (сумм, данных, сведений и т.д.);

– проведение анализа имеющихся противоречий в актах проверок по одним и тем же фактам и событиям хозяйственной деятельности и дача по ним экспертного заключения в части их обоснованности и достоверности;

– проверка обоснованности выводов проверяющих относительно фактов и событий хозяйственной деятельности в сопоставлении с выводами экспертов других специальностей, раскрывающих их отдельные составляющие.

Для решения сформулированных экспертных задач необходимо, прежде всего, осуществить правильный выбор методов исследования. Очевидно, что все указанные экспертные задачи будут решаться с использованием общенаучных и специальных методов. К последним, в частности, можно отнести формальную проверку (визуальный осмотр документа и его анализ), арифметическую проверку, нормативную проверку, сравнительную проверку и др.

При выборе методических приемов и способов исследования следует помнить, что п. 60 Положения № 510 [2] предусмотрены обязательные требования к содержанию акта про-

верки. Помимо прочего, в нем должно быть указано:

– какие финансово-хозяйственные операции (документы), каким методом и за какой период проверены;

– описание факта нарушения законодательства, место и время его совершения, акты законодательства, требования которых нарушены, и (или) предусмотренная законодательными актами ответственность за такое нарушение;

– размер причиненного вреда (при его наличии) и другие последствия выявленных нарушений.

В связи с этим при исследовании содержания акта проверки обращается внимание на полноту отражения указанной обязательной информации, которая необходима для решения стоящей экспертной задачи. Устанавливаются все несоответствия и определяются варианты наиболее предпочтительных действий эксперта исходя из характера поставленных вопросов. Так, при проведении исследования по вопросу правильности определения проверяющими размера вреда, причиненного имуществу субъекта хозяйствования в результате совершения хозяйственной операции, может применяться следующая схема построения исследования.

Во-первых, эксперту следует уяснить экспертную задачу и обеспечить через инициатора экспертизы достаточность объектов исследования (акт проверки, локальные нормативные документы по исследуемой тематике, первичные учетные документы, регистры учета, хозяйственные договоры и т.д.).

Во-вторых, на основании акта проверки, бухгалтерских и хозяйственных документов установить факт осуществления изучаемой операции.

В-третьих, определить экономическое содержание совершенной операции (например, выдача из кассы денежных средств без оправдательных документов).

Далее оценить, относится ли этот факт к случаям причинения вреда. При положительном ответе установить стоимость утраченного имущества и размер вреда согласно предписаниям законодательства. На заключительном этапе сопоставить полученные в ходе исследования результаты с теми, которые изложены в акте проверки, и отразить их в заключении.

Конечно, приведенная схема показывает ход исследовательской работы в достаточно упрощенном виде, но исходя из нее можно видеть, как используется экспертом экономическая информация, содержащаяся в акте проверки.

Весьма часто после исследования акта проверки заявляется ходатайство о допросе проверяющих. Самой распространенной при-

чиной данных действий является необходимость уточнения отдельных приемов оценки хозяйственных операций, источников возникновения итоговых и промежуточных сведений, а также не подтвержденной документально информации. Для обеспечения полноты отражения этих обстоятельств при допросе рекомендуется разрабатывать и представлять инициатору назначения экспертизы перечень интересующих вопросов. При необходимости инициируется проведение дополнительных проверок субъектов хозяйствования. Такая необходимость может возникнуть когда:

- изучение интересующих эксперта финансовых и хозяйственных операций может быть проведено только проверяющими непосредственно в проверяемой организации;
- требуется проведение сплошной, а не выборочной проверки операций;
- получение искомой экономической информации возможно путем проведения сверок и встречных проверок документальных данных у лиц, связанных с проверяе-

мым субъектом по исследуемым сделкам (операциям);

- обработка изъятой с материальных и электронных носителей информации предполагает проведение объемных счетных работ;
- оценку фактам и обстоятельствам хозяйственной деятельности возможно дать только проверяющим различных специальностей (экономист, инженер, технолог и т.д.) путем контроля и фиксации результатов производственного процесса, а также в иных случаях, когда это не входит в компетенцию эксперта.

Полученные таким образом материалы восполняют недостатки акта проверки и улучшают качество исследования эксперта.

В свете сказанного очевидно, что с помощью квалифицированного экспертного исследования актов проверок правоохранительные органы и суды могут разрешать широкий круг вопросов относительно спорных хозяйственных операций организаций. А сам акт проверки является важным объектом исследования судебно-экономической экспертизы.

Список использованных источников

180

1. Инструкция по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь 19.01.2009 г. № 4 // Консультант плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
2. Положение о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Респ. Беларусь 16.10.2009 г., № 510; текст Положения по состоянию на 12 апр. 2012 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
3. Георгиев, Л.И. Судебно-бухгалтерская экспертиза в суде / Л.И. Георгиев, А.М. Ромашов. – М.: ВНИИСЭ, 1976. – 123 с.
4. Макеенко, Г.И. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие / Г.И. Макеенко. – Минск: БГУ, 2001. – 65 с.
5. Мусин, Э.Ф. Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие / Э.Ф. Мусин, С.В. Ефимов, В.Г. Савенко. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 176 с.
6. Россинская, Е.Р. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская и др.; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворковой. – 3-е изд., пераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 383 с.
7. Ромашов, А.М. Судебно-бухгалтерская экспертиза / А.М. Ромашов. – М.: Юрид. лит., 1981. – 128 с.
8. Остроумов, С.С. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы: учебник / С.С. Остроумов, С.П. Фортинский. – М.: Юрид. лит., 1969. – 296 с.
9. Хмельницкий, В.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебник / В.А. Хмельницкий. – Минск: БГУ, 2005. – 207 с.
10. Шмея, Н.Е. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб.-метод. комплекс / Н.Е. Шмея. – Минск: Изд-во МИУ, 2006. – 156 с.
11. Кеворкова, Ж.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие / Ж.А. Кеворкова, А.А. Савин. – М.: Вузский учебник, 2008. – 129 с.
12. Белуха, Н.Т. Судебно-бухгалтерская экспертиза / Н.Т. Белуха. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 272 с.
13. Алибеков, Ш.И. Судебно-бухгалтерская экспертиза / Ш.И. Алибеков. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – 144 с.
14. Инструкция об особенностях проведения экономической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Республики Беларусь, утв. постановлением М-ва внутр. дел Респ. Беларусь 14.11.2006 г., № 303 // Консультант плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

Дата поступления: 10.09.2012

Annotation

The article presents the rationale for including the act of the inspection of financial and economic activities of an organization to the subjects of forensic economic examination, and reveals some problems of the study of the mentioned document.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДАННЫМ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПАТОМОРФОЛОГИЯ МЯГКИХ ТКАНЕЙ ГОЛОВЫ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОЙ ТРАВМЕ

Артюшкевич В.С.
Государственная служба
медицинских судебных экспертиз
Республики Беларусь

Аннотация

На основании данных литературы и собственных наблюдений проведен анализ патоморфологических изменений мягких тканей головы при механической травме. Исследовались ссадины, кровоизлияния, кровоподтеки, раны. Проведена дифференциальная диагностика прижизненных и посмертных повреждений.

Травма головы отличается значительным клиническим и патоморфологическим полиморфизмом, обусловленным механизмом и тяжестью травматического воздействия, в процессе которого повреждаются мягкие ткани головы, кости черепа, сосуды, оболочки и ткань головного мозга.

Большинство публикаций посвящено исследованию переломов костей черепа и внутричерепных повреждений, являющихся ведущими компонентами черепно-мозговой травмы. Меньшее значение придается исследованию мягких тканей головы, несмотря на то, что они несут значительную информацию о характере травмы. Дифференциальная диагностика прижизненных и посмертных повреждений вообще, и головы в частности, до настоящего времени не получила окончательного разрешения и требует дальнейшего исследования.

На основании данных литературы и собственных наблюдений проведен анализ патоморфологии ссадин, кровоизлияний, кровоподтеков, ран кожно-мышечного лоскута головы с целью установления их давности, прижизненного и посмертного происхождения. Основным вопросом, возникающим при исследовании ссадин, является установление их прижизненности и давности. Наибольшие трудности возникают при диагностике повреждений, возникших в сроки, близкие к наступлению смерти. Существует ряд макро- и микроскопических признаков, позволяющих устанавливать прижизненное и посмертное происхождение ссадин [1].

Прижизненные ссадины, как правило, связаны с другими повреждениями (кровоподтеками, ранами, переломами), реже носят изолированный характер. Основным макроскопическим признаком прижизненности ссадин является образование, созревание и отслаивание корочки в участке повреждения кожи. Для ссадин характерно наличие сосудистой реакции в очаге повреждения в виде спазма, последующего расширения и полнокровия кровеносных сосудов, плазматизации и нарушения проницаемости сосудистой стенки. Происходит нарушение реологических свойств крови в микроциркуляторном русле. Отмечаются внутрисосудистое и периваскулярное скопление лейкоцитов, лимфоцитов, фибробластов в зоне повреждения кожи.

Ссадины, имея общую закономерность протекания патоморфологического процесса, весьма вариабельны в своем развитии. На заживление ссадин оказывают влияние глубина и площадь поражения кожи, локализация травмы, возраст, состояние иммунной системы постра-

давшего и др. У детей ссадины заживают быстрее, чем у взрослых, особенно лиц пожилого и старческого возраста. Отпадение корочки с поверхности ссадины у детей наблюдается на 7-8 день, у лиц старше 60 лет – на 9-11 день [2].

При прочих равных условиях ссадины головы заживают быстрее, чем других частей тела. У поверхностных ссадин на лице корочка отпадет через 7-11 дней, у глубоких – через 12-18 дней. На верхних и нижних конечностях этот процесс составлял 8-13 дней (поверхностные ссадины) и 15-24 дня у глубоких ссадин [2]. Процесс заживления ссадин у лиц с тяжелой механической травмой запаздывает в сравнении с общепринятыми сроками. При этом стадия образования корочки в ссадинах головы запаздывает в среднем на 1-3 суток; начало отторжения – на 2-5 суток; стадия полного отслоения корочки – на 4-6 суток. Ссадины на волосистой части головы заживают быстрее, чем на лице [3].

Посмертные ссадины – участки кожи, лишенные рогового и других слоев эпидермиса, которые постепенно подсыхая, приобретают пергаментную плотность, имеют темно-коричневый или темно-красный цвет с просвечивающими сосудами в области трупных пятен. Дно посмертных ссадин не покрыто корочкой и ниже окружающих тканей. Морфологическая картина посмертных ссадин однотипна. В них отсутствуют реактивные изменения или бывают слабо выражены, если ссадина образовалась в сроки, близкие к наступлению смерти.

Ссадины являются результатом внешнего травматического воздействия тупого твердого предмета. Наличие их свидетельствует о факте и кратности травмы. Локализация ссадины указывает на место приложения травмирующей силы, а форма может отражать травмирующую поверхность предмета или орудия, которыми нанесены повреждения.

Кровоизлияния в мягкие ткани головы при механической травме имеют регионарные особенности. Весьма специфичны изменения травмированных тканей в области глаз. При прямом травматическом воздействии возникают кровоизлияния под кожу век, конъюнктиву. Кровоизлияния в соединительную оболочку глаз возникают прижизненно, имеют ярко-красный цвет, который не меняется вплоть до их исчезновения (около 14 дней).

При непрямом травматическом воздействии (перелом основания черепа) могут возникать кровоизлияния в виде треугольника, расположенного с височной стороны и обращенного вершиной к рогавице. Эти кровоизлияния проникают высоко под конъюнктиву до

самого свода и даже на конъюнктиву век [4]. Признаком перелома костей основания черепа являются кровоизлияния в ретробульбарную клетчатку, а также в жировую клетчатку век («очковые» кровоизлияния).

На конъюнктиве век нередки кровоизлияния нетравматического генеза. Точечные кровоизлияния характерны для резкого повышения давления в системе верхней поллой вены при асфиксии, сильном кашле. Единичные точечные кровоизлияния могут быть следствием микроэмболии. Спонтанные кровоизлияния чаще односторонние в виде неправильной формы пятна или треугольника, основанием расположенного возле рогавицы, и никогда не заходят высоко в свод.

Повреждения, сопровождающиеся кровоизлияниями в мягкие ткани с образованием кровоподтеков, являются частым видом травмы головы. Они типичны для действия тупых твердых предметов и отражают факт травмы, ее кратность, место приложения силы, формы и размер травмирующего предмета, давность и прижизненность травмы.

Трудность дифференциальной диагностики прижизненных и посмертных повреждений, возникших в сроки, близкие к наступлению смерти, общеизвестна. Это связано со способностью тканей и органов к переживанию на протяжении некоторого времени после наступления смерти сохранять свою жизнеспособность и реагировать на травму как живые. Вместе с тем, существует ряд морфологических признаков, позволяющих со значительной достоверностью устанавливать прижизненность кровоподтеков, их отличие от посмертно образованных кровоизлияний. Макроскопически ткани в области кровоподтека набухшие, отечные, пропитаны излившейся кровью. Наличие толстых, не смываемых струй воды и не снимающихся спинкой ножа кровоизлияний, расслаивающих мягкие ткани с образованием видимых невооруженным глазом свертков крови, свидетельствуют о прижизненности кровоподтека. Для них характерно распространение кровоизлияний за пределы поврежденных тканей, наличие эритроцитов в лимфатических путях и регионарных лимфоузлах. В прижизненных кровоподтеках обычно наблюдаются травматический отек и воспалительная реакция. Макроскопически отек характеризуется уплотнением и набуханием тканей, особенно рыхлых, какой является подкожная клетчатка. Отек на лице обычно резко выражен в области губ. В основе макроскопической диагностики прижизненности и давности травмы лежит изменение цвета («цветение») кровоподтеков в процессе их заживления, обусловленного из-

менением гемоглобина в очаге излившейся крови. Для кровоподтеков характерна зависимость сроков заживления от локализации и массивности кровоизлияний. Сроки рассасывания небольших кровоподтеков в области головы составляют 10-16 суток, более выраженные кровоизлияния исчезают на 3-6 дней позже. При тяжелой механической травме, сопровождающейся выраженной кровопотерей, задерживаются стадии «цветения» кровоподтеков, замедляется процесс рассасывания продуктов распада крови из очага кровоизлияния. Заживление кровоподтека задерживается на 5-10 дней [5; 6]. В мягких тканях головы «цветение» кровоподтеков замедлялось и в среднем отставало от обычных сроков на 1-2 дня [5].

Травматические кровоизлияния в глубоких слоях мягких покровов волосистой части головы без нарушения целостности кожи и грубой травматизации тканей характеризовались длительным отсутствием гемолиза эритроцитов и лейкоцитарной реакции. Нарушение целостности кожи и выраженное разможнение тканей в области кровоизлияния ускоряют процесс трансформации эритроцитов и развития реактивных изменений в кровоподтеке [5].

Важным показателем прижизненности травмы является состояние кровеносных сосудов в очаге повреждения. Для прижизненных кровоподтеков характерна вазомоторная реакция, имеющая фазовый характер в виде первоначального спазма, сменяющегося расширением и полнокровием кровеносных сосудов. Происходит повышение проницаемости и плазматизация сосудистой стенки. Отмечаются нарушения реологических свойств крови в микроциркуляторном русле, повышение количества лейкоцитов в просвете сосудов, миграция и периваскулярные скопления клеток; тромбоз сосудов.

Кровоизлияния и кровоподтеки в мягких тканях головы могут возникать посмертно через 12-24 часов и более после останова сердца [7; 8], по макро- и микроскопическим признакам не отличаясь от прижизненных, возникших незадолго до смерти [9]. По этой причине некоторые исследователи [10] считают, что кровоизлияния в кожно-мышечный лоскут головы не могут считаться надежным признаком прижизненности травматического повреждения.

В экспериментах на биоманекенах при моделировании черепно-мозговой травмы [7] наблюдалось появление двух типов посмертных кровоизлияний в мягких тканях мозгового черепа: на месте удара и в области век (по типу травматических «очков»). Интенсивность кровоизлияний была более выраженной при

целости кожных покровов, что способствовало скоплению крови в кожно-мышечном лоскуте головы. При открытых повреждениях кровоизлияния были ограниченными и не достигали большой интенсивности вследствие истекания крови за пределы поврежденных тканей. При малокровии мягких тканей кровоизлияния сопровождалось периферическим отеком, появлением свертков крови, фибрина, что придавало им видимость прижизненных повреждений.

Посмертные кровоизлияния в области век возникали при переломе костей крыши глазницы и ее внутренних стенок, сопровождавшихся разрывом внутриглазничных сосудов и кровоизлиянием в полость глазницы и распространением в жировую клетчатку век. В основе указанных кровоизлияний лежит натечный механизм.

Многочисленные исследования и собственные наблюдения показывают, что посмертные кровоизлияния имеют характерные признаки. Они обычно невелики по площади и толщине, не инфильтрируют или нерезко пропитывают мягкие ткани жидкой несвернувшейся кровью, имеют четкую границу, резко отграничены от окружающих тканей, в них не образуются свертки крови. Возникающие в редких случаях свертки обычно тонкие, выдавливаются при поглаживании спинкой ножа, а также вымываются струей воды. Ткани в области посмертного кровоизлияния не взбухают над поверхностью окружающей кожи. Кожа имеет бледно-синюю окраску. Посмертные кровоподтеки не меняют своего цвета. При макроскопическом исследовании в тканях отсутствует вазомоторная реакция, не выявляются воспалительная реакция и травматический отек, отсутствуют признаки нарушения реологических свойств крови, реакция на железо при окраске гистологических препаратов по Перлу отрицательна.

Типичными повреждениями кожно-мышечного лоскута головы, образующимися от действия острых предметов, являются резаные, колото-резаные и рубленые раны, имеющие ряд характерных признаков, основными из которых являются зияние ран и расхождение их краев, обусловленных сокращением мышц и сухожилий; острые концы; ровные, неосажденные стенки ран. В раневом канале отмечается наличие жидкой крови и ее свертков. В дне раны обычно отсутствуют тканевые перемишки. Достоверным признаком прижизненной травмы головы является кровотечение из ран кожно-мышечного лоскута.

При тупой черепно-мозговой травме различают [11] ушибленные, рваные, ушибленно-рваные раны. Общими морфологическими признаками ушибленных ран являются неровные,

кровоподтечные, обрывистые, разможженные и осадненные края; наличие соединительно-тканых перемычек в дне раны.

При оскольчатых переломах костей свода черепа возникают рваные раны, характеризующиеся относительно ровными нессадненными краями, отсутствием соединительно-тканых перемычек в дне раны, которым, как правило, является поврежденная кость. Раны располагаются по краям оскольчатых переломов. Механизм ран обусловлен растягивающим действием на кожно-мышечный лоскут головы травмирующей силы изнутри со стороны оскольчатых переломов костей черепа.

Ушибленно-рваные раны головы возникают от сочтанного действия ударного и растягивающего действия. Раны образуются чаще от действия тупого предмета. На первом этапе формируется ушибленный компонент раны с осадненными, кровоподтечными, иногда разможженными краями. Затем кожа отслаивается от подкожного жирового слоя или отрывается в виде лоскутов (рваный компонент раны).

Заживление ран является достоверным признаком прижизненности травмы. Изучалась морфология раневого процесса на секционном и экспериментальном материале в зависимости от давности и характера травмы мягких тканей головы [12; 13]. В первые 10 минут после нанесения повреждения в тканях отмечалось полнокровие сосудов и периваскулярные кровоизлияния. В ушибленных ранах отмечались более выраженные, в сравнении с резаными ранами, травматизация и пропитывание кожи и подкожной клетчатки излившейся кровью. Через 30-60 минут сосуды полнокровны, расширены, в них отмечалось пристеночное расположение лейкоцитов. При давности травмы 1-3 часа сосуды полнокровны, наблюдается миграция лейкоцитов через сосудистую стенку с выходом в периваскулярное пространство. В сосудах микроциркуляторного русла отмечаются стаз, агрегация эритроцитов, фибриновые тромбы, плазматическое пропитывание стенки артериол. Через 3 часа после травмы в кровяном сгустке появляется сеть фибрина, формируется узкий лейкоцитарный вал, который отчетливо выявляется в ранах давностью 6 часов; в сосудах имеется большое количество лейкоцитов.

Динамика заживления ран мягких тканей головы зависит от многих внешних и внутренних факторов, в первую очередь от характера повреждений кожно-мышечного лоскута. Раны головы, имея общую закономерность развития патоморфологических процессов, отличаются рядом особенностей. Сравнительный анализ морфологических изменений резаных и ушиб-

ленных ран показывает: разможнение тканей, периваскулярные кровоизлияния, пропитывание кровью поврежденных тканей, сосудистая гиперемия, лейкоцитарная реакция более выражены в повреждениях, вызванных действием тупых предметов. Заживление ран в области головы наступает на 1-2 дня быстрее, чем в других участках тела.

Установлено [5], что процесс заживления повреждений, в том числе в области головы, при тяжелой механической травме резко замедляется. Лейкоцитарная реакция при тяжелой ЧМТ обычно ранне 4-5 часов не выявлялась или была слабо выраженной. Формирование лейкоцитарного вала происходило через 12-14 часов, т.е. на 9-11 часов позже обычных сроков. Выраженная лейкоцитарная реакция определялась только к началу вторых суток. Деструктивные процессы в области ушибленных ран преобладали над репаративными, динамика раневого процесса, созревание соединительной ткани и эпителизация были нарушены. Полная эпителизация ран головы в большинстве случаев наступала в срок свыше одного месяца.

Экспериментальные исследования [14; 15], проведенные на биоманекенах, показывают идентичность морфологических изменений ран, нанесенных острыми и тупыми предметами прижизненно и в постмортальном периоде, что затрудняет их дифференциальную диагностику. Вместе с тем, существуют макро- и микроскопические отличия указанных травматических повреждений кожно-мышечного лоскута головы.

В посмертных ранах, особенно нанесенных острыми предметами, нерезко выражено расхождение краев повреждения; стенки раневого канала и прилежащих тканей слабо пропитаны излившейся кровью, часто геморрагии отсутствуют. Кардинальным признаком прижизненности ран является кровотечение, которое при ранении кожно-мышечного лоскута головы обычно имеет выраженный характер. При посмертном повреждении мягких тканей головы кровоизлияния незначительны или отсутствуют.

Основными критериями дифференциальной диагностики прижизненных и посмертных ран являются результаты микроскопического исследования поврежденных тканей. Раневой процесс представляет комплекс морфофункциональных изменений, характеризующихся последовательностью развития реактивно-воспалительных изменений, в которых выделяют сосудистую и клеточную реакции. Вазомоторная реакция является первым и немедленным ответом организма на травму, на-

правленным на остановку кровотечения и сохранение гемостаза. Морфофункциональное состояние сосудов имеет фазность развития в зависимости от давности и тяжести травмы. Клеточная реакция является показателем прижизненности и давности ран. Сосудистая и клеточная реакции специфичны для живых тканей. Наличие их свидетельствует о прижизненности травмы. В мягких тканях головы при посмертном нанесении повреждений реактивные сосудисто-клеточные изменения обычно отсутствуют или несильно выражены в период переживаемости тканей в сроки, близкие к наступлению смерти.

Заключение

Повреждения кожно-мышечного лоскута головы свидетельствуют о характере травмы, месте приложения силы, направлении и числе травмирующего воздействия, форме и размере травмирующей поверхности предмета, которым причинено повреждение; прижизненности и давности травмы.

Экспертиза прижизненности и давности травмы кожно-мышечного лоскута головы основывается на результатах макро- и микроскопического исследования поврежденных тканей с учетом характера и локализации повреждения, тяжести местной и общей травмы, сопутствующей патологии, состояния иммунной системы, возраста пострадавшего и других факторов, оказывающих влияние на течение травматических повреждений.

Дифференциальная диагностика прижизненных и посмертных повреждений кожно-мышечного лоскута головы проводится на основании макро- и микроскопического исследования поврежденных тканей, наличия или отсутствия в них витальных сосудисто-клеточных реакций, признаков заживления повреждений с учетом травматических изменений костей черепа, оболочек и вещества головного мозга, а также переживаемости тканей в постмортальном периоде.

Список использованных источников

1. *Артюшкевич, В.С.* Патоморфология средин кожи / В.С. Артюшкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Вып. 2/28. – С. 189 – 193.
2. *Крат, А.И.* О сроках заживления средин / А.И. Крат, В.М. Рубин // Второй Всесоюзный съезд судебных медиков. – М.; Минск, 1982. – С. 122 – 123.
3. *Соседко, Ю.И.* Особенности заживления средин при летальной тупой травме / Ю.И. Соседко // Второй Всесоюзный съезд судебных медиков. – М.; Минск, 1982. – С. 120 – 122.
4. *Капитивевский, П.Ф.* Макроскопическая дифференциальная диагностика патологических процессов / П.Ф. Капитивевский. – М., 1993. – 384 с.
5. *Соседко, Ю.И.* Судебно-медицинская диагностика повреждений при тяжелой тупой травме / Ю.И. Соседко // Судебно-медицинская экспертиза. – 1984. – №2. – С. 15 – 18.
6. *Осьминкин, В.А.* Особенности заживления кровоподтеков у лиц с тяжелыми травмами и предшествующими заболеваниями / В.А. Осьминкин, В.И. Витер // Первый съезд судебных медиков Латвийской ССР. – Рига, 1985. – С. 290 – 293.
7. *Громов, А.П.* О динамике морфологических изменений мягких тканей головы при механических повреждениях / А.П. Громов, О.Ф. Салтыкова, Н.П. Пырлина // Давность происхождения процессов и объектов судебно-медицинской экспертизы и вопросы переживаемости тканей и органов: сб. науч. тр. – М., 1973. – С. 33 – 35.
8. *Бондарь, С.С.* Возможность возникновения посмертных кровоподтеков в зависимости от локализации, причин и давности наступления смерти / С.С. Бондарь // Современная диагностика в судебной медицине. – Кишинев: Штиинца, 1981. – С. 85 – 88.
9. *Джемс-Леви, Д.Е.* Посмертные кровоизлияния и переживаемость тканей / Д.Е. Джемс-Леви // Давность происхождения процессов и объектов судебно-медицинской экспертизы и вопросы переживаемости тканей и органов. – М., 1973. – С. 35 – 37.
10. *Громов, А.П.* Судебно-медицинская травматология / А.П. Громов. – М.: Медицина, 1977. – 368 с.
11. *Попов, В.Л.* Черепно-мозговая травма. Судебно-медицинские аспекты / В.Л. Попов. – Л.: Медицина, 1988. – 240 с.
12. *Гаибов, А.Г.* Динамика посмертных морфологических изменений ран головы / А.Г. Гаибов // Первый Всесоюзный съезд судебных медиков. – Киев, 1976. – С. 239 – 240.
13. *Гаибов, А.Г.* К вопросу гистологической диагностики давности возникновения повреждения / А.Г. Гаибов // Давность происхождения процессов и объектов судебно-медицинской экспертизы и вопросы переживаемости тканей и органов. – сб. науч. тр. – М., 1973. – С. 30 – 32.
14. *Воронцов, В.С.* К оценке повреждений мягких покровов головы тупыми твердыми предметами / В.С. Воронцов // Первый Всесоюзный съезд судебных медиков. – Киев, 1976. – С. 199 – 200.
15. *Васильчиков, В.В.* Установление орудий травмы по повреждениям мягких тканей головы / В.В. Васильчиков, Ю.С. Исаев // Второй Всесоюзный съезд судебных медиков. – М.; Минск, 1982. – С. 145 – 147.

Дата поступления: 03.09.2012

**СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ****МЕТОД ГНЕЗДОВОГО КОДИРОВАНИЯ
ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОБРАБОТКА)****Завгороднев С.М.****Коляда А.А.**

д-р физ.-мат. наук

Ревинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

В общем процессе идентификации отпечатков пальцев (далее – ОП, дактилокарты) и следов, изъятых с места преступления, ключевую роль выполняют этапы кодирования и сравнения дактилоскопических изображений (далее – ДИ) [1; 2], так как результирующая эффективность дактилоскопических идентификационных систем (далее – ДИС) в решающей мере определяется характеристиками применяемых средств реализации именно этих этапов. К таким характеристикам, в частности, относятся надежность – вероятность правильной идентификации, вероятности ошибок первого и второго рода, т.е. промахов и ложных решений об идентичности ДИ, длина кода ОП, время сравнения и др. Обеспечение высоких качественных показателей процедур сравнения ДИ предполагает использование кода, который содержит необходимую информацию о геометрии и топологии ДИ

как локального, так и глобального характера. К локальным характеристикам (далее – ЛХ), называемым также частными признаками (далее – ЧП) или просто точками, относятся, в частности, окончания папиллярных линий – разветвления папиллярных линий – вилки и тому подобные элементы ДИ. Примерами характеристик глобального типа (интегральных характеристик) служат так называемые фокальные зоны (далее – ФЗ) – завитки, петли, дуги, дельты, а также конструируемые тем или иным образом окружения (окрестности) ЛХ, позволяющие

установить геометрико-топологическую конфигурацию связующих компонент в группах ЛХ. Вполне понятно, что объем данных, входящих в состав кодовой характеристики ДИ, и обеспечиваемый этими данными уровень информативности корреляционных связей между ЛХ в окрестностях определяют эффективность принятого кодирования и порождаемого им метода сравнения ДИ.

Конкретный выбор базового способа кодирования ОП в значительной степени зависит от класса ДИС. Так, если система имеет дело с высококачественными ОП, снимаемыми, например, с «живого» сканера, то для кодирования допустимо применение методов, учитывающих лишь типы, параметры местоположения и ориентаций ЧП.

Аннотация

Представленная статья посвящена проблематике создания методологического и алгоритмического обеспечения технологии сравнительного анализа дактилоскопических изображений (ДИ) при их идентификации. Разработан комплекс компьютерных алгоритмов и методов, позволяющих однозначно описать отпечаток пальца. На основе проведенных исследований разработан алгоритм гнездового кодирования ДИ, который оптимизирован по объему и степени детализации описания геометрико-топологических компонентов скелета на локальном и глобальном уровнях с учетом корреляционных связей особых деталей отпечатка в пределах гнезд.

При этом в качестве основы для детектирования ЛХ не обязательно должны использоваться скелетизированные изображения (скелеты). Известен ряд публикаций, в которых указанная задача решается с помощью специальных примитивов, отвечающих ЛХ в соответствующих областях поля направлений или полутонного изображения, предварительно обработанного тем или иным управляемым ориентированным фильтром [3 – 7]. При хорошем качестве ОП к размеру и уровню информативности кода жестких требований, как правило, не предъявляется. В этом случае в рамках практикуемых способов кодирования без труда достигается приемлемый баланс между реализационными и временными затратами на этапах формирования кода и сравнения ДИ.

В тех случаях, когда повышению надежности и точности идентификационного процесса отдается приоритет даже ценой возрастания времени выполнения и сложности алгоритмов сравнения, внедрение оптимизированных кодовых характеристик для описания ДИ с учетом их топологии и геометрии как на локальном, так и глобальном уровнях с необходимой полнотой, имеет первостепенную важность. Реализация обозначенной концепции в ДИС, которые не предъявляют практически никаких требований к качеству ОП, оказывается весьма плодотворной. Показательным примером разработок, согласующихся с описанной стратегией синтеза средств кодирования и сравнения ДИ, служит предложенная в [8] технология радиального сканирования скелета (остова). Кодовая характеристика ОП, формируемая в соответствии с данной технологией, использует числовые значения параметров (углов, расстояний и т.д.), связанных с точками пересечения папиллярных линий с лучами, которые исходят из центра скелета отпечатка по направлениям на точки, отвечающие местоположениям обнаруженных ЧП. К главному недостатку метода кодирования, основанного на принципе радиального сканирования, в первую очередь, следует отнести высокую чувствительность кода по отношению к ошибкам детектирования центра отпечатка. Это значительно снижает

надежность и точность идентификации ДИ, а при отсутствии центра применение технологии радиального сканирования практически становится нецелесообразным.

Представляемая в настоящей статье так называемая гнездовая технология кодирования и сравнения ДИ свободна от недостатков, свойственных технологии радиального сканирования. Формируемые на базе гнездового метода кодовые характеристики ОП позволяют оптимизировать идентификационный процесс по ряду важных критериев, которые, в частности обеспечивают:

- сведение к минимуму количества разновидностей используемых ЧП (для кодирования и сравнения используются всего два ЧП: окончание и вилка);
- сбалансированность по объему и степени детализации описания наиболее существенных геометрико-топологических компонент скелета ДИ на локальном и глобальном уровнях, включая среднюю плотность папиллярных линий, параметры папиллярного узора, углы векторов потока линий в точках, гнездовые связи, расстояния ЧП до фокальных признаков;
- минимизацию размера гнездовых окрестностей ЧП – гнезд;
- независимость результатов идентификации от факта наличия или отсутствия на ОП центральных фокальных зон (круглый завиток, петля, дуга);
- достижение высокой степени адаптивности процесса сравнения по отношению к числу ЧП.

В процедурах сравнения, основанных на гнездовом методе кодирования, применяемые меры идентичности ДИ учитывают все наиболее значимые корреляционные связи каждого ЧП на образце с ЧП на кандидате в окружении, оптимизированном по размерам соответствующего гнезда.

Другими словами, сравнение ОП по гнездовым кодовым характеристикам осуществляется по алгоритмам и методам, применяемым экспертами-дактилоскопистами при решении типовых задач.

1. Базовые обозначения и терминология

- 1.1. $X = \{x | C\} = \{x\}_c$ – множество всех x , удовлетворяющих условию C .
- 1.2. $|X|$ – мощность (количество элементов) множества X .
- 1.3. $X \times Y = \{ \forall (x, y) | x \in X, y \in Y \}$ – декартово произведение множеств X и Y .
- 1.4. $[x]$ и $\lceil x \rceil$ – наибольшее и наименьшее целые числа, соответственно не большее и не меньшее вещественной величины x .
- 1.5. $\lfloor x \rfloor$ – ближайшее к x целое число, определяемое как

$$\lfloor x \rfloor = \begin{cases} \lfloor x \rfloor, & \text{если } x < \lfloor x \rfloor + 0,5 \\ \lceil x \rceil, & \text{если } x \geq \lfloor x \rfloor + 0,5 \end{cases}$$

1.6. $Z_m = \{0, 1, \dots, m-1\}$, $Z_m^- = \{-\lfloor m/2 \rfloor, -\lfloor m/2 \rfloor + 1, \dots, \lfloor m/2 \rfloor - 1\}$ (m – натуральное число).

1.7. $|x|_\mu^+$ и $|x|_\mu^-$ – остаток и симметрический остаток от деления x на положительное (в общем случае вещественное) число μ , определяемые соответственно равенствами $x = |x|_\mu^+ + \mu \lfloor x/\mu \rfloor$ и $x = |x|_\mu^- + \mu \lfloor x/\mu \rfloor$.

1.8. $F = \{f(x, y)\} = \{f(x, y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ – изображение, заданное на кадре $\Omega = Z_W \times Z_H$ шириной W и высотой H точек (x, y) ; $f(x, y)$ – яркость (интенсивность).

1.9. $A(x, y; 3 \times 3) = \{\forall (x+i, y+j) \mid i, j \in Z_3^- = \{-1, 0, 1\}\}$ – квадратная апертура третьего порядка в плоскости изображения с центром (x, y) .

1.10. $A_d(x, y; L) = \{\forall (x+l \cos \delta, y+l \sin \delta) \mid l \in Z_L\}$ – линейная апертура (ЛА) из L точек с направлением $d \in Z_D$, которому отвечает угол $\delta = 2\pi d/D$ наклона ЛА к оси абсцисс (D – количество интервалов дискретизации углов диапазона $[0; 2\pi]$ с шагом $\Delta = 2\pi/D$).

2. Операционная среда гнездовой технологии сравнительного анализа дактилоскопических изображений

Основой для построения искомого гнездового кода ДИ служит его скелет – бинарное изображение $S = \{s(x, y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ ($s(x, y) \in \{0, 1\}$) с линиями толщиной в один пиксель. Точкам линий отвечает значение $s(x, y) = 1$.

Оперирование над элементами ДИ, в том числе скелета S , может осуществляться не обязательно с применением декартовых координат x, y точек кадра $\Omega = Z_W \times Z_H$ (W и H – соответственно ширина и высота кадра). Так,

при хранении скелета в одномерном массиве S как конкатенации (последовательности) строк для адресации элемента $s(x, y)$ удобно использовать его порядковый номер z в S ($z \in Z_V$; $V = |\Omega| = WH$). Связь между координатами точки $(x, y) \in \Omega$ в декартовой системе координат с началом в верхнем левом углу кадра Ω и величиной $z \in Z_V$, называемой далее z -координатой элемента $s(z) = s(x, y)$ скелета в одномерном массиве S определяется равенствами:

$$z = Wy + x; y = \lfloor z/W \rfloor, x = z - Wy. \tag{1}$$

Согласно (1) фрагмент скелета S , отвечающий квадратной окрестности точки (x, y) , т.е. апертуре $A(x, y; 3 \times 3)$, на языке z -координат записывается в виде:

$$S_{x,y} = \begin{Bmatrix} s(x-1, y-1) & s(x, y-1) & s(x+1, y-1) \\ s(x-1, y) & s(x, y) & s(x+1, y) \\ s(x-1, y+1) & s(x, y+1) & s(x+1, y+1) \end{Bmatrix} = \begin{Bmatrix} s(z-W-1) & s(z-W) & s(z-W+1) \\ s(z-1) & s(z) & s(z+1) \\ s(z+W-1) & s(z+W) & s(z+W+1) \end{Bmatrix}. \tag{2}$$

Таким образом, для получения компонент квадратной апертуры $A(z; 3 \times 3) = A(x, y; 3 \times 3)$, на которой определен фрагмент $S_z = S_{x,y}$ ДИ S , достаточно z -координату центра сложить с одноименной компонентой двумерного массива смещений:

$$\begin{Bmatrix} -W-1 & -W & -W+1 \\ -1 & 0 & 1 \\ W-1 & W & W+1 \end{Bmatrix}. \tag{3}$$

В рамках гнездовой технологии ряд важных операций над ЧП и другими элементами гнезд выполняется в полярной системе координат. Ее началом служит центральная точка $C_{ДИ} = (X_0, Y_0)$ ДИ – центр папиллярного узора (круглый завиток, нисходящая петля, дуга). При отсутствии центральных ФЗ полагается

$X_0 = \lfloor W/2 \rfloor, Y_0 = \lfloor H/2 \rfloor$. В качестве оси отсчета углов ϕ используется луч l_{0^+} , идущий от $C_{ДИ}$ вертикально вниз, т.е. перпендикулярно оси абсцисс декартовой системы координат. Угол ϕ принимает значения из промежутка $[0; 2\pi]$, возрастающая в направлении по часовой стрелке. В целях ограничения разрядности параметра ϕ верхним

порогом 8 бит в программных реализациях вместо ϕ используется промасштабированный аналог вида $f = \lfloor \phi / \Delta \rfloor$, где Δ – некоторый шаг дискретизации промежутка $[0; 2\pi)$. В качестве рабочего значения шага Δ принимается $\Delta = 1,5^\circ = \pi/120$ радиан. В этом случае диапазоном изменения величины f служит множество Z_{240} .

Будем полагать, что наряду с координатами ФЗ и центра $S_{\text{ДИ}}$ ДИ, а также поточно описанным скелетом S в состав исходных данных процесса кодификации включен список содержащихся на S ЧП с указанием их типов и координат. Пусть данные об ЧП размещены в массиве M , имеющем структуру:

$$M = \{T_i, x_i, y_i\}_{i=1, N}, \quad (4)$$

где T_i – тип, x_i – абсцисса, y_i – ордината i -й ЧП; N – общее число ЧП.

Гнездовой метод кодирования использует две разновидности ЧП: окончания папиллярных линий и вилки (разветвления/слияния линий). При этом указанным ЧП приписываются соответственно типы $T=1$ и $T=0$.

Локационная часть записей в массиве (4) может быть представлена и с помощью z -координат ЧП:

$$M = \{T_i, z_i\}_{i=1, N} (z_i = Wy_i + x_i).$$

В процессе кодирования ДИ над компонентами скелета S выполняется ряд вспомога-

тельных типовых процедур. Рассмотрим некоторые из них.

Пусть для линии скелета требуется сформировать набор (или наборы) следующих друг за другом элементов, начиная от элемента с известными декартовыми координатами. Реализация необходимой процедуры сканирования линии для решения указанной задачи может быть осуществлена с помощью приведенного ниже алгоритма точечного анализа линии.

Входные данные алгоритма: скелет S ДИ и точка (x, y) кадра Ω , в окрестности которой анализируется характер течения линии.

Выходные данные: абсциссы, ординаты и условные порядковые номера точек апертур $A(x, y; 3 \times 3)$, которые отвечают ненулевым элементам фрагмента $S_{x, y}$ скелета (см. (2)), не считая $s(x, y)$, помещаемые в трехсловные массивы с идентификаторами X, Y и P соответственно, а также число q указанных точек. Точки апертур нумеруются согласно правилу:

$$\begin{Bmatrix} 0 & 1 & 2 \\ 3 & 4 & 5 \\ 6 & 7 & 8 \end{Bmatrix}.$$

Тело алгоритма точечного анализа линии скелета

ТА.1. Порядковому номеру p текущей точки квадратной апертур $A(x, y; 3 \times 3)$, счетчику q ненулевых элементов фрагмента $S_{x, y}$ скелета не считая $s(x, y)$, а также переменным s и j присвоить начальные значения: $p=q=s=0, j=-1$.

ТА.2. Положить $i=-1$.

ТА.3. При $s(x+i, y+j) \neq 0$ и $p \neq 4$ инкрементировать s ($s=s+s(x+i, y+j)$), в трехсловные массивы X, Y, P поместить очередные элементы $X[q]=x+i, Y[q]=y+j, P[q]=p$, после чего q увеличить на 1 ($q=q+1$).

ТА.4. Инкрементировать p ($p=p+1$).

ТА.5. Если $i \neq 1$, то нарастить i на 1 ($i=i+1$) и перейти к ТА.3.

ТА.6. При $j \neq 1$ увеличить j на 1 ($j=j+1$) и перейти к ТА.2. По достижении равенства $j=1$ завершить работу алгоритма.

Для функции, реализуемой процедурой ТА.1 – ТА.6, введем условное обозначение $PAL(x, y; q, P, X, Y)$.

Приведем теперь алгоритм сканирования линии скелета, позволяющий выделять на ней последовательности элементов (ветви), удовлетворяющие тем или иным условиям.

Входные данные алгоритма: скелет S ДИ, точка $P_0 = (x_{\text{beg}}, y_{\text{beg}}) \in \Omega$, начиная от которой производится сканирование линии, число n элементов линии в формируемых ветвях. При $n=0$ продвижение по линии продолжается до встречи либо ЧП, либо специального маркерного признака – элемента со значением, превышающим 1.

Выходные данные: количество L выделяемых ветвей – последовательностей точек кадра с начальной точкой P_0 ($L \in \{1, 2, 3\}$); содержимые массивов X_END, Y_END, K, C , в которые соответственно помещаются декартовы координаты $x_{k_i}^{(l)}, y_{k_i}^{(l)}$ конечных точек сформированных последовательностей:

$P_0^{(l)} = P_0 = (x_{beg}, y_{beg}), P_1^{(l)} = (x_1^{(l)}, y_1^{(l)}), \dots, P_{k_l}^{(l)} = (x_{k_l}^{(l)}, y_{k_l}^{(l)})$ ($X_END[l] = x_{k_l}^{(l)}, Y_END[l] = y_{k_l}^{(l)}$); порядковые номера k_l точек $P_{k_l}^{(l)}$ ($K[l]=k_l$); условные коды c_l событий, зарегистрированных в этих точках ($C[l]=c_l$), определяемые как

$$c_l = \begin{cases} 0, & \text{если } n \neq 0 \text{ и } k_l = n, \\ 1, & \text{если } n \neq 0 \text{ и } k_l < n \text{ по причине фиксации ЧП,} \\ 2, & \text{если } n = 0 \text{ и зарегистрирован маркер,} \\ 3, & \text{если } n = 0 \text{ и зафиксирован ЧП,} \end{cases} \quad (5)$$

$(l = \overline{0, L-1}).$

Тело алгоритма сканирования линии

СЛ.1. В фрагменте $S_{x_{beg}, y_{beg}}$ скелета S (см.(2)) найти ненулевые элементы ($s(x_{beg}, y_{beg})$ исключается), выполнив процедуру $PAL(x_{beg}, y_{beg}; q, P, X, Y)$, а также операции $L=q, _P[l]=P[l], _X[l]=X[l], _Y[l]=Y[l]$ для $(l = \overline{0, L-1})$, где $_P, _X, _Y$ – идентификаторы вспомогательных массивов, которые по структуре и назначению идентичны массивам P, X, Y соответственно.

СЛ.2. Порядковый номер l ветви линии установить в начальное состояние $l=0$.

СЛ.3. Зафиксировать координаты очередного (первого) элемента l -й ветви линии, положив $x_end = _X[l], y_end = _Y[l], k=1$ и $_p=8-_P[l]$.

СЛ.4. Если $k=n$, то в соответствии с (5) положить $c=0$ и перейти к СЛ.11.

СЛ.5. Применяя алгоритм ТА.1 – ТА.6, реализовать функцию $PAL(x_end, y_end; q, P, X, Y)$.

СЛ.6. Если $q \neq 2$, что указывает на наличие ЧП в текущей точке (x_end, y_end) формируемой последовательности, то при $k < n$ положить $c=1$, а при $n=0 - c=3$ и перейти к СЛ.11.

СЛ.7. В случае, когда $n=0$ и $s(x_end, y_end) > 1$, положить $c=2$, после чего перейти к СЛ.11.

СЛ.8. Переменной l присвоить значение $l=0$.

СЛ.9. Если $_P[l]=p$, то l увеличить на 1 ($l=l+1$).

СЛ.10. Выполнить операции присвоения: $x_end = _X[l], y_end = _Y[l], _p = 8 - _P[l], k = k + 1$ и перейти к СЛ.4.

СЛ.11. Записать в массивы X_END, Y_END, K, C искомые значения соответствующих параметров для l -й последовательности точек: $X_END[l]=x_end, Y_END[l]=y_end, K[l]=k, C[l]=c$.

СЛ.12. Если $l \neq L-1$, то инкрементировать $l(l=l+1)$ и перейти к СЛ.3. По достижении равенства $l=L-1$ завершить работу алгоритма.

Для функции, реализуемой по алгоритму СЛ.1 – СЛ.12, далее употребляется условное обозначение $Scan_Line(x_{beg}, y_{beg}, n; L, X_END, Y_END, K, C)$.

Неотъемлемой составляющей гнездовой технологии сравнительного анализа ДИ являются операции расчета угловых параметров и, в частности, угла вектора потока линий в их точках. Расчет требуемых углов может осуществляться с использованием как полярных, так и декартовых координат или с помощью z-координат. Пусть для фиксированной точки (x, y) линии скелета необходимо найти угол $\delta_{x,y}$ между вектором, идущим от

данной точки по касательной в ней, и положительной полуосью абсцисс. Отсчет углов условимся осуществлять в направлении по часовой стрелке от оси x-ов. Процедуру, выполняющую данную операцию, обозначим через $Cal_Angle(x, y, x', y'; d_{x,y})$, где (x', y') – некоторая дополнительная точка на рассматриваемой линии скелета, а $d_{x,y}$ – квантованный аналог угла $\delta_{x,y}$. Величины $\delta_{x,y}$ и $d_{x,y}$ связаны между собой равенствами:

$$d_{x,y} = [\delta_{x,y} / \Delta], \delta_{x,y} = d_{x,y} \Delta \quad (6)$$

(Δ – шаг дискретизации диапазона углов).

Диапазоном изменения параметра $\delta_{x,y}$ служит промежуток $[0; 2\pi]$. Фигурирующий в (6) шаг дискретизации принимает значение $\Delta = 2\pi/D$ (D – количество интервалов дискретизации). Параметр $d_{x,y} \in Z_D$.

Для расчета $\delta_{x,y}$ воспользуемся методом полиномиальной аппроксимации сегментов линий. Простейшая версия данного метода базируется на линейной аппроксимации – аппроксимации участка линии, состоящего из

набора точек P_0, P_1, \dots, P_k (k -натуральное число) отрезком P_0P_k прямой. Пусть $P_0=(x,y)=(x_beg,y_beg)$ и $P_k=(x',y')=(x_end, y_end)$.

Тогда для искомого угла $\delta_{x,y}$ между вектором $\vec{P_0P_k}$ и положительной полуосью абсцисс верна формула:

$$\delta_{x,y} = \begin{cases} \delta, & \text{если } x_end - x_beg \geq 0, y_end - y_beg \geq 0, \\ \pi - \delta, & \text{если } x_end - x_beg < 0, y_end - y_beg \geq 0, \\ \pi + \delta, & \text{если } x_end - x_beg < 0, y_end - y_beg < 0, \\ 2\pi - \delta, & \text{если } x_end - x_beg \geq 0, y_end - y_beg < 0, \end{cases} \quad (7)$$

где $\delta = \arctg|(y_end - y_beg)/(x_end - x_beg)|$. (8)

В используемой полярной системе координат углу $\delta_{x,y}$, вычисляемому по расчетным соотношениям (7), (8), отвеча-

ет аналог $\alpha_{\rho,\phi}$ (ρ, ϕ – полярные координаты точки P_0), который удовлетворяет равенствам:

$$\alpha_{\rho,\phi} = |\delta_{x,y} - \pi/2|_{2\pi}, \quad \delta_{x,y} = |\alpha_{\rho,\phi} + \pi/2|_{2\pi}, \quad (9)$$

(см. обозначение 1.7.).

В случае, когда для представления всех используемых угловых параметров целочисленными промасштабированными значениями применяется один и тот же шаг Δ дискретизации промежутка $[0; 2\pi)$, напри-

мер, $\Delta = 1,5^\circ = \pi/120$ радиан, что соответствует числу интервалов дискретизации, составляющему $D=240$, величины $d_{x,y} = \lfloor \delta_{x,y} / \Delta \rfloor$ и $a_{\rho,\phi} = \lfloor \alpha_{\rho,\phi} / \Delta \rfloor$ связаны между собой равенствами:

$$a_{\rho,\phi} = |d_{x,y} - D/4|_D = |d_{x,y} - 60|_{240}, \quad d_{x,y} = |a_{\rho,\phi} + D/4|_D = |a_{\rho,\phi} + 60|_{240}. \quad (10)$$

194

Для получения угла $\delta_{x,y}$, естественно могут быть применены аппроксимации сегмента P_0P_k линии скелета кривыми второго и более высокого порядка, в частности, квадратным трехчленом $Y=AX^2+BX+C$ с выбранными тем или иным образом коэффициентами A, B и C .

Предположим, что рассматриваемый фрагмент линии состоит из 5 точек ($k=4$). В этом случае вполне приемлемую аппроксимацию обеспечивает трехчлен с графиком, проходящим через точки P_0, P_2, P_4 . Пусть $P_i=(x_i, y_i)$ ($i=\overline{0,4}$). Тогда искомые значения коэффициентов A, B и C являются решениями системы уравнений:

$$\begin{cases} Ax_0^2 + Bx_0 + C = y_0, \\ Ax_2^2 + Bx_2 + C = y_2, \\ Ax_4^2 + Bx_4 + C = y_4. \end{cases} \quad (11)$$

Если точки P_0, P_2, P_4 имеют разные абсциссы, то система (11) всегда разрешима. Ее детерминант, известный как детерминант Вандермонда,

$$\begin{vmatrix} x_0^2 & x_0 & 1 \\ x_2^2 & x_2 & 1 \\ x_4^2 & x_4 & 1 \end{vmatrix} = (x_2 - x_0)(x_4 - x_0)(x_4 - x_2) \neq 0.$$

Для решения системы (11) достаточно воспользоваться методом Краммера или методом Гаусса. Вычисление производной аппроксими-

рующего квадратного трехчлена в точке x_0 дает $Y'(x_0) = 2Ax_0 + B = \operatorname{tg} \delta_{x_0, y_0}$. Отсюда, ввиду $P_0=(x,y)=(x_beg,y_beg) = (x_0, y_0)$, находим

$$\operatorname{tg} \delta_{x,y} = 2Ax + B = 2Ax_beg + B. \quad (12)$$

Формула (12) определяет угол наклона касательной в точке P_0 к оси абсцисс без учета направления вектора, идущего от точки P_0 по касательной в сторону возможного продвижения по рассматриваемому

участку линии. На это направление указывает знак величины $x_{end}-x_{beg}$. Для расчета в соответствии с (12) искомого значения углового параметра δ_{xy} применима формула:

$$\delta_{xy} = \begin{cases} \delta, & \text{если } 2Ax_{beg} + B \geq 0 \text{ и } x_{end} - x_{beg} > 0, \\ \pi + \delta, & \text{если } 2Ax_{beg} + B \geq 0 \text{ и } x_{end} - x_{beg} < 0, \\ \pi - \delta, & \text{если } 2Ax_{beg} + B < 0 \text{ и } x_{end} - x_{beg} < 0, \\ 2\pi - \delta, & \text{если } 2Ax_{beg} + B < 0 \text{ и } x_{end} - x_{beg} > 0, \end{cases} \quad (13)$$

$$\text{где } \delta = \arctg|2Ax_{beg} + B|. \quad (14)$$

Из изложенного следует, что процесс детектирования направления $d=d_{xy}$ линии в точке $(x,y)=(x_{beg},y_{beg})$, т.е. выполнение функции $Cal_Angle(x_{beg},y_{beg},x_{end},y_{end};d)$ расчета угла вектора потока линий включает операции:

А. Получение с помощью процедур $PAL(x_{beg},y_{beg};q,P,X,Y)$ и $Scan_Line(x_{beg},y_{beg},n;L,X_END,Y_END,K,C)$ точечного анализа и сканирования линии (см. ТА.1 – ТА.6; СЛ.1 – СЛ.12) параметров необходимой ветви линии – последовательности точек P_0, P_1, \dots, P_k .

Б. Вычисление по расчетным соотношениям (6)-(9) искомого значения углового параметра $d=d_{xy}$ или $a=a_{p,\phi}$ с применением (6)-(10).

Отметим, что при использовании для расчета угла d_{xy} соотношений (13),(14) в состав выходных данных функции $Scan_Line$ необходимо включить массивы X_MID и Y_MID ,

в которые помещаются декартовы координаты x_{mid}, y_{mid} точки $P_{[k/2]}^{(l)}$ ($l \in Z_l$).

Операционная среда гнездовой технологии, естественно, должна включать средства оперирования с расстояниями между точками кадра Ω . Удобный и эффективный инструментарий для компьютерной реализации операций этого вида дает аппарат ориентированных апертур, описанных в 1.10. Возможности указанного инструментария далее демонстрируются на примере алгоритма измерения расстояния между точками $P=(x,y)$ и $P'=(x',y')$ кадра, которые отвечают элементам соседних линий скелета, причем отрезок PP' является перпендикуляром, восстановленным в P к соответствующей линии. Представляемая версия алгоритма использует z-координаты точек и состоит в нижеследующем.

Входные данные алгоритма: скелет ДИ, размещенный в одномерном массиве S объемом WH элементов; точка $P=(x,y)$ некоторой линии, представленная z-координатой $z=Wy+x$ (см (1)); направление $d=d_{xy}$ вектора касательной в P ; признак $S \in \{-1,1\}$, задающий направление $d_{z1} = |d_z + SD/4|_D = |d_z + 60S|_{240}$ ($D=240$) перпендикуляра к линии в точке P .

Выходные данные: z-координата $z'=Wy'+x'$ точки $P'=(x',y')$ пересечения перпендикуляра PP' со смежной линией скелета и длина l этого перпендикуляра, измеряемая числом пикселей.

Предварительно полученные данные: таблица TAp_z апертур $A_d(0;L)=A_d(0,0;L)$ (L – приемлемый верхний порог длины апертур), которая в соответствии с 1.10 и равенствами (1) формируется по правилу:

$$TAp_z[d][l]=W]l \sin(d\Delta)l +]l \cos(d\Delta)l \quad (d=\overline{0,D-1}; l=\overline{0,L-1}; \Delta=2\pi/D= \pi/120). \quad (15)$$

Тело алгоритма измерения длины перпендикуляра

ИП.1. Определить направление d_1 линейной апертуры $A_{d1}(z;L)$ с центром в точке P для измерения длины перпендикуляра, восстановленного в P , по формуле $d=d_{z1} = |d_z + 60S|_{240}$.

ИП.2. Переменной l и булевой величине a присвоить начальные значения: $l=1, a=0$.

ИП.3. С помощью таблицы (15) ЛА найти z-координату l -й точки перпендикуляра: $z'=z+TAp_z[d_1][l]$.

ИП.4. Если $S[z'] \neq 0$, то текущую l -ю точку апертуры $A_{d1}(z;L)$ с координатой z' , т.е. одноименную точку P' перпендикуляра PP' зафиксировать как точку пересечения отрезка PP' с соседней линией скелета, приняв в качестве z-координаты точки P' и длины перпендикуляра PP' значения переменных z' и l соответственно, после чего завершить работу алгоритма.

ИП.5. При $a=1$, что указывает на наличие у предшествующей точки ЛА $A_{d1}(z;L)$ хотя бы одного соседа по горизонтали (левого или правого), которому отвечает ненулевой элемент скелета: $S[u] \neq 0$,

точку P' с координатой $z'=u$ зафиксировать как искомую, приняв l в качестве длины перпендикуляра PP' и завершить работу алгоритма.

ИП.6. В случае, когда $a=0$, что указывает на отсутствие у $(l-1)$ -й точки апертуры соседей по горизонтали, которым отвсчают ненулевые элементы скелета, в соответствии с (3) положить $u=z'-1$ и при $S[u] \neq 0$ признак a установить в единичное состояние: $a=1$.

ИП.7. Если $a=0$, то положить $u=z'+1$ и $a=1$ в случае $S[u] \neq 0$.

ИП.8. Инкрементировать переменную l ($l=l+1$) и перейти к ИП.3.

Процедура ИП.1 – ИП.8 тривиальным образом трансформируется в версию, ориентированную на использование декартовых координат точек.

Для функции, выполняемой по алгоритму ИП.1 – ИП.8, будем употреблять условные записи: $Meas_Per(z,d,S;z',l)$ или $Meas_Per(x,y,d,S;x',y',l)$. Данная функция предназначена для расчета плотностей папиллярных линий, построения гнезд, реализации других операций.

Таким образом описаны методы и алгоритмы предварительной обработки дактилоскопических изображений для их последующего кодирования.

Список использованных источников

1. Методы, алгоритмы и программное обеспечение гибких информационных технологий для автоматизированных идентификационных систем / под ред. акад. А.Ф. Чернявского и В.В. Ревинского. – Минск: БГУ, 1999. – 182 с.

2. Биометрические идентификационные технологии. Методы и алгоритмы: моногр. / С.М. Завгороднев [и др.]; под. общ. ред. акад. А.Ф. Чернявского. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2011. – 205 с.

3. *Acker, M. Bazen*. Systematic methods for the computation on the directional fields and singular points of fingerprints / M. Bazen Acker, H. Gerez Sabih // IEEE Trans. on Pattern Analysis and Machine Intelligence. – 2002. – Vol. 24, N 7. – P. 905 – 919.

4. *Zhang, W.W.* Fingerprint image enhancement algorithm based on AM-FM model / W.W. Zhang, Y.S. Wang // 2 Int. Conf. on "Image and Graphic". – Hefei, 16-18 Aug., 2002. – Proc. SPIE, 2002. – Vol. 4875. – Pt.2. – P. 731 – 736.

5. *Tico, M.* Fingerprints matching using an orientation-based minutia descriptor / M. Tico, P. Kuosmanen // IEEE Trans. on Pattern Analysis and Machine Intelligence. – 2003. – Vol. 25, N 8. – P. 1009 – 1014.

6. *Neil, Yager*. Evaluation of fingerprints orientation field registration algorithms / Yager Neil, Amin Adnan // 17 Int. Conf. on Pattern Recognition (ICPR'04). – Vol. 4. – P. 641 – 644.

7. Fingerprints deformation models using minutiae locations and orientations / Yi Chen, Sarat Daas, Aron Ross, Anil Jain // *Vacl – motion*. – 2005. – 1., N7. – P.150 – 155.

8. *Sparrow, M.K.* A topological approach to the matching of single fingerprints: development of algorithm for use in latent fingerprints / M.K. Sparrow, P.J. Sparrow // NBS Special publication 126-500. – 1985. – P.1 – 61.

Дата поступления: 18.10.2012

Annotation

This article is devoted to the creation of methodological and algorithmic support of the technology of fingerprint images (FI) comparative analysis during their identification. A complex of computer algorithms and methods was designed in order to explicitly describe a fingerprint. On the basis of conducted research, the FI nested encoding algorithm was developed. It is optimized in terms of volume and granularity (level of detail) of description of skeleton geometric-topological components on the local and global scales, considering correlations of fingerprint special details within nests.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

МЕТОД ГНЕЗДОВОГО КОДИРОВАНИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ (АЛГОРИТМ ПОЛУЧЕНИЯ КОДА)

Завгороднев С.М.

Коляда А.А.

д-р физ.-мат. наук

Ревинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Следуя изложенным базовым предпосылкам гнездовой технологии сравнительного анализа ДИ, описанным в предыдущей статье [1], будем полагать, что в состав исходных данных на этапе кодирования включены скелет, элементы которого находятся в массиве S (двумерном или одномерном), координаты ФЗ, центр $C_{ди} = (X_0, Y_0)$ и параметры обнаруженных ОД, записанные в массив M (см.(4)). При этом S будем рассматривать, как рабочий массив, допускающий замещение единичных элементов специальными маркерными признаками (маркерами), использование которых позволяет упростить процесс кодификации.

Представляемый способ формирования гнездового кода ОП предусматривает упорядочение ЧП, записанных в массиве M , по возрастанию соответствующих им углов φ_i в полярной системе координат ($i = \overline{1, N}$). Для i -ого ЧП, имеющего абсциссу x_i и ординату y_i , справедлива формула:

$$\varphi_i = \begin{cases} \arctg t_i, & \text{если } x_i - X_0 \leq 0 \text{ и } y_i - Y_0 \geq 0, \\ \pi - \arctg t_i, & \text{если } x_i - X_0 \leq 0 \text{ и } y_i - Y_0 < 0, \\ \pi + \arctg t_i, & \text{если } x_i - X_0 > 0 \text{ и } y_i - Y_0 < 0, \\ 2\pi - \arctg t_i, & \text{если } x_i - X_0 > 0 \text{ и } y_i - Y_0 \geq 0, \end{cases} \quad (1)$$

где

$$t_i = |(x_i - x_0)/(y_i - y_0)|. \quad (2)$$

Аннотация

Данная статья посвящена методологическому и алгоритмическому обеспечению создания математического аппарата по созданию гнездового кода ДИ, оптимизированного по объему и степени детализации описания геометрико-топологических компонент скелета на локальном и глобальном уровнях с учетом корреляционных связей особых деталей отпечатка в пределах гнезд. Данная статья является непосредственным продолжением статьи [1].

Целочисленный квантованный аналог угла φ_i вычисляется по правилу

$$f_i = \lfloor \varphi_i / \Delta \rfloor = \lfloor 120 \varphi_i / \pi \rfloor. \quad (3)$$

Отметим, что оперирование с параметрами ЧП, зачастую, оказывается более простым и удобным при использовании вместо одного массива M с составной структурой записей нескольких массивов, содержащих однословные элементы: T_i, x_i, y_i и т.п.

Присваивая соответствующим массивам идентификаторы M_T, M_x, M_y , примем для формирования содержимых этих массивов правило:

$$\begin{aligned} M_T[0] = M_x[0] = M_y[0] = N, \\ M_T[i] = T_i, M_x[i] = x_i, M_y[i] = y_i \quad (i = \overline{1, N}). \end{aligned} \quad (4)$$

Для упорядочения ЧП по неубыванию углов f_i может быть применен нижеприведенный алгоритм.

Входные данные алгоритма: декартовы координаты x_i, y_i ($i = \overline{1, N}$) ЧП и их число N , расположенные в массивах M_x, M_y , согласно (4).

Выходные данные: таблица TNM – $(N+1)$ -элементный массив, посредством которого устанавливается соответствие между номерами j , присвоенными ЧП в результате упорядочения по неубыванию углов f_i , и номерами i этих ЧП в массивах M_x, M_y по правилу $TNM[j]=i$ ($j = \overline{1, N}; i \in \{1, 2, \dots, N\}$; $TNM[0]=N$), а также массив $M_f = \{N, f_1, f_2, \dots, f_N\}$.

Тело алгоритма упорядочения ЧП

У.1. Активизировать вспомогательные массивы NM_f и NM_{com} , состоящие соответственно из D и $2D$ элементов ($D=240$), а также активизировать и обнулить \bar{D} -элементный массив $Cont_f$.

У.2. Переменным i и u присвоить начальные значения: $i=1, u=0$.

У.3. Применяя (1)-(3), для ЧП с декартовыми координатами $x_i = M_x[i], y_i = M_y[i]$ найти угол f_i и записать его в массив M_f в качестве i -го элемента: $M_f[i]=f_i$.

У.4. При $Cont_f[f]=0$ выполнить операции $Cont_f[f]=Cont_f[f]+1, NM_f[f]=i$ и перейти к У.6.

У.5. Если $Cont_f[f] \neq 0$, что указывает на наличие более одной ЧП со значением f_i , то в массив NM_{com} последовательно поместить f_i, i : $NM_{com}[u]=f_i, NM_{com}[u+1]=i$, после чего u нарастить на 2 ($u=u+2$).

У.6. При $i \neq N$ инкрементировать i ($i=i+1$) и перейти к У.3.

У.7. Положить $TNM[0]=N, M_f[0]=N, j=1$ и $f=0$.

У.8. Из массива счетчиков одинаковых значений параметра f извлечь очередной элемент: $k=Cont_f[f]$.

У.9. При $k \neq 0$ осуществить пересылку $NM_f[f] \rightarrow TNM[j]$ с последующими инкрементацией j и декрементацией k ($j=j+1, k=k-1$).

У.10. Если $k=0$, то при $f \neq D-1$ инкрементировать переменную f ($f=f+1$) и перейти к У.8, а при $f=D-1$ завершить работу алгоритма.

У.11. В случае $k \neq 0$, который указывает на наличие более одной ЧП с текущим значением f , осуществить поиск в массиве NM_{com} номеров соответствующих ЧП, еще не зарегистрированных в TNM , реализуя действия:

А. Положить $u=0$.

Б. Если $NM_{com}[u] \neq f$, то u нарастить на 2 ($u=u+2$) и повторить проверку выполнения указанного условия. По достижении равенства $NM_{com}[u]=f$ осуществить пересылку $NM_{com}[u+1] \rightarrow TNM[j]$, переменные j и u инкрементировать ($j=j+1, u=u+2$), а k декрементировать ($k=k-1$).

В. Если $k \neq 0$, то перейти к шагу Б, а при $k=0$ перейти к У.8.

Приведенная процедура упорядочения ЧП по возрастанию значений параметра f на втором этапе (У.7 – У.11) требует только одного синхронизированного прохода по содержимым массивов NM_f и $Cont_f$ объемом по 240 элементов каждый. Необходимая сортировка ЧП с использованием массива M_f осуществляется за D проходов. Поскольку случаи, когда одному f_i отвечает более одного ЧП, на практике происходят весьма редко, то вклад операций, связанных с применением массива NM_{com} в общие временные затраты на реализацию алгоритма У.1 – У.11 является несущественным.

Отметим, что при необходимости в рамках шага У.3 алгоритма У.1 – У.11 в дополнение к угловым координатам f_i для ЧП могут быть получены и квантованные значения r_i расстояний r_i ЧП до центральной точки $S_{ди}$ ДИ. Применение для вычисления r_i наиболее употребительных метрик (евклидовой и абсолютной)

дает расчетные соотношения: $\rho_i = ((x_i - X_0)^2 + (y_i - Y_0)^2)^{0.5}$ и $\rho_i = |x_i - X_0| + |y_i - Y_0|$. По аналогии с M_f искомые значения r_i полярной координаты r следует разместить в массиве с идентификатором M_r согласно правилу $M_r = \{N, r_1, r_2, \dots, r_N\}$.

Наряду с параметризацией ДИ по ЧП, состоящей в оценке значений определенного набора параметров, метод гнездового кодирования предполагает построение для каждого ЧП так называемого гнезда – гнездовой окрестности, охватывающей $S_r = 2R+1$ линий скелета: $\langle L_m \rangle_{m \in Z_{S_r}} = \langle L_{-R}, L_{-(R-1)}, \dots, L_{-1}, L_0, L_1, L_2, \dots, L_R \rangle$ (R -половина поперечного размера S_r гнезд; в качестве рабочего значения параметра R принимается $R=4$). Линии L_j расположены по одну, а L_j ($j = \overline{1, R}$) – по другую сторону от опорной линии L_0 в указанном порядке. Подразумевается, что базовый ЧП – ядро гнезда принадлежит L_0 .

Пусть i -й ЧП ($i = \overline{1, N}$) отвечает точка P_i кадра Ω с координатами r_i, f_i в полярной и x_i, y_i в декартовой системах координат и пусть a_i, d_i – квантованные углы вектора потока в точке P_i ($a_i, d_i \in Z_D; D=240$), соответствующие указанным системам координат. Согласно [2] a_i и d_i связаны между собой равенствами:

$$a_i = |d_i - D/4|_{240}, d_i = |a_i + D/4|_{240} = |a_i + 60|_{240}. \quad (5)$$

Гнездо, ядром которого является i -ый ЧП (пусть она принадлежит линии $L_{i,0}$), с геометрической точки зрения представляет собой множество точек:

$$G_i = \{P_i\} \cup \{P_{i-j}^-, P_{i-j}, P_{i-j}^+\}_{j=1,R} \cup \{P_{ij}^-, P_{ij}, P_{ij}^+\}_{j=1,R}, \quad (6)$$

которое порождается двумя кортежами (цепочками) векторов:

$$\langle \overrightarrow{P_i P_{i-1}}, \overrightarrow{P_{i-1} P_{i-2}}, \dots, \overrightarrow{P_{i-(R-1)} P_{i-R}} \rangle, \langle \overrightarrow{P_i P_{i+1}}, \overrightarrow{P_{i+1} P_{i+2}}, \dots, \overrightarrow{P_{i+(R-1)} P_{i+R}} \rangle, \quad (7)$$

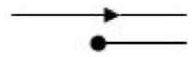
а также структурными особенностями (топологией) сопрягаемых (соединяемых) векторами (7) линий $L_{i,j}$, L_{ij} скелета на участках (ветвях), расположенных по обе стороны от точек $P_{i,j}$, P_{ij} сопряжения. Первые векторы кортежей (7): $\overrightarrow{P_i P_{i-1}}$, $\overrightarrow{P_i P_{i+1}}$ идут от точки $P_{i,0} = P_i$ перпендикулярно к линии $L_{i,0}$ в противоположные стороны от нее – по направлениям $a_{i,0.1}^- = |a_i - 60|_{240}$, $a_{i,0.1}^+ = |a_i + 60|_{240}$ к точкам P_{i-1} , P_{i+1} линий L_{i-1} , L_{i+1} соответственно. Векторы $\overrightarrow{P_{i-j} P_{i-(j+1)}}$, $\overrightarrow{P_{ij} P_{ij+1}}$ с порядковым номером j в кортежах (7) проводятся перпендикулярно к линиям L_{i-j} , L_{ij} в точках P_{i-j} , P_{ij} и идут по направлениям $a_{i-j.1}^- = |a_{i-j} - 60|_{240}$, $a_{i-j.1}^+ = |a_{i-j} + 60|_{240}$ к точкам $P_{i-(j+1)}$, P_{ij+1} линий $L_{i-(j+1)}$, L_{ij+1} (a_{i-j} и a_{ij} – углы векторов касательных к линиям L_{i-j} и L_{ij} в точках P_{i-j} , P_{ij} соответственно: $j = \overline{1, R-1}$). Векторы цепочек (7) не содержат никаких других точек, принадлежащих линиям скелета, кроме их начал и концов.

Таким образом, гнездо G_i порождается поперечным сечением S_Γ линий $\langle L_m \rangle_{m \in Z_{S_\Gamma}}$, производимым цепочкой перпендикулярных им векторов. Отметим, что расчет направлений $a_{i,0} = a_i, a_{i-j}, a_{ij}$ или декартовых аналогов $d_{i,0} = d_i, d_{i-j}, d_{ij}$ векторов касательных в точках $P_{i,0} = P_i, P_{i-j}, P_{ij}$ (см. (5)) при построении искомого поперечного сечения осуществляется с помощью требуемых версий рассмотренной выше процедуры Cal_Angle.

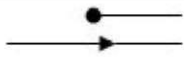
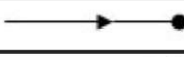
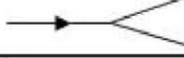

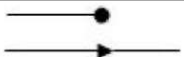
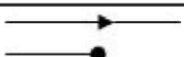
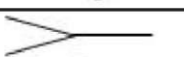
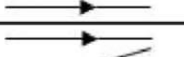

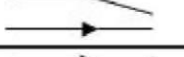
Что касается точек $P_{i,m}^-$ и $P_{i,m}^+$ гнездовой окрестности (6) i -ого ЧП ($m = -R; R; m \neq 0$),

то они указывают на местоположения событий $E_{i,m}^-$ и $E_{i,m}^+$, $E_{i,m}^+$ которые фиксируются в процессе сканирования линии $L_{i,m}$, начиная от $P_{i,m}$ по направлениям $a_{i,m}^- = |a_{i,m} - D/2|_{120} = |a_{i,m} - 120|_{240}$ и $a_{i,m}^+ = a_{i,m}$. Перечень возможных событий и присваиваемых им условных кодов приведен в таблице. Необходимая исходная информация для получения кодов $c_{i,m}^-, c_{i,m}^+$ событий $E_{i,m}^-, E_{i,m}^+$ содержится в массивах типа M_T, M_f и т.п. Записи этих массивов адресуются по номерам ЧП. Адресация может быть либо прямой, либо косвенной. В последнем случае она реализуется при помощи таблицы TNM, формируемой алгоритмом У.1 – У.11. Ключевой операционной составляющей процесса кодовой идентификации событий $E_{i,m}^-, E_{i,m}^+$ в соответствии с таблицей является реализуемая по алгоритму СЛ.1 – СЛ.12 функция Scan_Line сканирования линий. В целях упрощения доступа к характеристикам ЧП при детектировании кодов $c_{i,m}^-, c_{i,m}^+$ событий $E_{i,m}^-, E_{i,m}^+$ единичные элементы скелета в массиве S , отвечающие точкам P_i и $P_{i,m}$, в процессе построения гнезда G_i с применением цепочек векторов (7) замещаются соответственно маркерными признаками $m_i = i$ и $m'_i = |-i|_{256} = 256 - i$. Использование для точек $P_{i,m}$ в качестве маркера m'_i , а не самого номера i ЧП, обусловлено неоднозначностью ситуации, которая появилась бы в последнем случае для ЧП с номером $i=1$ из-за совпадения значений маркера и замещаемых элементов скелета. Восстановление i по признаку m'_i производится согласно правилу $i = 256 - m'_i$.

Таблица – Перечень кодов событий на линиях скелета при их сканировании от точек поперечных сечений

Код события	Событие	Комментарий
0		возврат в исходную точку
1		резерв
2		начало справа

Окончание таблицы

Код события	Событие	Комментарий
3		начало слева
4		окончание линии
5		разветвление линии
6		линия примыкает справа
7		линия примыкает слева
8		резерв
9		окончание слева
10		окончание справа
11		слияние слева
12		разветвление справа
13		разветвление слева
14		слияние справа
15		нет связи (линия выходит за пределы отпечатка)

200

Наиболее существенные свойства и принципы компьютерной реализации гнездового метода кодификации ДИ раскрываются в приводимом ниже алгоритме кодирования.

Входные данные алгоритма: декартовы координаты ФЗ и центра $C_{ди}$ ДИ, его скелет с элементами, размещенными в массиве S (одномерном или двумерном), число N ЧП, их параметры – типы T_i , абсциссы x_i и ординаты y_i ($i = \overline{1, N}$), записанные в массивы M_T, M_x, M_y согласно правилу (4).

Выходные данные: гнездовой код $C_{ди} = \langle C_0, C_1, \dots, C_N \rangle$ кодируемого ДИ, который состоит из компоненты C_0 , включающей параметры общего характера (относящиеся, главным образом к интегральным характеристикам), а также компонент C_i ($i = \overline{1, N}$), содержащих параметры ЧП и характеристики, описывающие корреляционные связи ЧП в рамках гнезд G_i (см.(6),(7)).

Тело алгоритма гнездового кодирования ДИ

ГК.1. Зафиксировать в качестве элементов интегральной компоненты C_0 кода $C_{ди}$ характеристики: версию системы кодирования; номер пальца, которому принадлежит отпечаток; разрешение изображения; абсцисса X_0 и ордината Y_0 центральной точки $C_{ди}$; качество ОП [2]; средняя плотность папиллярных линий [3 – 5]; тип папиллярного узора; количество ФЗ и их декартовы координаты; число N ЧП; параметр R размера $S_r = 2R + 1$ гнезд, т.е. размаха поперечного сечения линий скелета; допуск на угол вращения, отражающий точность ориентации отпечатка относительно вертикали.

ГК.2. Применяя алгоритм У.1 – У.11, упорядочить ЧП по возрастанию угловой координаты f в используемой полярной системе координат с получением таблицы ТНМ соответствия номеров ЧП (исходных и новых), а также массивов M_f, M_r , квантованных полярных координат f, r ЧП.

ГК.3. Порядковому номеру i текущего ЧП присвоить начальное значение: $i=1$.

Формирование компонентов C_i гнездового кода ДИ

ГК.4. Из массивов M_x и M_y по адресу $A_i = \text{TNM}[i]$ извлечь декартовы координаты точки P_i кадра Ω , которая отвечает i -ому ЧП: $x_i = M_x[A_i]$, $y_i = M_y[A_i]$.

ГК.5. При $x_beg=x_i$, $y_beg=y_i$, $n=5$ в соответствии с алгоритмом СЛ.1 – СЛ.12 выполнить процедуру $Scan_Line(x_beg, y_beg, n; L, X_END, Y_END, K, C)$ сканирования линии скелета, которой принадлежит i -ый ЧП, начиная от точки P_i .

ГК.6. В случае $L=1$, указывающем на то, что текущий ЧП является окончанием линии, по координатам x_beg, y_beg начальной и $x_end=X_END[0], y_end=Y_END[0]$ конечной точкам k -элементного сегмента ($k=K[0]$) линии, который выделен функцией $Scan_Line$, с помощью процедуры $Cal_Angle(x_beg, y_beg, x_end, y_end; d)$ найти угол $d=d_i$ вектора потока в точке P_i , после чего перейти к ГК.8.

ГК.7. При $L=3$, что указывает на ЧП, представляющий собой вилку, реализовать операционную последовательность:

А. Для выделенных на шаге ГК.5 алгоритма трех участков линий, начинающихся от точки $P_i=(x_beg, y_beg)$, определить углы $d^{(0)}, d^{(1)}, d^{(2)}$ соответствующих векторов касательных, выполнив функции $Cal_Angle(x_beg, y_beg, X_END[l], Y_END[l]; d^{(l)})$ ($l=0, 1, 2$).

Б. Идентифицировать наиболее близкие ветви бифуркационной конструкции, т.е. пару ветвей с номерами u, v ($u, v \in Z_3, u \neq v$), удовлетворяющую условию $D_{u,v} = \{D_{l',l''} | D_{l',l''} = \|(d^{(l')} - d^{(l'')})_{240}\|; l', l'' \in Z_3 = \{0, 1, 2\}, l' \neq l''\}$ (см. обозначение 1.7).

В. В качестве искомого направления вектора потока для i -ого ЧП – вилки, ориентированного в сторону увеличения его мощности (числа линий), принять $d_i = \lfloor (|d^{(u)}|_{240} + |d^{(v)}|_{240}) / 2 \rfloor_{240}$.

ГК.8. Тип $T_i=M_T[A_i]$ текущий ЧП и отвечающий ему угол $a_i=|d_i-60|_{240}$ вектора потока в полярной системе координат (см.(5)) зафиксировать как элементы $c_{i,0}=T_i$ и $c_{i,1}=a_i$ компоненты C_i гнездового кода ДИ.

Построение для текущего ЧП поперечного сечения и расчет его параметров

ГК.9. Переменной l_sum , предназначенной для накопления сумм длин перпендикуляров поперечных сечений, присвоить начальное значение: $l_sum=0$.

ГК.10. Признак $S \in \{-1, 1\}$, указывающий на ориентацию векторов (7) сечения относительно базовой линии $L_{i,0}$ скелета (содержащей текущий ЧП), установить в исходное состояние: $S=-1$.

ГК.11. Индексной переменной m , связанной с признаком S , присвоить значение $m=S$.

ГК.12. Применяя декартову версию алгоритма ИП.1 – ИП.8, реализовать функцию $Meas_Per(x, y, d, S; x', y', l)$ при $x=x_{i,m-S}, y=y_{i,m-S}, d=d_{i,m-S}$ и тем самым определить абсциссу $x'=x_{i,m}$ и ординату $y'=y_{i,m}$ конечной точки $P_{i,m}$, а также длину l вектора $\overrightarrow{P_{i,m-S}P_{i,m}}$, перпендикулярного к линии $L_{i,m-S}$ скелета в точке $P_{i,m-S}=(x_{i,m-S}, y_{i,m-S})$ и имеющего направления $d_{i,m-S}$ и $d_{i,m-S}+60S|_{240}$.

ГК.13. Элемент линии $L_{i,m}$ скелета, отвечающий точке $P_{i,m}$, заместить маркерным признаком: $s(x_{i,m}, y_{i,m})=256-i$.

ГК.14. Величину $l=|\overrightarrow{P_{i,m-S}P_{i,m}}|$ сложить с аккумулируемой суммой длин перпендикуляров поперечного сечения: $l_sum=l_sum+l$.

ГК.15. Полагая $x_beg=x_{i,m}, y_beg=y_{i,m}$ и $n=5$, выполнить процедуру $Scan_Line(x_beg, y_beg, n; L, X_END, Y_END, K, C)$ сканирования линии $L_{i,m}$, начиная от точки $P_{i,m}$.

ГК.16. По координатам $x_beg=x_{i,m}, y_beg=y_{i,m}$ и $x_end=X_END[0], y_end=Y_END[0]$ соответственно начальной и конечной точек k -элементного сегмента ($k=K[0]$) с номером $l=0$ линии $L_{i,m}$, который выделен на шаге ГК.15, с помощью функции $Cal_Angle(x_beg, y_beg, x_end, y_end; d)$ найти угол $d=d^{(0)}$ вектора касательной в $P_{i,m}=(x_{i,m}, y_{i,m})$.

ГК.17. Если

$$D_{i,m} = |d^{(0)} - d_{i,m-S}| < 60, \tag{8}$$

то ветвь с номером $l=0$ линии $L_{i,m}$ идентифицировать как ветвь, ориентированную в направлении, которое согласуется с направлением $d_{i,0}=d_i$ возрастания мощности потока относительно точки $P_{i,m}=P$, отвечающей i -ому ЧП. Искомая идентификация сводится к присвоению значений $d^{(0)}$ и $l=0$ соответствующим параметрам поперечного сечения: $d_{i,m}=d^{(0)}, l_{i,m}=0$. В случае, когда условие (8) нарушается, положить $d_{i,m}=|d^{(0)}-120|_{240}, l_{i,m}=1$.

ГК.18. Если $|m| \neq R$, то m увеличить на S ($m=m+S$) и перейти к ГК.12.

ГК.19. В случае $S=-1$ переменной S присвоить значение $S=1$ и перейти к ГК.11.

ГК.20. Найти среднюю длину l_aver векторов, измеряемую количеством пикселей, в пределах поперечного сечения, построенного для i -ого ЧП, по формуле $l_aver=l_sum/(2R)l$. Полученную величину, квалифицируемую как среднее число пикселей между линиями, охватываемыми гнездом G_i , зафиксировать в качестве элемента $c_{i,2}=l_aver$ компоненты C_i гнездового кода $C_{ди}$ ДИ.

ГК.21. В качестве элементов $c_{i,3}, c_{i,4}, c_{i,5}$ компоненты C_i кода зафиксировать соответственно достоверность i -й ОД [4; 6], расстояния от данного ЧП до левой и правой дельт. При отсутствии на ДИ дельты расстоянию приписывается значение 0.

ГК.22. Элемент скелета S , отвечающий точке $P_{i,0}=P_i=(x_i, y_i)$, т.е. текущему ЧП, заместить ее номером: $s(x_i, y_i)=i$.

ГК.23. Если $i \neq N$, то переменную i инкрементировать ($i=i+1$) и перейти к ГК.4.

Формирование корреляционных составляющих гнездового кода ДИ

ГК.24. Переменной i присвоить значение $i=1$.

ГК.25. Положить $m=-R$.

ГК.26. Применяя алгоритм СЛ.1 – СЛ.12 при $x_{beg}=x_{i,m}$, $y_{beg}=y_{i,m}$ и $n=0$, выполнить процедуру $Scan_Line(x_{i,m}, y_{i,m}, 0; L, X_END, Y_END, K, C)$ сканирования линии $L_{i,m}$, начиная от $P_{i,m}=(x_{i,m}, y_{i,m})$, и, тем самым, определить точки $P_{i,m}^- = (X_END[l_{i,m}^-], Y_END[l_{i,m}^-])$, $P_{i,m}^+ = (X_END[l_{i,m}^+], Y_END[l_{i,m}^+])$, в которых при продвижении по ветвям с номерами $l_{i,m}^- = 1 - l_{i,m}^+$, $l_{i,m}^+ = l_{i,m}^-$ (двухзначные величины $l_{i,m}$ получаются на шаге ГК.17) встречаются либо ЧП, либо конец вектора поперечного сечения (см.(5)).

ГК.27. По результатам сканирования линии $L_{i,m}$ – номерам $l_{i,m}^-$, $l_{i,m}^+$ выделенных ветвей, точкам $P_{i,m}^-$, $P_{i,m}^+$ место положения событий $E_{i,m}^-$, $E_{i,m}^+$, описываемых характеристиками $C[l_{i,m}^-]$, $C[l_{i,m}^+]$ согласно формуле (5), – в соответствии с таблицей осуществить кодовую идентификацию зарегистрированных событий. При этом коды $c_{i,m}^-$, $c_{i,m}^+$ этих событий и номера $n_{i,m}^-$, $n_{i,m}^+$ порождающих их ЧП, определяемые по правилам:

$$n_{i,m}^- = \begin{cases} s(X_END[l_{i,m}^-], Y_END[l_{i,m}^-]), & \text{если точке } P_{i,m}^- \text{ отвечает ЧП,} \\ 256 - s(X_END[l_{i,m}^-], Y_END[l_{i,m}^-]), & \text{если } P_{i,m}^- \text{ - конец вектора поперечного сечения,} \end{cases}$$

$$n_{i,m}^+ = \begin{cases} s(X_END[l_{i,m}^+], Y_END[l_{i,m}^+]), & \text{если точке } P_{i,m}^+ \text{ отвечает ЧП,} \\ 256 - s(X_END[l_{i,m}^+], Y_END[l_{i,m}^+]), & \text{если } P_{i,m}^+ \text{ - конец вектора поперечного сечения,} \end{cases}$$

зафиксировать как элементы компоненты C_i искомого гнездового кода ДИ: $c_{i,R+m+6}^- = c_{i,m}^-$, $c_{i,R+m+16}^+ = n_{i,m}^+$, $c_{i,R+m+26}^- = c_{i,m}^+$, $c_{i,R+m+36}^+ = n_{i,m}^-$.

ГК.28. Если $m=R$, то перейти к ГК.32.

ГК.29. Переменную m увеличить на 1 ($m=m+1$).

ГК.30. При $m=0$ положить $m=1$.

ГК.31. Перейти к ГК.26.

ГК.32. В случае, когда $i \neq N$, переменную i инкрементировать ($i=i+1$) перейти к ГК.25. По достижении равенства $i=N$ завершить работу алгоритма.

Отметим, что при программной реализации приведенной процедуры кодирования ДИ значения переменных $l_{i,m}$, $x_{i,m}$, $y_{i,m}$ ($i=1, N$; $m=-R, R$; $m \neq 0$), получаемые в процессе построения поперечных сечений (см. ГК.9 – ГК.23), следует разместить в некотором рабочем массиве с тем, чтобы в дальнейшем (в сегменте ГК.24 – ГК.32 алгоритма) воспользоваться им при формировании корреляционной составляющей искомого гнездового кода $C_{ДИ}$. Заметим также, что в случае необходимости элементы скелета в массиве S , замещенные маркерными признаками, легко могут быть восстановлены в исходном виде, т.е. применяемая операция замены единичных элементов скелета, отвечающих ЧП и конечным точкам векторов (7) поперечных сечений на маркеры, является обратимой (т.е. можно восстановить топологические связи между ЧП, их метрику, и на основе этого построить скелет исходного ОП).

Генерируемый по алгоритму ГК.1 – ГК.32 гнездовой код ДИ занимает память объемом $V_{ГК} = 51N + 2N_{ФЗ} + 12$ байтов, где $N_{ФЗ}$ – число ФЗ на изображении. Если, например, количество N ЧП варьируется от 40 до 100, а $N_{ФЗ} = 3$, то длина получаемой кодовой характеристики ДИ находится в пределах 2058 – 5118 байтов. Следует особо подчеркнуть, что формируемый

код является сбалансированным по объему и степени детализации описания геометрико-топологических компонент скелета ОП на локальном и глобальном уровнях. При этом в рамках рассмотренного кодирования учитываются все наиболее значимые корреляционные связи каждой ЧП с ЧП, охватываемыми соответствующей гнездовой окрестностью.

Основные результаты представленной разработки по проблематике создания методологического и алгоритмического обеспечения гнездовой технологии сравнительного анализа ДИ в части их кодификации состоят в нижеследующем:

Предложен простой и эффективный алгоритмический инструментарий для выделения сегментов линий на скелетах ДИ, который базируется на синтезированных процедурах точечного анализа и сканирования линий с применением квадратных апертур третьего порядка. Реализуемые с помощью этих процедур режимы позволяют проводить гибкий анализ как геометрико-топологических свойств, так и корреляционных связей элементов скелета в рамках гнездовых окрестностей ЧП.

1. Для расчета угловых параметров – направлений векторов потока линий в точках поперечных сечений применен метод полиномиальной аппроксимации сегментов линий.

В частности, дана формализация линейной и квадратичной версий этого метода в декартовой и используемой полярной системах координат. Значения рассчитываемых углов в данных системах связаны между собой предельно простыми соотношениями.

2. В базовую операционную среду гнездовой технологии включены средства оперирования с расстояниями между точками кадра. Удобный и эффективный инструментарий для компьютерной реализации операций этого вида дает аппарат ориентированных апертур. Его возможности продемонстрированы на примере алгоритма измерения длин векторов, порождающих поперечные сечения в процессе построения гнездовых окрестностей ЧП. Синтезированная версия разработанного алгорит-

ма использует так называемые z-координаты точек. Однако она тривиальным образом трансформируется в аналоги, которые ориентированы на декартовы и полярные координаты.

3. В рамках созданной реализационной базы синтезирована процедура кодификации ДИ. Если число N ЧП варьируется от 40 до 100, то при наличии на ОП $N_{фз}=3$ фокальные зоны формируемая по предложенному алгоритму кодовая характеристика ДИ занимает память объемом от 2,058 до 5,118 Кб. Генерируемый код оптимизирован по объему и степени детализации описания геометрико-топологических компонент скелета на локальном и глобальном уровнях с учетом всех наиболее значимых корреляционных связей каждой ЧП с ЧП, находящимися в соответствующей гнездовой окрестности.

Список использованных источников

1. Завгороднев, С.М. Метод гнездового кодирования дактилоскопических изображений (предварительная обработка) / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2012. – Вып. 2/32. – С. 189 – 196.
2. Kwon, Y.-B. Optimum block size detection for image quality measure / Y.-B. Kwon, J.-W. Park // 17 Int. Conf. on Pattern Recognition (ICPR'04). – Vol.4. – P. 491 – 494.

3. Методы, алгоритмы и программное обеспечение гибких информационных технологий для автоматизированных идентификационных систем / под ред. акад. А.Ф. Чернявского и В.В. Ревинского. – Минск: БГУ, 1999. – 182 с.
4. Биометрические идентификационные технологии. Методы и алгоритмы: моногр. / С.М. Завгороднев [и др.]; под. общ. ред. акад. А.Ф. Чернявского. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2011. – 205 с.
5. Завгороднев, С.М. Методы и алгоритмы оптимизационной обработки изображений для судебно-дактилоскопической экспертной системы / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 1/29. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 199 – 209.
6. Разностно-спектральный метод детектирования направлений для дактилоскопических изображений / С.М. Завгороднев [и др.] // Электроника инфо. – 2008. – №1. – С. 50 – 54.

Дата поступления: 18.10.2012

Annotation

This article focuses on the methodological and algorithmic support when creating a mathematical tool to generate a FI nested code optimized in terms of volume and granularity (level of detail) of description of skeleton geometric-topological components on the local and global scales, considering correlations of fingerprint special details within nests. This article is sequel to the article [1].

**МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО
ДЕЙСТВУЮЩЕГО СЕМИНАРА
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
КРИМИНАЛИСТИКИ
И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(ОТ 30 ОКТЯБРЯ 2012 г.)**

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО СЕМИНАРА ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (ОТ 30 ОКТЯБРЯ 2012 г.)

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Куприянова А.А.
канд. юрид. наук
Государственная служба
медицинских судебных экспертиз
Республики Беларусь

Характер деятельности судебного эксперта существенно отличается от деятельности следователя, судьи, прокурора, адвоката, хотя имеются и некоторые общие черты. Целью экспертизы является не расследование, не осуществление правосудия или надзора за законностью, а выявление с помощью специальных познаний новых доказательных фактов, достоверность которых гарантирует профессионализм эксперта. Кроме того, судебная экспертиза как научно-прикладная отрасль представляет собой систему накопленных специальных знаний, требующих постоянного развития и обновления. Она представляет собой не только арсенал готовых знаний, но в гораздо большей степени кузницу, где куются новые специальные знания, необходимые для совершенствования практики и развития ее возможностей. Экспертиза не может стоять на одном месте, поскольку знания об объекте, предмете, методе и субъекте экспертизы требуют своего постоянного развития. Поэтому профессиональная деятельность специалиста в области судебной экспертизы как особая разновидность деятельности в области осуществления правосудия имеет свои особенности.

Раскрывая структуру личности, психология выделяет различные подструктуры, важные для личности в целом и для ее деятельности в определенной отрасли. Психологическая структура судебного эксперта представляет собой систему как приобретенных, так и врожденных качеств.

К качествам судебного эксперта, без которых невозможно осуществление профессиональной деятельности, прежде всего относятся *знания, умения и навыки, приобретенные специалистом путем обучения.*

В определение понятия «судебный эксперт» процессуальный закон в настоящее время вложил единственное условие – наличие «специальных знаний». Отдельные кодексы содержат несколько иное условие – наличие «специальных познаний». При этом, между понятиями «знание» и «познание» многие авторы ставят знак равенства. Нам представляется, что отождествлять эти понятия не следует, поскольку они различны по своему существу.

Знание – это собирание, заимствование созданных кем-то фактов, *познание* – это использование, применение этих знаний для создания новых фактов. Знание может устареть и быть непригодным при решении новых экспертных задач. Познание – это постоянное совершенствование знаний и создание новых, позволяющих решать любые задачи.

Поэтому специалист в области судебной экспертизы должен владеть специальными познаниями, умением творить новые достоверные знания.

Эксперт, решающий практическую задачу, всегда находится в процессе познания, поскольку он создает новые факты, выступающие в качестве достоверных доказательств. Однако структура познавательного процесса при решении экспертной задачи должна рассматриваться с точки зрения соотношения в ней творческого начала и стандартности. В связи с этим процесс познания при решении сложных и простых экспертных задач имеет существенные различия. Он может быть или творческим (сложным) или стандартизированным (простым).

В одних случаях эксперт действует по стандартным методам, в других – использует модельные алгоритмизированные методики, а в третьих, например, при решении сложных диагностических задач, устанавливающих причинно-следственные связи, использует присмы, не обладающие ни стандартностью, ни алгоритмизацией и не всегда соответствующие сложности экспертизы. В сложных ситуациях новое знание эксперт рождает творчески, используя свой научный потенциал, не закрепленный в методических правилах.

Различные ученые-криминалисты по-разному понимают «специальные знания». Р.С. Белкин под «специальными знаниями» понимает профессиональные знания, А.И. Винберг – предметные знания, В.Г. Грузкова предлагает конкретный перечень таковых знаний. И они все правы, поскольку знания эксперта – это и профессиональные знания, и предметные, и конкретный перечень исходных знаний.

На наш взгляд, эти знания, как система закономерностей, понятий и явлений в судебной экспертизе, являются специальными потому, что они создаются самим субъектом экспертизы специально для решения экспертных задач и оказания эффективной помощи следствию и суду.

А.И. Винберг, рассматривая «специальные знания» как предметные, разделил их на три уровня:

первый уровень – это базовое знание (материнские науки, изучающие, например, человека: медицина, биология, психология, психиатрия, физиология, генетика). С этими знаниями будущий эксперт приходит в судебную экспертизу. Но это еще не специальные знания, поскольку они должны быть адаптированы к целям и задачам судебной экспертизы;

второй уровень – это знания, интегрированные из других наук в криминалистические экспертизы: почерковедение, трасология, дак-

тилоскопия, фоноскопия и др. Эти знания создаются специалистами судебной экспертизы и являются специальными;

третий уровень – это умения и навыки эксперта использовать специальные знания при осуществлении экспертной деятельности. Для выработки специальных умений и навыков необходимо многократное применение этих знаний в судебно-экспертной деятельности.

Таким образом, второй и третий уровни образуют *исходные знания, умения и навыки*.

К *исходным специальным знаниям* криминалистических экспертиз относятся:

- знания общей теории судебной экспертизы как объединяющего начала всех экспертиз (классов, родов, видов);
- знания предмета конкретной судебной экспертизы (практические и научные задачи);
- знания объекта экспертизы и его механизма (например, закономерности о письме, как объекте судебной экспертизы);
- методические знания о решении экспертных задач;
- знания криминалистической идентификации, диагностики, судебной фотографии, криминалистической техники;
- знания уголовного и гражданского процесса, касающиеся судебной экспертизы.

Хорошее усвоение исходных знаний будущим экспертом, ясное и четкое о них представление является первой ступенью становления специалиста в области судебной экспертизы.

Однако для судебного эксперта одних только знаний недостаточно. Самый обширный фонд знаний, которым может владеть специалист данной профессии, это всего лишь основа или, образно выражаясь, плодородный слой, на котором должны появиться всходы собственных умений и навыков создания новых знаний. Можно долго и жадно поглощать знания, в том числе и специальные, стать ходячей библиотечкой и не быть экспертом, т.е. не уметь самостоятельно решать ни практические, ни научные задачи. Поэтому эксперт в самом начале должен быть ориентирован на создание собственного творческого механизма приобретения, организации и применения знаний для решения как практических, так и научных задач.

К важнейшим качествам судебного эксперта, без которых также невозможно осуществление профессиональной деятельности, относятся и *социально обусловленные качества, формируемые воспитанием*. К ним относятся направленность (мотивация) специалиста, правосознание, нравственные основы, моральные устои. Обязательность наличия этих

качеств у судебного эксперта обусловлена тем, что познание может быть истинным только тогда, когда оно основано на нравственных началах и моральных устоях.

Направленность эксперта заключается в его желании способствовать искоренению правонарушений в обществе, интересе к исследовательской работе, желании приобрести профессию эксперта, служить обществу и государству.

Правосознание эксперта включает в себя не только понимание принципов права, но и убежденность в их справедливости. Он не только знает, но внутренне осознает и чувствует особенности своего процессуального положения, значение своего заключения. Он испытывает и проникнут чувством справедливости, законности и уважения к закону и нормативным актам, чувством уважения и ответственности к выполняемой им работе, направленной на борьбу с правонарушениями в обществе.

К специальным социальным качествам эксперта следует также отнести чувство ответственности за свою работу в целом и за каждое заключение, которое он подписывает своей совестью. Это чувство вырабатывается на основе таких моральных качеств, как честность, принципиальность, сознание общественного долга.

К этическим качествам эксперта как неотъемлемой части морального облика отно-

сятся: объективность проводимых исследований и сделанных на них выводов; независимость выводов от внешних воздействий; убежденность эксперта в достоверности полученных им результатов; чувство самокритики и способность признавать свои ошибки; строгое сохранение служебной тайны; корректность в отношениях с должностными лицами.

Третью и четвертую группу качеств эксперта составляют *врожденные свойства (психические и психофизиологические)*, которые в процессе профессиональной деятельности специализируются и приобретают свои особенности.

К психическим свойствам личности эксперта относятся: мышление, эмоции, интуиция, ощущения, восприятие, чувства, воля, память.

К психофизиологическим свойствам личности судебного эксперта относятся свойства, обусловленные высшей нервной деятельностью. В частности, это темперамент и психофизиологические свойства: длительная работоспособность, физическая и нервная выносливость, сосредоточенность, быстрая ориентировка, способность к переключению психических процессов.

Данные качества судебного эксперта, отнесенные к врожденным, являются предметом специального исследования с участием специалистов с психологическим базовым образованием.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИКИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Акулова И.А.
Академия МВД
Республики Беларусь

Любая наука как общественное явление и форма познания развивается по общим законам. Одним из таких законов является интеграция и дифференциация научного знания. Непосредственно сам процесс интеграции представляет собой «объединение, взаимопроникновение, синтез наук и научных дисциплин, объединение их (и их методов) в единое целое, стирание граней между ними» [1, с. 94]. В криминалистике «явления интеграции научного знания подчинены основной функции – активному творческому приспособлению данных других наук для нужд судопроизводства» [2, с. 35].

Одним из важнейших путей взаимодействия наук является взаимодействие методами и приемами исследования. Говоря об использовании лингвистических знаний и методов в криминалистических исследованиях, в первую очередь подразумевается лингвистический анализ *устной и письменной речи*, решаемые при проведении данного анализа диагностические и идентификационные задачи, а также получаемая на основании проведенных исследований криминалистически значимая розыскная и доказательственная информация. Данный подход закономерно обусловлен специальными задачами криминалистики, включающими в себя «разработку и совершенствование существующих технико-криминалистических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по сбору, исследованию и использованию доказательств; разработку и совершенствование... организационных и методических основ криминалистической экспертизы» [2, с.25]. Вместе с тем, сама возможность осуществления криминалистического исследования речи является следствием совершенствования лингвистики по тем же общим законам развития науки: закону непрерывности накопления, дифференциации и интеграции научного знания; закону связи и взаимного влияния науки и практики.

Что же в лингвистике представляет интерес для криминалистов? Во-первых, различие лингвистических понятий языка и речи как общего и частного. Криминалистов интересует язык как система знаков и правил их употребления и сочетаемости, существующая и организованная по определенным законам, своего рода норма, принятая в обществе в качестве средства общения. В отличие от языка, который является *коллективным* явлением, речь – это *индивидуальная* деятельность говорящего, применяющего язык и его средства для взаимодействия с другими членами языкового коллектива. Таким образом, сравнивая «идеальную модель» (язык) и частный случай ее применения (речь) и анализируя выявленные при сравнении отличия, можно получить индивидуальные признаки речи, характерные для говорящего. Во-вторых, наработанные лингвистами знания о системе и структуре языка и речи, закономерностях их организации и функционирования, которые позволяют осуществлять лингвистический анализ речевых структур. С данной точки зрения особый интерес представляют такие разделы лингвистики как *фонетика*, изучающая физиологию и акустику звуков речи; *морфология*, исследующая образование форм и грамматических категорий языка и способов их выражения; *синтаксис и пунктуация*, дающие нам сведения о закономерностях строения и членения предложения, правилах расстановки знаков препинания; *орфография*, предписывающая единые правила передачи речи на письме; *лексикология*, занимающаяся изучением словарного состава языка; *семантика*, в сферу интересов которой входят основные закономерности строения смысловой стороны языковых единиц; *стилистика речи*, в задачи которой входит изучение разных стилей, включая индивидуальные и жанровые, а также изучение экспрессивных, эмоциональных и оценочных свойств

различных языковых средств с точки зрения их использования во всевозможных сферах речевого общения. Комплексный лингвистический анализ речевых структур конкретного произведения речи позволяет выявить отдельные характерные признаки *идиолекта*¹ автора. В криминалистике данный метод используется при составлении психологического портрета неустановленного преступника по его речи, при атрибуции (установлении авторства) речевого произведения.

Вместе с тем, помимо чисто лингвистических методов, позволяющих исследовать систему и структуру речи, использование языковых средств в процессе коммуникации, в криминалистическом исследовании продуктов речевой деятельности целесообразным и даже обязательным является применение методов психо- и нейролингвистики, так как процессы порождения и восприятия речи имеют психическую и физиологическую природу. В связи с этим знания о закономерностях механизмов речевой деятельности и характерных признаках психофизиологических патологий, проявляющихся в речи и ее понимании, а также использование специальных методов их выявления позволяют получить доказательственную информацию о возрасте, половой принадлежности, о наличии и характере патологии в психофизиологическом состоянии автора речевого произведения.

Отнюдь не последнее место в сфере интересов криминалистики занимает социолингвистика как научная дисциплина, исследующая влияние социальных факторов на язык и их проявление в речи. Объектами изучения социолингвистики являются различные формы существования языка как средства общения определенного этнического, территориального, социального единства: билингвизм (двуязычие) и диглоссия (использование разных вариантов одного языка), койне, арго, социально-групповые, профессиональные и территориальные диалекты. Использование

методов социолингвистического анализа при проведении криминалистического исследования дает возможность выявить такие социально обусловленные признаки, как возраст, национальность и родной язык автора, уровень его образования, профессиональную и социально-групповую принадлежность, а также соответствие речевого произведения коммуникативным целям конкретной социальной ситуации, социальным нормам речевого поведения.

Безусловно, все методы лингвистики и смежных научных дисциплин, разработанные или разрабатываемые в настоящее время, направлены на достижение целей и решение задач именно этой отрасли научного знания. Плодотворное применение большинства этих методов в криминалистике возможно только в том случае, если они частично или полностью адаптированы к целям и задачам криминалистики по выявлению, исследованию, оценке и использованию фактических данных о механизме преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках. Многие лингвистические и лингвостатистические методы, достоверность и объективность которых теоретически и эмпирически доказаны, эффективно используются в почерковедческой, автороведческой и фоноскопической экспертизах. Вместе с тем, современное состояние лингвистики и смежных междисциплинарных дисциплин, выявление и теоретическое обоснование закономерностей процессов порождения и восприятия речи, ее функций и структуры, обусловленности речи психофизиологическим состоянием коммуникантов и влиянием, оказываемым на речевые процессы социальными факторами, появление и развитие новых направлений и методов лингвистических исследований, а также накопленный лингвистами объем эмпирического материала могут, при надлежащем подходе, значительно расширить возможности криминалистических исследований речи.

Список использованных источников

1. Кохановский, В.П. *Философия и методология науки: учебник для высш. учеб. заведений* / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 576 с.
2. Белкин, Р.С. *Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории* / Р.С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1987. – 272 с.

¹ *Идиолект* – совокупность индивидуальных (профессиональных, социальных, территориальных, психофизических и др.) особенностей, характеризующих речь данного индивида; индивидуальная разновидность языка (Ахманова, О.С. *Словарь лингвистических терминов* / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.).

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО	5	
ЕРМОЛИНСКИЙ П.М.	7	<i>Субъективная сторона преступного загрязнения природных объектов и комплексов по Уголовному кодексу Республики Беларусь*</i>
ШЕВЕЛЕВА С.В.	11	<i>Правовая природа принудительных воспитательных мер по российскому уголовному законодательству*</i>
ЖИТНЫЙ А.А.	17	<i>Современные проблемы имплементации в уголовное законодательство Украины международно-правовых норм о борьбе с преступностью*</i>
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	23	
ЗОРИН Р.Г. СМОЛЬКОВА И.В.	25	<i>Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение механизма формирования следственной тайны в уголовном судопроизводстве*</i>
АЛЕКСАНДРОВ А.С. ХМЕЛЬНИЦКАЯ Т.В.	33	<i>К вопросу о формировании судебного доказательства в уголовном процессе*</i>
АЛЕКСАНДРОВ А.С. АЛАЕВ А.Т.	41	<i>Сочетание элементов «состязательности» и «следственности» в институтах досудебного производства по уголовному делу*</i>
ЯКУБЕЛЬ М.М.	48	<i>Проблемные аспекты участия законного представителя в производстве по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения*</i>
ФЁДОРОВ Г.В. БОРОВИК П.Л.	54	<i>Противодействие контрабанде детской порнографии в свете Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана*</i>
КРИМИНОЛОГИЯ	61	
ОРЛОВ Ю.В.	63	<i>Нормативно-правовые факторы преступности: понятие и классификация*</i>
ИГНАТОВ А.Н.	69	<i>Криминологическая характеристика насилия в правоохранительных органах (по материалам ОВД Украины)*</i>
РОБАК В.А.	74	<i>Общая характеристика факторов детерминации вооруженной преступности в Украине*</i>
КРИМИНАЛИСТИКА	79	
БОРДЮГОВ Л.Г.	81	<i>Методология экспертного исследования как система познавательной деятельности судебного эксперта*</i>
ПАЦКЕВИЧ А.П.	86	<i>Криминалистические аспекты преодоления конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений*</i>
АМАНКУЛОВ К.К. БОЧАРОВА О.С. ЛЫСЯННЫЙ Ю.Ю.	92	<i>Автоматизированные системы криминалистических учетов и способы передачи информации в них*</i>

* Научные публикации

АМАНКУЛОВ К.К. БОЧАРОВА О.С. ЛЫСЯННЫЙ Ю.Ю.	97	<i>Основные методы и способы организации параллельной обработки биометрической информации в автоматизированных системах криминалистических учетов*</i>
ТРЕТЬЯКОВ Г.М.	102	<i>Особенности подготовки и производства допроса при расследовании преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства*</i>
ПАШУТА И.В.	108	<i>Особенности проведения допроса при расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств*</i>
ГУЩА Ю.А.	114	<i>Роль криминалистически значимых личностно-мотивационных аспектов в характеристике типичного субъекта злоупотребления властью или служебными полномочиями в экономической сфере*</i>
БОРОВИК П.Л.	122	<i>Особенности возбуждения уголовных дел об обороте детской порнографии*</i>
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА	129	
ЮСУПОВ В.В.	131	<i>Анализ современных концепций общей теории судебной экспертизы*</i>
КИРДУН А.А. БОГАЧЕВА Д.С.	136	<i>Проблемные аспекты лингвистического исследования русской речи белорусов в криминалистической экспертизе звукозаписей*</i>
ЗАЛУЖНЫЙ Г.И. КРИВИЦКИЙ А.М. ЗАЛУЖНАЯ О.Г.	142	<i>Некоторые особенности решения экспертных задач, связанных с оценкой зоны действия дорожного знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости»*</i>
БЕЛОУСОВА С.В. МОРОЗОВА Н.С. ЧИСТЯКОВА Е.В. СЫЗДЫКБЕКОВА А.С.	147	<i>Анализ частот встречаемости аллелей в локусах D2s1338 и D19s433 в казахской и русской популяциях Казахстана*</i>
КЛАК Н.Н. ПАРИЛОВ С.Л. ГОРБУНОВ Н.С. ЧИКУН В.И. РУССКИХ А.Н. ШЕХОВЦОВА Ю.А. ЗАЛЕВСКИЙ А.А.	152	<i>Пальцевая дерматоглифика в прогнозировании антропометрических данных мужчин*</i>
КУЗИН Н.О. КУЗИН О.А. МЕЩЕРЯКОВА Т.Н. КУРЫЛЕВА Е.Ф. ГОРДИНСКАЯ Н.В.	157	<i>Выбор методики моделирования жизненного цикла узлов трения подвижного состава при исследовании обстоятельств железнодорожно-транспортных происшествий*</i>
ШВЕДОВА Н.Н.	164	<i>Краткий обзор методических и практических проблем криминалистического исследования документов*</i>

- ВОДОЛАЗОВ А.В. **168** *Подготовительная стадия судебно-дактилоскопической экспертизы: проблемы и способы их преодоления**
- ЗАЙЦЕВ О.П. **175** *Исследование акта проверки финансово-хозяйственной деятельности организации при проведении судебно-экономической экспертизы**
- АРТЮШКЕВИЧ В.С. **181** *Патоморфология мягких тканей головы при механической травме*
- СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** **187**
- ЗАВГОРОДНЕВ С.М.
КОЛЯДА А.А. **189** *Метод гнездового кодирования дактилоскопических изображений (предварительная обработка)**
РЕВИНСКИЙ В.В.
- ЗАВГОРОДНЕВ С.М.
КОЛЯДА А.А. **197** *Метод гнездового кодирования дактилоскопических изображений (алгоритм получения кода)**
РЕВИНСКИЙ В.В.
- МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО
ДЕЙСТВУЮЩЕГО
СЕМИНАРА
ПО АКТУАЛЬНЫМ
ПРОБЛЕМАМ
КРИМИНАЛИСТИКИ И
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(ОТ 30 ОКТЯБРЯ 2012 г.)** **205**
- КУПРИЯНОВА А.А. **207** *Система профессиональных качеств личности судебного эксперта*
- АКУЛОВА И.А. **210** *Использование методов лингвистики в судебной экспертизе*

К сведению авторов

В редакцию статьи представляются на бумажном и электронном (файлу присвоить фамилию автора) носителях.

К статьям прилагаются сведения об авторе (авторах): Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail и подпись.

Рукописи статей, учитываемых в качестве **научных публикаций по теме диссертационных исследований**, публикуются в рубрике «Научные публикации». Они представляются, как правило, в объеме не менее 14 000 печ. знаков, включая пробелы между словами, что соответствует 8 страницам текста через 2 интервала, но не более 30 000 печ. знаков (в этот объем входят текст, таблицы, рисунки, список источников). Научные статьи должны содержать следующие элементы: аннотацию на русском и английском языках (до 10 строк), введение, основную часть, заключение с четко сформулированными выводами, список использованных источников (ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте), дату поступления в редакцию. Научные публикации по теме диссертационных исследований пользуются правом первоочередного опубликования в сборнике.

Статьи иного характера представляются в текстовом редакторе Microsoft Word, формат бумаги А4, шрифт Times New Roman, кегль 11, объем – до 15 страниц через 2 интервала.

Авторы несут ответственность: за подбор и точность приведенных фактов, цифр, цитат, правовых сведений, имен и иной информации; за содержание в материалах данных, не подлежащих открытой публикации; за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями. Авторы также гарантируют отсутствие в рукописи нецитированных заимствований из Интернета и других источников.

Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование поступающих рукописей статей и оставляет за собой право выбора материалов для опубликования, без письменного объяснения причины отклонения. Редакция предоставляет возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

Редакция также может опубликовать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения авторов.

Плата за опубликование научных статей редакцией не взимается.

Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. /
ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика,
2012. – Вып. 2/32. – 216 с.

Научное издание

**Вопросы криминологии,
криминалистики и судебной экспертизы
Сборник научных трудов
Выпуск 2/32**

Редактор

Т.К. Грекова

Верстка и дизайн

Г.С. Кондратенко

Адрес редакции:

220073
г. Минск ул. Кальварийская, 43

Тел./факс:

226 72 79

Интернет-адрес:

<http://sudexpertiza.by>

e-mail:

sudexpertiza@telegraf.by
